

86-22

554-X

В.И. Шеремет

ф/б

 **сманская
империя**

**и Западная
Европа**

вторая треть XIX в.

Т1 86-22
551-X

Академия наук СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

В.И.Шермет

**Османская
империя
и Западная
Европа
вторая треть XIX в.**

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986

Ответственный редактор
А. Д. ЖЕЛТЯКОВ

2007083519

В монографии анализируются особенности и негативные последствия вовлечения Османской империи в складывавшееся международное разделение труда в качестве периферийной зоны капитализма. Анализируется борьба Османской империи за самостоятельный внешнеполитический курс, за равноправное участие в решении международных проблем. Вскрыты исторические корни политики империализма на Ближнем Востоке, показано соперничество великих держав за влияние на процессы социально-экономического развития Османской империи.

Ш $\frac{0506000000-062}{013(02)-86}$ 148-86

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1986.

Возрастание роли стран Востока в мировой экономике и политике, развитие антиимпериалистического движения народов этих стран в рамках общего мирового революционного процесса является характерной чертой современности. Динамичная картина политического и социально-экономического развития стран Ближнего и Среднего Востока требует углубленного анализа событий и явлений прошлого, тем более столь недавнего по историческим меркам, как активизация колониальной экспансии европейских держав на Ближнем Востоке во второй трети XIX в.

Современный неоколониализм не только опирается на социально-экономическую базу классического колониализма эпохи промышленного капитализма¹. Он нередко наследует опыт постепенного подчинения своему идейно-политическому влиянию реформаторских движений, которые в разной форме и в различной степени проявлялись в странах Азии в период, совпавший с активизацией колониальной экспансии Англии и Франции в Северной Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, в Юго-Восточной Азии. Идеология колониализма эпохи промышленного капитализма строилась преимущественно на концепциях расизма и «цивилизаторской миссии» западноевропейских держав на Востоке. В условиях крушения колониальной системы империализма идеологи неоколониализма особое внимание стали уделять тем странам Востока, которые, подобно Османской империи, сохранили формальную политическую независимость, что должно было служить доказательством «незаинтересованности» капитализма в нарушении суверенитета стран Востока, «вынужденности» колониальных войн во имя защиты «жизненных интересов» Запада и т. д.

Как известно, в буржуазной ориенталистике уделяется большое внимание таким странам, как Япония, Иран, Турция, где в середине XIX в. осуществлялись реформаторские программы. Они рассматриваются как свидетельство взаимовыгодности сотрудничества капитализма Западной Европы и отсталых феодальных структур Востока, получивших якобы стимул развития только тогда, когда эти связи обрели устойчивый, широкий характер. Имеются в виду прекращение самоизоляции Японии, военно-политическое и экономическое сотрудничество Турции с западными державами в середине XIX в., англо-иранский договор 1856 г. и т. д. При этом концепция «незаинтересованнос-

ти», например, Англии в колониальных захватах на Ближнем Востоке, дополняется тезисом о полном разрыве и несопоставимости традиционного колониализма XIX в. и современного, трансформировавшегося «в народный и всеобщий» капитализма XX в. (А. Козн, У. Росту, Г. Кан и др.).

Обширная зарубежная политологическая литература разрабатывает варианты модернизации и вестернизации афро-азиатских стран. Среди них большое внимание уделяется теориям равного партнерства, акцентируется необходимость создания военно-политических союзов для совместной обороны от мифической «русской угрозы»². Одним из первых примеров такого рода считается военный союз Османской империи с западноевропейскими державами в 50-х годах XIX в. В связи с дальнейшим развитием в современных условиях некоторых исторических форм коллективного колониализма раскрытие объективного содержания тезиса о совместных действиях правящих кругов Османской империи и капиталистических государств в вопросах внутренних преобразований и вовлечение Турции в европейскую политику в середине XIX в. приобретает важное политическое звучание.

Марксистско-ленинская историография включает значительное число фундаментальных исследований, посвященных генезису колониализма и его основным формам.

Задача данного исследования — показать на примере Османской империи, как промышленный капитализм формировал особый тип отношений со странами Востока, которым была уготована судьба периферии капитализма. При этом в центре внимания в данной монографии оказываются три группы проблем:

1) оценить особенности вовлечения Турции в складывавшееся международное разделение труда в качестве периферийной зоны и в связи с этим осветить проблему кодификации капиталистического режима и некоторые модернизаторские инициативы западноевропейских государственных деятелей и дипломатов в Турции в военной и финансовой сферах;

2) раскрыть исторические корни политики империализма на Ближнем Востоке, восходящие, в частности, к борьбе ведущих капиталистических стран Западной Европы совместно с местной османской феодальной реакцией против национального возрождения покоренных турками народов и одновременно против России, сыгравшей объективно прогрессивную роль на Востоке, вопреки реакционным классовым целям царизма;

3) на фоне общей картины взаимоотношений западноевропейских держав и Турции, отмеченных резким усилением со второй половины 30-х годов XIX в. колониальной экспансии в сопредельных с Россией странах Востока, рассмотреть причины и последствия переориентации турецких правящих кругов от оборонительного союза с Россией 1833 г. на военно-экономический наступательный альянс с Англией и Францией; выявить

объективные последствия для отстававшей в своем развитии Османской империи ее участия в первом на Востоке многостороннем военно-политическом блоке с агрессивными капиталистическими державами.

Хронологические рамки монографии охватывают в основном вторую половину 30-х — середину 50-х годов XIX в. В эти годы взаимоотношения Османской империи с Англией, Францией и Австрией, проводивших наиболее активную ближневосточную политику, складывались под влиянием ряда факторов. Во-первых, правящие круги Османской империи столкнулись с острым внутренним кризисом и с усиливавшимся экономическим и политическим проникновением держав на Ближний Восток. Это заставило государственных деятелей провести новые реформы во имя укрепления османской государственной системы, выступать за ослабление капитуляционной зависимости, что выражалось, в частности, в стремлении войти на равноправной основе в так называемое сообщество европейских держав. Одновременно они пытались вооруженным путем подавить освободительное движение на всей территории империи. Во-вторых, их взаимоотношения были связаны с активизацией колониальной экспансии ведущих капиталистических держав в Западной Азии и Северной Африке под влиянием перерастания торгового капитала в промышленный. Немаловажное значение имели новые фазы развития Восточного вопроса и, наконец, первый общеевропейский военный конфликт эпохи промышленного капитализма — Крымская война 1853—1856 гг.

Основоположники научного коммунизма создали научную методологию исследования внешней политики капиталистических государств, их колониальной политики, отношений к формально независимым в середине XIX в. странам Востока, показали процесс формирования межгосударственных отношений, их реализацию в конкретных условиях. Материалистическая теория политики, предложенная К. Марксом и Ф. Энгельсом, развитая В. И. Лениным³, — научно-теоретическая и методологическая основа исследования взаимоотношений Османской империи и ведущих капиталистических держав Западной Европы.

Настоящее исследование предполагает дать обобщенное представление об экономических и политических отношениях Турции и некоторых западноевропейских держав. Автор следует ленинскому требованию «брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения, либо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится „субъективная” стряпня...»⁴.

Автор монографии стремился изучить возможно большее число фактов, относящихся к внешнеполитическим и внешнеэко-

номическим связям Турции во второй трети XIX в. в их взаимодействии. Достичь этого полностью невозможно, но ленинское требование всесторонности исследования «предостережет нас от ошибок и от омертвения»⁵. Реализация этого методологического подхода лежит на стыке наук. Советские востоковеды неоднократно обращали внимание на перспективность сближения различных форм общественности при исследовании сложных социальных структур стран Востока. Синтез конкретного востоковедного знания и общей социологической теории с ее разработанным категориальным аппаратом и частными методиками исследования политической системы капитализма, экономической организации общества и других научных категорий представляется особенно перспективным в силу разнородности стадияльно-формационных характеристик Османской империи и европейских капиталистических государств, асинхронности их общественного развития.

В монографии сделана попытка обеспечить системный подход как способ исследования взаимодействия ряда элементов политических и экономических отношений Османской империи и западных держав, определив цели исследования как иерархию взаимосвязанных задач. Применительно к проблеме взаимоотношений Османской империи и западных держав системный подход означает изучение, с одной стороны, развития и функционирования международных отношений на Ближнем Востоке в эпоху победы промышленного капитализма, а с другой — взаимосвязь между этими отношениями и общей картиной экономического и политического развития Османской империи на национальном — турецком — и отчасти на общеимперском уровне.

При этом с позиции системного анализа основной исследуемой средой являются: классовые интересы каждого из упомянутых европейских государств на Ближнем Востоке, официально провозглашенные и защищавшиеся силой оружия; политика держав в отношении национально-освободительного движения на Балканах и на арабских территориях, а также новации и традиции дипломатических связей особенно Англии и Франции с Османской империей. Таким образом, раскрываются некоторые существенные черты мировой политики на региональном (Ближний Восток) и ситуационном уровне.

Методологическая основа монографии — труды основоположников научного коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса — современников изучаемых событий. Их сочинения содержат разработку основных теоретических проблем общественного развития Османской империи на рубеже нового времени, касаются генезиса капиталистических отношений в Турции в связи с развитием капитализма в Западной Европе⁶. Ряд статей К. Маркса и Ф. Энгельса, привлеченных в данной работе в качестве первоисточников, содержат теоретический и уникальный фактический материал по внешнеторговым и финансовым аспектам ближневосточной политики великих держав⁷. К. Маркс и Ф. Эн-

гельс проводили на обширном материале, в значительной степени недоступном современному исследователю, всесторонний материалистический анализ международной политики в середине XIX в., включая Восточный вопрос, колонизаторской политики держав в странах Ближнего Востока, показали их соперничество в борьбе за влияние на Высокую Порту. Их принадлежат работы, разоблачающие фальшивые лозунги «защиты Турции», периодически выдвигавшиеся западноевропейской дипломатией. Им также принадлежит раскрытие основных тенденций национально-освободительных движений в Османской империи, врагом которых были все те же западноевропейские державы, на словах «заботившиеся» о правах христиан в империи, а на деле проводившие политику ее закабаления⁸.

Сопоставление колониальной политики Англии в Индии, Китае и Иране (Персии) с колонизаторскими акциями Англии, Франции, Австрии на Ближнем Востоке не только дают важнейшие отправные концепции исследования истории колониальной экспансии, но и вооружают современного автора богатым фактическим материалом. Разоблачая агрессивную политику царизма, Ф. Энгельс в своем письме к К. Марксу 23 мая 1851 г. рассматривал вместе с тем особую роль России: «...Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир, татар...»⁹. С такой же определенностью они подчеркивали решающее значение помощи России в освободительной борьбе балканских народов против османского ига¹⁰.

В данной монографии широко привлечены также факты и оценки положения воюющих сторон в период Крымской войны, содержащиеся более чем в полусотне статей и обзоров К. Маркса и Ф. Энгельса¹¹. Все они были основаны на фронтовых корреспонденциях и официальных документах европейских держав и Высокой Порты. Ф. Энгельсу принадлежит первая среди современных работ объективная оценка реорганизованной регулярной турецкой армии как итога серии реформ 30—50-годов XIX в. Ему же принадлежит мысль о пагубном влиянии на Турцию и ее армию военного союза с западными державами¹². В «Нью-Йорк Дейли Трибюн» периода Крымской войны, в незавершенной работе «Разоблачения дипломатической истории XVIII в.» и ряде работ 1858—1859 гг. К. Маркс и Ф. Энгельс сформулировали основные положения внешней политики пролетарской революции, ее отношение к освободительным движениям народов колониальных империй. В статьях «Развитие военных действий», «Война», «Европейская война», написанных в 50-х годах, они выдвинули призыв к революционной войне против царизма и революционному преобразованию Европы. Таким образом Юго-Восточная Европа и Ближний Восток могли бы оказаться местом подъема «шестой державы», как они называли европейскую революцию¹³.

В данной работе использованы также труды В. И. Ленина, содержащие оценку политики колониальных держав эпохи империализма, определяющие характер и итоги Крымской войны, содержащие указания на противоречия держав на Ближнем и Среднем Востоке¹⁴.

Документальной основой монографии послужили прежде всего неопубликованные и большей частью ранее не привлекавшиеся материалы советских архивов: Архива внешней политики России (АВПР), Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА СССР), Центрального государственного исторического архива в Ленинграде (ЦГИА СССР), Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА), Центрального государственного архива Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ) и некоторые другие. Среди архивных материалов по изучаемым проблемам особое значение представляет официальная переписка дипломатических представителей России в Османской империи и западноевропейских странах с соответствующими учреждениями МИД России, а также между российскими миссиями за рубежом (АВПР, ф. Канцелярия, посольства в Париже, Лондоне и Вене). В годовых отчетах МИД России, хранящихся в том же фонде АВПР, и в отчетах Азиатского департамента МИД России содержатся оценки международной обстановки и, что было наиболее важно для данной работы, конкретные данные об отношениях западноевропейских держав и Высокой Порты за 30—50-е годы XIX в. При рассмотрении внутривосточного развития османского государства и воссоздании объективной картины политики западноевропейских держав в Османской империи было важно изучить консульские отчеты, отложившиеся в фонде АВПР «Посольство в Константинополе». Нами были выбраны для изучения отчеты генеральных консульств в Адрианополе (Эдирне), Смирне (Измире), Трабзоне, Бейруте. Регулярные консульские обзоры судоходства и торговли Османской империи с внешнеэкономическими партнерами, дополняемые сведениями о торгово-финансовой конъюнктуре на европейских рынках, являются уникальными источниками при изучении социально-экономического и политического положения в регионе в целом и могут стать предметом отдельной работы.

Исследователи — советские военные историки — неоднократно обращались к фондам ЦГВИА. Следует, однако, отметить, что в данной монографии привлечены материалы, освещающие не военно-политическое, а экономическое и социально-политическое развитие Турции, особенности создания сферы индустриального потребления и внедрение в нее европейских держав. Материалы фонда «Канцелярия Военного Министерства», «Департамент Генерального штаба», «Европейская Дунайская компания» содержат неиздававшиеся обзоры очевидцев о внутреннем положении в Турции (торговля, состояние ремесленного производства). В фондах ЦГВИА хранятся также использован-

ные нами малотиражные западноевропейские издания о Турции и некоторые памфлетные издания турецких государственных деятелей.

Для всесторонней оценки характера и последствий для Турции военного союза с западноевропейскими державами весьма перспективно дальнейшее изучение не привлекавшихся ранее востоковедами материалов военно-морского ведомства России за 30—60-е годы XIX в. Такие фонды ЦГАВМФ, как «Канцелярия Морского Министерства», «Канцелярия начальника Главного морского штаба» и фонд Морского министра, члена Азиатского Комитета А. С. Меншикова содержат не повторяющиеся в копиях донесения торговых представителей России в Турции о судоходстве, обширную коллекцию писем частного и официального характера русского пароходного представителя в Константинополе (Стамбуле) А. Пеццара и шкиперов, посещавших турецкие порты, подборку прессы европейских стран о положении в Османской империи в 40—50-х годах.

В материалах ЦГАДА для данной монографии наибольший интерес представили не привлекавшиеся ранее исследователями записки П. А. Чихачева о Малой Азии и документация, связанная с дипломатической деятельностью А. Ф. Орлова на Ближнем Востоке и в Западной Европе в 1840—1856 гг.

В личных фондах Дашковых, И. П. Липранди, И. Ф. Паскевича, которые хранятся в Ленинграде в ЦГИА СССР, для раскрытия темы монографии также были почерпнуты новые важные материалы. Они позволили полнее и точнее осветить эволюцию капитуляционного режима в Османской империи, состояние и развитие горнорудного дела в Турции, уточнить определенные аспекты политики Высокой Порты в отношении России и западноевропейских держав в середине XIX в. Существенные данные о состоянии и перспективах ремесленного производства в Малой Азии в связи с ростом конкуренции английских промышленных товаров извлечены из записок российских консулов и должностных лиц в Турции, которые хранятся в фонде «Департамент мануфактур и внешней торговли» и в фонде «Горный департамент» ЦГИА СССР. Там же в фонде «Канцелярия обер-прокурора святейшего синода» отложились материалы (докладные записки, обзоры и т. д.), которые показывают, как западноевропейские державы в Турции использовали церковные вопросы для усиления своего политического и экономического влияния среди немусульманского населения.

Даже краткое перечисление впервые привлеченных нами архивных материалов свидетельствует о перспективности дальнейших углубленных изысканий в советских архивах относительно материалов по гражданской и экономической истории Османской империи.

В данной работе использованы публикации международных соглашений, акты торгового законодательства держав в Османской империи. С наибольшей возможной полнотой были привле-

нены официальные издания торговой статистики Англии и Франции, пресса различных стран, парламентские издания. Значительную группу источников составили мемуары политических деятелей, военных и дипломатов, работавших в разное время в Османской империи.

Как известно, в отечественной литературе нет монографической разработки изучаемой темы. Вместе с тем следует подчеркнуть, что русские и советские историки внесли немалый вклад в изучение политических и экономических отношений Высокой Порты с европейскими державами. Не потеряли своего значения путевые очерки М. П. Вронченко (по совместным материалам с П. П. Львовым) о Малой Азии и очерки турецкой торговли Ю. А. Гагемейстера¹⁵. Эти работы впервые касались влияния европейского капитализма на развитие Турции в 30-х—начале 40-х годов XIX в. Во второй трети XIX в. появился ряд трудов русских дипломатов и ученых, таких, как К. М. Базили, П. А. Чихачев, Е. П. Ковалевский, М. А. Гамазов, Е. И. Чириков, И. Н. Березин и др. Их очерки, публицистические статьи и политические обзоры дали важный материал относительно первых итогов и ближайших последствий быстрого расширения торгово-политических связей Османской империи с западноевропейскими державами в 30-х—начале 50-х годов¹⁶. В последующем русские дворянские и буржуазные авторы в многочисленных трудах по дипломатической истории (С. С. Татищев, С. М. Соловьев, С. Жигарев, А. Н. Петров, С. С. Горяинов и др.)¹⁷, в сочинениях военно-исторического характера (Н. Ф. Дубровин, А. М. Зайончковский, Д. А. Милютин и др.)¹⁸ рассматривали процесс вовлечения Высокой Порты в систему взаимоотношений европейских держав главным образом через призму Восточного вопроса. Социально-экономическим аспектам отношений держав и Турции в их трудах места не оставалось. Вместе с тем в исследованиях этих историков содержится ряд ценных данных, касающихся европейской политики Османской империи, режима капитуляций и статуса черноморских проливов.

В советской историографии 20—40-х годов в работах М. А. Покровского, М. Павловича (Вельтмана), В. А. Гурко-Кряжина, Ф. Ротштейна, Г. А. Астахова, А. Д. Новичева, X. Муратова и других сложилась оценка Османской империи как полукolonии империализма¹⁹. При этом ряд черт полукolonиального режима, характерного для Турции конца XIX—начала XX в., переносился на более ранний период. В последующем советские востоковеды предприняли углубленный и на существенно более обширном материале анализ социально-экономических и политических процессов в Османской империи в новое время, включая и вопросы влияния западноевропейского капитализма (А. Д. Новичев, А. Ф. Миллер, Ю. А. Петросян, А. Д. Желтяков, Б. М. Данциг, О. Г. Инджикян, Ф. Ш. Шабанов и др.). Особую важность для данной книги имели обобща-

ющая «История Турции» А. Д. Новичева, а также монографии Ю. А. Петросяна и А. Д. Желтякова, в которых раскрыты важные стороны идейно-политического влияния капиталистического мира на формирование турецкого национального самосознания²⁰. В 70-х — начале 80-х годов появились работы Н. А. Дулиной, И. Е. Петросян, И. Л. Фадеевой, в которых рассматриваются специальные проблемы турецкой истории изучаемого нами периода. Труды этих авторов, фундированные и нетривиальные в оценках сложных явлений османского социума, позволили автору избежать повторов в оценке деятельности турецкой дипломатии в первые годы танзимата, в освещении паносманизма и идейных взглядов турецких реформаторов, помогли существенно сократить информативность в освещении английского влияния в Турции в период после Крымской войны²¹. Своеобразным итогом изучения Турции в СССР за последние два десятилетия явились «Очерки истории Турции» (М., 1983). Общеосманский подход, характерный для авторов «Очерков» (М. А. Гасратян, С. Ф. Орешкова, Ю. А. Петросян), позволяет преодолеть узкий регионализм, наметившийся в части туркологической литературы последних лет, и служит примером для данной работы.

Сопредельные страны Востока всегда занимали важное место в советской исторической литературе. Взаимоотношения Османской империи и западноевропейских держав в аспекте внешнеполитических связей освещались в «Истории дипломатии» (1941, 1959), где соответствующие главы были написаны академиками Е. В. Тарле, А. В. Ефимовым, А. Л. Нарочницким, М. В. Хвостовым. Монография Е. В. Тарле «Крымская война» (1943, 1960) до сих пор остается наиболее полным исследованием предмета в отечественной историографии, хотя отдельные положения о торговле и внешней политике Турции подлежат коррекции в свете новых данных.

В последние два десятилетия появилось по крайней мере три группы исследований, в которых частично затрагивались вопросы внешнеполитического курса Османской империи и политики держав на Ближнем Востоке. Одну из них составили труды историков СССР, в том числе исследования А. Л. Нарочницкого, Н. С. Киняпиной, Л. С. Семенова, В. А. Георгиева, Х. М. Ибрагимбейли, Л. Г. Бескровного, И. В. Бестужева, В. В. Дегоева и др.²². Этими авторами рассмотрены этапы политики России на Ближнем Востоке, изучены отдельные аспекты влияния международных отношений на развитие связей Турции с державами Запада (англо-русское торговое соперничество — Л. С. Семенов, проблема проливов — В. А. Георгиев, Закавказье в международных отношениях — Х. М. Ибрагимбейли, В. В. Дегоев). Предпринималось историографическое изучение Крымской войны (Л. В. Бестужев, В. А. Дивин и Н. И. Казаков) и проблемы Кавказа (Х. М. Ибрагимбейли, В. В. Дегоев, М. М. Блев)²³.

Другую группу исследований составили многочисленные труды балканистов и славяноведов, прежде всего В. Н. Виноградова, И. С. Достян, В. Я. Гросула, С. А. Никитина, В. Д. Конобеева, Е. М. Шатохиной и Н. В. Зуевой, Н. И. Хитаровой, Е. Н. Чертана и др. В их работах более углубленно исследована политика западноевропейских держав в изучаемом регионе. Однако речь идет, как правило, о балканских провинциях Османской империи.

К третьей группе можно отнести работы историков-востоковедов, изучавших и изучающих сопредельные Турции страны Ближнего и Среднего Востока, и специалистов по всеобщей истории. Необходимо особо отметить значение работ В. Б. Луцкого, И. М. Смилянкой и Н. А. Халфина, в которых затронута история британского колониализма на Ближнем и Среднем Востоке. В книгах и статьях М. С. Лазарева и Дж. Джалила по истории курдского народа, о месте и роли курдов в политике западных держав в России в 40—50-х годах XIX в., в обстоятельных монографиях А. М. Васильева, Н. А. Кузнецовой, Н. Г. Хмелевой, Н. Н. Туманович, которые посвящены фактически независимым от османской метрополии странам Магриба и Леванта, Саудовской Аравии, равно как и в новых исследованиях по истории Ирана и Афганистана, неизменным фоном или объектом исследования служит английская и французская экспансия на окраинах Османской империи. Учет данных, содержащихся в работах балканистов, арабистов, иранистов, был необходим при анализе событий и политики держав в отношении центрального, малоазиатского ядра Османской империи.

Существенный вклад в изучение вопросов генезиса капитализма на балканских территориях Османской империи, специфики интеграции болгарских, сербских и других балканских земель в экономические и внешнеполитические связи держав на Балканах во второй трети XIX в. внесли ученые социалистических стран. Наиболее близкие к изучаемому периоду и поставленным автором проблемам и в связи с этим наиболее ценными в фактографическом и методологическом отношении были труды академика БНР Н. Тодорова, а также В. Паскалевой, М. Тодоровой, Хр. Глушкова, С. Димитрова, С. Дамянова, Л. Берова, К. Косева и др. Сборник работ болгарских ученых об отношениях западных держав к проблемам освободительной борьбы болгарского народа содержит ряд статей, в которых впервые введены в научный оборот материалы из национального и западноевропейских архивов²⁴. Автор данной книги опирался также на обстоятельное исследование о политике Австрийской империи в Дунайских княжествах, которое издал на основе австрийских и румынских архивов Л. Бойку (L. Boicu). Отдельные аспекты отношения Высокой Порты к революции 1830 и 1848—1849 гг. в Юго-Восточной Европе осветили В. Мачу (V. Maciu) и В. Жоржеску (V. Georgescu), труды которых были изучены при подготовке монографии.

Новые работы югославских историков Г. Шливо, Р. Йовановича, В. Стоянчевича, Д. Милич, Л. Алексич и других об экономическом положении и борьбе южных славян за освобождение в XIX в. помогли обширным и свежим материалом в сопоставительном плане раскрыть основные задачи нашей монографии. Автор использовал также исследования чехословацких и польских ориенталистов.

Историографический анализ британской колониальной экспансии в новое время предпринят специалистами по всеобщей истории К. Б. Виноградовым, Н. А. Ерофеевым, а также В. А. Георгиевым, М. Т. Панченковой, В. В. Дегоевым. Оценки французской колониальной политики на Ближнем Востоке включены в работы В. М. Далина, М. Н. Машкина, М. Н. Соколовой. Это позволило в данной монографии остановиться на критике наиболее репрезентативных работ западноевропейских и американских авторов последних лет изданий. К ним относятся труды У. Баумгарта (W. Baumgart), Ст. и Е. К. Шоу (St., E. K. Shaw), К. Финдли (C. Findley), П. Шугара (P. Sugar), Р. Оуэна (R. Owen), Ст. Розенталя (St. Rosenthal), А. Каннингхема (A. Cunningham), М. Яппа (M. Yapp) и др.

Общим недостатком этих, по-своему интересных и фундированных, с привлечением турецких первоисточников работ является позитивистский эмпиризм авторов. В итоге описание изолированных и неповторимых явлений (например, первый опыт муниципального совета в населенном нетурками районе Стамбула в годы Крымской войны в освещении Ст. Розенталя) рассматривается вне общих взаимосвязей и закономерности общественного развития капиталистической, колонизаторской Западной Европы. При этом политическая или социальная история Османской империи скорее связывается с эволюцией социального сознания, чем с экономическим развитием. Исследования национально-освободительных движений на Балканах обычно отрываются от анализа экономических процессов на всей имперской территории, не всегда сопоставляются с политической жизнью в Османской империи²⁵.

В данной монографии привлечены работы турецких историков. Поскольку подобная их оценка и выяснение направлений современной турецкой историографии изложены в наших специальных статьях, ограничимся общими выводами²⁶.

А. Лютфи и А. Джевдет впервые в турецкой историографии предприняли попытку дать общую оценку, в основном отрицательную, политике западноевропейских держав на Ближнем Востоке в XIX в. Они выступали и как современники реформ, и как историографы, связанные традициями османских хроник.

В республиканской Турции 20—40-х годов были опубликованы официальные издания («Тарих», «Танзимат»), ряд специальных работ по истории Османской империи и ее связей с западноевропейскими государствами и Россией. Систематизация и осмысление обширного материала по этим вопросам велись,

как правило, с «разрывом» экономических и политических аспектов. В оценках внешнеполитических сюжетов преобладали идеалистические факторы. Доктрине интегральности османских владений был подчинен трезвый учет колониалистской сущности дипломатических и военно-политических действий Англии, Франции, Австрии и других держав²⁷.

40—50-е годы XX в. изобиловали работами пропагандистско-публицистического характера, односторонне оценивавшими вхождение Османской империи в европейский концерт «как безоговорочно положительный» и важный элемент общего с западноевропейскими державами противодействия политике России на Ближнем Востоке и усилению национально-освободительных движений на Балканах. Учет работ этого периода и их оценку необходимо соотносить с общей политической линией правящих кругов Турции на «доктрину Маршалла — Трумэна» и вовлечение Турции в НАТО. Сказывалось негативное влияние переводившихся в эти годы на турецкий язык работ Д. Уркарта, де Ласи-Иванса, Р. Мосли, Дж. Болсовера, т. е. апологетов колониализма прошлого века и новейших теоретиков силовых доктрин империализма в ближневосточной политике.

Объективные изменения в пользу сил мира, демократии и социализма после второй мировой войны и определеннй прогресс в политической жизни Турции периода Второй республики (1960—1980) оказали влияние на развитие турецкой исторической науки. Происходил несомненный теоретический поворот в оценке османского прошлого, оказывались, в частности, неприемлемыми штампованные выводы в отношении связей западноевропейских держав и Турции. В общенсторических и историко-дипломатических трудах Э. З. Карал, Ф. Армаоглу, Е. Чавлы перешли к критическому осмыслению политики держав в отношении Порты и ее балканских и арабских территорий. Однако классово-политическая природа освободительных движений и оценки социально-экономического развития тонут среди искажаемых или намеренно акцентируемых второстепенных фактов. Среди них равнозначными оказываются личностные моменты в отношениях между послами держав в Османской империи с действительно важными, документальными оценками фактического положения дел. Неизменным для этих историков оставался тезис о целостности территорий Османской империи и об исключительном значении этого фактора в балансе сил европейских держав²⁸.

В последние два десятилетия в среде нового поколения турецких историков шла плодотворная дискуссия об азиатском способе производства, о соответствующих особенностях в базисе и надстройке османского общества. В работах Н. Беркеса, И. Джема, Д. Авджиоглу, Я. Сертель и других авторов, пришедших в историю от права и социологии, рассматривается в обобщенном виде турецкая политико-административная система, влияние на нее «западных идей». Авторы приходят к позитив-

ным выводам о причинах отставания гетерогенного османского общества, кроющихся в самой социально-экономической структуре Османской империи. Немало говорится о негативном воздействии капитализма середины XIX в. на развитие Турции и ее реформаторского движения²⁹.

В то же время получил развитие тезис о создании османским государством в рамках танзимата особо благоприятных условий для развития национально-религиозных общин — миллетов — как показателя модернизации Турции и положительного воздействия борьбы западных держав за улучшение положения христиан в Турции. Мысли о примате внешних факторов, о росте зависимости Османской империи прозвучали еще в 30-х годах XX в. со страниц официозного «Тариха».

После второй мировой войны, особенно в 70-х годах, турецкие историки стали шире ставить вопрос о влиянии на Османскую империю европейских революционных течений и событий, включая революцию в Европе 1848—1849 гг. В отношении последней отмечается техническая и военная помощь Высокой Порте со стороны революционных эмигрантов, но чаще всего подчеркивается общегуманистический аспект. Однако было бы тщетно ожидать дальнейшего анализа влияния международной обстановки, сложившейся в Юго-Восточной Европе в период революции 1848—1849 гг., разбора борьбы держав за турецкие владения в Европе, Северной Африке и Малой Азии или объективного учета эволюции балканской политики России. В течение многих лет турецкие историки оставались в плену пагубного для исторической науки монистического детерминизма: устремленностью царизма к проливам и разделу османских земель пытались объяснить болгарские восстания 1842 и 1850 гг., равно как и восстания в Боснии и Герцеговине, на арабских и курдских землях.

Для современной турецкой историографии характерен также позитивистский отказ от постановки проблем закономерности генезиса капитализма и анализа соответствующей международной среды, т. е. очевиден отказ от выхода за пределы эмпирической пестроты фактов к глубинным слоям исторического процесса. Такие авторы, как К. Фишек, Ст. Ерасимос, И. Порой, Т. Чавдар, М. Херпер, объяснение самого факта отсталости и подчиненности Османской империи Западу стали искать преимущественно во внешних факторах, таких, как неудачные войны XVIII—XIX вв., географическая периферийность (в отношении Западной Европы), фатальная неодолимость вторжения дешевых промышленных товаров. Среди внутренних факторов выделялись некомпетентность и ошибки руководителей реформаторского движения, отсутствие соответствующей эпохе управляющей элиты и т. д.³⁰

В целом можно отметить, что обширные конкретные изыскания турецких историков, социологов и публицистов в области социально-экономических процессов периода реформаторского

движения существенно расширяют имеющиеся представления об уровне развития османского общества в изучаемый период. К сожалению, ряд работ турецких авторов оказался недоступен.

Автор считает своим долгом выразить глубокую признательность сотрудникам Сектора тюркологии и монголистики Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР и секторов общевосточных проблем и новой истории Института славяноведения и балканистики АН СССР, принявшим участие в обсуждении этой работы в целом и в отдельных ее частях. Как благодарный ученик, автор приносит дань памяти и признательности профессору ЛГУ им. А. А. Жданова Л. С. Семёнову (1930—1985), который своими советами и замечаниями оказал неоценимую помощь при работе над темой и при подготовке рукописи к изданию. Автор благодарит Отдел технических средств обучения Ленинградского института киноинженеров во главе с М. Е. Смирновым за содействие в математической обработке и графической интерпретации статистических материалов монографии.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СДВИГИ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В 30—50-х ГОДАХ XIX В. И ИНТЕРЕСЫ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ

Европейские рынки и развитие сельского хозяйства Османской империи

Эпоха завершения промышленной революции в Англии, затем во Франции и в других западноевропейских странах в период господства домонополистической промышленной буржуазии совпала для Османской империи с существенными переменами в социально-экономическом и политическом развитии. При этом совпадали зоны наиболее интенсивного национально-освободительного движения в Османской империи (юго-восточные районы Европейской Турции, Левант и Египет, Северная Африка) и направлений нового этапа колониальной экспансии держав Западной Европы. Британский колониализм распространялся от Индии к Персидскому заливу и Аравийскому полуострову. В планах Франции после оккупации Алжира в 1830 г. вновь выдвигались в числе ближайших целей Египет, Левант (Сирия и Ливан), Палестина. Австрия укрепила влияние в Боснии и Герцеговине. В Вене, кроме того, стремились прочнее утвердиться на торговых путях Черного и Средиземного морей, в Леванте. Интересы этих держав пересеклись в нескольких точках с торгово-политическими интересами России.

Обширные колониальные империи Англии, Франции непосредственно смыкались с периферийными османскими владениями, где власть и влияние турецких властей были ослаблены или утрачены. Это относилось в первую очередь к бассейну Тигра и Евфрата, Леванту и Магрибу. Как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, колонии ведущих европейских держав, начавшие в XVII—XVIII вв. приобретать значение крупных потребителей мануфактурных изделий метрополии¹, в эпоху промышленного капитализма превращались в поставщиков продовольствия и сырья для метрополий, становились составной частью мирового капиталистического рынка. В зонах активизации колониальной экспансии отчетливо проявились процессы, присущие, по оценке К. Маркса, капитализму в целом: «...соперничество между европейскими нациями в стремлении овладеть азиатскими продукта-

ми и американскими сокровищами, колониальная система...»². Капиталистическое воспроизводство, составной частью которого была фритредерская торговля с формально независимыми странами Востока, в том числе с Турцией, повлекло за собой качественное изменение в отношениях колониальных держав с этими странами. Поскольку оказывались недостаточно действенными внеэкономические формы ограбления собственно колоний, требовались новые территории и — что еще важнее — новые формы эксплуатации, новые приемы прямого или косвенного воздействия на политику и экономику суверенных стран Востока.

Процесс интенсивного сращивания торгового капитала с промышленным породил такое разнообразие и эффективность собственно экономических методов воздействия, что политическая независимость отстававшей в своем развитии Османской империи отнюдь не являлась в глазах колонизаторов существенным препятствием для создания своего рода зоны зависящего развития на Ближнем Востоке.

Вовлечение Османской империи в складывавшийся капиталистический рынок носило специфический характер. Так, в Османской империи, которая сохраняла формальный и фактический суверенитет, были неизвестны вводимые колонизаторами некоторые натуральные налоги как форма насильственного внеэкономического извлечения сырья, применявшиеся, например, в индийских колониях Англии, или контрибуции как форма военно-политического насилия колонизаторов в Китае. На Ближнем Востоке и в районах Балкан, подвластных туркам, именно *неэквивалентный обмен* при неравноправности продавца — поданного Порты и европейца-покупателя стал формой вовлечения этого региона в мировые капиталистические связи. Складывался определенный механизм политического давления на Высокую Порту, который наиболее отчетливо проявлялся в микрорегионах (Балканы, Левант) более высоких качественных социально-экономических показателей, чем малоазиатский центр Османской империи.

Деформирующее воздействие мирового капитализма на генезис капиталистических отношений в странах Востока в целом³ в отношении Османской империи усугублялось, во-первых, разнородностью уровней развития отдельных вилайетов и целых регионов и, во-вторых, негативным характером воздействия османского господства на покоренных территориях в политическом, экономическом и социальном отношении. Следует подчеркнуть, что османское государство было своеобразной колониальной империей по отношению к балканским и арабским землям, созданной и удерживавшейся на основе военно-политического объединения турками-османами хозяйственно обособленных регионов. Застойность и замкнутость внутриэкономических региональных отношений поддерживались на протяжении жизни многих поколений. Военная организация османского общества

позволяла сохранять относительное, зыбкое имперское единство. С завоеванием покоренными землями полной, международно признанной политической независимости (например, Грецией) происходило освобождение и от турецкой внеэкономической эксплуатации. Слабые хозяйственные узы разрушались столь быстро, что заинтересованные в использовании турецкой машины принуждения европейские колонизаторы порой ратовали за призрачное единство османских владений (Египет, Сирия), отбрасывая его с легкостью в том случае, когда в турецкой принудительной системе надобность отпадала (Балканы).

В этих условиях технико-экономическое превосходство стран промышленного капитализма над Османской империей и опережающие темпы развития могли в полной мере реализоваться путем сочетания экономических факторов — неэквивалентный обмен в различных формах и внеэкономических — военно-политические договоры, капитуляционный режим, вмешательство в реформаторское движение, интервенция держав или угроза ее применения, подавление или участие в подавлении любого патриотического движения, чреватого национальным возрождением отдельных территорий.

Основными направлениями экспансии капиталистических держав стали: преодоление таможенной независимости Османской империи и ликвидация государственных монополий на всей территории империи; установление жесткого контроля над производством на современном техническом уровне и подрыв городского ремесленного производства; наконец, оптимальный с точки зрения военного и экономического продвижения капиталистических держав в Восточное Причерноморье и на Левант режим черноморских проливов.

* * *

В литературе достаточно подробно описаны явления застоя и упадка в экономической жизни в период первого этапа танзимата⁴. Вместе с тем необходимо отметить, что обширные территории не только Центральной и Восточной, но даже Западной Анатолии, прилегающие к Эгейскому и Средиземному морям, стали научно изучаться европейскими исследователями-современниками с точки зрения природных условий и сырьевых ресурсов лишь во второй четверти XIX в. Одновременно выявились существенные стороны социального и экономического прогресса в стране, связанного с внутренними реформами танзимата и активизацией внешнеэкономических связей Османской империи. Правда, на этом пути возникло немало препятствий. П. А. Чихачев в «Мемуаре о Малой Азии 1849 г.» писал, что тайна, которой облакают центральные константинопольские власти все, что касается истинного положения финансов, ресурсов и военного потенциала страны, делает невозможным не только по-настоящему раскрыть эти проблемы, но даже к ним

приблизиться, а потому и приходится полагаться на источники частного характера⁵. Наблюдения русских исследователей Малой Азии М. П. Вронченко и П. П. Львова середины 30-х годов, дополненные и расширенные в 40—50-х годах XIX в. П. А. Чихачевым, К. М. Базили, И. Н. Березиным, Е. И. Чириковым и другими, касались глубинных районов Малой Азии, редко и неохотно посещавшихся бойкими в бытописаниях городской жизни Турции европейскими путешественниками.

В изучаемый период сельское хозяйство оставалось преимущественной сферой трудовой деятельности населения Турции. Преобладали феодальные и полуфеодальные отношения. Вместе с тем еще Вронченко и Львов в 30-х годах обратили внимание на сравнительно быстрое распространение частнособственных хозяйств — чифтликеров, производивших определенный вид продукции. Первыми из современников-наблюдателей они отмечали начало специализации чифтликеров, особенно в районах, прилегавших к морскому побережью и связанных с продажей части продукции за рубеж⁶. К началу 40-х годов в основном закончился процесс постепенной передачи земель сипахивам (владельцам тимаров и зеаметов) в число государственных и хассовых земель, с выплатой ренты — пенсии прежним держателям. Ускорился процесс частновладельческих перестроек в турецком землевладении. Одновременно окрепло материальное основание централизаторских начал административной власти в отдаленных провинциях, чем поспешили воспользоваться западные державы, добивавшиеся введения консульств в городах (например, в Самсуне, Кайсери, Болу), ранее никогда не служивших местопребыванием иностранных представителей (об этом см. ниже). Процесс специализации отдельных сельскохозяйственных районов Турции углублялся, что проявилось наиболее заметно в производстве зерновых. В числе злаков, составляющих в Малой Азии основу сельского хозяйства, — писал, отметив этот процесс, П. А. Чихачев, — следует назвать пшеницу⁷. При самых примитивных средневековых способах земледелия в Малой Азии производилось около 25 млн. киле пшеницы (киле — мера сыпучих тел, равная 40 л), что в урожайные годы удовлетворяло потребности местного населения. К середине XIX в. долина реки Бакыр и вилайет Амасья стали специализироваться на выращивании твердых сортов пшеницы на экспорт и отчасти для снабжения Стамбула⁸. Более высоким производительным потенциалом обладала Западная Анатолия, где, как отмечал П. И. Чихачев, «трудлюбивое и многочисленное население нуждается лишь в хорошей организации». Один только район рек Большой Мендерес и Малый Мендерес давал на экспорт в Измир по 250—300 тыс. киле высокосортной пшеницы. Всего же, по независимым, но близким оценкам П. А. Чихачева и французского наблюдателя А. Викснеля, Малая Азия производила в предвоенные 50-е годы зерна на экспорт до 100 тыс. т, что составляло не более 10 %

экспортных возможностей и оценивалось по стоимости в пределах 25 млн. фр. Большая часть этой суммы представляла чистый доход экспортеров-иностранцев, который не подвергался налогообложению⁹.

М. П. Вронченко, П. П. Львов, П. А. Чихачев, А. Убичини, К. М. Базили и другие современники неоднократно отмечали в 30—50-х годах значительное увеличение производства технических культур и сырья, имевшего спрос на мировом рынке (например, ангорской шерсти, три четверти сбора которой вывозилось в Англию и Голландию¹⁰). Изменение моды в Европе на мохеровые ткани из ангорской шерсти, промышленный кризис 1846—1847 гг. и значительное понижение цен на кашемировые изделия (шали, платки), где применялась ангорская шерсть, имели катастрофические последствия для ангорского овцеводства, особенно для тех хозяйств в пятисотмильной зоне к западу от р. Кызыл-Ирмак, которые с конца 20-х годов специализировались на экспорте. Крах потерпели и два-три казенных хозяйства по разведению коз и овец, созданные правительством в Ангоре (Анкаре) и ее окрестностях и включившие примитивные предприятия для первичной обработки 8—10 тыс. окка (1 окка=1 кг 225 г) ангорской шерсти. После окончания Крымской войны производство тончайшей ангорской шерсти и пряжи частично возродилось, но с преимущественной ориентацией на местное производство ковров и тканей национального обихода.

Более благоприятно складывались производство и первичная обработка овечьей шерсти—традиционный вид сельскохозяйственной деятельности населения Малой Азии. К началу 40-х годов в Западную Европу вывозилось до 300 тыс. т необработанной простой, но высококачественной анатолийской шерсти¹¹. Быстро рос в 30—40-х годах вывоз шерсти в Англию и Францию из Европейской Турции. В начале 40-х годов только Франция закупала через Салоники до 150—200 тыс. окка шерсти, которая даже не подвергалась предварительной мойке. Турция в течение 1839—1843 гг. заняла первое место на марсельском рынке непряденой шерсти. Она поставила 12 тыс. кип шерсти из 31,5 тыс. кип (каждая кипа по 61 окка), доставленных в 1843 г. в Марсель, и опередила Россию, Италию, Северную Африку. В 1841 г. Турция заняла четвертое место во французском импорте шерсти (21,2 млн. кг, 58,7 млн. фр.), обогнав Италию и Россию, отстав лишь от Германии, а также Бельгии, и удерживала эти позиции вплоть до промышленного кризиса 1846—1847 гг.¹².

Наглядную картину губительного вторжения английских промышленных товаров на турецкий рынок представляет развитие торговли турецкой шерстью, сукнами и готовыми изделиями из них, весьма известными в Европе, на Ближнем Востоке в предшествующий период. Англия в 20-х годах XIX в. закупала в Турции только пряденую шерсть разных видов. В 1825—1830 гг. она ввезла из Турции около 20 млн. фунтов шер-

сти. В 40-х годах Турция поставляла 90 % необходимой для английской промышленности верблюжьей шерсти и мохера¹³. Однако уже с начала 50-х годов Англия получала шерсть во все возрастающих размерах из США, Бразилии, Египта и резко сократила закупки в Турции — до 5—6 млн. фунтов в 1855 г. Одновременно Турция теряла и французский рынок сбыта шерсти.

Высокая Порта неоднократно в начале 40-х годов требовала от производителей сукон в г. Сливно повышения качества до уровня импортных изделий и удвоения выпуска продукции (с 20 тыс. до 50 тыс. аршин). Предпринимались попытки увеличить в районе Видина, Варны, Силистры поголовья закупленных казной испанских овец, на шерсти которых работали многие предприятия в Западной Европе¹⁴. Тем не менее со второй половины 30-х годов в прогрессирующих размерах развивался процесс сокращения ручного и мануфактурного производства шерстяных тканей в пользу вывоза необработанной шерсти в соответствии с требованиями скупщиков — европейцев или их представителей¹⁵. Крупные партии овечьей шерсти продолжали поступать из хозяйств Западной Анатолии, Македонии, Фессалии, Болгарии и в 50—60-х годах, но преимущественно для нужд местного производства. При этом в связи с поставками в Европу дешевой, низкосортной шерсти и ограниченным внутренним спросом на высококачественную шерсть со второй половины 50-х годов существенно сократилось поголовье овец мериносовых, тонкорунных пород, что было особенно заметно в Малой Азии.

Наиболее дальновидные сукноделы Салоник, Измира и Кони, потерпевшие неудачу в конкуренции с фабричными изделиями европейских стран, стали производить грубошерстные, но добротные ткани «аба», постоянно закупавшиеся для армейского обмундирования, а также предметы национальной одежды анатолийских турок — вязаные шерстяные чулки, сбыт которых оставался устойчивым на всей территории Малой Азии вплоть до новейшего времени. Было обращено внимание и на производство столь же гарантированного предмета сбыта — ритуального молитвенного коврика (по 15—18 курушей за штуку), который входил в комплект обмундирования каждого турецкого матроса и солдата. Этот коврик заменял солдатам тюфяк в казарме, а во время Крымской кампании укрывал турок от непогоды, став предметом зависти солдат из англо-французского экспедиционного корпуса.

Наглядную картину воздействия европейского капиталистического рынка на докапиталистическое сельское хозяйство и мануфактурную стадию перерабатывающего производства представляло шелководство. Традиционные его центры — Салоники, Бурса (Брусса), Алеппо, Дамаск, Диярбакыр — вплоть до начала 40-х годов не только обеспечивали внутренний рынок шелковыми, атласными, бархатными тканями, но и имели устойчи-

вые связи с потребителями турецкого шелка-сырца во Франции, шелковых и полушелковых тканей — в европейских вилайетах Османской империи, в Иране, в Закавказье и на юге России. Высокой конъюнктурой на турецкий шелк-сырец и отменой монополии на его продажу в 1838 г. воспользовались греческие и австрийские скупщики. Практически произошло своеобразное разделение сфер: шелк Фессалии и Македонии через Салоники шел во Францию, брусский шелк — в Англию. Сирийский шелк скупщики, представлявшие интересы французских фирм, были вынуждены направлять через Измир вплоть до окончания второго турецко-египетского конфликта.

Со второй половины 20-х годов началось заметное сокращение числа шелкомотальных и шелкопрядильных станков, соответствовавших уровню домашней докапиталистической промышленности и совершенно не удовлетворявших европейских фабрикантов — потребителей турецкого сырья¹⁶.

Введение в строй незадолго до отмены системы монополий (1838 г.) в Салониках австрийскими предпринимателями нескольких современных шелкомотальных машин пьемонтского образца должно было увеличить вывоз турецкого шелка в Триест и компенсировать австрийцам издержки в соперничестве с французскими и английскими экспортерами. Естественно, что традиционные ручные станы не могли конкурировать с машинной техникой, тем более с ней не могли состязаться женщины и дети в Бурсе и Измире, разматывавшие коконы вручную, даже при высоком качестве размотки. Шелк ручной размотки шел у скупщиков по 150 курушей за окка, а «пьемонтский» машинный — по 208 курушей. В 1840—1841 гг. османское правительство предприняло попытку создать несколько казенных заводов с современным оборудованием для производства товаров на экспорт¹⁷. Казна оказывала им поддержку, и в течение пяти-семи лет они составляли конкуренцию частным предприятиям. Общая стоимость экспорта шелка-сырца достигала 120 млн. курушей¹⁸. Казна поощряла владельцев обширных рощ тутовых деревьев, нередко заменявших другие, менее доходные технические культуры (хлопок, кунжут и др.). 15 тыс. семей занимались шелководством в окрестностях Бурсы, обеспечивая вывоз 5 тыс. кип шелка-сырца в Англию и США, а также до 15 тыс. кип — во Францию, Германию и Швейцарию. Еще 500 кип ежегодно вывозилось в Россию, специально для одной подмосковной шелкопрядильни, выпускавшей «азиатские» ткани. 500 кип перерабатывалось на 160 станах в самой Бурсе с нормированным количеством золототканой шелковой материи — 9 тыс. кусков для продажи только в Стамбуле¹⁹. При этом власти контролировали как производство, так и продажу этой ткани.

Повышенный спрос на шелк-сырец из Турции наблюдался во Франции и странах Центральной Европы в течение четверти века, до конца 40-х годов. В производстве шелка-сырца на экспорт вовлекались значительные массы населения, нередко в

ущерб другим отраслям сельского хозяйства и домашнего ремесла.

В 40-х годах в Алеппо и Дамаске более половины населения жило за счет шелкоткачества²⁰. В Салониках на местном сырье работали 28 шелкомотален. На 15 крупнейших из них, принадлежавших иностранным (австрийским и французским) коммерсантам, работало более 2 тыс. женщин-турчанок и нетурчанок. Производительность этих предприятий превышала 20 тыс. окка шелковой нити в год вместо 7—8 тыс. окка до начала 30-х годов. Даже при нищенской заработной плате (3 куруша в день), 10—12-часовом рабочем дне и низких общих расценках за размотку коконов (150 курушей за окка ручной размотки, 208—210 курушей за «пьемонтскую» машинную размотку) работа, связанная с обработкой шелка-сырца на промышленной основе, вовлекла значительную часть населения прилегающих к Салоникам районов. Стамбульский корреспондент «Коммерческой газеты» в обзоре «Сведения о состоянии промышленности в некоторых краях Европейской Турции» сообщал, что «поселяне забросили посевы, не занимаются более обработкой коконов, а продают их оптом»²¹.

«Шелковый бум», связанный, в частности, с низкими издержками, которые несли европейцы-экспортеры в Турции, и практически отсутствие контроля со стороны властей, равно как и в конечном счете неудачные попытки создания машинного национального шелкоткацкого производства принесли исключительные выгоды французским и австрийским экспортерам, а также местным компрадорам из армян и греков. Сбывая турецкое сырье на 15 % ниже мировых цен на шелк-сырец, они получали до 35 % прибыли, практически полностью лишая османское государство важной части национального дохода.

Два обстоятельства осложняли кризис со сбытом турецкого шелка, совпавшего с циклическим кризисом капитализма в 1846—1847 гг. Во-первых, завершение промышленного переоснащения в европейском шелкоткачестве и увеличение экспорта готовых изделий. Во-вторых, увеличение вывоза сырья из английских и французских колоний²². Турецкий шелк-сырец в 20-х и начале 30-х годов занимал второе-третье место в списке вывозимых в Англию товаров. Турция поставляла около 30 % потреблявшегося английской промышленностью шелка-сырца. По мере совершенствования методов колониального ограбления Индии и укрепления позиций Англии в Китае англичане увеличивали вывоз из этих стран более дешевого шелка-сырца, произведенного полурабским, принудительным трудом индийских и китайских крестьян²³. В середине 40-х годов турецкий шелк-сырец был оттеснен китайским, индийским, а в шелкопроизводящих районах Турции начался спад. Даже известный своим шелкопроизводством Алеппо в 50-х годах подвергся наплыву английских шелковых тканей, и число местных шелкоткацких станков, в первую очередь казенных, упало с 1 тыс. в 20-х го-

дах до 75 в середине века. Аналогичные процессы наметились в шелкопроизводстве Салоник и других районов Турции²⁴.

Потерпев неудачу в создании конкурентоспособного казенного шелкоткачества и будучи не в состоянии противопоставить экспортерам оградительные меры²⁵, турецкие власти в Западной Анатолии и в Европейской Турции с 1848 г. начали взимать с шелководов помимо ашара дополнительный налог — 200 курушей с каждого окка предполагаемого количества шелка, которое еще только предстояло размотать с коконов. Налоги на шелководов сразу увеличились почти на 30 %, издержки экспортеров — на 22 %. Промышленный кризис в Западной Европе и попытка Порты переложить на плечи народа свои производственные неудачи довершили то, что неизбежно влек за собой поток европейских тканей: турецкое шелкоделие стало сворачиваться. Мелкие «домашние заведения» в окрестностях Бурсы продолжали в 50—60-х годах производить 1—1,2 тыс. окка шелковых тканей для внутреннего рынка. До Крымской войны избытки шелка-сырца из Европейской Турции поглощались преимущественно французским капиталом после вооруженного «умиротворения Сирии и Палестины» в 1861 г. Несколько стабильнее работали в 50-х годах шелкоткацкие предприятия по производству полуфабриката, принадлежавшие иностранному капиталу в Малой Азии. В Амасье, производившей до 300 тыс. кг шелка-сырца (из них треть на экспорт), Биледжике, Бандырме, Муданье сохранялись предприятия, связанные с внутренним рынком²⁶. Однако оптимистическому прогнозу П. А. Чихачева, предполагавшего, что «в будущем Турецкая империя почти догонит Францию по производству шелка», не суждено было сбыться²⁷. Современный турецкий историк М. Чизакча отмечал падение национального шелкоткачества как следствие замены местных лучших, но ручной и дорогой выделки тканей дешевыми фабричными изделиями европейской промышленности²⁸.

Вместе с тем пример подъема и спада турецкого шелкоделия в конце 30-х — 40-х годах XIX в. и его перестройка на первичную обработку свидетельствовали о том, что в Турции даже при наличии нескольких современных предприятий складывался незавершенный цикл производства. Швейцарские, австрийские, французские предприниматели стимулировали ограниченное развитие полуфабрикатного сырья.

Весьма противоречивыми были для турецкого сельского хозяйства и перерабатывающего производства изменения конъюнктуры на мировом рынке традиционных экспортных культур: опиума, растительного масла (кунжутного, оливкового и др.), естественных красителей. Промышленная революция в Англии, затем во Франции и других странах Европы потребовала значительного количества смазочных масел, в качестве которых сначала применяли оливковое, хлопковое и др. Однако оливковое

масло, поступавшее из Европейской Турции во Францию и отчасти в Англию, было дешевым, а поэтому важным предметом питания трудового населения. Поставки масла в Европу для технических целей (кунжутного) сдерживались до 1838 г. правительственными монополиями. После 1838 г. наблюдатели отмечали удвоение площадей под масличными культурами в Западной Анатолии и в прибрежных районах Европейской Турции. Санджаки Айвалык, Эдремит, о-в Митилена начали специализироваться на выращивании оливковых деревьев и на первичной обработке оливкового масла. В среднем в 40—50-х годах на экспорт шло по 100—150 тыс. кантаров (1 кантар=100 кг) оливкового масла, главным образом во Францию²⁹.

Контроль за вывозом масла из Турции держали в своих руках французские консулы, состоявшие с откупщиками в более тесной связи, чем с властями. Сведения в турецкие налоговые учреждения поступали отрывочные, как обычно при откупной системе. Производство и сбыт масличных культур, сезама, кунжута, опиума фактически монополизировали торговцы-инонационалы, имевшие, как правило, влиятельных покровителей в правительственных кругах и через консулов связанные с зарубежными экспортерами³⁰. Более того, крупные фирмы — импортеры турецких масел в Неаполе и Марселе после 1839 г. стали через своих представителей — торговцев-инонационалов (очень редко — турок) на местах, пользуясь бедственным положением обремененных налогами крестьян, закупать предполагаемый урожай будущего года по средней оценке предыдущих, наименее урожайных лет. Только на этой операции фирмы получали до 30 % чистой прибыли³¹. Кризис 1846—1847 гг. и последовавшее изменение в технологии машинного производства — внедрение смазки из еще более дешевого кокосового масла, производившегося в новых колониях в устье Пальмовых рек (Западная Африка), — повлекло повсеместное, как казалось современникам, запустение в хозяйствах, связанных с обработкой сырья для масел. Робкие попытки правительственного контроля в 1845—1846 гг. были парализованы как усилиями консульской службы держав в этих местностях, так и возвратом Порты к системе откупов, попадавших в руки местных откупщиков-инонационалов, т. е. представителей тех же фирм-импортеров.

В турецкой литературе последних лет отмечалась пагубная роль экспортной торговли опиумом для турецкого сельского хозяйства³². Следует также отметить, что английские скупщики опиума активизировались в Турции со второй половины 20-х годов, когда продажа опиума в Китае перешла в руки частных английских торговцев. Названия фирм, занятых реализацией закупок опиумного сырья в Турции и продававших свой злоеущий товар в Китае, как правило, совпадают. В среднем в Китай в 20-х годах ввозили 141 ящик турецкого опиума (из 9,7 тыс. ящиков общего английского ввоза в страну), в начале 30-х годов — 857 ящиков (из 18,7 тыс.) и в конце 30-х — начале 40-х

годов — вдвое больше (из 35,4 тыс. ящиков)³³. При внешней незначительности турецкого опиума в общем объеме его ввоза в Китай необходимо, однако, обратить внимание на скачкообразный рост его вывоза из Турции в годы, когда Османская империя была вовлечена в британскую систему «свободной торговли», распространенную Лондоном фактически на всю Азию. Турецкий опиум был в списке товаров особой значимости, когда британские коммодоры исследовали кратчайшие пути в Индию через Тигр и Евфрат, «умиротворяли» мятежного египетского пашу Мухаммеда Али, открывали регулярные пароходные рейсы из Измира в Индию. Практически монополизировав все операции с опиумом от Измира до Кантона и Шанхая, только из Измира в 1847 г. англичане вывезли 400 т опиума при цене на месте 150—200 курушей за окка, получая, как писал П. А. Чихачев, доход в сотни процентов чистой прибыли. По его данным, в 40-х годах 25 британских пароходов совершали регулярные рейсы на Дальний Восток, груженные турецким опиумом, обладавшим повышенным наркотическим эффектом³⁴. Заставив Турцию отказаться в 1838 г. от монополий, обещая ей военное содействие против Мухаммеда Али и сломав в итоге опиумной войны 1840—1842 гг. китайскую внешнеторговую монопольную систему, британские фритредеры создали свой монопольный опиумный рынок.

* * *

Аграрные мероприятия турецкого правительства в 40—50-х годах XIX в. были направлены на кодификацию земельных реестров, активизацию обработки пустующих и государственных земель в рамках имевшихся прав на землю либо расширенных за счет женщин и не прямых наследников. Существенных изменений это не приносило³⁵. Однако не следует и преуменьшать внимание властей к развитию сельскохозяйственного производства, особенно под влиянием внешнего спроса. В корреспонденциях из Стамбула неоднократно сообщалось о заседаниях высших должностных лиц Османской империи, посвященных вопросам сельского хозяйства. Не раз выступал Решид-паша, призывая положить конец злоупотреблениям откупщиков, экспортеров и обеспечить развитие сельского хозяйства и ремесел силами самого османского общества³⁶.

Созданный по инициативе Решид-паши (одной из главных экономических идей которого было всемерное увеличение экспорта³⁷) Совет по делам земледелия и промышленности дважды, в 1843 и 1845 гг., проводил выборочные обследования положения в сельском хозяйстве, обрабатывающей промышленности и дорожном строительстве³⁸. В состав комиссий, которые согласно султанскому ираде (рескрипту) от 25 февраля 1845 г. готовили для этого совета рекомендации по повышению продуктивности сельского хозяйства, от каждого вилайета входили по

два мусульманина и по два христианина, занятые в производстве и продаже экспортной продукции. При этом речь шла о районах со смешанным населением — Европейской Турции и Западной Анатолии. Особое внимание комиссии обращали на технические культуры, на способы их транспортировки к ближайшим портам. По существу, заботы правительства свелись к увеличению физического объема сельскохозяйственного экспорта и соответственно доли казны от стоимости сырья и полуфабрикатов, вывозившихся за рубеж³⁹.

Возможности расширения экспорта турецкого сельскохозяйственного сырья изучал также выпускник Высших агрономических курсов в Ровиле (Франция) А. Ионеску, османский подданный, представлявший в Браилове интересы французских импортеров зерна. По предложению Совета по делам земледелия и промышленности он подготовил и опубликовал в 1850 г. в стамбульской прессе отчет, в котором скорее отмечались существенные недостатки, чем предлагались конкретные меры: отсутствие передовых агротехнических приемов, «недостаток рук для земледельческих работ»⁴⁰ и необходимых частных капиталовложений, «чрезвычайно дурное состояние путей сообщения»⁴¹.

Совет министров и особенно министерство торговли приняли ряд мер для повышения производительности труда в сельском хозяйстве: создание агрономической и ветеринарной школ с приглашением преподавателей-иностранцев, поощрение продуктивных хозяйств, возглавлявшихся также иностранцами, спорадические кредиты мелким производителям экспортной продукции и некоторые другие⁴². Эти меры не затрагивали основ феодальной собственности на землю. Однако в сочетании с преимущественным положением защищенного капитуляциями экспортера-иностранца или инонационала на внешнем рынке и развитием чифтликотов товарного типа в контактных зонах они стимулировали внедрение капиталистических отношений в сельское хозяйство Османской империи и одновременно облегчали приспособление его к требованиям мирового рынка. Объективно намерения экспортеров, стремившихся к расширению вывоза одних и сокращению вывоза других видов турецкого сельскохозяйственного сырья, т. е. к конъюнктурному маневрированию целой отраслью хозяйства независимого государства Востока, совпадали с устремлениями верхушки господствующего класса Османской империи (включая султана), стремившейся принять участие в прибыльных экспортных операциях и покупавших или принимавших участие в покупке доходных хозяйств по выращиванию технических культур. Была очевидна прогрессивность таких показательных ферм и хозяйств, как и всех мер по развитию сельского хозяйства. Вместе с тем отмечались и негативные явления. Рост цен на технические культуры и бесконтрольность деятельности иностранных и местных скупщиков шелка-сырца, красителей, чер-

нильного орешка, опиума и т. д. приводили к сокращению, особенно заметному в приморских областях, посевных площадей под продовольственными культурами в пользу технических экспортных. При этом росли цены на продукты питания, которые Османская империя стала ввозить из тех же стран, куда шла ее сельскохозяйственная продукция, и которые, как правило, были недоступны крестьянской массе ⁴³.

Танзиматские реформы и вовлечение Турции в мировой товарооборот осуществлялись прежде всего за счет обнищания трудового люда. Дифференциация крестьянства была наиболее заметна в Румелии, Западной Анатолии и причерноморских районах, вокруг крупных торговых центров, т. е. в тех же контактных зонах, где колониальные державы соприкасались с османским феодализмом. Некоторое улучшение в правовом положении крестьян, в том числе немусульман, и участвовавшие к середине XIX в. покупки зажиточными крестьянами-мусульманами чифтликков сопровождались увеличением массы согнанных с земли издольщиков ⁴⁴, усилением и видоизменением налогового гнета в формах, весьма характерных для местностей с колониальной или колонизируемой экономикой. При этом следует иметь в виду еще одно обстоятельство.

Борьба вокруг отмены откупной системы налогов (ильтизама), как в фокусе отразившая столкновение реформаторских сил с оппозицией ретроградов, с особой остротой развернулась в наиболее экономически развитых регионах Османской империи, там, где торгово-политические связи европейских коммерсантов и местных производителей сырья и полуфабрикатов были прочнее. Вместе с тем в контактных зонах, где развитие товарно-денежных отношений шло наиболее интенсивно, алчность новых государственных налоговщиков (эминов), по словам российского консула в Адрианополе Г. И. Ващенко, нередко превосходила традиционную жадность правителей (вали) и подрывала положение наиболее развитых хозяйств ⁴⁵. Налогоборщники обычно были связаны с экспортерами, пользовались той или иной формой покровительства консульской службы на местах — обстоятельство, которое следует учитывать при оценке факта передачи Портой в 1850 г. права сбора подушного налога с немусульман (джизье) главам миллетов, связанных с представителями соответствующих дипломатических миссий в Турции ⁴⁶.

Реформы первого этапа танзимата предусматривали, как известно, широкую систему мер, которые в идеале должны были привести к пропорциональному налогообложению, к гласности и строгой законности в сборе налогов. При этом, как пишут современные турецкие историки, равенство при налогообложении без различия веры и нации декларировалось как одно из проявлений европеизации Османской империи ⁴⁷. В османской налоговой системе, отличавшейся не только многообразием форм и ставок, но и отношением к социальному статусу поддан-

ных, в первой половине XIX в. все более заметное место занимала денежная часть ренты-налога.

Известно, что неподготовленность мероприятий по отмене ильтизама послужила одной из причин многочисленных злоупотреблений местных властей, фактически лишивших Порту, например, налоговых поступлений за 1840 г. Неоднократно отмечались выступления крестьянского населения против отмены откупной системы, ибо это вело, как писал К. М. Базили, нередко к повторному взиманию податей по старым спискам, «между тем как иные семейства вымерли, а другие удалились в бега»⁴⁸.

Против денежных форм уплаты налогов выступали крестьяне Малой Азии и других областей, страдавшие из-за обесценения куруша и крайне нестабильных цен на турецкую сельскохозяйственную продукцию. «В итоге, — писал современник, — бедность в народе и в особенности между занимающимися земледелием дошла до неимоверной степени, между тем как торговый класс поддерживается»⁴⁹.

Рос экспорт, росли доходы казны и высших чинов Османской империи, связанных с внешнеторговыми операциями. Одновременно с расширением сельскохозяйственного экспорта и увеличением числа звеньев в цепочке «турецкий производитель — западноевропейский импортер» нарастали злоупотребления за счет насилий в системе сбора налогов, падения курса куруша, изменения цен на мировых рынках и т. д. В контактных зонах европейского торгового капитала и турецкого сельскохозяйственного производства после 1838 г. расширялась, по данным К. М. Базили, практика сделок между откупщиками (мюльтезимами) и европейскими коммерсантами. Последние вносили определенную по прошлогодним урожаям сумму налога, получая право на получение и реализацию очередного урожая. Местный же посредник, защищенный той или иной формой привилегий, в свою очередь, предлагал крестьянам трех-пятипроцентный кредит под залог будущих урожаев, нередко на два-три года вперед. В итоге двух-трехступенной формы подчинения крестьянина Османской империи импортеру из Марселя, Ливорно, Триеста «франк (европеец. — В. Ш.) или туземец, пользующийся покровительством консула или агента или записанный в приказчики к европейскому торговцу... имея в руках обязательства крестьянина, делается властителем его судьбы»⁵⁰. Подобная практика оказывалась настолько выгодной, что послужила темой особого внимания двух представителей английских торгово-политических кругов, направлявшихся в Одессу и Трабзон с ревизией консульской службы, — Дж. Макнейла и У. Саймондса. Последний представлял отдел торгового мореплавания Британского Адмиралтейства. Во время их пребывания в Стамбуле в июле 1841 г. и бесед с Рифаат-пашой и другими государственными деятелями Османской империи рассматривалась возможность усиления влияния британских консулов в си-

стеме взыскания задолженностей турецких крестьян в пользу английских экспортеров⁵¹.

Изъятие скота и другого имущества, репрессии за долги экспортерам-иностранцам осуществлялись османскими властями, выступавшими в защиту интересов представителей западных держав, по выражению М. П. Вронченко, «с тем большим рвением, чем шире перед ними раскрывался франкский бумажник»⁵². Поскольку наиболее интенсивно производством экспортных культур занималось нетурецкое население, то, естественно, страдали от такого «усовершенствованного» налогового пресса жители контактных зон в Румелии, Сирии, Палестине больше, чем во внутренних районах Малой Азии. Период действия указа об индивидуальном сборе джизье с немусульман (1842—1850), сопровождавшегося массой злоупотреблений, совпадал с распространением отмеченных форм участия экспортеров в ограблении османского крестьянства. Ответом трудового люда была серия крестьянских выступлений от Болгарии до Сирии. В отчетах российских консулов отмечен значительный рост обращений относительно имущих ремесленников, крестьян, мелких торговцев к представителям западной консульской службы за какой-либо формой покровительства, что вызвало тревогу и османских властей и глав миллетов. После 1850 г., когда Порта утвердила практику сбора налогов с немусульман через глав миллетов, участились случаи обращения экспортеров — иностранцев или инонационалов — к местным сарафам или мюльтезимам, обычно близким к верхушке миллетов, с просьбой о своего рода страховании за 10—15 % сделок на поставки крестьянам того или иного вида экспортной продукции. Местные финансовые дельцы — сарафы — были к этому готовы.

В апреле 1842 г. сарафы Стамбула с ведома Порты организовали, писал российский посланник В. П. Титов, «нечто вроде банка», чтобы брать на откуп доходы в провинциях, где производится продукция на вывоз, и стали посредниками между европейскими негодциантами и местными крестьянами⁵³. Судьбу этого объединения ростовщиков проследить не удалось. Однако сообщения о «сотрудничестве» сарафов и консулов встречаются в обзорах и донесениях российских дипломатических представителей из Малой Азии и Румелии в 50—60-х годах. Вовлечение торгово-ростовщического капитала в экспортно-импортные операции при активизации консульской службы подтверждается также материалами Сирии и Палестины⁵⁴. Правительство, по существу, лишь присоединилось к тем новым формам эксплуатации крестьянского хозяйства, которые активно изыскивали местные сарафы и заморские коммерсанты.

Советские ученые отмечали для стран Востока в XIX в. повышение ставок поземельного налога и большую регулярность их сбора в объемах, превосходящих доколониальный уровень, замену натуральных налогов денежными⁵⁵. Для Османской империи в период интенсивного колониального давления было

характерным, что одновременно росла доля ренты-налога, присваиваемой держателями или владельцами земли, поскольку рос спрос на экспортное сырье. Возможности реализации прибавочного продукта более широким кругом лиц, включая тех же сарафов и экспортеров, тоже нарастали. Интенсивное, хотя и довольно хаотическое, вмешательство османского государства в эти процессы до 1838 г. к середине века сменилось главным образом налоговым контролем. Сочетанием периодической сдачи на откуп монопольных прав на операции с теми или иными видами экспортного сырья, фиксацией цен на них и сохранением института правительственных чиновников — мухтесибов, надзиравших над совершением рыночных сделок, Порты пыталась контролировать развитие указанных процессов в интересах стабилизации налогообложения, укрепления шаткого финансового положения. Имели место попытки местных правителей отрегулировать налогообложение с местных торговцев, которым было предоставлено право иммунитета (см. гл. III), или с иностранных скупщиков сырья. Однако чаще всего они пресекались письменным указанием из столицы, составлявшимся чаще всего в коммерческой канцелярии того посольства, чьи покровительствуемые или подданные попали на сей раз под руку нового правителя⁵⁶. «Возмущение простого люда,— писал консул Ф. А. Иванов из Измира,— тем более возвышалось, что вначале (после отмены ильтизама.— В. Ш.) все давали точные данные, а в тягости остались лишь мелкие владельцы. Крупные же и иностранцы оживились и процветают. В целом все оставались недовольны султаном»⁵⁷.

После ряда налоговых экспериментов в конце 30-х — 40-х годах Порты наконец отошла от системы, по которой как бы дополучала с турецкого производителя сырья или турка — потребителя европейских товаров то, что не могла получить с огражденного привилегиями иностранца или с собственного подданного, приравненного различными привилегиями к иностранцу. Как отмечалось в одном из документов, составленном Азиатским департаментом МИД России, одним из наиболее существенных и заметных перемен в системе отношений «производитель — продавец» и «покупатель — экспортер» было постепенное вытеснение сложившегося в 20—30-х годах положения, при котором «иностранец должен был указать властям того турка, у которого куплен товар или которому он продан, для возложения тяжести обложения налогами, которые должен был бы нести иностранец»⁵⁸. В середине XIX в. на улицах больших городов уже не устраивались облавы для проверки квитанций об уплате ашара или свидетельства (тезкере) на покупки, как это нередко практиковалось при Махмуде II. Была стабилизирована по районам и отраслям ставка налога мираи, унифицированы таможенные пошлины. Впрочем, непредвиденные поборы и общественные повинности, особенно с немусульман (охрана дорог, караванное дело и др.), и «вообще поборы по первому словесно-

му требованию сменились системой поощрения богатых, невзирая на веру и сословие. В пиру богатых и имущих, — писал современник, — страдают бедные и незащитные»⁵⁹.

Два новых момента обращали на себя внимание в системе налогообложения в канун и во время Крымской войны.

1) Ставшее обычным в начале 50-х годов подчеркивание в местной печати, в выступлениях в местных меджлисах, что рост налогов есть «прямое следствие трактатов, вольно или невольно» заключенных с державами. В первом случае имелся в виду англо-турецкий договор 1838 г., во втором — Кючук-Кайнарджийский 1774 г. и Адрианопольский 1829 г. договоры с Россией;

2) Пропорционально значительно более высокий рост налогов на немусульманские миллеты, чем на подданных-мусульман. Показателен в этом отношении пример роста налогов в Ангоре (Анкаре) и ее окрестностях за 1838—1848 гг. В начале периода мусульмане-турки в качестве налогов внесли 167 360 курушей, миллет католиков — 82 тыс., миллет греков-православных — 38 102, миллет армян — 9164 куруша. Десять лет спустя те же этнорелигиозные группы внесли соответственно 227 850 курушей (рост — 36,1 %); 231 984 (182,9 %); 78 312 (143,9 %) и 18 480 курушей (101,65 %). При этом численность населения почти не изменилась⁶⁰.

Нелишне отметить, что в совершенствовании форм и методов налогообложения, как, видимо, и в присвоении доли налогов, принимали деятельное участие собиравшие налоги главы миллетов, тесно связанные с торговцами, имевшими патент (берат), и иностранными торговцами. Главы миллетов нередко выступали откупщиками. В 40—50-х годах они налаживали партнерство и долевое участие с банковскими домами Европы, нередко субсидировали Порту, наконец, приняли участие в создании банковской системы в Турции.

Прусский советник Рекрутского управления османской армии И. Босна, обративший внимание на это обстоятельство, приводил пример того, как распоряжались откупщики из немусульманских миллетов с доходами от откупа ашара, податей (верги) и таможенных пошлин со Стамбула и Измира в 1851 г. В столице они внесли в казну 42,5 млн. курушей, собрали 60 млн; в Измире — соответственно 14 млн. и 24 млн. курушей⁶¹. Сообщая, что средства либо переводятся в иностранные банки, либо тратятся на ввозимые предметы роскоши, автор делал вывод: «Народ старается трудиться все больше, а обогащается только бесчисленное множество праздношатающихся из Европы пришельцев, вертопрахов и обманщиков»⁶². Аналогичные данные по Адрианополю и Румелии сообщал в 40—50-х годах генконсул в Адрианополе Г. И. Ващенко, особо подчеркивавший растущую связь откупщиков из богатейших немусульман «с прибывающими из Европы дельцами всех рангов». О сходном положении в приморских городах Малой Азии писал П. А. Чихачев⁶³.

Ускоренными темпами шла имущественная и социальная дифференциация в районах Сирии и Палестины, связанных с продажами за рубеж технических культур⁶⁴.

Можно полагать, что существенное значение в обострении социального конфликта в турецком обществе имели попытки османских властей увеличить денежную часть ренты-налога либо сделать ее доминирующей при отмене ильтизама. Усиливалась роль промежуточного слоя откупщиков, присваивавших значительную долю ренты-налога. Окончательной ликвидации традиционных натуральных повинностей и продовольственных поставок крестьян традиционному местному дереву и паше не произошло. Одновременно представители новых социальных групп — чифтликчи и торговцы-компраторы, сарафы-инонационалы — стремились, в частности, через откуп налогов, своеобразный гибрид распределения и обмена, войти в феодальную османскую систему распределения и разложить ее, пользуясь объективной ситуацией — вовлечением Османской империи в мировые рыночные связи.

Турецкое общество не было готово к активному и немедленному восприятию капиталистических мероприятий, которые к тому же стимулировались извне. Поэтому сопротивление ретроградов всех уровней нередко совпадало по времени и по направлению — против преобразований, диктовавшихся столицей, — с выступлением крестьянских масс, на которые легли дополнительные тяготы, связанные с товаризацией земледелия в контактных зонах. Рост социальной напряженности и национально-освободительных движений в условиях капиталистической экспансии держав стимулировали силы реакции, перешедшие к активной борьбе с реформами в первой половине 40-х годов. Одновременно реформаторы должны были изыскивать новые приемы укрепления режима, включая расширение связей с державами и меры противодействия как силам реакции, так и поднимавшимся на новую ступень народным антитурецким движениям в различных областях империи.

Османское государство, поддерживая торгово-ростовщические круги (из них наиболее влиятельными были нетурецкие по национальности), на деле оказывало «дополнительные услуги» иностранному торговому капиталу, помогая ему закрепиться в Османской империи.

Влияние внешнего рынка на добывающее и обрабатывающее производство

В ходе формирования на колониальной, экспансионистской основе главных направлений международного разделения труда приспособление экономики суверенных стран Востока, включая Османскую империю, к экономике ведущих колониальных держав охватывало во второй четверти XIX в. главным образом

внешнеторговую сферу. Крайне незначительным было участие европейских держав в эксплуатации полезных ископаемых в Турции, несколько больше — в добывающем и перерабатывающем производстве. Исключение составляли два года Крымской войны, когда была организована вскоре захиревшая промышленная добыча угля для нужд армии союзников. В этой сфере отношений Османской империи и капиталистических государств было характерно влияние капитализма, описанное К. Марксом, как «превращающее одну часть земного шара в область преимущественно земледельческого производства для другой части земного шара как области преимущественно промышленного производства»⁶⁵.

Тенденция к ликвидации или к контролируемому развитию производственного потенциала стран Азии была присуща колониальной политике великих держав на протяжении всего нового времени. Вместе с тем в эпоху танзимата в Турции формировались принципы и формы защиты национального производства, значение и размах которых ограничивали феодально-теократическая форма правления и другие остатки средневековья. При всей своей ограниченности меры противодействия вторжению иностранного капитала в Османской империи середины XIX в. предопределили многие позитивные процессы в последующем.

В литературе последних лет встречается утверждение, что султанская Турция не имела собственной добывающей промышленности, что верно лишь в сравнении с налаженным на капиталистическом уровне западноевропейским горным делом⁶⁶. Обследование рудных богатств Османской империи, главным образом Европейской Турции и Египта, началось фактически одновременно с промышленной революцией в Англии. Во второй трети XIX в. достаточно полную картину размещения запасов и возможности разработки минералов в Малой Азии дали русские исследователи: военные геодезисты П. П. Львов (Восточная и Центральная Анатолия), М. П. Вронченко (Западная Анатолия), сотрудники Корпуса горных инженеров П. А. Чихачев и Е. П. Ковалевский. Их описания, в основном опубликованные, на 30—40 лет опередили работы Л. Фарли, Б. Колла, Ф. Милингена, отличались большей корректностью в научном плане и объективно свидетельствовали, что не «апатия и природная лень» (излюбленный тезис европейских вояжеров), а отсутствие у Порты реалистической политики в отношении промышленного развития в целом и эксплуатации недр в частности, отсутствие технических и технологических возможностей дальнейшей эксплуатации сильно истощенных традиционных разработок обусловили слабое развитие горного дела в Турции. Проблема осложнялась негативным отношением османской верхушки к «небогоугодному делу» — к развитию горного промысла, так как разработки вели в подавляющем большинстве христианами, а земля и недра, согласно шариату, были незыблемой собственностью султана-халифа.

Отличительной чертой подхода русских исследователей к проблеме оценок сырьевых ресурсов Османской империи и ее промышленного развития была уверенность в собственных силах турецкого общества. Напротив, Ч. Макфарлан в своих работах в 20-х и 40-х годах, Л. Фарли в трудах 60-х годов XIX в. упорно доказывали, что только иностранные концессионеры, привлекая соответствующий капитал и рабочих-специалистов из Европы, при условии владения недвижимостью и правами на операции с землей смогут создать горное дело в Османской империи как часть европейской экономической системы⁶⁷. Европейские наблюдатели концентрировали внимание на признаках упадка и застоя в добывающем и обрабатывающем производстве, нередко занижая или вовсе замалчивая позитивные процессы, заведомо отрицая любые инициативы османских властей в эксплуатации природных богатств страны. Данные и оценки А. Убичини, Ч. Макфарлана, Кс. Хешлинга и других авторов публиковались в турецких газетах, издаваемых концессионерами, и в европейской прессе, со временем они стали восприниматься турецкими историками как единственно достоверные источники относительно упадка и застоя. В свою очередь, О. Дж. Сардж и Я. Тенгиршенк в сборнике «Танзимат» (1940 г.) оказали влияние на современных турецких авторов.

В первой половине XIX в. в Османской империи были разведаны и предположительно оценены запасы 14 месторождений каменного угля, включая Эгри Паланка и Рило в Румелии, Измир, Айдын, Триполи и др. Месторождения Эрегли и Зонгулдака, по оценке Б. Колла и Л. Фарли, могли бы давать до 30 тыс. т угля в год при годовой добыче всего 5—6 тыс. т в 40—50-х годах⁶⁸. По оценке Е. И. Чирикова, производство угля в 1849 г. достигало 10 тыс. т, а потенциально — в 10 раз больше и могло бы обеспечить «углем превосходного качества все берега Черного моря». Было известно более 80 залежей полиметаллических руд в Малой Азии и в Европейской Турции⁶⁹.

Оценивая 10 крупнейших копей рудных ископаемых Малой Азии, П. А. Чихачев выделял из них три группы наиболее активно эксплуатировавшихся в середине XIX в. и дававших до 2 тыс. т меди, свинца и серебра в год⁷⁰.

Добыча железной руды велась частным капиталом и казной в Боснии, Сербии, Болгарии. Города Самоков и Кырккилисе поставляли лучшие в Турции железные заготовки в полосах, не уступавшие зарубежным. Запасы селитры и свинца с военными целями разрабатывались исключительно казной в районе Тырново и Карабово. Ряд полезных ископаемых не находил применения вплоть до второй половины XIX в.: цинк, марганец, нефть и др. Другие залежи эксплуатировались в 20—50-х годах периодически⁷¹.

В эпоху танзимата относительное развитие получили за счет казны и частного капитала отрасли добывающего производства, предназначенные на военные цели и экспорт. Это прежде всего

медь, поставлявшаяся во Францию, Иран, Россию с конца XVIII — начала XIX в. Десятилетиями разработка свинцово-цинковых и медных руд велась рабочими-греками и субсидировалась откупщиками-фанариотами. С начала XIX в. под Байбуртом существовало греческое поселение, насчитывавшее 100—120 домов. 90—110 человек ежедневно обслуживали принадлежавшие казне 13 рудообогатительных печей примитивного типа. По словам русского наблюдателя, это были одна-две медеплавильные печи и медноочистительные горны того же уровня. Рабочие были заняты по 12 часов в день за 2—3 куруша, без выходных. В год выплавлялось 6—8 тыс. пудов меди. В таких же условиях трудились греки и армяне на медеплавильном заводе в Токате⁷². Усилиями присланных из Стамбула военных инженеров-турок и советника по горному делу из Австрии обновленное производство неочищенной меди в 1848 г. удвоилось по сравнению с 1844 г. и достигло 245—300 тыс. батманов⁷³, что давало всего 15—16 тыс. батманов чистых заготовок, направлявшихся для экспорта непосредственно на склады казны в Стамбул. Трое болгарских юношей, посланных Высокой Портой для изучения металлургического дела в Англию в 1837—1840 гг., по возвращении были назначены на казенные заводы, но на второстепенные должности.

В результате резкого падения спроса на турецкую медь в период промышленного кризиса 1846—1847 гг. склады оказались переполненными. Правительственным указом было разрешено часть токатской меди продавать местным ремесленникам «для разных домашних изделий». В 1850 г. экспорт меди возобновился⁷⁴.

Менялись откупщики-концессионеры, большой интерес к медным разработкам проявлял Банк Ротшильда, стремившийся взять медь Токата и Байбурта в обеспечение предполагавшегося займа Порте в 1830 г. и повторявший неоднократно свои предложения в 40-х годах⁷⁵. Не менялись, однако, бедственное положение рабочих, низкая производительность медных рудников. Более заметные сдвиги обнаружило в рамках общей программы развития свинцовое производство в Берекетли-маден и в Булгар-маден за 1838—1849 гг., увеличившееся в 10 раз (для нужд армии и за счет казны)⁷⁶. Однако общий вывод П. А. Чихачева об организации добывающего производства и сдвигах в этом отношении в 30—40-х годах был таков: «Исключительное удобство эксплуатации и транспортировки ископаемых вовсе не реализовано». Слабая организация горного дела была, по мнению М. П. Вронченко, П. П. Львова, И. П. Липранди, Е. И. Чирикова и П. А. Чихачева, связана «с нерадивостью откупщиков-фанариотов», их незаинтересованностью в расширении производства ввиду краткосрочности откупа, нестабильности их имущественного и правового положения, высоких (до 20 %) отчислений натурой (медь, серебро, свинец) в пользу казны по заниженным ценам, злоупотребления местных властей и окрестных

феодалов, «с ненавистью взиравших на гяурское изобретение» — водяное колесо, приводившее в движение механизмы на заводе в Токате. Сдерживали развитие горного дела бездорожье, а также нежелание турецкого населения браться за горное дело. Призывы Порты ко всем подданным без различия веры принять участие в разработке недр трактовалось местной реакцией как дополнительное проявление отступничества султана от норм ислама. Следует, однако, подчеркнуть, что горное дело оставалось единственной отраслью хозяйственной жизни, где подданные были фактически уравнены в праве на занятие, где и лозунги о равенстве Гюльханейского хатт-и шерифа были воплощены и не было вмешательства иностранцев вплоть до середины 60-х годов XIX в. Несколько выше, чем на откупных, была оплата труда на казенных предприятиях. За восьмичасовой рабочий день на Токатском заводе рабочий получал 3—5 курушей, но не имел права покинуть предприятие. Для сравнения: за день работы на караванном пути Токат — Трабзон погонщик получал 15—20 курушей.

П. П. Львов и М. П. Вронченко в 30-х годах отмечали насильственный, «приписной» характер труда на горных разработках меди, свинца (сохранившийся вплоть до конца Крымской войны). Лично-свободного мусульманина «приписать заводу» было нельзя. Внеэкономическому принуждению подвергалось христианское население. Львов и Вронченко первыми показали, как европейские торговцы воспользовались османской системой принудительного труда на рудниках, играя на рыночной конъюнктуре серебра. Они отмечали, что иностранные коммерсанты (преимущественно английские, продававшие Порте китайские серебряные монеты, полученные за опиум, и австрийские, продававшие Порте иранскую серебряную монету по 100—110 аспр за 1 драхму) получали огромные доходы от операций по скупке и продаже серебра, пользуясь тем, что Порта монопольно платила не более 30 аспр за 1 драхму добытого чистого, а не монетного серебра. Инфляция в Турции и низкогокачественная чеканка становились объектом эксплуатации западными державами одновременно с использованием слабости горного дела ⁷⁷.

При столь низкой заработной плате применение машин было невыгодно откупщикам горных разработок. Технический прогресс был крайне замедленным, частичное расширение производства осуществлялось за счет привлечения новых рабочих рук — ремесленников, изделия которых вытеснялись европейскими фабричными товарами. Исключительное или преимущественное применение ручного труда в горном деле Османской империи и ничтожные затраты казны или предпринимателей на оплату труда обуславливали большую скорость оборота капитала, высокую норму прибыли. Как заметил П. А. Чихачев, откупщики-концессионеры получили выгоду в рудном деле в Турции не меньше, чем Ротшильды в Испании. Сдерживание

развития добывающей промышленности лежало, следовательно, не в сфере «чистой» экономики. Не столько запреты на эксплуатацию недр иностранцами, как об этом писали А. Убичини и Л. Фарли, а прежде всего неподкрепленность правительственными мерами расплывчатых и неопределенных призывов мобилизации природных ресурсов, выдвигавшихся Решид-пашой, мешали развитию горного дела. Обращенные к державам предложения Порты участвовать в разработке недр либо игнорировались, либо оговаривались заведомо неприемлемыми для суверенной страны условиями. Введение в июле 1861 г. и подтверждение в 1869 г. регламента по разработке полезных ископаемых закрепили фактически сложившийся контроль государства в горном деле и могли рассматриваться как стремление обеспечить сырьем национальное производство, противостоять капитуляционному засилью в обрабатывающей промышленности. Однако тяжелые условия, отмеченные для 40—50-х годов, имели место и после Крымской войны. Неудачи в защите национального горнодобывающего производства, определившиеся уже после Крымской войны, означали крушение многих принципов танзимата: равное участие всех подданных, стимулирующая роль государства, борьба против бесконтрольного внедрения иностранного капитала. А главное — была подорвана национальная энергетическая база, утрачен контроль над сырьевыми ресурсами.

* * *

Отмечая отсутствие у Высокой Порты разработанной политики в отношении хозяйственного развития, следует обратить внимание на сложное, непоследовательное, но тем не менее поступательное развитие обрабатывающего и перерабатывающего производства, равно как и на крайне осложненное промышленной конкуренцией, но все же выжившее под ударами фритрейда и развивавшееся всю вторую половину XIX в. ремесленное производство в Турции. Трехлетнее пребывание Мустафы Решид-паши в Европе и особенно служба на посту посла в Лондоне в 1836—1837 гг. позволили фактически обеспечить внешнеполитическую поддержку задуманным мероприятиям. В контексте рекомендованных Г. Пальмерстоном реформ в военном деле, торговле и сельском хозяйстве Решид-паша в своей докладной записке (ляихе) Махмуду II фактически предложил основные направления преобразований, включив кроме предложений Пальмерстона конкретные мероприятия по развитию промышленности и как метод широкого решения проблем — использование советников-европейцев. Постоянный акцент в ляихе делался на благоприятный международный эффект от быстро достигаемого процветания⁷⁸. Однако отдельные удачные проекты стимулирования экономического развития Турции не смогла реализовать. Как писал Энвер З. Карал, «ни турецкое производство,

ни торговля не могли соперничать с притоком иностранных товаров, находившихся под защитой капиуляций»⁷⁹.

Общая картина развития промышленного производства в Османской империи во второй трети XIX в. представлялась современникам удручающей. Наиболее развитое текстильное производство оказалось подорванным. Резкое сокращение числа мастерских и ткацких станов в 1820—1850 гг. было отмечено для наиболее значительных центров Анатолии, Балкан и Египта. На протяжении 30-х годов число ткацких станов в Стамбуле сократилось с 3 тыс. до 350, в Бурсе, славившейся шелковыми изделиями,— с 2 тыс. до 500, в Анкаре, центре шерстоткацкой промышленности,— с 2 тыс. до 100 станов⁸⁰. К 1850 г. из 18 ткацких «фабрик» Измира закрылись 16 ввиду конкуренции импортных английских тканей и высоких налогов на ткани местного производства. Аналогичная картина наблюдалась в Алеппо, где к 1858 г. насчитывалось не более 5 тыс. ткацких станов из 10 тыс., работавших здесь прежде⁸¹.

Очевидно, что главный удар потерпело производство в контактных зонах. Во внутренних районах Малой Азии, а также в отдаленных от побережья арабских и частично европейских территориях Османской империи, где была крайне замедлена товаризация сельского хозяйства, крестьянин или ремесленник не поддерживал связи с внешним рынком. Воспроизводство средств производства оставалось на почти неизменном, традиционном уровне в период всего интенсивного вторжения иностранных товаров. Поэтому дешевизна этих товаров, их обилие не могли обеспечить абсолютного преобладания Запада на рынках Турции и уничтожить местные городские ремесла и мануфактуры. Что касается воздействия капиталистической конкуренции на положение ремесла и генезиса капитализма в Османской империи, то следует оговориться, что эта проблема не входит в круг задач данного исследования. Вместе с тем представляется необходимым подчеркнуть следующее. В отличие от колоний капиталистических держав в Юго-Восточной Азии или в Африке, где крушение городского ремесла было вызвано не столько фабричной конкуренцией (изделия ремесла и европейской промышленности не конкурировали по характеру и по качеству), сколько насильственным перераспределением чистого продукта в пользу колонизаторов⁸², в империи, сохранившей национальную независимость и в целом традиционную систему распределения, городское ремесло, перестраиваясь и изменяясь, существовало вплоть до новейшего времени. Наблюдатели, как русские, так и европейские, отмечали на внутреннем рынке значительное количество предметов домашнего обихода, одежды, обуви, традиционного оружия и украшений, выполненных мастерами-ремесленниками. В 40—50-х годах и особенно в период Крымской войны изделия анатолийских ремесленников частично возместили сократившийся ввоз европейских товаров в Закавказье. В Малой Азии еще в 70-х годах

XIX в. работали мастерские, «доводившие» русские железные, медные, латунные заготовки и снабжавшие как местный рынок, так и сопредельные районы российского Причерноморья и Закавказья⁸³.

В конце 30-х годов в правительственных кругах России рассматривались проекты значительных поставок русского железа в заготовках, лекал различного вида специально для анатолийских мастерских, «редко пользующихся пособием механических средств»⁸⁴. Однако нежелание заводчиков Демидовых, Яковлевых, В. А. Всеволожского поддержать посещавшего Турцию в качестве представителя Департамента горных и соляных дел России Е. П. Ковалевского, выступившего с инициативой поставлять в Малую Азию русское железо, а также увеличение английского ввоза металлоизделий подорвали наметившуюся ориентацию анатолийских ремесленников на поставку русских железных заготовок.

Государство в Турции с помощью различных запретов и сохранения цехов как единственной формы объединения ремесленников пыталось поддержать производство. Регламентацией и отчасти протекционистскими мерами Порты старалась приостановить разложение цеховой системы. Так, на весь Стамбул с пригородами (с населением почти в 1 млн. человек) работали в начале 40-х годов только 82 золототкача, имелось лишь 80 лавок для продажи национальных суконных и медных бытовых изделий. Местными хлопчатобумажными товарами могли торговать 157 армян, два грека и два турка — все лично известные министру финансов⁸⁵.

Окончательное крушение цехов предопределили социальная дифференциация в цехах и конкуренция фабричных товаров⁸⁶. В то же время цеха сыграли определенную роль форпостов, выдержав первый натиск промышленных товаров, сохранив традиции национального производства. Состояние производительных сил в дофабричном производстве Османской империи было связано с простыми, подчас примитивными орудиями и приспособлениями, но они опирались на многолетний производственный опыт и вековые навыки мастеров соответствующей отрасли. Ремеслам удавалось «устоять» под наплывом европейских товаров, в частности, потому, что производство осуществлялось исключительно квалифицированной и дешевой силой османских ремесленников.

Относительная дешевизна ремесленных работ была связана с фиксированными ценами на продовольствие, строго контролировавшимися государством, невысоким объемом средств существования (одежда, жилье), которые, в свою очередь, были регламентированы шариатом в отношении мусульман, османским государством — немусульман.

Сохранение цеховой системы, ее искусственная поддержка государством в середине XIX в. минимально могли задержать развитие «эпохи свободной конкуренции», навязанной коло-

ниальными державами Османской империи. Сохранение ремесленного сектора, основанного на ручном труде и примитивной технологии, означало замедление и без того искаженного иностранной конкуренцией развития машинного производства.

Поддержка ремесла и цеховой организации как средство борьбы с иностранным давлением соответствовала хозяйственным представлениям правящей верхушки. Ориентация на развитие казенной мануфактуры с привлечением нетурецкого (иностранного или инонационального) капитала отвечала реформаторским воззрениям Решид-паши и его сподвижников по танзимату.

Осознание по крайней мере частью правящих кругов необходимости иметь реорганизованную по-европейски армию потребовало и соответствующего материального обеспечения. Сфера интендантского потребления с конца XVIII в. была под контролем государства. В 20-х годах XIX в. известный поэт, видный улем Кечиджизаде Иззет Мехмед Молла⁸⁷, опираясь на примеры войн с Россией и Грецией, в двух яхиа (записках), представленных Махмуду II, среди серии мер для укрепления Османской империи предлагал, не ожидая помощи извне, субсидировать турецкие предприятия, особенно те, которые позволят укрепить военную мощь империи. В 40—50-х годах его сын Фуад-паша занимал высокие государственные посты в Османской империи и претворил в жизнь многие заветы отца.

В современной турецкой литературе отмечалось, что война с Россией в 1828—1829 гг. показала недостаточность чисто военных мероприятий и заставила Порту обратить внимание на материальное и административное обеспечение армии. При этом были учтены уроки поражений Порты в войнах с Грецией и Египтом⁸⁸.

Регулярная османская армия середины XIX в. насчитывала около 500 тыс. человек, она была оснащена однотипным стандартным вооружением и обмундированием, лишь отчасти снабжалась за счет импорта вооружения. С конца 20-х годов стали создаваться фабрики по пошиву обмундирования в Сливно, Пловдиве, Силистре, Адрианополе, Стамбуле, где оборудование, как правило, было иностранным, а капитал — инонациональным или смешанным⁸⁹. В 40-х годах основную массу оружия и боеприпасов для османской армии производили пять пороховых, семь оружейных и пушечных заводов, две верфи для военных кораблей. Это были реорганизованные или вновь созданные предприятия, на которых использовалось европейское оборудование — английское, бельгийское, австрийское.

На оружейных и пороховых заводах до середины 40-х годов работало минимальное число иностранных специалистов, и, как отмечал И. Босна, только со второй половины 40-х годов, в связи с низкой производительностью этих предприятий, начали прибывать английские, французские и бельгийские инженеры — инструкторы военного дела⁹⁰. Можно привести некоторые данные

о строительстве современного военного флота, предпринятого Османской империей. Косвенные данные свидетельствуют о том «внимании», которое уделяло Британское Адмиралтейство положению на босфорских верфях. В 1849 г. на 2500 турецких и греческих рабочих столичной военной судовой верфи приходилось 80 мастеров-англичан, обслуживавших паровые силовые установки, в 1853 г. число английских мастеров утроилось, причем численность рабочих оставалась та же. В двух сухих доках на побережье Мраморного моря в 1849 г. работали по 350 турок и по 40 англичан, а через четыре года там уже числилось по 90—100 английских технических специалистов. Аналогичное положение (т. е. мало объяснимый задачами производства приток англичан) складывалось в конце 40-х — начале 50-х годов на всех военных предприятиях столицы и в Европейской Турции. В этом мог убедиться и будущий герой Севастополя вице-адмирал В. А. Корнилов, посетивший Стамбул⁹¹. Подготовка к войне с Россией приобретала все более целенаправленный характер, техническое ее обеспечение осуществлялось под контролем Англии.

По личным наблюдениям русского военного корреспондента в Стамбуле Ф. Тизенгаузена, вплоть до 1849 г. Порты избегала приглашать иностранных корабельщиков непосредственно в доки и на верфи. Все работы вели египетские и турецкие инженеры, получившие образование за рубежом. «Железное и медное снаряжение», кроме пушек, изготавливалось на казенных заводах, принадлежавших военно-морскому ведомству⁹². Если орудия на кораблях и устанавливались английские, то по крайней мере две трети из всех двухпалубных кораблей были построены турецкими корабельщиками по проекту американского судостроителя Родса⁹³.

С 1839 г. Османская империя прекратила строить военные парусные корабли. В 1852 г. из 26 крупных парусных кораблей военно-морского флота 13 были построены в Стамбуле на средства казны, в том числе пять фрегатов с двигателями мощностью по 450 л.с. Двигатели целиком были изготовлены на заводе судовых двигателей в Сан-Стефано (ныне Ешилькёй) силами турецких мастеров по английским чертежам под руководством английских инженеров. Отмечая все эти обстоятельства, капитан I ранга (позднее — контр-адмирал) В. И. Истомина, посетивший по приглашению турецких властей верфи и заводы, писал: «Все там выправлено и обтянуто, и повсеместно приличная чистота»⁹⁴.

В комплект обмундирования рядового входило два вида верхней и восемь других предметов одежды, две пары башмаков, две фески и башлык, ритуальный ковричок, ранец и т. д. Офицеры были обмундированы так же основательно. Все они имели личное холодное оружие. Чтобы одеть и снарядить полумиллионную армию, к началу Крымской войны около 50 предприятий прямо или косвенно выполняли военные заказы⁹⁵.

Обеспечение армии оружием и обмундированием превратилось в самостоятельную сферу производства. Контроль государства сохранялся, однако военное производство требовало такого числа специалистов по наладке и обслуживанию оборудования, которым Османская империя не располагала. Подготовка к войне, Крымская война 1853—1856 гг. и привлечение кроме технических специалистов контингента военных советников расширили возможности воздействия западных держав на наиболее развитую отрасль экономической жизни империи.

От выборочного заимствования военно-технических достижений капиталистических держав, за которое ратовали патриотические реформаторские круги, был проложен прямой путь к контролю держав над османской военной организацией в целом. Растущую зависимость реформированной османской армии от технического, а затем и политического влияния Англии и Франции подчеркнул в своей записке «Взгляд в связи с началом враждебных действий на Дунае» (ноябрь 1853 г.) российский посланник в Стамбуле В. П. Титов, четверть века проведенный в Турции. Отмечая создание современной мощной армии, парового флота и соответствующей материальной основы как самого наглядного успеха танзимата, В. П. Титов вместе с тем предупредил, что произошло удвоение морской мощи Османской империи и сложилось превосходство и парового флота над русским парусным флотом. Значительно улучшилась связь столицы с отдельными провинциями, создана современная армия, «в чем заслуга,— писал он,— не столько европейских инструкторов, а дело энергии и распорядительности реформаторов» — военного министра Рыза-паши и министра финансов Савфет-паши, других образованных реформаторов с широким кругозором типа Решид-паши. Все это породило у части военных и политиков новые представления. Они касались вопроса о приоритете на Черном море, активизации с использованием собственного торгового флота посреднической торговли между Европой и Индией в противовес Англии и Австрии, захватившим всю эту торговлю. «Впрочем,— делал вывод В. П. Титов,— позиции Англии и в турецкой армии, и в торговле через Турцию слишком упрочились...»⁹⁶.

В отличие от подавляющего большинства стран Востока, для которых первыми системами машин стали принадлежавшие колонизаторам пароходы, железные дороги и телеграф, Османская империя получала современное оборудование в первую очередь для военных предприятий, а затем для перерабатывающих. Для последних средства из казны изыскивались усилиями реформаторов, а также привлекались капиталы части местной инациональной буржуазии. Османская перерабатывающая промышленность (или, точнее, производство) отличалась наличием сравнительно большого числа предприятий, приближенных к сырью ввиду бездорожья и обширности территории империи. Это были предприятия по первичной обработке сельскохозяйст-

венного сырья (мойка шерсти, сушка зерна, фруктов, заготовка валлонеи, чернильного орешка и пр.). Другой особенностью было простейшее, порой примитивное техническое оснащение, вполне доступное вчерашнему ремесленнику. Эти отличия в значительной мере определили стремление западноевропейского капитала с помощью консульской службы максимально приблизиться к перерабатывающим центрам, установить контроль над обработкой сырья, равно как и над торговыми операциями, без сколько-нибудь заметного влияния на технический прогресс⁹⁷. Отдельные предприятия, связанные с экспортом в Европейской Турции и Западной Анатолии, оставались чуждыми формационными изолянтами. Они не были органично втянуты в общий процесс капиталистических преобразований.

Промышленный переворот в европейских странах происходил прежде всего в отраслях легкой промышленности. Главной отраслью дофабричной промышленности Османской империи было производство тканей — хлопчатобумажных, шелковых, шерстяных — и изделий из них. Беспощадные условия конкуренции оказались сокрушительными именно для этих отраслей национального производства, несмотря на объективные проявления капиталистических начал и попытки государства регулировать положение дел отчасти таможенными пошлинами, отчасти запретительными нетарифными мероприятиями⁹⁸. Однако различного рода штрафы, квоты, запреты временного характера — своего рода квазипротекционизм — были далеки от протекционистской оградительной политики европейского капитализма и малорезультативны.

Формирование капиталистических отношений в Османской империи освещено в ряде трудов советских историков и ученых социалистических стран. Вместе с тем необходимо отметить, что при всей непоследовательности Порты в защите национального производства, коррупции и произволе местных властей, призванных проводить охранительные мероприятия, происходила крайне замедленная, но неуклонная перестройка легкой и перерабатывающей дофабричной промышленности в капиталистическую. Она осуществлялась на протяжении 20—60-х годов XIX в., несмотря и вопреки дезорганизующему давлению европейских промышленных изделий массового потребления.

Приток дешевых хлопчатобумажных тканей из Англии, суконных тканей из Англии, Франции, Австрии и других европейских стран после окончания русско-турецкой войны 1828—1829 гг. и спада революционных войн в Европе после 1830—1831 гг. был столь значителен, а запретительные мероприятия Порты столь неэффективными, что потребовалось всего 10 лет, чтобы к началу 40-х годов турецкое текстильное производство было подорвано⁹⁹. Согласно современной статистике, изученной Ф. Бейли, только английских тканей в 1830 г. было ввезено в Турцию на 947,9 тыс. ф. ст., в 1835 г. — более чем на 1 млн. ф. ст. Этот ввоз продолжал расти в физическом объеме, достигнув

в 1855 г. 121,3 млн. м ткани, т. е. по 4 м на каждого жителя Османской империи¹⁰⁰. Эти данные, хорошо известные турецким исследователям, используются как основа для выводов тех современных турецких историков (О. Л. Баркан, М. Сенджер, К. Фишек, Я. Каркар), которые утверждают, что вторжение европейского торгового капитализма уничтожило начинавшееся местное капиталистическое производство особого, османского свойства и что далее началось формирование капитализма типично западного образца, для Турции чуждого¹⁰¹.

Сокрушительное вторжение европейских товаров не могло не беспокоить османских государственных деятелей по крайней мере в силу падения налоговых поступлений. Вместе с тем программа (1840 г.) перестройки национального производства на европейский лад (новая техника, консультанты, местный капитал без этнорелигиозных различий, казенный капитал) началась слишком поздно и осуществлялась в условиях мощного экономического и военно-политического давления европейских держав. Обострение конфликтных ситуаций на границах Османской империи в 40—50-х годах (Египет, Греция, Иран) столь же мало способствовало становлению и укреплению реформаторского движения, как и колебания цен на мировом капиталистическом рынке на османскую продукцию первичной обработки.

Ряд примеров, приводимых в работах А. Д. Новичева, Н. Тодорова, О. Г. Инджикяна, И. Л. Фадеевой о сдвигах в промышленном развитии Османской империи в период после Крымской войны, позволяет сделать следующие выводы, которые не интересовали этих авторов ввиду иных задач, стоявших перед ними. Там, где Порты прибегала к сотрудничеству с местной нарождавшейся буржуазией (оружейное дело, ковроделие, шелкоткачество), обычно удавалось достигнуть намеченного результата — стабильного, хотя и ограниченного выпуска продукции. Если усилиям Порты противостоял альянс местного капитала и европейского коммерсанта, защищенного капитуляционными правами, то поражение Порты было неизбежно. Под неусыпным наблюдением властей находились с начала 40-х годов XIX в. предприятия, выпускавшие экспортную продукцию, например, ковровая фабрика в Ушаке, работавшая по контрактам с торговыми фирмами Англии и Австрии. Невыполнение местными или даже европейскими подрядчиками поставок сырья для казенных предприятий по производству оружия, ковров, тканей каралось штрафами до 10 тыс. курушей, угрозой лишить контрактов¹⁰². Напряженную борьбу Порты вела в сфере каботажного и отчасти морского судоходства, караванного дела. Отмечены случаи, когда Порты лишала иностранных граждан и своих подданных концессий и откупов на производство той или иной продукции в случае нарушений интересов фиска¹⁰³. Однако парализующее воздействие на мероприятия государства оказывали сама феодально-теократическая система, придавлен-

ность капиталистических элементов, усиление национального угнетения в наиболее развитых районах, разлагающее влияние внешних займов, держатели которых добивались и добились в годы Крымской войны контролирующих позиций в финансах империи, наконец, не оправданное национальными интересами, но стимулировавшееся льготными поставками, кадрами специалистов и т. д. раздувание военного сектора экономики.

Вместе с тем нельзя говорить о широком и быстром внедрении продукции европейского текстильного производства в обиходе османского населения без учета социально-психологического фактора. Для Османской империи были характерны большие этносоциальные различия в сфере личного потребления. По вещественному составу резко отличалось потребление высших и низших слоев османского общества, жестко регламентировались до танзимата одежда и быт в немусульманских миллетах. По мере роста спроса на турецкое сельскохозяйственное сырье и повышения доли первичной обработки этого сырья, производившейся, как отмечалось выше, обычно на месте, росли доля продукции личного потребления в обработанном виде и потребление продуктов питания и предметов обихода, прошедших промышленную обработку. Так в 40-х годах в Салониках, Сливно (Сливене), Филиппополе (Пловдиве) ввод в действие нескольких закупленных в Европе фабрик по производству вермишели и макарон, неизвестных ранее местным жителям, существенно снизил потребление зерна и муки грубого помола в пользу тонкого и высококачественного помола муки высшего сорта¹⁰⁴. Другой пример. «Самый бедный деревенский житель гордился украшениями жены и детей из золотых и серебряных монет, гордился блестящей медной посудой на очаге. Ныне,— писал современник,— монеты пошли на уплату налогов. Вместо медной посуды всюду блещит дешевая латунная посуда из Франции, Англии, Германии»¹⁰⁵.

В зарубежной историографии прозвучал недоуменный вопрос А. Каннингхема (1981 г.): мог ли нищий турок покупать европейские товары? Ссылаясь на падение рождаемости среди мусульманского населения Малой Азии, автор сделал вывод, что, во всяком случае, не турки были основными покупателями¹⁰⁶. Действительно, кем и на что расходовались километры тканей, поставлявшихся из Англии? Неотбеленные хлопчатобумажные ткани «низшей выделки» Порты закупала для нужд армии. Окраску производили и частные мастерские. «Расход мадаполама, коленкора,— писал П. П. Львов,— чрезвычайно велик и увеличивается от закупок персиянками, в особенности небеленого мадаполама»¹⁰⁷. Итак, два канала потребления тканей, притом огромной емкости, очевидны.

Однако следует учесть и специфику личного потребления, особенно быта, уклада жизни. «Поскольку занавеси на турецких домах,— продолжал П. П. Львов,— служат не столько от солнца, сколько от нескромных взоров, а кто их исчислит, то

и английские ткани на занавеси покупаются в огромных штуках по 28 ярдов в штуке по цене от 64 до 125 курушей»¹⁰⁸.

Новые товары, массовые и стандартные, заменяли привычную однородность в одежде, веками предписывавшуюся властями. Прекращение, согласно Гюльханейскому хатт-и шерифу, регламентации одежды для христиан вызвало взрыв потребительского спроса, прежде всего на разнообразную одежду. Это, конечно, могло обеспечить только машинное производство. Как писал П. П. Львов, «улицы больших городов заполнили женщины — армянки и гречанки в европейской одежде, еврейки — в полуиспанской. И все разнообразное и непрерывно переменяемое согласно времени дня и моды»¹⁰⁹. В несколько меньшей степени все это наблюдалось у мужчин-нетурок.

Реформы танзимата, различные миграционные процессы, развитие производительных сил в целом; значительный рост бюрократического аппарата в центре и на местах, распространение образования — все это втягивало массы турецкого населения в потребление стандартной одежды (чиновники, армия). Формировалась однотипность потребления (при разном качестве) престижных европейских товаров быта и культуры. И последнее. «Многие турки носят на себе все свое состояние в виде одежды, — отмечал П. П. Львов. — А потому и тканей покупают в избытке»¹¹⁰. Сказывалась необеспеченность жизни и имущества в сочетании с традициями. В одежде турка-мужчины можно было увидеть хлопчатобумажную или шелковую рубашку, белые бумажные шаровары, ситцевый или полушелковый жилет, куртку суконную или бумажную, пояс из английской ткани (кушак), феску, обмотанную кисейной или шелковой тканью. Вопреки запретам широко употреблялись чалмы из английских хлопчатобумажных тканей, кисейные платки всех видов, халаты, шинели с капюшоном (ягмурлуки), полушубки, теплые куртки. И верх щегольства — штиблеты и нередко полусапожки европейского фасона¹¹¹.

Потребность в европейской одежде, смешанной с национальной, была исключительно емким постоянным рынком. Ткани и одежда из показателя и признака социального статуса жестко ранжированного османского общества становились предметами общего нивелирующего потребления. Объективно это способствовало восприятию на турецком рынке огромных масс сделанных «под восточный вкус» тканей, а также тканей и изделий европейского характера. Вместе с тем очевидно, что в сфере потребления был брошен вызов всей принудительной регламентации. «Демонстрационный эффект» европейских товаров становился одновременно вызовом отжившей османской системе.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Современники, изучавшие экономические связи Османской империи в первой половине XIX в., отмечают два обстоятельства: отсутствие стабильной торговой политики и отсутствие или недостоверность статистики. Сложные, во многом противоречивые процессы преобразований 30—50-х годов, замедленная адаптация хозяйственного организма страны к требованиям капиталистического рынка, наконец, появление новых, благоприятных условий для укрепления позиций иностранного торгового капитала¹ в Османской империи объясняют первый упрек современников. Произвольность в оценках товаров, обычная для турецкой таможенной службы вплоть до начала 60-х годов XIX в., и закрепленная в серии капитуляционных соглашений Порты с державами практика европейских коммерсантов оперировать так называемыми официальными оценками своих товаров в неизменных ценах столетней давности при оценке турецкой продукции, поступавшей на европейские рынки в текущих ценах, естественно быстро менявшихся, — все это делает многие данные торговых оборотов весьма приближенными, требует их многократной проверки. Современники, представлявшие экономические и политические интересы своих держав (А. Убичини, Ф. Реден, Кс. Хёшлинг, П. А. Чихачев и др.), сообщают данные, сообразуясь с конкретными оценками таможенных ведомств и консулов своих стран. Их сведения, как отметил Е. В. Тарле в отношении А. Убичини, «вовсе не заслуживают того безоговорочного доверия, которое им почему-то обыкновенно оказывается»². Мы, отнюдь не отказываясь от обобщения опубликованных материалов современников, опираемся на национальную статистику, издававшуюся в Западной Европе и России в исследуемый период, а также на материалы коммерческой канцелярии российского посольства в Стамбуле, которые содержат ежемесячные обменные курсы валют, что позволяет добиваться большей корректности оценок торгового оборота.

В рассматриваемый период Османская империя поддерживала торговые отношения более чем с 20 странами и территориями, в том числе постоянные — с Францией, Австрией, Россией, Англией, США или спорадические — со Швецией, Данией, Бразилией и др. Остановимся на торговле Порты с ведущими за-

Таблица 1

Участие различных стран во внешней торговле Османской империи в 50-х годах XIX в. *, млн. фр.

Страна	Год	Ввоз в Османскую империю	Вывоз из Османской империи
Англия	1856	141,3	80,0
Франция	1856	91,9	131,5
Австрия	1850—1851	73,1	59,7
Германские государства	1850	33,8	48,8
Россия	1850	23,1	16,2
Иран	...	25,0	3,0
Бельгия	1856	8,0	5,1
Голландия	1856	7,6	3,6
Сардиния	1855	2,9	5,8
США	1851	1,2	4,8
Португалия, Испания, Швейцария, Греция, Ионические о-ва, Итальянские государства, Бразилия и др.		30,0	14,0

* Neuschilling X. L'Empire de Turquie ... Bruxelles, 1860. — Цит. по Михов Н. М. Принос към историята на търговията на Турция и България. Т. 6. София, 1971.

падноевропейскими державами: Францией — первой из великих держав, установившей торговые отношения с Османской империей и быстро активизировавшей свое экономическое и политическое влияние в середине XIX в., Австрией — давним торговым партнером Порты, осуществлявшей специфическую транзитную торговлю, и с Англией — главным торговым партнером Турции в 30—60-х годах XIX в., непримиримым конкурентом других держав на турецком рынке. Сопоставив ряд независимых источников — публикаций обзоров положения в Османской империи наиболее компетентных наблюдателей, выполнявших дипломатические и иные поручения своих правительств в Турции в 40—50-х годах XIX в., можно с осторожностью, к которой призывали проверявшие друг друга современники, дать общую картину товарооборота Османской империи³: начало 30-х годов — около 100 млн. фр.; начало 50-х годов — 450—500 млн. (А. Убичини, А. Колла и Ф. Реден) или в пределах 538—561 млн. фр. (Эд. Михельсен, А. Викснель); начало 60-х годов — 700—725 млн. фр. (А. Мартино). Транзит в Иран и обратно через Трабзон составлял в начале 50-х годов около 60 млн. фр. Следует учитывать, что современники приводили обычно материалы о так называемой общей торговле Франции, Австрии и Англии, включавшей как товары всех стран, пользовавшихся флагами великих держав, так и товары Англии, Франции и Австрии, предназначенные непосредственно для Османской империи (специальная торговля).

Специальная торговля великих держав с Османской империей, отраженная в приводимых здесь таблицах, дает, на наш взгляд, более точную картину, особенно для кризисных лет⁴. Современники и исследователи новейшего времени, не располагавшие национальной статистикой, включали в объем внешней торговли Османской империи межрегиональную торговлю метрополии с формально зависимыми территориями — Египтом, Дунайскими княжествами и др. — что неправомерно и довольно существенно увеличивало объем внешнеторговых оборотов. Первым к этому приему прибег А. Убичини, преувеличивая данные по торговле Османской империи с Англией и Францией⁵.

Для турецких и западноевропейских историков непривычно оперировать русскими данными. Однако нельзя обойти оценку турецкого товарооборота в начале 50-х годов, принадлежащую компетентной редакции «Коммерческой газеты» (1853, № 17), — 103,7 млн. руб. серебром, т. е. 414,8 млн. фр. С учетом сделанных замечаний обобщенные данные на основе материалов бельгийского экономиста Кс. Хёшлинга (1860 г.), приведенные в табл. 1, могут дать представление о внешнеторговых оборотах Османской империи в середине XIX в. Важно рассмотреть главные тенденции торговых отношений Османской империи с основными западноевропейскими партнерами (табл. 1).

Торговля с Францией

Экономические отношения с Османской империей французская историография нового и новейшего времени нередко освещала в связи с общим влиянием Франции на Ближний Восток. Поддерживалась идея традиционности этих отношений, восходящих к XVI в. В тени оставалась проблема капитуляционной основы торговых отношений Франции с Османской империей, на которую как на прецедент опирались другие европейские страны в торговле с Турцией. Реальное содержание торговых отношений Франции и Турции эпохи промышленного капитализма, отражавшее активизацию французского колониализма в Восточном Средиземноморье во второй трети XIX в., в работах М. Раккани, П. Баироша скрыто за общими суждениями об отставании Франции от Англии в предоставлении помощи Турции, о традициях и морально-религиозных принципах как основе политики Наполеона III в отношении займов и в вопросе о святых местах⁶.

Действительно, для французских негоциантов традиционными были исключительные привилегии. Высокая Порта их периодически подтверждала, обычно в связи с крупными политическими событиями. Главными из привилегий в начале 30-х годов были: трехпроцентная пошлина от объявленной стоимости ввозимых и вывозимых товаров без учета колебания цен в Османской империи и на мировом рынке, преимущественные права

Таблица 2

Специальная торговля Франции
в общем франко-турецком товарообороте *
официальная оценка в среднем за год

Годы	Общий оборот, млн. фр.	Специальная торговля, %
1825—1834	28,1	41,5
1835—1844	49,9	71,1
1845—1849	84,7	64,7
1850—1854	89,7	74,2

* Рассчитано по: Tableau general du commerce de la France avec ses colonies et les puissances étrangères... 1826—1855. P., 1827—1856.

ла 74,2 %, что существенно выше, чем на рубеже 20—30-х годов — 41,5 %. Данная тенденция в целом совпадает с общим направлением внешнеторговой политики Франции 20—50-х годов XIX в. — повышение значимости ближневосточных рынков для французской буржуазии и готовность завоевывать и защищать их «ценой любых усилий»⁷. Следует отметить, что наибольший рост доли нефранцузских товаров в вывозе в Турцию и той части турецкого сельскохозяйственного сырья и продовольствия, которые через Францию (марсельский порт преимущественно) поступали в Западную Европу (главным образом в Швейцарию и Бельгию), наблюдался в годы экономических спадов и кризисов (1842, 1847, 1857 гг.), а также после заключения первого многостороннего военного договора Турции и первого кабального займа.

Следующий значительный прирост общей торговли приходился на период Сирийской экспедиции Франции 1860—1861 гг. (табл. 3 и 4). Активное использование французскими торговыми кругами традиционных коммерческих связей с Османской империей для ввоза в ее порты на условиях наибольшего благоприятствования товаров Бельгии и Швейцарии и экспорта в эти страны продукции турецкого сельского хозяйства существенно влияло на внешние показатели⁸, лишь отчасти сказывалось на доходах турецкого таможенного управления, но не меняло расстановки сил в соперничестве держав на рынках Османской империи.

Обратившись к данным о специальной торговле империи, можно отметить, что за 1827—1836 гг. при среднегодовом объеме торговли, равном 28 млн. фр., вывоз Турции составлял в среднем 16 млн. фр. Тенденция преимущественного роста вывоза сохранялась на протяжении всего последующего периода. При среднегодовом объеме торговли в 1834—1864 гг., равном

для французских торговцев, а также коммерсантов тех стран, которые пользовались в левантской торговле французским флагом. В табл. 2 приводятся данные о доле специальной торговли Франции с Османской империей.

При среднегодовом обороте торговли Франции с Турцией за годы, предшествовавшие непосредственному участию Франции в Крымской войне (1850—1854), специальная торговля составила

Таблица 3

Специальная торговля Турции с Францией в 1834—1865 гг.*,
официальная оценка, млн. фр.

Год	Вывоз	Ввоз	Оборот	Год	Вывоз	Ввоз	Оборот
1834	10,9	10,6	21,5	1850	43,6	23,0	66,6
1835	16,2	10,5	26,7	1851	38,8	22,8	61,6
1836	12,5	11,8	24,3	1852	41,1	20,6	61,7
1837	13,4	6,5	19,9	1853	51,1	21,9	73,0
1838	16,9	11,0	27,9	1854	41,6	25,6	67,2
1839	24,4	9,7	34,1	1855	54,5	61,0	115,5
1840	19,3	8,7	28,0	1856	74,1	53,2	127,3
1841	28,6	11,8	40,4	1857	84,1	49,9	134,0
1842	31,0	11,4	42,4	1858	63,6	46,4	110,0
1843	36,5	11,7	48,2	1859	73,3	41,3	114,6
1844	30,1	13,1	43,2	1860	80,2	41,9	122,1
1845	32,8	14,8	47,6	1861	93,2	39,7	132,9
1846	38,8	12,9	51,7	1862	104,4	62,4	166,8
1847	73,0	15,9	88,9	1863	118,0	83,5	201,5
1848	22,1	12,0	34,1	1864	141,8	79,5	221,3
1949	33,7	18,7	52,4	1865	135,6	62,9	198,5

* По данным: Tableau général du commerce de la France..., 1835—1866.

77,7 млн. фр., вывоз из Турции составлял в среднем 49,8 млн. фр., обгоняя ввоз в 1,8 раза.

Для анализа внешнеторговых отношений Османской империи не менее важной, чем подбор статистики, является проверка значимости результатов, выявление и изучение их взаимосвязей и общих тенденций внешней торговли Османской империи. Только такой подход позволяет объективно оценить влияние искажающих факторов (кризисы, войны, стихийные бедствия и т. п.) на развитие торговли между Францией и Турцией. Во внешней торговле Турции с европейскими державами долговременная тенденция, выраженная графически, осложнилась бы нерегулярными колебаниями курсов валют, урожайности зерновых в различных вилайетах Османской империи, влиявших на цену и объем вывоза. Рекомендуемый некоторыми авторами выбор темпов роста как характеристики временного ряда во внешней торговле западных держав в новое и новейшее время⁹ недостаточно корректен для Османской империи ввиду отмеченной в табл. 1 неполной сопоставимости данных. Весьма популярный среди зарубежных историков, применяющих количественные методы, прием — сглаживание с помощью скользящей медианы — приемлем, но для более длительных, чем в данной работе, периодов. Метод сглаживания в отношении торговли Турции с державами не вполне удовлетворителен еще и потому, что требует точного определения периода колебаний и не позволяет наглядно увидеть влияние локальных событий. Например, мировые экономические кризисы 1837, 1847 и 1857 гг. ска-

Таблица 4

Торговый оборот Турции с Францией*,
официальная оценка, млн. фр.

Год	Торговля	
	специальная	общая
1840	28,0	39,5
1841	40,4	57,2
1842	42,4	65,6
1843	48,2	75,5
1844	43,2	63,7
1845	47,6	76,2
1846	51,7	77,9
1847	88,9	126,0
1848	34,1	58,8
1849	52,4	89,4
1850	66,6	95,5
1851	61,6	82,0
1852	61,7	84,0
1853	73,0	96,7
1854	67,2	90,0
1855	115,5	168,1
1856	127,3	177,0
1857	134,0	195,0
1858	110,0	154,8
1859	114,6	171,7
1860	122,1	209,7
1861	132,9	197,9
1862	166,8	259,8
1863	201,5	296,1
1864	221,3	259,1

* По данным: *Tableau général du commerce de la France...*, 1841—1865.

объемов торговых оборотов за два или более соседних года, без искажающих факторов¹⁰. При графической интерпретации данных по оси ординат отложены величины относительных объемов торговли, а по оси абсцисс — годы, соответствующие исследуемому периоду.

Графики данных зависимостей позволяют наглядно отобразить динамику товарооборота. Рисунки 1 и 2 показывают изменения общего товарооборота Турции и Франции при опережающем вывозе сырья во Францию по сравнению с ввозом в Турцию промышленных товаров. Следует обратить внимание (рис. 1), что трижды — в годы мирового экономического кризиса (1846—1847 гг., Крымской войны 1853—1856 гг. и Сирийской экспедиции 1860—1861 гг.) — отмечен скачкообразный подъем товарооборота, который можно объяснить: в 1846—1847 гг. — вывозом из Турции дешевого сырья, в двух других — ввозом в Турцию продукции быстро развивавшейся капиталистической промышленности.

зались в странах Ближнего Востока весьма неравномерно по времени и степени проявления.

Для внешней торговли и (шире) для внешнеэкономических связей Османской империи характерны нерегулярные колебания на весьма узких отрезках периода изучения и большое число искажающих факторов, например несопоставимость ряда показателей в торговле по объему и стоимости, разницей в источниках относительно курса валют и т. д. Поэтому необходимо перейти к процентам (индексам) и их графической наглядной интерпретации с введением переменного интервала сглаживания. Ключевыми при этом выбраны стоимостные показатели, и проведены соответствующие расчеты, давшие реальную возможность вычисления относительных средних

Обратимся вновь к количественным показателям. Экспорт Турции во Францию, по данным осведомленных современников (Ж. де Сент-Дени, А. Буэ) и французской таможенной статистики, в 30-х годах XIX в. составил 15—15,5 млн. фр. в год, из которых 20—23 % приходятся на шелк-сырец и 10—11 % — на хлопок-сырец. До 10—12 % стоимости в отдельные годы составлял вывоз во Францию серебра в слитках и золота в монетах турецкой и другой восточной чеканки. Постоянно в статьях турецкого экспорта во Францию присутствовали опиум (0,5—0,6 млн. фр.), оливковое и другие растительные масла на ту же сумму¹¹. Устойчивой статьей экспорта (в пределах 0,6—0,7 млн. фр.) оставались чернильные орешки. Таким образом, кроме серебра в слитках и золота в монетах (в том числе нетурецкой чеканки) 16 устойчиво повторявшихся наименований представляли продукцию сельского хозяйства и даров природы (губка, орехи всех видов, табак, корень марены и т. д.).

В 30-х годах из Франции в Турцию ввозилось товаров и изделий в среднем на 20,8 млн. фр. Среди них решающее место по объему и стоимости принадлежало тканям и текстильным изделиям. Турецкий исследователь Д. Фишек оценивает для середины 30-х годов ввоз только шелковых тканей в 28 % стоимости среднего ввоза в Турцию¹². На 6 млн. фр. в среднем в год ввозилось суконных тканей и изделий (включая ткани бельгийского и швейцарского производства), что составляло до 30 % общего импорта промышленных изделий из Франции. По оценкам «Коммерческой газеты» от 11 марта 1843 г., к началу 40-х годов шелковые ткани и изделия составляли треть всего вывоза французских тканей в Турцию. В пределах 0,6—1 млн. фр. колебался ввоз из Франции хлопчатобумажных тканей. В целом изделия французских сукноделов, ткачей и портных составляли более половины всего французского экспорта в Османскую империю. Вплоть до конца 50-х годов в Турции широко использовались натуральные красители, дававшие традиционные синие, фиолетовые и красные цвета. Ввоз в Турцию кошенили, индиго в отдельные годы достигал 1,8 млн. фр., но с развитием производства искусственных английских красителей и сокращением в Турции производства национальных тканей он приобретал неустойчивый характер. Рост французского ввоза красителей отмечен в 1837—1838 гг. и особенно в 1849—1851 гг., когда из Англии в Турцию поступали партии низкосортных и дешевых неокрашенных тканей, которые вручную набивались в турецких мастерских. Значительное количество красителей шло на казенные предприятия, изготовлявшие форменную одежду.

Устойчив был ввоз в Турцию французских изделий из стекла, хрусталя, фарфора, фаянса, зеркал — не менее 0,9 млн. фр. в год. Как писал Ж. де Сент-Дени, Франция поставляла в Турцию более чем на 1 млн. фр. кофе и на сумму в 3 раза большую сахара и кондитерских изделий (3—3,3 млн. фр., 14—16 % общего импорта)¹³.

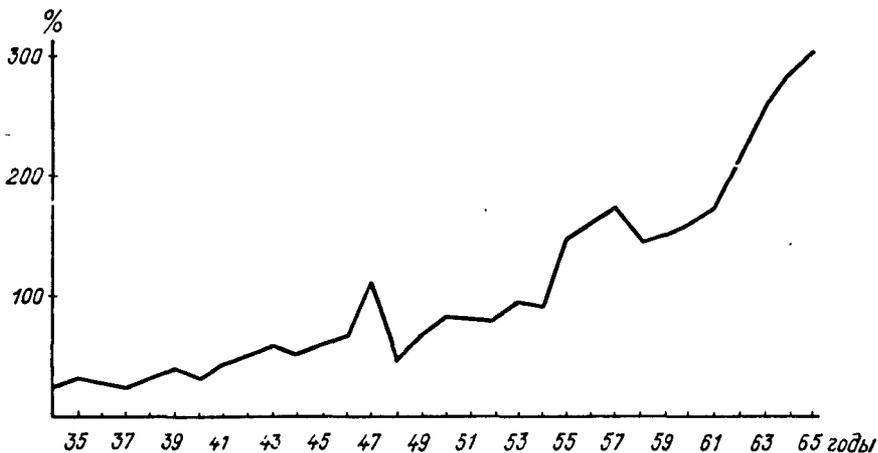

Рис. 1. Зависимость изменения относительной величины объема торговли Турции с Францией за 1834—1865 гг.

Франция не могла конкурировать с Англией в экспорте в Турцию металлоизделий. При незначительном ввозе железа и стали (в пределах 60—80 тыс. фр. в год) ввоз изделий из железа, стали, сплавов, заготовок и поковок достигал 0,5 млн. фр. Неизменным успехом пользовались французская бижутерия и часы, преимущественно настенные с боем, штучное огнестрельное оружие и мебель. Ввоз машин и механизмов носил спорадический и ограниченный характер.

В целом французский ввоз в Турцию в эти годы имел сугубо непромышленный характер, рассчитанный преимущественно на индивидуальное потребление немусульманским населением. Это особенно заметно проявлялось в типах и видах готового платья и обуви, предметах христианского культа, произведениях искусства, книгах, музыкальных инструментах¹⁴. Французские ткани и изделия из них меньше, чем соответствующие английские образцы, учитывали местные турецкие традиции и вкусы. Французские товары, особенно предметы престижного потребления, во внутренние районы Малой Азии в отличие от английских товаров практически не попадали. Они распространялись в основных контактных зонах — в приморских городах Западной Анатолии и Европейской Турции, здесь же разворачивалась конкурентная борьба французской торгово-промышленной буржуазии с английскими и австрийскими соперниками на рынках Османской империи. В отличие от Англии и Австрии Франция в меньшей степени была связана с транзитом своих товаров через черноморские проливы и Трабзон. Главной зоной экономических интересов Франции оставались южные и юго-восточные районы Балканского полуострова, Сирия и Палестина, Египет, где она сталкивалась с соперничеством Англии и Австрии.

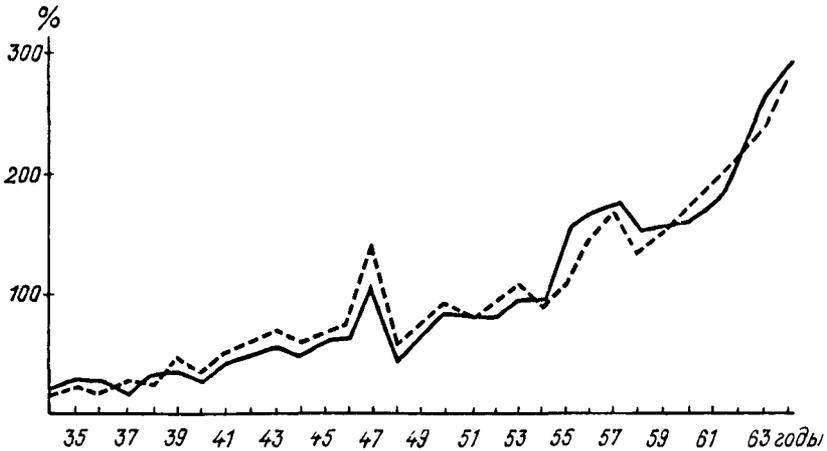

Рис. 2. Сравнение зависимостей изменения относительной величины объема торговли Турции с Францией (сплошная линия) и относительной величины турецкого экспорта во Францию (пунктир) за 1834—1864 гг.

В начале 40-х годов Франция ввозила в Османскую империю товаров в среднем на 16,1 млн. фр. и во второй половине 40-х годов на 19,6 млн. фр. Существенное увеличение вывоза французской, бельгийской и швейцарской продукции приходилось на кризисный для капиталистической Европы 1847 год. Тогда Франция в рамках специальной торговли вывезла в Османскую империю товаров на 15,9 млн. фр. Вывоз Франции в рамках общей торговли составил в 1847 г. 16,7 млн. фр. и в 1848 г 20 млн. фр. Если за три предкризисных года среднегодовой ввоз Франции в Османскую империю был равен 13,6 млн. фр., то в кризисный и два последующие года Франция ежегодно выбрасывала на турецкие рынки товаров в среднем на 15,5 млн. фр.¹⁵ Кризисный 1847 год в товарообороте Франции с Османской империей был отмечен увеличением общего товарооборота на 58 % по сравнению с 1846 г. Спад в последующий год на 38 % по сравнению с 1847 г., отмеченный на рис. 1, Франции удалось остановить только к 1854 г.

Таблица 5 дает определенное представление об изменениях во французском экспорте в Турцию за годы войны. В 4 раза вырос ввоз тканей всех видов. По стоимости впереди по-прежнему оказывались ткани: 34,2 % — перед войной, 31,9 % — в 1856 г. Рост ввоза сахара, сладостей, кофе, книг и предметов искусства (включая культовые принадлежности), против ввоза которых безуспешно протестовала Порта, не предназначался для удовлетворения потребностей широкого потребителя-турка. Иная картина складывалась, если учесть трехлетнее присутствие союзной экспедиционной армии и многотысячного сонма всевозможных мнимых и действительных специалистов и лиц неопре-

Таблица 5

Экспорт Франции в Турцию в 1851 и 1856 гг.*,
млн. фр.

Товар	1851 г.	1856 г.
Ткани		
шерстяные	3,2	9,8
шелковые	3,8	12,5
хлопчатобумажные	0,8	7,0
Сахар, сладости	1,3	4,6
Металлоизделия	1,4	9,6
Оружие	—	3,3
Книги, бумага, произведения искусства	0,8	1,4
Вина, спирт, крепкие напитки	0,5	7,6
Продовольствие (кофе, сыры в ассортименте, солонина, мука и мучные изделия)	0,2	6,0
Выделанные кожи, ремни, ранцы и пр.	2,1	6,4
Одежда, предметы обмундирования	—	3,1

* По данным: Heuschling X. L'Empire de Turquie, с. 186; Ubicini A. Lettres sur la Turquie. T. 1, с. 404.

деленных профессий. С 6 до 14 % вырос французский ввоз металлоизделий, в том числе не значившегося прежде оружия. До 20 % от общей стоимости импорта из Франции возрос ввоз продуктов и напитков, предназначенных не для турецкого потребителя, а для всего экспедиционного корпуса: солонины, джина, спирта и т. д. Европейская одежда и предметы военного обмундирования дополняют общую картину создания своего рода рынка сбыта военной и полувоенной продукции Франции в Османской империи. В послевоенный период, хотя и в меньшем объеме, все основные военные товары также присутствовали в номенклатуре французского ввоза. Продолжалась перестройка рынка Османской империи в соответствии с военно-политической активизацией Франции, вылившейся в прямую агрессию в Сирию в 1860—1861 гг.

Обратимся вновь к экспорту Османской империи во Францию. При росте вывоза в 1856 г. по сравнению с 1851 г. в 1,9 раза (с 38,8 млн. до 74,1 млн. фр., по официальной оценке) обращает на себя внимание появление нескольких новых статей экспорта (табл. 6).

Примерно 22 % стоимости турецкого экспорта составила только пшеница. Война стимулировала потребности союзников в продовольствии — пшенице и кукурузе, вывоз последней оценивался в 7,9 млн. фр. Турция стала вывозить муку, мучные изделия, ранее не значившиеся в списках турецкого экспорта, солонину, изюм и сухофрукты, вино, фураж. Большая часть продовольствия и фуража оставалась в зоне, контролирував-

шейся союзными армиями, и перепродавалась индентантской службой на месте. После войны вывоз муки и мучных изделий сократился. Ввезенное во время войны оборудование из Франции и Италии для мукомольных и хлебопекарных армейских предприятий после ухода союзных войск из Турции простаивало, разрушалось. Вывоз во Францию пшеницы, кукурузы, других зерновых полностью вытеснил турецкую муку, крупу и изделия из них, не находивших там сбыта¹⁶.

Резко упала стоимость экспорта пряденой шерсти. Французское и бельгий-

ское производство, ранее потреблявшее пряденую шерсть из Турции, отказалось от закупок последней в пользу исключительно дешевой немытой шерсти, подвергавшейся машинной обработке в Европе. Закупки по минимальным ценам немытой шерсти и невыделанных кож лишали местное обрабатывающее производство возможности поставлять на рынки европейских стран если не изделия, то по крайней мере полуфабрикаты.

Среди предметов традиционного турецкого сельскохозяйственного экспорта неизменно значился шелк-сырец, стоимость которого выросла за 1851—1856 гг. с 14,9 млн. до 56,3 млн. фр. (включая шелк в коконах). Вывоз из Османской империи во Францию осуществлялся преимущественно французским флотом, включая военные корабли (табл. 7).

Последние по условиям военного времени досмотру турецкими властями и соответственно налогообложению не подвергались.

В начале периода суда под османским флагом составляли менее 1% общего числа торговых судов на рейде Марселя, участвовавших в перевозках товаров из Франции в Турцию и обратно.

Таблица 6

Вывоз турецкой сельскохозяйственной продукции во Францию*,

млн. фр.

Вид продукции	1851 г.	1856 г.
Шелк-сырец	14,9	39,4
Шелк в коконах	—	16,9
Пшеница	—	27,3
Кукуруза	—	7,9
Шерсть немытая овечья и козья	1,7	8,3
Шерсть пряденая	1,9	—
Масло оливковое	3,6	1,4
Масла растительные	6,4	6,7
Кожі невыделанные	0,8	4,5
Изюм, сухофрукты	—	2,3
Соло ина	—	2,0
Вино виноградное	—	1,5
Табак	0,4	0,6
Строевой лес и строй- материалы	—	0,5
Мука, мучные изделия	—	0,7
Рожь, ячмень, овес	—	2,1

* По данным: Heuschling X. L'Empire de Turquie, с. 187; Ubicini A. Lettres sur la Turquie. T. 1, с. 406; Nicolaidy B. Les turcs et voyages dans les provinces Ottoman. P., 1859, с. 344.

Таблица 7

Участие судов Франции и Турции
в торговых перевозках *,

(в среднем за год)

Годы	Суда Фран- ции	Тон- наж, тыс. т	Суда Тур- ции	Тон- наж, тыс. т
1825—1834	109	17,6	3	0,6
1835—1844	214	98,0	6	1,1
1845—1849	374	110,3	43	7,5
1850—1854	454	102,8	25	5,0

* По данным: Коммерческая газета. 18.01.1840; Viquesnel A. Voyage dans la Turquie d'Europe. Т. 1, с. 323.

ся значение дешевого и стабильного вывоза из Османской империи шелка-сырца для развития во Франции шелкоткацкого производства во времена «либеральной империи Наполеона III»¹⁷. Выгодные условия поставок шелка-сырца из Шанхая, где в 1851 г. обосновалось несколько экспортных контор Франции, французские коммерсанты все же предпочли импорту шелка из Османской империи, не требовавшему столь значительных транспортных издержек, как его импорт из Китая. Не менее четырех раз на протяжении 1847—1857 гг. шелковое производство во Франции оказывалось в состоянии, оценивавшемся современниками как критическое: в 1847 и 1857 гг. в связи с кризисами в мировом капиталистическом хозяйстве, в 1853 и 1856 гг. из-за массовой гибели гусениц тутового шелкопряда. Кризисы 1847 и 1857 гг. в наименьшей степени поразили шелкоткацкое дело, главным образом ввиду умелого маневрирования владельцев шелкоткацких предприятий Лангедока и Бротто, коммерсантов Марселя и на рынках Бейрута, Измира, Салоник¹⁸. В 1853 и 1856 гг. быстрый ввоз тутового шелкопряда из Турции (по стоимости — до 1 млн. фр.) помог возрождению и генетическому обновлению шелкопряда в долинах Роны и Лангедока.

Итак, ввоз Франции из Османской империи в 50-х годах XIX в. превысил ее суммарный предвоенный импорт из Индии, Индокитая, Филиппин, Китая и Турции¹⁹. Подъем общего уровня торговых оборотов приходился на военные 1854—1856 годы, причем за счет французского экспорта в Османскую империю (см. рис. 1 и 2). Среднегодовой ввоз Франции в эти годы составил 46,6 млн. фр., или вдвое выше соответствующих показателей 1851—1853 гг. Максимум оборота пришелся на послевоенный 1857 год (см. табл. 4). К этому времени Турция была связана долговыми обязательствами с английскими банками. Финансистам Сити противостояла французская торговая буржуазия, потребовавшая от Наполеона III скорейшего выхода из Крымской войны, когда стало очевидным, что политические

Соотношение это не изменилось и к середине 50-х годов. Соответственно тоннаж турецких кораблей во франко-турецкой торговле не поднялся выше 5 %.

Объемы шелкового и других видов транзита через черноморские проливы или через турецкие порты французская статистика не раскрывала. В современной французской буржуазной историографии не оценивается

позиции Франции на Ближнем Востоке достаточно упрочились. Активным участием в Крымской войне Франции удалось в известной мере ликвидировать отставание от Англии в темпах роста оборота турецкой торговли, которого Франции, отстававшей от Англии в общем промышленном развитии, чисто экономическими методами добиться не удавалось.

Высокие темпы роста товарооборота с Османской империей Франция сохраняла в 60-е годы, закрепив свои позиции в новом капитуляционном договоре от 29 апреля 1861 г., последовавшем вскоре после высадки в конце августа 1860 г. французского экспедиционного корпуса в Бейруте. Доля Франции в общем турецком экспорте в 50-х — начале 60-х годов составила 29—30 %, в импорте — 11—13 %. При всей относительности обобщенных данных по внешней торговле Османской империи заслуживает внимания оценка французским экономистом А. Мартино среднегодового баланса турецкой торговли в 60-х годах XIX в. в 725 млн. фр., из которых 48,3 % составляли оборот с Англией, 34,5 % — с Францией²⁰.

Особенности торговых отношений с Австрией и Англией

Австрия была второй после Франции великой западноевропейской державой, активно включившейся в торговлю с Османской империей в новое время. Капитуляционные соглашения она заключила с Портой подобно другим державам, но территориальная близость и общая граница в Юго-Восточной Европе, наконец, судоходный Дунай создавали для Австрии более благоприятные условия в торговом отношении. Однако реализовались эти преимущества слабо. Габсбургская монархия в рассматриваемый период отставала по своему экономическому развитию от ведущих европейских держав. Сельское хозяйство Австрии, оценивавшееся по объему товарного производства перед Крымской войной в 2 млрд. гульденов (при объеме промышленного производства в 0,8 млрд.), поставляло на европейский рынок продукцию, однотипную с сельскохозяйственным экспортом Османской империи, — зерновые и продукты животноводства²¹.

Австрия в промышленном экспорте на Восток все более отставала от Англии и Франции²². Это до некоторой степени компенсировалось развитием в 30—50-х годах XIX в. морского и речного флота и в 60-х годах — железнодорожного. Австрия постепенно втягивала в сферу своего влияния сопредельные турецкие владения. В Вене раньше соперников осознали перспективы развития коммерческого пароходного сообщения по Дунаю между турецкими портами и Центральной Европой. В 1836—1837 гг. Австрийский Ллойд связал регулярными сообщениями Вену с Галацем, Стамбулом, Трабзоном, Измиром и Александрией. В год заключения фритредерских конвенций Османской

империи с европейскими державами (1838 г.) австрийские пароходы осуществляли регулярные рейсы по Дунаю и по Черному морю до Трабзона, а также от Одессы до Триеста, вели, кроме того, обширную каботажную торговлю в пределах прибрежных вод Османской империи, все более вытесняя греческие парусные фелюги²³. Австрийское Дунайское пароходство с 14 пароходами в 1838 г. выросло до 32 в 1846 г. и до 97 пароходов в 1859 г., превосходя всех соперников²⁴.

К торговой и политической борьбе за влияние в балканских провинциях Османской империи Австрия подошла достаточно подготовленной, учитывая к тому же железнодорожное и телеграфное строительство в 40—50-х годах, развернувшееся с помощью французских специалистов и нацеленное на создание оптимальной и надежной связи Вены с главными объектами экономических интересов Австрии в эти годы — Дунайскими княжествами. В 1846 г. из общего объема австро-турецкой торговли в 28,5 млн. флоринов две пятых приходилось на долю Дунайских княжеств и Сербии.

Занимая во внешнеторговом обороте Османской империи третье-четвертое место, Австрия прочно удерживала преобладание в торговле Молдовы и Валахии. В 1850—1851 гг. общий оборот австро-турецкой торговли оценивался в 132,8 млн. фр., из которых морская торговля через проливы и речная по Дунаю составили 52,9 млн. фр., сухопутная — 79,9 млн. фр.²⁵. При этом пассивный для Австрии торговый баланс был равен 13,4 млн. фр., а в отдельные годы — даже 20 млн. фр.²⁶. Следует отметить, что в 20-х — начале 30-х годов торговый оборот Турции с Австрией был сбалансирован²⁷.

Сдвиги наступили после открытия по Адрианопольскому договору 1829 г. черноморских проливов для широкого коммерческого судоходства и в связи с быстрым развитием торгового парового флота. К 1852 г. торговый оборот Австрии составил 60 млн. фр., из которых 42 млн. фр. — импорт из Османской империи²⁸. Активный торговый баланс Турции в данном случае складывался за счет усиленного вывоза зерновых из Дунайских княжеств и широкого участия Австрийского Ллойда в перевозках сельскохозяйственной продукции из Османской империи и Ирана транзитом в Европу²⁹. Это обстоятельство не нашло освещения в современных работах зарубежных авторов, исследующих экономический рост Западной и Центральной Европы в середине XIX в. и объясняющих участие Австрии в Крымской войне преимущественно ее усилиями для стабилизации положения в Юго-Восточной Европе.

Если Франция и Англия вели экономическое наступление на Ближнем Востоке широким фронтом, стимулируя создание контактных зон в различных районах Османской империи, то Австрия действовала преимущественно на участке Дунай — черноморские проливы — Трабзон. Торговое преобладание Австрии в Дунайских княжествах характерно главным образом в пери-

од мирового экономического кризиса 1847 г., а также во время Крымской войны. Зерновые, кожевенное сырье и шерсть, живой скот были главными статьями вывоза из Молдовы и Валахии, экспорт которых за эти годы вырос с 128,6 млн. до 340 млн. лей, причем экспорт Молдовы утроился, а Валахии — удвоился. Их импорт отставал примерно вдвое. В целом на долю Османской империи приходилась седьмая часть всего австрийского товарооборота, а на долю Австрийской империи — пятая часть турецкого³⁰.

Потерпев поражение в соперничестве с английскими и французскими пароходными компаниями за выгодные перевозки на прямых линиях Алжир — Стамбул, Афины — Измир — Стамбул, Марсель — Афины — Измир, Ливерпуль — Патры — Стамбул, австрийские коммерсанты при поддержке правительства и Банка Ротшильда в Вене, при участии группы банкиров в княжествах во главе с Л. Кахане, имевших двойное подданство (османское и австрийское), сконцентрировали усилия на дунайско-трабзонском направлении. Финансисты в княжествах через конторы в Стамбуле, Трабзоне, Вене и Триесте поддерживали, прибегая к помощи Ротшильдов, оптимальные кредитные ставки³¹. Венский кабинет специальным решением (1850 г.) признал необходимым всемерно защищать капитуляционное право наибольшего благоприятствования для австрийских коммерсантов в первую очередь применительно к портам Османской империи на Дунае, включая Сулинское гирло³². В разгар кризиса 1847 г. Австрия первой из европейских держав открыто отвергла признанный ею по конвенции 1838 г. принцип предоставления Турции права наибольшего благоприятствования. Она вводила не только произвольные ограничения в виде высоких пошлин на импорт или транзит турецкой сельскохозяйственной продукции, но и запреты на незначительный по объему ввоз из Турции (через Дунайские княжества) кос, серпов, предметов крестьянского быта из стали и железа. Всемерно поощряя двойное гражданство (в 50-х годах более 50 тыс. паспортов австрийского подданства было выдано только в княжествах и значительно больше в Западной Анатолии), Австрия неуклонно требовала от турецких властей выполнения условий Пожаревацкого трактата 1718 г., определявшего порог иска в торговых претензиях в 3 тыс. акче, что мало соответствовало условиям середины XIX в. и фактически выводило все торговые тяжбы из-под контроля турецких властей³³. Полностью оттеснить соперников — англичан, в отличие от торговцев-турок, венским коммерсантам не удалось. Английский экспорт в Молдову в год начала Крымской войны вдвое превысил австрийский. Австрия не могла только экономическими методами закрепить свое преимущество в Дунайских княжествах и низовьях Дуная, как не смогла, используя только силу оружия, Франция укрепиться в Сирии, а Англия — в Персидском заливе и на побережье Красного моря. Однако пушки пока молчали. Связав друг друга обязатель-

ствами по сохранению статус-кво Османской империи и поддержанию капитуляционного режима в 1838—1841 гг., Австрия, Франция и Англия продолжали расширять коммерческую экспансию через контактные зоны Измира и Трабзона. Определенное представление о торговом соперничестве держав в этих двух зонах дают табл. 8 и 9.

Через Измир поступала продукция всей промышленной Европы и США, вывозилась сельскохозяйственная продукция Малой Азии и части арабских территорий, осуществлялся транзит товаров в Западную Европу, в черноморские порты России. В динамике торгового развития Измира за 1834—1841 гг. центральным событием стала серия фритредерских соглашений Порты с западными державами. Если доля Австрии, по существу, не изменялась на протяжении всего десятилетия: была не ниже 22,1 % (1840 г.) и не выше 30,6 % (1836 г.), то позиции Англии заметно окрепли с 1837 г. В начале 40-х годов, после заключения Лондонской конвенции о проливах, на долю Англии приходилось более половины всего товарооборота Измира. Англия и Австрия оказывали решающее воздействие на объем торговли через этот порт, поскольку на их долю неизменно приходилось более половины стоимости всех грузов. Это же обстоятельство во многом определяло противоречия между двумя главными торговыми контрагентами Измира в эти годы. Связанные соглашением о взаимных льготах для транспортировки товаров в бассейне Черного моря, Австрия с ее значительным флотом и Англия с ее промышленным потенциалом доминировали в торговле Измира лишь до середины 50-х годов. После Крымской войны (в 60-х годах) доля Франции, а позднее и Германии (в 70-х годах) значительно возросла.

Другая контактная зона — Трабзон — была связана с транзитным экспортом Англии в Иран и Афганистан, Австрии — со значительным транзитным импортом из Ирана. В отличие от торговли Измира, где османским подданным — грекам и туркам, владельцам небольших судов, из-за конкуренции крупнотоннажных кораблей не оставалось сколько-нибудь значительной роли в перевозках, в Трабзоне ситуация складывалась иначе. По инициативе Махмуда II в 1838 г. были начаты переговоры с Австрийской Дунайской компанией о передаче Порте всей или большей части перевозок на линии Стамбул — Трабзон. Дискуссии Таможенного управления Османской империи с австрийскими чиновниками велись в течение трех лет. Нередко турецкие солдаты ставили кордоны у трапов австрийских судов, шедших в Трабзон. Посланник Вены трижды угрожал Порте разрывом дипломатических отношений, если невыполнимые капитуляционные права Австрии на неограниченную торговлю в турецких водах будут нарушены. Военный министр Рыза-паша, министр финансов Савфет-паша и Тахир-паша из Главного таможенного управления, вложившие сотни тысяч курушей личных средств в транзитную торговлю Трабзона, отстаивали свои интересы

Таблица 9

Торговый оборот держав через Трабзон*,
млн. руб. ассигнациями

Страна	1843 г.			1844 г.			1845 г.			1846 г.					
	Ввоз	Вывоз	Обо-рот												
			% обще-го обо-рота												
Австрия	1,6	5,4	7,0	16,9	0,6	17,5	42,5	12,5	4,3	16,8	39,0	12,3	4,4	16,7	38,1
Англия	2,2	0,4	2,6	4,0	0,3	4,3	10,4	5,2	1,8	7,0	16,2	18,3	3,1	21,4	48,9
Турция	8,6	2,6	11,2	14,1	5,3	19,4	47,1	16,3	3,0	19,3	44,8	5,0	0,7	5,7	13,0
	1847 г.			1848 г.			1849 г.			1850 г.					
Австрия	10,9	3,0	13,9	12,4	1,4	13,8	27,0	10,3	1,9	12,2	21,6	14,9	13,2	18,1	30,1
Англия	16,6	3,2	19,8	20,0	1,3	21,3	41,7	16,6	3,1	19,7	34,8	19,3	3,8	23,1	38,4
Турция	4,6	1,2	5,8	13,8	2,2	16,0	31,3	15,3	9,4	24,7	43,6	14,5	4,4	18,9	31,5

* Рассчитано по: АГПР, Ф. Госольство в Константинополе, сп. 517, д. 1582—1593.

(в данном случае совпадавшие с государственными). Дунайская компания потеснилась. Английский посол Ст. Каннинг (Редклиф), получивший, по словам российского посланника А. П. Бутенева, легкое недомогание после тяжелого объяснения в Порте, пытаясь поддержать австрийцев, вынужден был согласиться на участие судов под османским флагом в перевозках товаров из Стамбула в Трабзон и обратно.

В Стамбуле было две таможни: одна находилась вблизи от Балык-базара для осмотра турецких товаров на вывоз, а другая — в Галате для оценки иностранных товаров, предназначенных для отправки в Трабзон. Они едва справлялись с притоком товаров. Этой борьбой Порты за судоходство в собственных водах и объясняется появление в торговых документах Трабзона графы «Турция». Впрочем, корабли под османским флагом, на участие в транзитной торговле которых Австрия вынуждена была согласиться, перевозили не турецкие товары и не для Восточной Анатолии. Европейские наблюдатели (А. Убичини, Л. Фарли) и историки (Ф. Э. Бейли, Ч. Иссави) дают разные оценки транзита через Трабзон. Представляется важным уточнить долю транзита в обороте Трабзона, его состав, количественное и качественное потребление товаров самого города и Эрзурумского вилайета, тяготевших к порту Трабзон.

Генеральный консул России в Трабзоне И. Герси писал в 1842 г., что, несмотря на общий упадок внутренней торговли с Малой Азией, Трабзон процветает. «Это распахнутые настежь и вовсе не охраняемые ворота, через которые в Персию уходит из Европы на 21,3 млн. руб. ассигнациями товаров самого разного сорта из 30,5 млн. рус. асс. общего привоза»³⁴.

Действительно, ввоз в Иран в 1842—1849 гг. составил 66—69 % всего ввоза в Трабзон, и только в начале 50-х годов он упал до 22—18 % за счет увеличения товаров преимущественно военного назначения для Ванского и Эрзурумского вилайетов. Тенденция вывоза товаров из Ирана аналогична: от 71—73 % общей стоимости экспорта Трабзона в 1846—1847 гг. до 18—20 % в 1851—1852 гг. Частично вывоз из Ирана шелка-сырца и табака сменился в 1851—1853 гг. увеличением вывоза турецкого табака и сухофруктов, собранных в Восточной Анатолии. Из региона Трабзона экспортировали табак, натуральные красители и сухофрукты, нерегулярно — медь³⁵. В основном в Трабзон ввозились мануфактурные изделия, а вывозились преимущественно шелк-сырец, орехи и табак, причем на английских и австрийских судах. Турецкие суда перевозили хлеб, соль, чай, кофе и другие товары для местного потребления. Медь на экспорт и русские товары (полотно, парусину, железо и хлеб) также перевозили турецкие суда. «Вся торговля с русскими портами, — писал в 1840 г. И. Герси, — ведется турками на их кораблях, особенно много перевозится ими хлеба и железа, спрос на которые растет, несмотря на цену в 90—95 курушей за квинтал вместо 50—52 курушей за английское железо»³⁶. Ввоз оружия

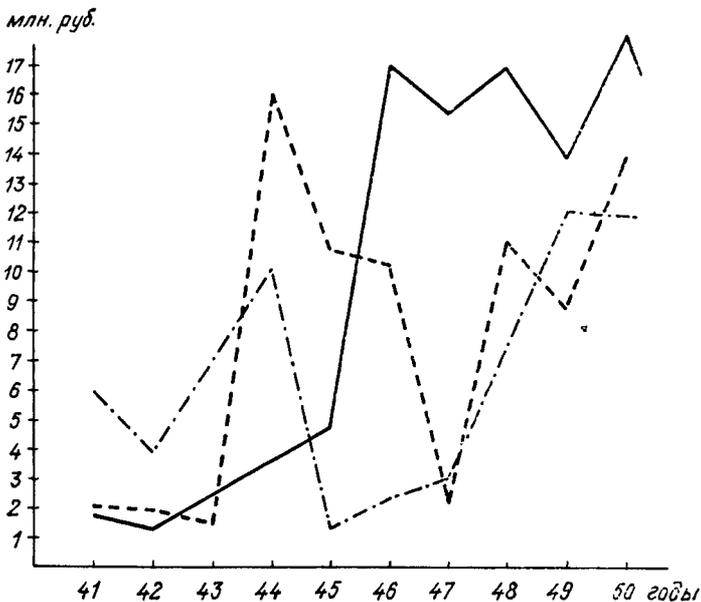

Рис. 3. Зависимости изменения оборотов торговли Англии (сплошная линия), Австрии (пунктир) и Турции (точки — тире) через Трабзон в 1841—1850 гг.).

на английских судах отмечен в статистике с 1847 г., перевозка оружия на турецких судах — с 1849 г.

Начиная с 1844 г. регулярные рейсы на линии Стамбул — Трабзон совершали английский, австрийский и турецкий пароходы (по одному обратному рейсу в неделю). Когда Австрия и Англии ввели рейсы на Батуми (1850 г.), Порта немедленно ввела регулярный рейс парохода Стамбул — Трабзон — Батуми (раз в две недели).

Попытки турецких властей противостоять давлению в торговле Трабзона Англии и Австрии были столь же безуспешными, как и конкуренция парусных лодок с пароходами. Соотношение участия Англии, Австрии и Турции в торговле Трабзона (рис. 3) наглядно свидетельствует о падении доли Турции в 1845—1847 гг., в период, предшествовавший экономическому кризису 1847 г. Этот спад, как свидетельствует статистика, сопровождался ростом английского и, в меньшей степени, австрийского оборота. Австрия и Англия к тому же определяли в целом динамику торговли в Восточном Причерноморье и транзит на Средний Восток.

Защита дальних рубежей британских владений на Индостане, продвижение в Центральной и Средней Азии осуществлялись Англией в сочетании политических, военных и экономических методов. Совместная до известных пределов коммерческая деятельность Англии с Австрией в Трабзоне, как, впрочем, в Ле-

ванте и Центральной Европе, отвечала в первую очередь интересам Англии, порождая противоречия между всеми тремя державами (включая Францию), которые осуществляли экспансию в Османской империи.

* * *

Экономические отношения Османской империи с Англией в той или иной степени привлекали внимание английских историков, изучавших ближневосточную политику Великобритании в новое время. Некоторые из них были склонны объяснять сугубо экономическими причинами как активизацию Англии на Ближнем Востоке в 30—50-х годах, так и политику британского кабинета в отношении Османской империи. Ф. Родки, Ф. Э. Бейли, Д.-С. Плэтт, Дж. Болсовер, О. Андерсон, Ст. Истон, по существу, сводили экспансионистскую политику Лондона к поддержке и стимулированию турецкого реформаторского движения вплоть до вооруженной защиты Турции от России. Эта «поддержка» реализовалась в действительности как подталкивание Турции к войне с Россией, способствовала закреплению английских коммерсантов на турецком рынке во имя процветания Британской империи. В рамках этих концепций соответственно подбирался и обрабатывался статистический материал. Например, Ф. Э. Бейли, как установил Л. С. Семенов (1975 г.), пользовался расхождением в 3,5 раза между официальными (в неизменных ценах) и объявленными (в текущих ценах) данными и отсутствием достоверной статистики по некоторым показателям для объяснений политического курса Великобритании. Так же как и в отношении франко-турецкой торговли, проблема достоверной статистики, выбор отдельных показателей и методов их обработки представляются важными для оценки торговых отношений Османской империи и Англии во второй трети XIX в. Это важно также для выявления направлений и степени соперничества главных капиталистических государств на Ближнем Востоке в эти годы и для аргументированной критики взглядов и методов буржуазной историографии. Ф. Энгельс отмечал зону черноморских проливов и северо-восточных берегов Черного моря в районе Трабзона как два центра англо-русского экономического соперничества на Востоке накануне Крымской войны³⁷.

Общая картина товарооборота Англии и Османской империи представлена в табл. 10. По ее данным построено графическое изображение относительного объема англо-турецкой торговли в процентном выражении (см. рис. 4). Оценивая данные торгового оборота и их графическую интерпретацию, следует иметь в виду ряд внешнеполитических обстоятельств.

На эти годы приходился ряд обострений Восточного вопроса, включавший военные столкновения России и Турции 1828—1829 и 1853—1856 гг., когда Англия, в первом случае косвенно,

Таблица 10

Внешняя торговля Османской империи с Англией в 1825—1862 гг.*,

млн. ф. ст.

Год	Ввоз	Вывоз	Оборот	Год	Ввоз	Вывоз	Оборот
1825	1,1	1,2	2,3	1844	7,7	1,3	9,0
1826	1,2	0,8	2,0	1845	7,6	1,5	9,1
1827	1,1	0,6	1,7	1846	5,9	1,1	7,0
1828	0,4	0,7	1,1	1847	8,4	...	...
1829	1,4	0,4	1,8	1848	9,5	...	...
1830	2,7	0,7	3,4	1849	8,4	...	...
1831	2,1	0,8	2,9	1850	8,8	...	...
1832	2,1	0,7	2,8	1851	6,7	...	...
1833	2,3	0,6	2,9	1852	7,3	2,3	9,6
1834	2,5	0,7	3,2	1853	7,0	3,3	10,3
1835	2,7	0,9	3,6	1854**	3,1	2,2	5,3
1836	3,6	1,0	4,6	1855	6,1	2,3	8,4
1837	2,7	0,8	3,5	1856	4,7	2,4	7,1
1838	4,7	0,8	5,5	1857	3,3	2,3	5,6
1839	3,6	1,2	4,8	1858	4,6	2,6	7,2
1840	3,7	1,2	4,9	1859	4,0	2,7	6,7
1841	3,6	1,2	4,8	1860	4,6	3,2	7,8
1842	4,7	1,2	5,9	1861	3,1	3,6	6,7
1843	5,4	1,2	6,6	1862	3,9	4,3	8,2

* Расчет на 1825—1846 гг. сделан по таможенной статистике Англии (см.: Bailey F. E. *British Policy and the Turkish Reform Movement*. Cambridge, 1942, app. II); на 1846—1852 гг. по: *Statistical Abstract for UK... L.*, 1854, tabl. 12; на 1853 г. — приблизительная оценка современников — Л. Фарли, А. Убичини; на 1854—1862 гг. — по: *Statistical Abstract for UK... L.*, 1868, tabl. 9.

Данных по обороту на 1847—1851 гг. статистика не содержит. Данные современников противоречивы, корреляция затруднена. Л. Фарли на 1858—1860 гг. оценивал оборот Османской империи, по данным английского посольства в Стамбуле, соответственно в 9,5 млн., 9,7 млн. и 11 млн. ф. ст. (включая Сирию и Палестину) (см.: Farley L. *The Resources of Turkey*. L., 1863, с. 11).

** С 1854 г. — исчисленная действительная стоимость, в 1825—1853 гг. — официальная оценка в неизменных ценах 1694 г.

Примечание. С 1846 г. не включены Греция, Дунайские княжества, Сирия и Палестина (см.: *Statistical Abstract for UK...*, 1854).

а во втором фактически, поддерживала Турцию, а также военные действия Порты против Мухаммеда Али в 1831—1833 и 1839—1841 гг., когда Англия, в первом случае номинально, а во втором (1840—1841) фактически, участвовала в вооруженном конфликте на Ближнем Востоке. Британский кабинет считал, что военное присутствие должно обеспечивать экономические интересы Англии в этом регионе. На этот период приходилась также Крымская война, в небольшой степени стимулировавшая английской торгово-промышленной буржуазией. Наконец, в эти годы наблюдались промежуточные спады и глубокие экономические кризисы, поражавшие экономику «мастерской мира».

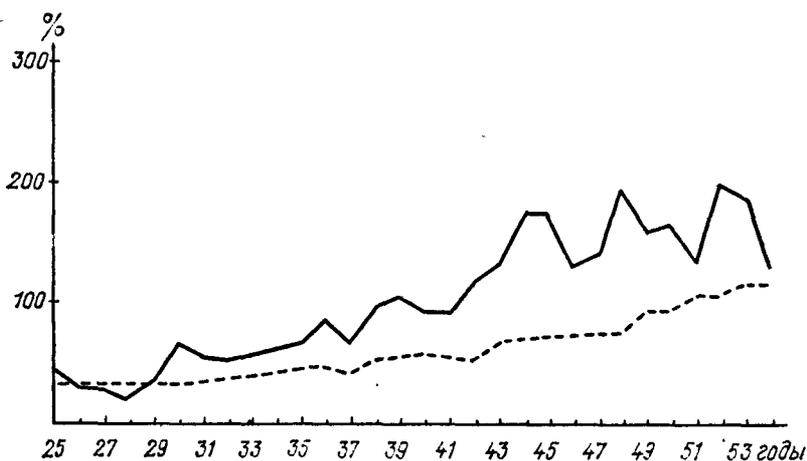

Рис. 4. Сравнение зависимостей изменения относительной величины объема торговли Англии с Турцией (сплошная линия) и Англии со всеми странами (пунктир) за 1825—1854 гг.

В начале периода Англия стремилась угрозой вооруженного конфликта нейтрализовать политику России в Восточном Средиземноморье, а в конце — добилась тем же способом ослабления французского влияния в Сирии и Палестине.

Для некоторых зарубежных исследователей (Ф. Бейли, В. Пюрьер, Ч. Иссави) характерно с помощью традиционных таблиц давать цифровую информацию. Они ограничивались общими замечаниями о наличии одного из видов объявленной или фактической оценки стоимости в статистике, не прослеживали динамику процесса товарооборота в сопоставимых величинах и на достаточно продолжительном отрезке времени. Обращение к графической интерпретации англо-турецкой торговли наглядно демонстрирует взаимосвязь тенденций роста общего товарооборота Великобритании с ее торговлей с Турцией, учитывая некоторое сокращение ее объема после 1846 г. из-за выделения торговли с Грецией и Дунайскими княжествами. Выводы упомянутых английских и некоторых современных турецких авторов, основанные на общих данных, использованных в трудах британских историков, не вполне точны по методологическим причинам, но еще и потому, что они оперировали стоимостными показателями, произвольно включая или исключая данные по отдельным территориям Османской империи³⁸. Метод, примененный автором данной работы, позволил с очевидной наглядностью продемонстрировать невысокий среднегодовой прирост в англо-турецкой торговле в период от начала активизации британской политики на Ближнем Востоке до Крымской войны. Это не согласуется с доводами защитников концепции жизненной

необходимости для Англии торговли с Турцией³⁹. Заметим также, что темпы прироста торговли между европейскими державами, все шире оперировавшими в эпоху промышленного капитализма сырьевыми возможностями и рабским трудом населения своих колониальных владений на Востоке, в 1800—1847 гг. в среднем составляли 3 % в год, что в 2—3 раза превышало прирост торговли Англии с Османской империей. При этом на долю всей Азии, по данным французских экономистов, приходилось в 30-х годах 6,3 % стоимости всего экспорта европейских стран, в 40-х годах — 8,6 и только к 1860 г. — уже 10 %⁴⁰. Торговля между самими европейскими странами, обладавшими обширными колониями и контролируемые рынками колоний, была в этот период развития капитализма (т. е. до кризиса 1847 г.) для них важнее, чем с теми странами Востока, которые сохраняли политическую независимость и относительную свободу внешнеторговой ориентации.

Ограничения, существовавшие в Османской империи для иностранного капитала до начала 60-х годов XIX в., ослабленное, но не уничтоженное полностью национальное производство сдерживали прирост английского ввоза. Устранение каких бы то ни было препятствий для английского торгово-промышленного капитала на обширнейшем турецком рынке было одной из главных задач британской внешней политики. Этой линии противостояла активная борьба Р. Кобдена и его единомышленников за овладение Англией в первую очередь европейским континентальным рынком. В буржуазной историографии последних лет настойчиво подчеркиваются острые противоречия двух групп политического давления на английское правительство. Во-первых, сторонников жесткого курса на овладение турецким рынком и путями к нему любой ценой, включая военные методы. Содействие при этом турецкому реформаторству рассматривалось ими строго через призму интересов Британской империи. Представителями этого курса были Д. Уркарт, Дж. Понсонби, Стредфорд Каннинг. Во-вторых, сторонников ориентации на европейские рынки, включая русский рынок, что было характерно для Р. Кобдена и его единомышленников. Картина противоречий этих группировок, их борьбы в торгово-политических кругах Англии в трактовке современных историков Б. Семмела (США) и П. Баироша (Франция) представляется излишне драматизированной, призванной создать впечатление о парламентских бурях, сопровождавших принятие политических решений по проблеме Азии⁴¹. Следует отметить, что в основе курса Англии на развитие торговых отношений с Османской империей лежали принципы, которые наиболее полно отразил Сениор У. Нассау. Одним из первых в Англии он призвал политических деятелей распространить систему фритрейда на Азию в целом и на Ближний Восток (30-е годы XIX в.)⁴². Новых деятелей колониально-фритредерского стиля, служивших в Лондоне и Стамбуле в 40—50-х годах, не удовлетворяли замедленные под-

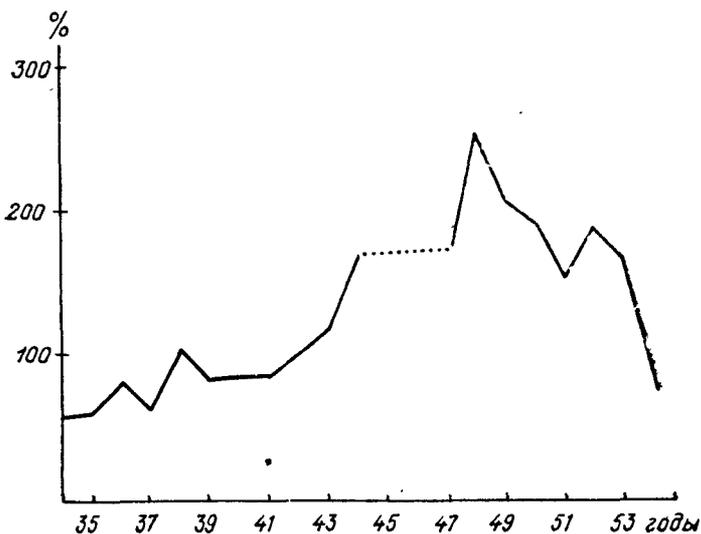

Рис. 5. Зависимость изменения относительной величины английского экспорта в Турцию за 1834—1854 гг.

готовительные маневры Д. Уркарта и Дж. Понсонби по овладению турецким рынком, отразившиеся, в частности, в многолетних переговорах о конвенции 1838 г. Стредфорд Каннинг, а также обширный аппарат консульской службы и покровительствуемых лиц в приморских городах Турции вдохновлялись в своей деятельности идеями Э. Г. Уэлкфилда — теоретика-реформатора колониализма, который доказывал необходимость закрепления на старых рынках во имя приобретения новых и быстрого расширения вывоза излишков капитала и продукции⁴³. Действия Англии в Турции в 1847 г. хорошо продемонстрировали эту особенность, когда массивный выброс товаров, почти без закупок производственного сырья в Турции и Иране, разрядил кризисную обстановку в Англии⁴⁴.

Прием капиталистической Англии перекладывать на плечи торгово-политического партнера, экономика которого приобретала все более зависимый характер, издержки собственного развития, наглядно выразился в резком увеличении ввоза английских товаров в Турцию (см. рис. 5)⁴⁵.

Продолжая изучение торговых отношений Османской империи с Англией, можно сделать следующие выводы. Рост товарооборота в 1825—1846 г. был отмечен существенным подъемом после 1829 г., когда усилиями русской дипломатии черноморские проливы были открыты для свободного коммерческого судоходства. Промежуточные кризисы 1837 и 1842 г. в Англии были преодолены: первый, в частности, распространением режима свободной торговли на Османскую империю, что получило соот-

ветствующее отражение на рис. 4 и 5, а второй — за счет активизации английского экспорта и транзитной торговли.

Что же касается непосредственных экономических интересов Османской империи в связи с конвенцией 1838 г., уместно привести некоторые объективные оценки англо-турецкой торговли. Вопреки прогнозам английской прессы и ожиданиям турецких властей отмена монополий и введение Портой повышенных тарифов не принесли ожидавшегося увеличения таможенных доходов. Статистические данные, собранные коммерческой канцелярией при российском посольстве, создают достаточно убедительную картину⁴⁶. За 15—20 лет, предшествовавших подписанию конвенции, все виды пошлин, взимаемые Портой с экспортируемых товаров, выросли на 20—30 %. Так, общие размеры пошлин на вывоз марены выросли со 160 курушей за квинтал в 1821 г. до 825 курушей в 1835 г. За шерсть, обходившуюся экспортерам в начале 30-х годов по 90—130 курушей за квинтал (цена, устанавливавшаяся Портой), они доплачивали еще по 25 курушей казне за каждый квинтал. Экспортер выплачивал казне в конечном счете до 20—22 % стоимости вывозившейся шерсти и в пределах 13—15 % стоимости вывозимого хлопка. Экспорт сухофруктов позволял казне получать до 13—14 % стоимости вывозимой продукции. Четыре различных вида пошлин на оливковое масло, при закупочной цене по 150—180 курушей за квинтал, позволяли получить с европейского экспортера до 50 курушей с каждого вывозимого квинтала масла, до 20 % таможенных сборов взималось Портой с других видов сельскохозяйственной продукции, пользовавшихся спросом на европейских рынках. Оценивая общий вывоз Измира в середине 30-х годов в 116—118 млн. курушей, в коммерческой канцелярии российского посольства определяли доход в турецкую казну от таможенных сборов в сумме до 18 млн. курушей, а после 1839 г. — менее 14 млн. курушей. С введением новых правил на экспорт оливкового масла Порты стала получать от таможенных сборов не 8 млн., а 3,2 млн. курушей.

Реакция турецких властей, встревоженных резким падением таможенных доходов, проявлялась в двух направлениях: были повышены, во-первых, налоги на непосредственных производителей экспортных культур, во-вторых, тарифные ставки на импорт ряда товаров. Среди них находились товары традиционного русского ввоза в Турцию. Так, зерно, ранее не облагавшееся пошлиной, подлежало пятипроцентному обложению; в несколько раз были увеличены тарифные ставки на икру, сливочное масло, сало, канаты, парусину. Особенно пострадал от изменения тарифных ставок ввоз русского железа.

В годы Крымской войны отмечен лишь частичный рост английского ввоза в Турцию (в 1855 г. — 6,1 млн., в 1856 г. — 4,7 млн. ф. ст.) и товарооборота в целом. Однако существенных изменений в торговых позициях Англии не наступило. Выйти из очередного кризиса 1857 г. в значительной степени за счет вы-

броса товарных излишков на рынки Османской империи и Ирана Англия уже не могла. После 1856 г. активизация французского торгового капитала на Ближнем Востоке, конкуренция Австрии и других европейских держав, увеличение доли финансового капитала в экономических англо-турецких связях объясняют заметную неравномерность возрастания оборота. Проявлялись также иные тенденции, включая рост английского экспорта в конце 50-х — начале 60-х годов не только в Малую Азию, но и в Египет, Сирию и Ливан, Дунайские княжества, которые стали оказывать заметное влияние на развитие всей ближневосточной торговли Англии. Ниже приводятся данные о торговом обороте Англии с Дунайскими княжествами в 1854—1859 гг. (млн. ф. ст.) ⁴⁷:

	1854 г.	1855 г.	1857 г.	1858 г.	1859 г.
Ввоз Англии в княжества	0,44	0,06	0,7	1,2	1,0
Вывоз Англии из княжеств	0,01	0,04	0,2	0,2	0,1

Артикулы товарооборота Англии в торговле с Турцией рассматривались А. Ф. Миллером, А. Д. Новичевым, Л. С. Семеновым, М. Н. Тодоровой, которые отметили, что османский экспорт в Англию носил сугубо сырьевой, сельскохозяйственный характер. Кроме зерновых, занимавших в нем решающее место, среди статей турецкого экспорта в Англию значились шерсть, опиум, натуральные красители и масла, составлявшие по стоимости от 1,5 до 5 %. Следует подчеркнуть, что английские торговцы первыми оценили возможность вывоза хлеба из Галаца и Брэилы, открывшуюся в связи с отменой после Адрианопольского мира принудительных поставок хлеба из Дунайских княжеств для нужд Стамбула. В 1837 г. через Галац и Брэилу было вывезено до 420 тыс. русских четвертей различных зерновых ⁴⁸. В том же году Порта по настоянию Англии и Австрии предоставила Галацу права порто-франко. В 1842 г. из него было вывезено 90,3 тыс. английских кварталов зерновых, а в 1849 г. — 298,4 тыс. кварталов ⁴⁹.

В январе 1839 г. генеральный консул в Измире Ф. А. Иванов, обобщая ряд данных по хлебной торговле Османской империи, писал, что развитие зернового экспорта Турции — факт очевидный, а поскольку в основе его лежит увеличение производства зерновых в Европейской Турции и в западной части Малой Азии, то «не следует пренебрегать возможностью скорого превращения Турции в соперника России на европейском хлебном рынке». Он называл два центра экспорта зерновых: «Смирна [Измир] — незамерзающий порт отправляет массу хлеба за границу круглый год, а Галац — безвестный городок на Дунае, который уже стал значительным хлебным рынком, вскоре составит конкуренцию портам России на Черном море» ⁵⁰.

По данным русского специалиста по хлебной торговле А. П. Скальковского, в 1850—1852 гг. среднегодовой вывоз зерновых из Галаца и Брэилы составлял: в Англию — 809 тыс. русских четвертей, в Стамбул — 423 тыс., в Триест и Венецию — 339 тыс., в Геную, Ливорно и Марсель — 110 тыс. русских четвертей. Общий вывоз обоих портов превысил 5 млн. четвертей зерна, значительная часть которого была отправлена в Англию⁵¹. Обратившись к британской статистике хлебной торговли, можно установить, что темпы прироста вывоза зерновых из Дунайских княжеств в 1843—1852 гг. достигали 7 % в год, т. е. намного превышали темпы прироста общего оборота англо-турецкой торговли⁵².

Не только отмена хлебных законов в Англии, но и острая нехватка продовольствия в Европе в неурожайные 1846—1847 годы и выгодная конъюнктура для турецкого хлеба⁵³ содействовали росту экспорта из Османской империи. Создание в 1848 г. в княжествах Дунайского коммерческого союза, отгораживавшего, насколько это было возможно в рамках Османской империи, Молдову и Валахию от влияния центральных властей в Стамбуле, рост производства зерновых в других районах Европейской Турции и Западной Анатолии, наконец, периодические поставки русской пшеницы — вот факторы, которые наряду с активизацией паромного сообщения Турции с европейскими портами обеспечили появление на европейских рынках хлеба из Османской империи в объемах, составивших в 1843—1853 гг. 6,8 % (4,7 млн. кварталов) общего ввоза зерновых в Англию. Турция отставала по вывозу хлеба от Пруссии (12,2 %), России (11,8 %), Дании (10,9 %), США (10,1 %), Германского таможенного союза (8,1 %), но обгоняла Францию (5,5 %), Австрию, Италию и другие страны. Около 5 % ввоза хлеба в Англию было осуществлено в эти годы Египтом (3,4 млн. кварталов). За первые девять месяцев 1853 г. в Англию из Турции было ввезено 0,7 млн. кварталов зерновых, из Дунайских княжеств — 0,6 млн., из Египта — 0,5 млн. кварталов⁵⁴.

Итак, не собственно турецкие территории Османской империи, а Дунайские княжества и Египет (номинально зависимые от метрополии) определяли основной объем предвоенного ввоза зерновых в Англию. Ниже приводятся данные о ввозе зерна в Англию в 1849 и 1851 гг. (тыс. кварталов)⁵⁵:

	1849 г.	1851 г.
Египет	392,7	958,9
Дунайские княжества	325,1	624,2
Турция	399,9	420,8
Черноморские порты России	542,7	762,1

Английская историография, защищающая тезис о преимущественном значении для Великобритании турецкого хлеба⁵⁶, умалчивала о значении ввоза русского хлеба в Турцию и резко-

порте его в Европу. Появление на европейских рынках в 40-х годах XIX в. крупных партий турецкого хлеба (до 1,5—2 млн. четвертей) поддерживалось в значительной мере за счет поставок из России пшеницы (до 0,5—0,7 млн. четвертей), муки и зерновых для выпечки хлеба населению ежегодно требовалось до 3 млн. киле пшеницы, из них одна треть приходилась на долю русской пшеницы, без которой, по словам современников, невозможно было выпечь «порядочный хлеб»⁵⁷. Часть хлеба шла на снабжение и оплату рабочих нескольких государственных фабрик, 250—350 тыс. четвертей русской пшеницы направлялось в Грецию, на Крит и Ионические острова. В Западную Европу реэкспортировалось менее одной трети русской пшеницы только твердых сортов⁵⁸. Турецкий социолог И. Сунар справедливо отмечает, привлекая данные Балканских стран, что включение в мировую торговлю продукции сельского хозяйства Турции отражало общемировые, регионально специфические по форме процессы⁵⁹. Однако следовало бы добавить, что главным тормозом этих процессов в Османской империи в целом и в ее наиболее развитом социально-экономическом регионе — на Балканах — было само османское феодальное государство. Не соперничество России, как утверждает буржуазная историография, а сохранение турецкого господства препятствовало дальнейшему развитию экспортного потенциала Румелии и Дунайских княжеств, мешало их устойчивым связям с потребителями.

В экспорте Англии в Османскую империю в течение всего рассматриваемого периода решающее место принадлежало промышленным изделиям. Этот факт отмечали еще турецкие современники (А. Лютфи) как пагубный для развития национального производства; его поддерживает в современной турецкой историографии и ряд исследователей прогрессивного направления. Неоднократно отмечалась обширная номенклатура британского экспорта в Турцию, ее рост с 28 наименований в 1825 г. до 84 в 1853 г. Английские историки на этом основании строили концепцию о растущей значимости Турции как емкого рынка сбыта и отмечали цивилизирующее воздействие на турецкого потребителя британского экспорта часов, предметов обихода из металла, галантереи всех видов и назначений наравне с хлопчатобумажными изделиями⁶⁰. В действительности именно экспорт хлопчатобумажных тканей и изделий определил объем и стоимость английского экспорта в Турцию, о чем свидетельствовали как таблицы экспорта в приложениях к работе Ф. Э. Бейли, так и таможенная статистика Англии. Крупные партии хлопчатобумажных тканей и пряжи Англия ввозила в Турцию в период обострения Восточного вопроса и русско-турецкой войны 1828—1829 гг., воспользовавшись ослаблением позиций России и занятостью Франции алжирской проблемой. В 1825 г. в Турцию было ввезено более 4 млн. ярдов тканей и пряжи, в 1827 г. — 11,5 млн. и в 1829 г. — 15,6 млн. ярдов, главным образом ситца.

Благоприятные условия для мировой торговли через проливы после Адрианопольского мира позволили в 1834 г. довести ввоз тканей и пряжи до 28 млн. ярдов⁶¹.

Оценивая английский экспорт в Турцию, предпочтительно исходить из его физического объема, поскольку стоимостные показатели, обычно используемые исследователями, не вполне корректны ввиду колебания цен и плавающего соотношения официальной, объявленной и реальной оценок. Более того, и эти данные относительны, ибо статистика содержит полные сведения лишь по экспорту ситца, миткаля, коленкора и хлопчатобумажной нити. С учетом этих замечаний отметим, что в течение 1829—1850 гг. ввоз в Османскую империю ситца из Англии при физическом росте с 15,6 млн. до 46,8 млн. ярдов (максимум ввоза 1845 г.) колебался в пределах 7,3 % (в 1830 г.) и 4,1 % (в 1850 г.) стоимости всего экспорта⁶². Крымская война была использована английскими коммерсантами для ввоза крупных партий ситца (132,6 млн. ярдов) в 4,3 раза превышавших ввоз 1850 г. (31,1 млн. ярдов). По стоимости же ввоз ситца в 1855 г. составил 12 % общего экспорта Англии в Турцию⁶³.

О распространении английских хлопчатобумажных изделий в Османской империи К. М. Базили отметил в 1848 г., что их можно встретить повсюду, вплоть до кочевых шатров Курдистана и Месопотамии. Об их качестве отзывался тебризский корреспондент «Коммерческой газеты» (14 декабря 1851 г.): «Доброта их и краски от года все хуже. Англичане нарочно сбывают в Турцию и Иран самые дешевые и линючие ситцы». Ввозу английских тканей и изделий, с годами утративших первоначальное высокое качество, но дешевых и соответствовавших местным традициям⁶⁴, а потому популярных, национальное производство в Турции и Иране могло противопоставить лишь незначительные партии хлопчатобумажных изделий из местной пряжи и английских полуфабрикатов. Демократически настроенный К. Фишек назвал 1835—1855 гг. в истории англо-турецких экономических отношений периодом массивного ввоза английских тканей в Турцию, после которого туркам осталась лишь сфера экспорта сельскохозяйственного сырья⁶⁵. Современники отмечали, что наряду с падением национального производства тканей ремесленники Малой Азии, в первую очередь Восточной Анатолии, развивали обработку привозных полуфабрикатов (ручная набивка, окрашивание)⁶⁶. Особенно много полуобработанных тканей Англия поставляла в годы спадов и кризисов, освобождаясь от товарных излишков. Эти ткани и попадали к турецким ремесленникам, которые стремились придать им вид высококачественных образцов. В итоге, как пишет современный турецкий автор Т. Чавдар, утрачивалось национальное лицо производства, развивалось подражательное⁶⁷. Генеральный консул России в Измире Ф. А. Иванов, сравнивая положение в Турции и Индии, считал, что одним из наиболее опасных для турецкого производства и, по его словам, «для ду-

ха и нравственности турок» было появление на внутреннем турецком рынке товаров, привычных по виду и выделке, например муслиновых покрывал английской работы, имитировавших национальные образцы⁶⁸.

Другим негативным социально-экономическим последствием массированного экспорта английского текстиля явилось широкое развитие контрабандной торговли (до 30 % оборота) через малоазиатское побережье на бесчисленных суденышках, владельцев которых негласно поощряли и субсидировали оптовики — англичане, австрийцы и их представители из покровительствуемых лиц. Российский консул в «развращающей прибыльности этой коммерции»⁶⁹ усматривал одну из главных причин бегства местного населения из внутренних районов в портовые города, непропорционального роста нескольких прибрежных городов за счет людей, связанных с этим непроизводительным, незаконным промыслом, увеличивавшим численность полулюмпенов, паразитирующих на заинтересованности европейской капитала овладеть любой ценой внутренними рынками Османской империи. Так находит конкретное воплощение оценка К. Марксом губительного для национального производства стран Востока вторжения европейского промышленного капитализма. «Этот ввоз иностранных промышленных изделий имел такое же влияние на китайскую промышленность, — писал он в мае 1853 г., — какое прежде оказал на промышленность Малой Азии, Персии и Индии»⁷⁰.

Торговлю текстилем в Османской империи после 1838 г. прочно взяли в свои руки местные торговцы — греки, армяне и евреи, связанные непосредственно с поставщиками в Англии. К 50-м годам значительно возросло число торговцев-инонационалов, которые вели операции с крупными партиями английских тканей. Британский «Экономист» в 1853 г. взывал к правительству: «200 греческих торговых домов в Леванте готовы открыть конторы от Америки до Индии!»⁷¹. Они-то и становились реальными конкурентами английских торговцев тканями. Попытки торговцев-турок из Стамбула в 1849—1851 гг. перехватить часть оборотов тканями оказались безуспешными. Закупив в Манчестере большие партии ситцев для Анатолии и Ирана, они стали торговать ими в кредит. «Гнилые и линючие» ситцы, оказавшиеся в закупочной партии, и отказ банкиров Галаты и Перы поддержать соотечественников довершили неудачное предприятие столичных торговцев-турок. Европейские торговцы заметно окрепли, турецкие — разорились, констатировала «Коммерческая газета» 14 декабря 1851 г., которая регулярно публиковала материалы об экономическом положении Турции.

Кс. Хёшлинг, специально изучавший проблему торгового соперничества европейских держав в Восточном Средиземноморье и в Юго-Восточной Европе, привел список товаров, ввезенных Англией в Османскую империю в течение года после Парижского мирного договора 1856 г. (табл. 11).

Таблица 11

Английский экспорт в Турцию в 1856 г.*

	Количество, млн.	Млн. фр.
Хлопчатобумажный текстиль, м	208,9	81,4
Хлопчатобумажная пряжа, кг	7,8	14,2
Шерстяные ткани, м	0,5	1,2
Сахар рафинированный, кг	6,1	7,6
Железо, сталь обработанные и необработанные, кг	20,4	4,8
Уголь каменный, кг	273,5	3,3
Медь обработанная и необработанная, кг	0,4	1,1
Продукты питания, (пиво, джин, солонина и др.)	...	2,9
Олово, металлоизделия	...	1,4
Машины и механизмы	...	0,6
Золотые украшения, бижутерия, галантерея	...	2,3
Индиго, кошениль	...	2,6
Кофе	...	1,2
Ткани из шелка	...	0,5
Ткани из льна	...	0,6

* Heuschling X. L'Empire de Turquie, с. 183.— Цит. по: Михов Н. Принос, с. 358.

этих товаров в Турцию, равно как и полуфабрикатов из льна, шерсти, шелка, подтверждает данные современников о сохранении и определенном развитии местного производства (особенно в анатолийских городах), доведившего привозные товары до уровня и вида привычных для внутреннего рынка.

Отмечено, что ткани и металлоизделия, появлявшиеся в 50-е годы на рынках Малой Азии, нередко имели турецкое клеймо. «Для облегчения сбыта в Закавказье и иные места», — так объясняли это явление в Азиатском департаменте России⁷³.

Английская таможенная статистика не дает однозначного ответа о торговле оружием и соотношении военных поставок в общем ввозе в Турцию. Ф. Э. Бейли вообще рассматривал поставки оружия в графе «металлоизделия», подчеркнув, что после 1845 г. военные поставки не превышали 547 ф. ст. (!). Впрочем, он вынужден признать, что в графу «Морские припасы», появившуюся в статистике в 1855 г., наравне с телеграфным оборудованием (аппаратура, провода) входили товары, связанные с вооружением турецкой армии⁷⁴. Замечания А. Буэ, ревностно отмечавшего англо-французское соперничество в Турции, и данные российской консульской службы в Измире позволяют утверждать, что часть орудийного парка турецкой армии и в соответствующих объемах боеприпасы поставлялись из Англии⁷⁵. Порох и значительная часть огнестрельного оружия (стволы,

В английском экспорте хлопчатобумажный текстиль всех видов и пряжа занимали ведущее место.

Ввоз железа, стали, меди в изделиях и полуфабрикатах, а также каменного угля в большинстве случаев предназначался для военных нужд. Машин и механизмов было ввезено меньше, чем золотых украшений и галантереи. Росли поставки продуктов питания и напитков, обычных для европейского рациона.

Часть красителей и пряжи ушла транзитом в Иран⁷²; тем не менее ввоз

прицелы) также поставлялись из Англии через Геную, Венецию, Ионические острова. Сборка производилась на местных оружейных заводах под наблюдением английских специалистов. Следует, однако, повторить приведенное в гл. I мнение русских наблюдателей о том, что часть корабельной и полевой артиллерии была целиком изготовлена на казенных турецких предприятиях. Очевиден не поддающийся количественному учету факт передачи военной технологии и образцов современного вооружения промышленной державой — Англией своему ближневосточному контрагенту для усиления армии перед началом и в ходе Крымской войны.

В заключение обзора основных тенденций развития внешней торговли Турции с западноевропейскими державами можно отметить следующее. Главные партнеры Турции по военно-политическому союзу наиболее прочно закрепились на турецком рынке, оставаясь соперниками в борьбе за экономические и стратегические позиции в Османской империи. Вооруженное присутствие Франции на Ближнем Востоке в 40-х годах, инициативная роль в войне 1853—1856 гг. и военная экспедиция в Сирии в 1860—1861 гг. наряду с активизацией в послекрымский период железнодорожного и портового строительства в районе Бейрут — Дамаск, Алеппо (Халеб) — Александретта (Искендерон) и реализацией суэцкого проекта были способами защиты интересов французской торговли от английской и австрийской конкуренции и ограничительных попыток турецкого правительства.

Что касается Англии, то экономисты еще в прошлом веке отметили, что она умело использовала обострение политической ситуации в Восточном Средиземноморье для укрепления своего экономического и политического влияния в 20—40-х годах, на которые приходились три фазы обострения Восточного вопроса. Англия увеличила товарооборот с Османской империей в 5 раз, с Бельгией и Голландией в те же годы — втрое, с Италией — вдвое⁷⁶. Англия в течение 40-х годов сумела взять под свой контроль треть всего товарооборота Османской империи, обгоняя по стоимости ввезенных в 1851—1856 гг. товаров Францию в 1,5 раза, Австрию (1850—1851) — в 1,9 раза, Россию (1850 г.) — в 6 раз, Иран — почти в 6 раз, Бельгию, США, Португалию, Испанию, Грецию, Сардинию, Бразилию, Ионические острова, вместе взятые, — в 2,8 раза⁷⁷. В начале 50-х годов на долю Австрии и Франции приходилось по 20 % товарооборота Османской империи. Экспорт Франции в Османскую империю на треть превышал ее вывоз в Россию. Английский экспорт в Турцию был почти равен экспорту во Францию и вчетверо превосходил экспорт в Австрию.

Главные соперники в борьбе за турецкий рынок в 1854 г. стали военными союзниками, связав друг друга и Османскую империю военно-политическим договором, соглашениями о займах и концессиях на строительство путей сообщения.

КАПИТУЛЯЦИОННЫЙ РЕЖИМ И ДОГОВОРЫ О ТОРГОВЛЕ И СУДОХОДСТВЕ 1838—1856 гг.

Фритредерские соглашения Османской империи с европейскими государствами

Сельское хозяйство Османской империи как абсолютно преобладающая отрасль хозяйственной жизни стало главным объектом экономической экспансии капиталистических держав. Однако появление на европейском рынке значительной по объему массы сельскохозяйственной продукции из Османской империи еще не дает оснований для суждений о проникновении в Турцию капиталистических отношений как следствия торговых соглашений 1838—1846 гг. и роста внешнеэкономических связей¹.

Развивавшиеся на собственной основе капиталистические отношения в Османской империи приобрели достаточно определенные формы на рубеже XVIII—XIX вв. на Балканах, в Египте и прибрежных районах Малой Азии. Торговля и некоторые виды сельскохозяйственной деятельности (производство зерновых и технических культур) действительно быстрее начали перестраиваться на капиталистический лад под влиянием спроса на европейских рынках. Первые перерабатывающие капиталистические мануфактуры, однако, были связаны с местным сельскохозяйственным производством, втягиваясь в деятельность складывавшегося капиталистического рынка Западной Европы, в первую очередь под влиянием местного ростовщика-откупщика и торговца-посредника. Торговцы-оптовики, обычно нетурки, которые участвовали в международном обмене, землевладельцы нового типа, наконец, получившие образование в Европе представители военных и феодально-бюрократической верхушки, по долгу службы общавшиеся с иностранцами, стали первыми проводниками европейского влияния на внутренние процессы в Османской империи.

В то же время известно, что подвластные Порте нетурецкие народы раньше и интенсивнее вовлекались в хозяйственные и культурные связи капиталистического мира, тогда как османское государство в целом отставало и эти связи сдерживало. Борьба с господством турок за национальное возрождение, поиски союзников и ожидание помощи от европейских держав в этой жесто-

кой борьбе нередко приводили к укреплению контактов передовых с точки зрения формационного развития сил с теми самыми капиталистическими державами — Англией, Францией, Австрией, для которых экспансия в Юго-Восточную Азию и Юго-Восточную Европу составляла одну из главных целей политики на Востоке. Часть этих сил субъективно, другая — объективно вовлекались в сотрудничество с европейским торговым капиталом в Османской империи².

Неуклонно расширявшееся, приобретающее массовый характер национально-освободительное движение заставляло правительственные круги Турции искать выход не только в «янычарских методах», но и в учете административно-политического опыта ведущих промышленных держав — Англии и Франции, т. е. таких держав, на помощь которых полагалась часть подданных султана в Болгарии и Сербии, в Египте и Ливане.

Интенсивность вторжения иностранного торгового капитала и его деформирующее влияние на реформаторские преобразования возрастали на фоне поисков османскими правящими кругами средств подновления существующего режима.

Если армия, торговля и внешнеполитическое ведомство были основными объектами забот турецких реформаторов, то внешнеторговые монополии в Османской империи и устранение ограничений для иностранцев на торговлю внутри страны, на операции с недвижимостью стали основными объектами «забот» европейских фритредеров³. В итоге в 1838 г. появился проект военно-политического союза с Англией, оставшийся на бумаге, но содействовавший претворению в жизнь торговых соглашений 1838—1846 гг.

В авангарде сил вторжения в экономическую и политическую жизнь Османской империи шли британские фритредеры, опиравшиеся на обширные ресурсы «мастерской мира». Вместе с тем только политическое закрепление в Османской империи могло обеспечить Англии преимущественные позиции в конкуренции с Францией, активно осваивавшей Средиземноморье со стороны Алжира, колонизованного силой оружия, и со стороны Египта, Сирии, Палестины, осваиваемых с помощью дипломатии и коммерции. Что касается Австрии, то она достаточно прочно утвердилась на Дунае и в Западном Причерноморье. Негоцианты из Триеста и Вены в 30-х годах XIX в. не реже, чем англичане, появлялись в Трабзоне и представляли несомненную угрозу Англии и в этом районе, и в Юго-Восточной Европе⁴. Следует также учитывать, что по объему и общему уровню капитуляционных привилегий Франция, Австрия и Россия оказались впереди «ведущей торговой державы мира».

В османистической литературе сложилась разделяемая современными турецкими исследователями трактовка капитуляций как системы временных односторонних привилегий для иностранных подданных, торговавших в Османской империи или осуществлявших дипломатическое представительство немусульман-

ских держав⁵. В основе османской практики предоставления капитуляций лежали положения Корана и шариата о делении всего мира, как отметил К. Маркс в статьях по истории Восточного вопроса, на «правоверных и неверных»⁶. Последние считались людьми низшего порядка, среди которых истинный мусульманин не должен был иметь «ни друзей, ни помощников»⁷. Вплоть до XIX в. в Стамбуле трактовали в плане мифического османского превосходства все договоры и соглашения Османской империи с европейскими державами, по необходимости соглашаясь признавать определенную степень взаимовыгодного нейтралитета, как это имело место в отношениях с Францией и Австрией⁸. Если вновь обратиться к догматам Корана, то следует отметить, что 92-й и 93-й стихи четвертой суры призывают к миру с теми «неверными», которые сложили оружие или признали себя подданными исламского государства. В многонациональном османском государстве отношения к немусульманским подданным складывались на основе капитуляций — привилегий, дарованных султаном и служивших актами, регулировавшими отношения центральных мусульманских властей с христианскими провинциями Европейской Турции⁹.

В Западной Европе отношение к «турецким капитуляциям» существенно трансформировалось на протяжении трех столетий — с 30-х годов XVI в. до 30-х годов XIX в. Капитуляции как способ обойти запрет Ватикана (1307 г.) на любую торговлю с мусульманскими правителями приобрели смысл обеспечения статуса дипломатов и торговцев. Наконец, с политическими и экономическими целями капитуляции стали рассматриваться как предлог для оказания покровительства определенным этнорелигиозным группам (миллетам)¹⁰, главы которых сосредоточили в своих руках кроме религиозного и экономическое влияние.

В первой трети XIX в. наиболее разработанную и обширную систему капитуляционных соглашений имела Франция. Обобщенный смысл соглашений Франции и Османской империи (1535, 1597, 1604, 1673, 1740 и 1749 гг.) заключался в неподсудности османским властям большинства претензий и дел торгового и уголовного характера, возникавших между подданными Франции и Турции. Это относилось также к подданным тех стран Европы, чьи интересы в Османской империи представляла Франция — скандинавских стран, итальянских, центральноевропейских государств. Другим аспектом проблемы было широкое развитие консульской службы Франции и продажа французскими дипломатическими представителями в Турции документов на консульские, агентские должности османским подданным, получавшим двойное гражданство (Турции и Франции) вместе с семьями и всем окружением, причем в XIX в. нередко наследственно. Особой благосклонностью Франции пользовались подданные Османской империи — католики, проживавшие в приморских городах Европейской Турции, Западной Анатолии и в Леванте¹¹.

Австрия, добившаяся в 1617 г. вслед за Францией права предоставлять статус покровительствуемых лиц и различные иммунитетов для тех османских подданных, кто был связан предпринимательской деятельностью с австрийскими торговцами, особое внимание обращала на Дунайские княжества, Сербию, Боснию, Герцеговину. Поскольку Австрия в 30—50-х годах XIX в. не могла соперничать с промышленным потенциалом Англии и Франции и соответственно с их экспортными возможностями, австрийская консульская служба и консульские агенты из местных инационалов основное внимание уделяли влиянию в развитии транспорта — морского и речного (Черное море, Дунай), а после 1856 г. и железнодорожного¹².

Права наибольшего благоприятствования и выдача паспортов на двойное гражданство, что гарантировало неподсудность в исках гражданского характера, были воплощением односторонних преимуществ подданных этих держав в Османской империи и содействовали разрастанию института покровительствуемых лиц среди наиболее развитых в социально-экономическом отношении нетурецких подданных в контактных зонах. Именно здесь усиленно внедрялись капиталистические державы.

Французские и австрийские капитуляционные соглашения имели преимущественно коммерческую ориентацию. «Россия была первой державой, включившей в 1774 г. составленную по примеру Франции капитуляцию в *договор*, а именно Кайнарджийский договор»¹³. Торговый договор 1783 г. между Россией и Турцией, существовавший до 1846 г., был первым действовавшим в период интенсивного применения западными державами односторонних преимуществ договором Турции с европейской державой, в котором принцип наибольшего благоприятствования носил взаимобязывающий характер, отвечавший взаимовыгодности торгового обмена. Только консульская служба России, не исключая практики продажи документов на право покровительства, обязывала своих консулов принимать коммерческие иски османских подданных к русским торговцам и фиксировать все торговые сделки у турецкого кади (судьи)¹⁴.

В турецкой историографии отмечалось, что Англия после 1675 г. и вплоть до начала XIX в. в меньшей степени, чем давние торговые партнеры Франция, Австрия или Россия, пользовалась правом наибольшего благоприятствования и сопровождавшего его трехпроцентного сбора объявленной стоимости¹⁵. Стремление английских коммерсантов добиться права участия во внутренней торговле повлекло как защитную меру со стороны Порты попытки в 1802 и 1820 гг. уравнивать английских негоциантов с местными мусульманскими торговцами, платившими пятипроцентную пошлину. Споры с Англией о трех- или пятипроцентной пошлине, о праве на торговлю на всей территории Османской империи периодически возникали вплоть до 1838 г. В отличие от Франции, считавшейся по капитуляции 1740 г. покровительницей всех католиков — подданных султана

и России, признававшейся с 1774 г. покровительницей православных османских подданных, Англия не оказывала до 1838 г. формального покровительства какому-либо миллету, опираясь на торговцев любого вероисповедания. С 40-х годов она оказывала предпочтение протестантам. Вторжение Англии в систему капитуляционных соглашений, регулировавших торговые отношения Османской империи и одновременно консульскую службу, осуществлялось на новой основе — силе и авторитете промышленного капитализма, присваивавшего все права и привилегии, полученные державами в предшествующий период.

В англоязычной литературе сохраняется тенденция уклончиво отвечать на вопрос о характере и степени воздействия британской фритредерской политики 30—40-х годов на реформы в Турции. Это характерно, например, для Р. Булларда и Р. Девисона¹⁶, хотя, по существу, они в изложении и трактовке позиции Англии 30—40-х годов весьма близки к тезисам тех английских исследователей (Дж. Галахер и Р. Робинсон¹⁷), которые утверждали, что Великобритания эпохи фритредерства предпочитала торговать, а не править. Некоторые историки (например, Д. Плэтт¹⁸) стремились представить государственную машину Англии как силу, лишь в исключительных случаях применявшуюся для защиты притесняемых туземными властями британских подданных и обычно строго соблюдавшую невмешательство во внутренние дела своих торговых партнеров. Однако позиция Англии в связи с подготовкой и заключением договора 1838 г. с Османской империей представляется иной.

Для наиболее полного воплощения технико-экономического и политического превосходства как над Турцией, так и над своими колониальными партнерами на Ближнем Востоке Англия под видом установления внешнеторгового партнерства в духе принципов *laissez faire, laissez passer* в середине 30-х годов начала оказывать возрастающее давление на правительство Турции, чтобы заставить Порту сократить или устранить вовсе правительственное вмешательство в экспортно-импортные операции, обеспечить необходимое влияние в реформах, которые назрели и начали осуществляться по объективным условиям развития страны. Нужно было также открыть обширные внутренние рынки Османской империи для английских торговцев. Речь шла о собственно турецких и арабских территориях империи, располагавших ценным для английской обрабатывающей промышленности сырьем (хлопком, шерстью, шелком) и по сравнению с Европейской Турцией слабо потреблявших привозные товары в силу крайне низкой покупательной способности населения и замкнутости полунатурального местного хозяйства. В современной англоязычной историографии наметилась тенденция относить сближение Турции с Англией, завершившееся конвенцией 1838 г., к эпохе султана Селима III (1789—1807) и его реформ, в ходе которых английские военные специалисты стали противовесом французскому влиянию в Турции. Одновременно

Англия якобы противостояла русскому давлению на Порту, содействовала модернизаторским процессам ¹⁹.

В турецкой историографии отмечалось, что подготовка англо-турецкого договора 1838 г. осуществлялась в условиях обострения Восточного вопроса ²⁰. Но при этом следовало бы учесть, что именно Англия в значительной степени содействовала нарастанию напряженности в отношениях между султаном и правителем Египта Мухаммедом Али в конце 30-х годов, преследуя конкретные цели — экономическими и дипломатическими мерами обеспечить новые рынки сырья и сбыта. Этого требовала от английского правительства промышленная и торговая буржуазия Сити, искавшая выхода из периодических промышленных кризисов.

Мирные методы торговой экспансии оказывались недостаточными в условиях очередного циклического кризиса 1836 г. Их дополняли военно-политические приемы воздействия на суверенные страны Востока. Так пыталась действовать Англия в Афганистане в 1838—1842 гг., где, однако, потерпела поражение; в Иране, добившись в 1841 г. заключения выгодного договора; в Китае, навязав кабальный Нанкинский договор 1842 г.

В отношении Турции английская дипломатия начала с 1834 г. готовить такое соглашение, которое, во-первых, нейтрализовало бы или подменило Ункяр-Искелесийский договор 1833 г., и, во-вторых, позволило бы Англии оказывать влияние на продолжение преобразований в Османской империи. Выполняя указания Г. Пальмерстона ²¹, посол в Стамбуле Дж. Понсонби сообщал Порте, что правительство и лично король Англии поддерживают идеи внутренних реформ. Он акцентировал возможность поставить вооружение для новых регулярных полков, направить английских инструкторов в турецкую армию, принять турецких офицеров в английские военные академии, укрепить Босфор на случай некоего прорыва русского флота. Дж. Понсонби подчеркивал, что необходимо для начала провести упорядочение доходных статей бюджета, в том числе по таможенным, обратить внимание на создание благоприятных условий для развития внешней торговли ²².

На протяжении 1836 — начала 1838 г. британская дипломатия в Стамбуле не раз привлекала внимание Порты к необходимости укрепить отношения Турции с Англией перед лицом возможной реализации Россией своего договорного права (1833 г.) о введении войск на турецкую территорию при новом столкновении с Мухаммедом Али. Одновременно английские торговые представители обрушили на Порту поток жалоб на мнимые и действительные нарушения местными турецкими властями торговых интересов Англии, они жаловались, что власти нередко произвольно устанавливали высокие экспортные пошлины, т. е. выше капитуляционных 3 %. Призывая Порту обратить на пользу пустующей казны значительные доходы Египта, бывшие следствием энергичных экономических преобразований Мухаммеда

Али, британская дипломатия в качестве первого шага к договору добилась издания фермана о запрете для сирийской территории монопольных ограничений Мухаммеда Али на ряд сельскохозяйственных продуктов. Право провести в жизнь это постановление Порты предоставила британским консулам в Египте и Сирии²³.

В этом же направлении Г. Пальмерстон воздействовал на турецкого посла Мустафу Решид-пашу, прибывшего в Лондон в сентябре 1836 г. Известные сейчас турецкие материалы (донесения, докладные записки Мустафы Решид-паши, с января 1838 г. ставшего министром иностранных дел, и некоторые другие данные) позволяют предположить, что в Стамбуле были недовольны тем, что Россия поддерживает по Ункяр-Искелесийскому договору только оборонительные действия Махмуда II против правителя Египта и призывает к сохранению статус-кво, тогда как султан готов был заключить любой союз, который помог бы ему разгромить мятежного пашу, лишить его политической (де-факто) независимости и возможности нанести сокрушительный удар по метрополии, чреватый падением султанского режима²⁴. В Стамбуле опасались также сближения России с Францией, осуществившей захват Алжира и поддерживавшей Мухаммеда Али. Не исключалась возможность прямой поддержки Россией Мухаммеда Али. Договор с Англией должен был, по мысли Порты, сблизить обе страны, показать, что дальнейшей европеизации мешает правитель Египта, так же как он вводил монополии в Сирии и мешал английской торговле и навигации. Высокая Порта стремилась также добиться повышения таможенных пошлин, что давало бы ей быстрый и гарантированный источник пополнения казны. Турецкая историография подчеркивает, что отмена ограничений на экспорт и упразднение монополий в торговом договоре должны были нанести сокрушительный удар по экономической системе Мухаммеда Али, монопольно контролировавшего 95 % египетского экспорта и 30 % импорта, притом что 28 % годового дохода ему давали различные монополии²⁵. Однако сравнительно высокие вывозные пошлины должны были еще и в определенной степени регулировать снабжение сырьем национальных мануфактур, как это делали прежде государственные монополии (еди-вахит) и указы для защиты отдельных предприятий.

В сложных условиях обострения политической и экономической экспансии Англии турецкие государственные деятели во главе с султаном, ослепленным борьбой с Мухаммедом Али, приняли в основном английские предложения, ошибочно полагая, что это и есть шаг на пути европеизации и союза с сильнейшей европейской державой.

В отечественной и зарубежной историографии обычно указывается лишь заключительный, краткий (около месяца) этап подписания договора в Балта-Лимане (Стамбул) в июле — августе 1838 г. В действительности переговоры по поводу торгового до-

говора были длительными и многоэтапными, что отражало как сомнения Высокой Порты в отношении содержания договора, так и непоследовательность Англии. В 1834 г. ввиду истечения срока действия англо-турецкого торгового соглашения 1820 г. Порта предложила Англии пересмотреть таможенные ввозные тарифы, составлявшие в 30-х годах не 3 %, а с учетом инфляции и оценоч по объявлению фактически 1—1,5 %. В обмен предлагалось расширить список вывозимых в Англию турецких товаров. Турецкие предложения были в целом благожелательно встречены Г. Пальмерстоном, но постепенно стали обрастать многочисленными контрпредложениями политического характера. Среди них такие, как открытие по аналогии с Ункяр-Искелесийским договором 1833 г. Дарданелл для английских военных кораблей, закупки паровых машин и всех видов оружия в Англии, приглашение английских инструкторов и специалистов в армию²⁶. Все это, по уверениям британской дипломатии, делалось для укрепления турецкой армии на случай столкновения с Мухаммедом Али или с любым другим противником. Однако выяснилось, что Порта не столько надеялась получить советников и оружие, сколько стремилась заключить наступательный военный союз по аналогии с договорами, заключавшимися между европейскими державами. Опираясь на вполне достоверные данные, А. П. Бутенев сообщал, что Решид-паша добивался связи с Англией не только против Мухаммеда Али, но и против Ирана, используя активизацию Англии в Афганистане и конфликт в Герате, общее обострение англо-русских отношений на Среднем Востоке. Мустафу Решид-пашу, однако, сдерживало строгое указание султана не допустить при заключении договора с Англией ухудшения русско-турецких отношений²⁷.

В Лондоне всячески избегали прямого участия в столкновении султана с Мухаммедом Али, но стимулировали развитие конфликта в Леванте заявлениями, в том числе и в ходе приема Решид-паши в королевском дворце, о возврате Сирии под управление султана. В Иране и Афганистане Англия предпочитала обходиться собственными силами, не связывая себя с Турцией соглашениями по этим вопросам. Турецкие предложения, касавшиеся торговли, были дополнены английскими: разрешить английским торговцам после уплаты прежней трехпроцентной пошлины вести оптовую и розничную торговлю не только в портах, как по договору 1809 г., но и во внутренних районах всех провинций Османской империи. Английская сторона настаивала на уничтожении системы монополий на территории всей империи, включая Египет. В Лондоне учитывали, что на Ближнем Востоке Мухаммед Али становился опасным соперником Англии в Сирии и Палестине, на побережье Красного моря, Персидского залива и в Аравии. В проектах прямого сообщения Великобритании с Индией либо через Суэц и Красное море, либо через Евфрат и Персидский залив речь шла о территориях, подвластных Мухаммеду Али, весьма настороженно к этому относивше-

муся. Укрепление власти Мухаммеда Али на большей части арабских земель от Нила до Персидского залива в Лондоне воспринимали как развитие арабского возрождения, угрозы всем колониальным планам Англии как с точки зрения приобретения новых земель, так и экономического влияния в этой зоне. Более отдаленно, но реалистично, как перспектива для других стран Ближнего Востока, создававшая угрозу Англии, воспринимался египетский опыт развития национальной экономики²⁸.

В июле 1838 г. англо-турецкие переговоры были активизированы. Понсонби заявил представителям Порты, что Англия не признает требований Мухаммеда Али и в случае начала им военных действий пошлет свой флот к Бейруту и Александрии. В то же время эскадра адмирала Мейтланда была готова действовать против Мухаммеда Али в зоне Персидского залива. Понсонби уклончиво, но в целом положительно отзывался о возможности военного союза с Турцией, и лишь при условии, что Порта не примет помощи от России. Наконец 16 августа 1838 г. был подписан договор о торговле и мореплавании²⁹. Капитуляционный режим приобрел дополнения, в частности принцип взаимного наибольшего благоприятствования, право свободы торговли на территории Османской империи и беспошлинного транзита через турецкие территориальные воды (в том числе черноморские проливы). Английские торговцы отныне получили не только все те преимущества, которыми пользовались французские коммерсанты с 1740 г. и русские купцы по ст. VII Адрианопольского договора 1829 г., но также и возможность свободного доступа в Черное море, к Галацу и Трабзону, вскоре ставшими двумя центрами англо-русских противоречий. В обмен на дополнение, согласно своим требованиям, трехпроцентных таможенных пошлин девятипроцентными вывозными и двухпроцентными ввозными сборами Порта отменяла все монополии, кроме соляной и торговли пиявками. Англия первой из европейских держав получила практически бесконтрольное право на вывоз сельскохозяйственной продукции и полезных ископаемых в любых объемах, выход на рынки сбыта, простиравшиеся от Нила и Дуная до Трабзона и Шатт-эль-Араба.

Англия, однако, не могла, не вызвав осложнений с другими западноевропейскими странами, реализовать полученные преимущества. Проект торговой конвенции с Турцией был предварительно согласован с Францией, подписавшей 26 ноября 1838 г. конвенцию с Портой, совпадавшую во всех основных положениях с английским вариантом. Затем последовали договоры 1839—1841 гг. с другими державами. Еще до конца 1838 г. английской дипломатией было достигнуто весьма существенное для Австрии дополнение. Последняя получила согласие Порты на исключение Дунайских княжеств, Сербии, Боснии и Герцеговины из сферы действия фритредерского договора с Англией³⁰, что несколько ослабляло неблагоприятное впечатление в Западной Европе от англо-турецкого соглашения, которое антианглийски

настроенные современники часто сравнивали с Адрианопольским договором 1829 г. Они отмечали, что в отличие от завершившего русско-турецкую войну договора 1829 г. англо-турецкая конвенция 1838 г. закрепляла преобладание иностранных подданных одной державы в Турции. В обзоре коммерческих вопросов австрийского посланника в Петербурге К. Л. Фикельмона, отнюдь не русофила, прямо указывалось на стремление Англии добиться преимуществ над Россией, получившей соответствующие капитуляционные гарантии в 1783 и 1829 гг., но не поставившей вопроса о вмешательстве во внутренние дела Турции, как это сделала Англия, связав торговый договор с внутренней турецкой проблемой монополии³¹.

Англии удалось сравнительно легко «умиротворить» своих европейских конкурентов по турецкой торговле, весьма настоженно относившихся к фритредерским проектам бригаанской коммерции на Ближнем Востоке. Франция была занята подавлением восстания в Канаде, осложнением отношений с Мексикой и Аргентиной, колониальной войной в Алжире. В Париже высказывали гораздо бóльшую озабоченность политической перспективой развития событий в Египте и Сирии, чем торговыми вопросами. Сторонники свободной торговли во Франции во главе с Клодом Ф. Бастиа активизировались лишь в начале 40-х годов. В конце ноября 1838 г. в Стамбуле была подписана, как отмечалось выше, франко-турецкая торговая конвенция на принципах свободной торговли. При этом сохранялись проверенные долгим опытом капитуляционные права наибольшего благоприятствования для всех коммерсантов, которые могли заручиться какой-либо формой покровительства французской консульской службы. Тем не менее в правительственных кругах Франции продолжал остро дискутироваться вопрос об англо-турецкой конвенции. Луи Филипп, расходясь в оценках со своим премьер-министром Ф. Моле, требовал исключить Египет и Сирию из сферы действия свободной торговли по прецеденту изъятия Австрией ряда балканских земель. Особенно встревожила Луи Филиппа перспектива англо-турецкого военного договора и совместных действий соединенных сил Англии и Турции против Мухаммеда Али, а в перспективе их действия в отношении Алжира и Туниса³². Неудачи политики Луи Филиппа в Испании и Италии, дипломатическое поражение в Бельгии, новые выступления алжирских повстанцев заставили правительство Франции несколько умерить негодования парижской прессы против Англии. В декабре 1838 г. было объявлено, что англо-турецкая конвенция соответствует в целом французским торговым интересам в Леванте³³.

В правительственных кругах России подготовка и заключение англо-турецкой конвенции вызывали, естественно, внимание, но весьма одностороннее — через призму англо-русских отношений. Собственно русско-турецкие отношения, интересы России, экономические и стратегические, как великой морской державы,

заинтересованной в широких торговых связях в бассейне Средиземного моря, были подчинены недальновидной политической линии министра иностранных дел К. В. Нессельроде на сохранение призрачного единства позиций с Англией, Францией и Австрией по Восточному вопросу. Со всей очевидностью пагубность «сбалансированного курса» правительства Николая I по ближневосточному вопросу проявилась в 40—50-х годах.

Согласно мнению К. В. Нессельроде, которым руководствовались российские дипломатические представители в Турции и Западной Европе, англо-турецкая конвенция должна была нейтрализоваться благоприятными отношениями России с Портой, которые сложились на основе союзного договора 1833 г.³⁴ К. В. Нессельроде, движимый идеей англо-русского сближения, предложил дипломатическим представителям России в европейских столицах уклончиво оценивать конвенцию, исходить из трудности введения ее в жизнь из-за разногласий между Портой и Лондоном по военным вопросам и отсутствия в конвенции явной антирусской направленности. В целом, по мнению К. В. Нессельроде, не следовало «придавать этому документу первостепенной важности»³⁵. Серия просчетов и ошибок царской дипломатии по Восточному вопросу нарастала. Английское правительство вполне устраивала линия Петербурга в оценке конвенции.

Турецкая историография, в том числе те ее представители, которые стремятся всесторонне оценить ситуацию и критикуют капитуляционные соглашения Турции с западноевропейскими державами 30—40-х годов как разрушительные (И. Джем, Т. Чавдар, О. Курмуш), по существу, не упоминают об особом торговом договоре 1846 г. между Россией и Турцией. Турецкие историки старшего поколения (Э. Карал, И. Данышменд, А. Курат) не видели отличий этого договора от фритредерских договоров с западноевропейскими странами. Они отмечали как факт, не объясняя значительный разрыв по времени, подписание (1846 г.) русско-турецкого договора и оформление новых торговых соглашений с другими европейскими державами (1838 г.). В работе Я. Н. Каркара об экономическом развитии Османской империи русско-турецкий договор 1846 г. упомянут лишь в контексте борьбы европейских держав за влияние в Средиземном море³⁶. Однако обстоятельства подготовки и заключения, сам характер договора 1846 г. выделяют его из серии обновленных капитуляционных соглашений, подписанных Турцией в эти годы³⁷.

Новый договор между Россией и Турцией был заключен 30 апреля 1846 г. в Балте-Лимане под Стамбулом, там же, где была подписана англо-турецкая конвенция³⁸. Договор подготовила комиссия, в состав которой входили посланник России в Стамбуле, министр торговли Турции, видные коммерсанты обеих стран. Представители России подчеркивали в ходе переговоров, что они «сообразуются с интересами Порты», особенно с уси-

лением притока иностранных товаров, разрушающих местное производство, и полагают, что трактат может послужить для Порты благонадежным основанием для отстранения некоторых неудобств, пристракающих от условий конвенции 1838 г.³⁹. Нелишне отметить, что русско-турецкий договор 1846 г. при формальном включении в серию соглашений Порты о свободной торговле с западными державами содержал для русских торговцев такие ограничения, которых турки не сумели или не успели добиться в переговорах с западноевропейскими партнерами. Так, был полностью запрещен «мелочной торг» — розничная торговля во внутренних рынках, равно как и торговля оружием (ст. X), владение ремесленными мастерскими и занятия ремеслами (ст. VI). Рыбой, табаком, вином, солью, квасцами могли торговать только османские подданные. Эти положения были распространены и на торговцев из Западной Европы. Турция восстановила традиционное право временного эмбарго на экспорт зерновых (ст. IX), уничтоженное англо-турецкой конвенцией 1838 г. Новый русско-турецкий торговый договор, действовавший до 1863 г., был единственным из серии договоров Турции на принципе свободной торговли, в котором были учтены исторически сложившиеся и необходимые для турецкой стороны внешне-торговые ограничения.

Гораздо острее, чем Франция и Россия, на англо-турецкую конвенцию реагировала Австрия. Уступка со стороны Англии — исключение Дунайских княжеств и ряда других территорий, считавшихся зоной австрийских интересов, из фритредерского соглашения — не устраивала деловые круги Австрии. Они считали нужным, во-первых, активнее воспользоваться выгодной конъюнктурой, связанной с капитуляционными льготами австрийских подданных в Турции, и, во-вторых, потеснить Англию на турецком рынке. Обращало на себя внимание явное стремление Австрии переложить на Османскую империю издержки конъюнктурной борьбы. В коллективной памятной записке австрийских коммерсантов в Турции, представленной интернунцию, посланнику Австрии в Стамбуле, в январе 1839 г.⁴⁰, приводились примеры, как местные турецкие подданные откупщики «при полном пренебрежении властей» произвольно устанавливали цены на сельскохозяйственную продукцию, пользовавшуюся спросом на европейских рынках, всячески препятствовали сбыту иностранных товаров в Турции и тем оказывали, по мнению авторов записки, двойкий вред: «Малоприбыльные отрасли ремесла и земледелия хирели, другие были неоправданно раздуты». В итоге страдало, как говорилось в записке, местное население. «Что же касается сбыта наших товаров, — раскрывали суть своих забот о местном населении австрийские коммерсанты, — спрос на европейские товары в Турции за последние 10 лет упал на 50 % по причине безденежья населения, многочисленных злоупотреблений турецких таможенных и местных властей, в результате которых расходы иностранного торговца повышались до 15 % вме-

сто 3 %, согласно договорам». До 10—15 % расходов стоимости ввозимых товаров или вывезенного сырья несли (сверх расходов европейского коммерсанта) турецкие покупатели или продавцы. В итоге, делали вывод авторы записки, «процветавшая 10 лет назад австрийская торговля, например сукнами, упала на четверть, а морские перевозки, прежде столь выгодные, упали, тогда как вздорожание цен на турецкие продукты влечет одни убытки австрийскому торговому флоту».

Выводы авторов записки звучали весьма жестко. Любые торговые ограничения, вводимые Портой, мешают австрийской торговле в Леванте. Дело австрийской дипломатии в Турции — добиться их устранения, опираясь на прежние соглашения. «Австро-турецкая торговля, — говорилось в документе, — не более чем малая часть торговых операций, которые австрийские коммерсанты ведут с Англией, Америкой, Голландией и вообще везде, где есть прибыль». Следовательно, под этим углом зрения следовало бы рассматривать и политические, и экономические связи с Турцией. Наконец, возмущались негодяи из Вены и Триеста, в австро-турецкой торговле занято «слишком много турецких подданных, которые ездят в Триест из Анатолии. Это надо устранить, — считали авторы записки, — опираясь на принцип наибольшего благоприятствования для Австрии». Вполне резонным они полагали обойти английских конкурентов на турецком рынке, в конечном счете не столь уж безнадежном для Австрии. Следовало добиться от Порты особого договора о морских перевозках, чтобы вознаградить себя за не слишком выгодный договор с Англией, обязывающий Австрию пользоваться в Леванте британским торговым флотом. Австрийский Ллойд действительно потерпел накануне описываемых событий тяжелый финансовый кризис вследствие напряженной конкуренции с английскими пароходными компаниями и циклического кризиса в капиталистической Европе ⁴¹.

Сложная ситуация складывалась для Австрии в Италии и в ее отношениях с государствами Центральной Европы. Осложнить отношения с Лондоном Вена не могла. Англо-турецкая конвенция, дополненная австро-турецким соглашением, была одобрена австрийским правительством. Зона действия англо-турецкого договора расширялась. Британские фритредеры включили в орбиту своего влияния и Османскую империю, и отчасти сопредельные страны Европы, привязывая их к системе свободной торговли выгодными операциями на турецком рынке. Вместе с тем жесткое давление, оказанное на Порту Англией в 1838—1841 гг., готовность Австрии принять активное участие в военных действиях вопреки заявлениям о миролюбии (что подтвердили события 1840—1841 и 1854—1856 гг.), стремление Франции решать за счет Турции свои проблемы в других частях света — все эти факты подтверждают применимость к Ближнему Востоку высказанную К. Марксом мысль о склонности держав в Китае прибегнуть к насилию в отношениях с суверенной страной Вос-

тока. «Всякий раз, как действительный спрос на ввозимые в азиатские страны товары не соответствует предполагаемому спросу, — который большей частью определяется на основании столь поверхностных данных, как территориальные размеры нового рынка, численность его населения и сбыт заграничных товаров в некоторых крупных морских портах, — коммерсанты, в своем стремлении расширить область товарообмена, весьма склонны видеть причину своего разочарования в том, что на их пути становятся искусственные препятствия, созданные варварскими правительствами, и что, следовательно, эти препятствия могут быть устранены военной силой»⁴².

Полагая сделанные Англии уступки торгового характера достаточной демонстрацией лояльности, Порты в августе 1838 г. направила в Лондон проект военного договора, первоначально одобренный послом Дж. Понсонби. Предусматривалось совместное участие турецкой, английской и французской эскадр в тесной блокаде побережий Сирии и Египта, чтобы привести к покорности Мухаммеда Али и распространить на Египет договор 1838 г. О проливах в проекте не упоминалось. В особом послании Г. Пальмерстону Порты обещала не обращаться за помощью к России, полагаясь на Англию и собственные морские силы. Последнее обстоятельство было предметом обсуждения на заседании Консультативного совета высших должностных лиц Османской империи, рекомендовавшего послу в Лондоне проявлять деликатность в отношении Ункяр-Искелесийского договора 1833 г. при подготовке и заключении англо-турецкого союза. Послу России были представлены соответствующие разъяснения о подготовке военного договора с Англией⁴³.

В марте 1839 г. Мустафа Решид-паша в Лондоне приступил к переговорам для заключения англо-турецкого военного союза. В апреле турецкая армия начала военные действия против Мухаммеда Али. В начале июня 1839 г. в Стамбуле было получено сообщение Мустафы Решид-паши, что Англия отказалась подписать двусторонний военный договор и обещала лишь защиту османского трона от падения в случае военного поражения⁴⁴. Обещания военной помощи сослужили свою роль. Теперь Лондон мог их не выполнять, ибо брешь в турецкой таможенной системе была уже пробита, а запретительные мероприятия Порты парализованы. В военных акциях Англия участвовать не желала и не могла, серьезно не осложнив взаимоотношения с Францией и Россией. К тому же она готовила экспедицию в Аден и новые «торговые» соглашения с шейхами Договорного Омана и Бахрейна.

Английские войска весной 1839 г. вторично вторглись в Афганистан. Британский флот блокировал побережье Китая, готовилась «опиумная» война.

24 июня 1839 г. при Незибе армия Махмуда II была разгромлена, а в середине июля турецкий флот перешел на сторону египтян. Однако вмешательство держав не позволило Египту за-

крепить победу. Под давлением прежде всего Англии Мухаммеду Али пришлось оставить Сирию и Палестину, Аравийский полуостров. На эти территории немедленно были распространены условия фритредерских соглашений Порты с западными державами.

3 ноября 1839 г. был провозглашен Гюльханейский хатт-и шериф, среди прочих преобразований буржуазного характера предусматривавший гарантии жизни, чести и имущества всем подданным Османской империи, в том числе с двойным и более подданством. Последние были преимущественно инациональными торговцами. Они были тесно связаны с Западом и, находясь под защитой капитуляций, отныне вели торговые операции на условиях свободной торговли. Реформы, проведенные в последующие годы, содействовали развитию основ капиталистических отношений в стране. Однако позиции западного, прежде всего английского, торгового капитала, защищенные соглашениями 1838 г., были значительно прочнее, чем у нарождавшейся национальной буржуазии, и обеспечивали контроль над дальнейшими преобразованиями в экономической и политической жизни империи. Что же касается капитуляционного режима, то после 1838 г. начинается новый этап борьбы Османской империи с капиталистическими державами против одного из самых пагубных для суверенной державы пережитков средневековья.

Договоры Османской империи, заключенные в 1838—1840 гг., в целом повторявшие условия англо-турецкой конвенции от 16 августа 1838 г., имели, однако, существенные отличия. В правительственных кругах по донесениям Решид-паши из Лондона и Нури-эфенди из Парижа знали обстановку в Европе, умели во многих случаях правильно оценить расстановку сил на континенте и пытались воспользоваться ею в своих интересах. 3 августа 1838 г. был подписан турецко-бельгийский договор, на 13 дней опередивший конвенцию с Англией. В нем был проведен принцип взаимности предоставления права наибольшего благоприятствования подданным обеих стран, включая немусульманских торговцев Турции⁴⁵. Заключение турецко-бельгийского договора о дружбе и торговле, даже в названии отличавшегося от конвенций о торговле и навигации 1838 г. с Англией и Францией, проходило, однако, под столь же неусыпным вниманием двух великих держав, как и рождение самого королевства Бельгии. Это произошло всего шестью годами ранее как итог бельгийской революции 1830 г. и вмешательства держав в голландско-бельгийский конфликт на Лондонской конференции 1831—1833 гг. Однако Леопольду I в качестве монарха суверенного государства удалось отдельным актом закрепить за бельгийскими коммерсантами капитуляционные права, которыми они пользовались в Османской империи в течение двух веков только под французским флагом, через консульскую службу Франции. Это и определило формулу договора — о дружбе и торговле. Кроме того, новый капитуляционный акт формально уравнивал бельгийских

коммерсантов на османских рынках с их французскими соперниками в вывозе в Османскую империю однотипной фабричной продукции (сукна, металлические изделия, стекло, галантерея) и был подтвержден Англией и ее дипломатами в Стамбуле в противовес французскому влиянию.

Со своей стороны, Османская империя демонстрировала стремление развивать отношения со всеми европейскими странами. Договор на внешне равных началах с новой суверенной европейской державой — Бельгией, к тому же монархией, вполне отвечал этим целям, расширял круг дипломатического признания Османской империи в Западной Европе, упрощал давние торгово-политические контакты с Бельгией, минуя посредника — Францию. Легализовалась закупка популярного в Турции бельгийского оружия, на которое накладывала эмбарго Франция, расширялось приглашение бельгийских технических и военных специалистов. Этим договором Порты свидетельствовала, подтвердив его целиком и полностью в августе 1839 г. и апреле 1840 г., свою готовность признавать международные соглашения, в том числе Лондонские 1831 — 1833 гг. о создании независимой Бельгии, т. е. договоры по европейским территориальным проблемам.

Это было важно для Порты в связи с Египтом и другими территориями. Кроме того, она демонстрировала применение на уровне международного договора принцип Гюльханейского хатт-и шерифа о равенстве подданных Османской империи без различия веры, что впервые в практике соглашений с иностранным государством объясняло согласие Порты на распространение на немусульман права наибольшего благоприятствования. Заметим, что это положение касалось лишь Бельгии, не имевшей к 1838 г. своего консула в Турции и не продававшей паспортов двойного гражданства. Выгодность для Бельгии договора с Турцией, как для любой промышленно значительно более развитой по сравнению с Турцией страны, была очевидна. Бельгия начинала готовиться к активной колониальной экспансии в Африке, ее дипломатические и торговые представители с турецкими охранительными ферманами начали появляться в Египте, Судане, Северной Африке. Вместе с тем договор свидетельствовал о стремлении Порты найти выход за рамки капитуляционных соглашений с великими державами.

Однако в течение 1839—1843 гг. Османская империя предоставила ряду стран права наибольшего благоприятствования фактически на односторонней основе, а также права на создание собственной консульской службы и разовые разрешения на покупку недвижимости. Она признала другие права держав на базе англо-турецкой конвенции — тарифы, номенклатуру товаров. Высокая Порты вынуждена была согласиться с появлением новых многих тысяч покровительствуемых лиц из числа своих подданных. Среди них были прежде всего те, которые входили в орбиту влияния Англии или Франции. Кроме них росло число

покровительствуемых Сардинией, скандинавскими странами, Испанией, Голландией, мелкими государствами Германского союза, Португалией⁴⁶.

Весьма неоднозначным было отношение правительственных кругов Османской империи к этим документам. Если ближайшее окружение Абдул Меджида I восприняло хатт-и шериф 1839 г. как вынужденную необходимость в борьбе с непокорным египетским пашой и, по словам турецкого историографа А. Джевет-паши, как документ, от которого можно будет отказаться⁴⁷, то могло ли быть иным отношение к торговым соглашениям с западными державами, не санкционированным ни высоким авторитетом султанского указа, ни фетвой шейх-уль-ислама? В дипломатических кругах Стамбула отмечали, впрочем, совсем иную реакцию в кругах активных сторонников реформ и сближения с западноевропейскими странами. Организатор серии этих договоров Мустафа Решид-паша полагал, что с ратификацией договора с Пруссией и завершением переговоров с Тосканой в июне 1841 г. Османская империя стала фактически участником европейской системы свободной торговли, и с удовлетворением принял пожалованный ему прусский орден⁴⁸.

Между 1838 и 1841 гг. сложился своеобразный концерт держателей «турецких капитуляций», многократно расширившийся за счет государств Центральной и Северной Европы, ранее получавших капитуляции только временного характера, обычно за поддержку Турции в общеевропейских конфликтах⁴⁹. Отныне все их соглашения с Османской империей были заключены с учетом требований новой эпохи — промышленного капитализма, дополнялись многочисленными взаимными соглашениями между европейскими странами, создавалась возможность согласованных коллективных акций в случае выступления Османской империи против одной из европейских держав. Особо следует подчеркнуть, что все переговоры были оформлены в условиях напряженной борьбы Турции за Египет, высадки англо-австрийского десанта в Сирии, наконец, работы Лондонской конференции держав по проблеме проливов.

Капитуляционные соглашения Турции эпохи промышленного капитализма предусматривали расширение объема самих капитуляций за счет отмены монополий, новых разрешений на торговлю и т. д., а также (что особенно важно для данного периода) многократное расширение круга лиц с двойным гражданством, которые активно влияли на экономическую и политическую жизнь Османской империи. Турецко-бельгийский договор, который включил представителей немусульманских миллетов в число лиц, имевших реальную возможность получить двойное гражданство (османское и бельгийское), стал троянским конем в политической жизни Османской империи⁵⁰. Учитывая зависимость Леопольда I от политики Лондона и теснейшие связи коммерсантов обеих стран⁵¹, можно объяснить, почему английская торговая конвенция последовала за бельгийской и как бы вне

зависимости от нее. Англия через договорные отношения с королем Бельгии получила возможность избирательно предоставлять свое покровительство или свое подданство (с сохранением османского) тем подданным султана, которые на деле служили иностранному капиталу⁵².

Становится очевидным, что традиционный капитуляционный режим из одностороннего превращался в многосторонний, по форме договорно-правовой отнюдь не в результате Крымской войны и принятия Турцией в европейский концерт, как утверждает буржуазная историография⁵³. Это произошло двумя десятилетиями раньше как проявление одного из методов колониальной экспансии промышленного капитализма на Ближнем Востоке.

Позже России и, следовательно, позже всех европейских государств к новой системе торговых договоров присоединилась Греция. Только в 1855 г., в разгар Крымской войны, был подписан договор о торговле и судоходстве, предоставивший торговцам обеих стран взаимные права наибольшего благоприятствования и режим торговли, сходный с режимом, предусмотренным в турецко-бельгийском договоре 1838 г.⁵⁴. Переговоры о торговом договоре между Турцией и Грецией начались вскоре после заключения англо-турецкой конвенции 1838 г. Однако на позицию обеих стран оказывали столь мощное давление силы, борющиеся за влияние в Европе, что заключение договора между странами, подданные которых были связаны теснейшими экономическими узами со времен средневековья, оказалось в полной зависимости от согласованности позиции между Францией, Россией и Англией. Разногласия Турции и Греции выходили за пределы торговых отношений и одновременно с борьбой интересов великих держав отражали конфликт бывшей феодальной метрополии и развивавшейся по буржуазному пути, освободившейся от турецкого гнета революционным путем греческой нации. Поддерживая освободительное движение греков на о-ве Крит и в других районах Европейской Турции, Греция при осторожной поддержке английского посланника в Стамбуле Стредфорда Каннинга (Редклифа) добивалась воссоединения населенных греками территорий, оставшихся после освобождения Греции под турецким управлением⁵⁵. Это требование рассматривалось в Стамбуле и в европейских столицах как проявление влияния России и вводило далеко в сторону собственно торговые переговоры⁵⁶.

В свою очередь, Порты рассматривала греко-турецкие торговые переговоры, особенно в период второго турецко-египетского конфликта и появления англо-австрийских войск в Леванте, в контексте их скорейшего вывода и, по словам В. П. Титова, «отдаления сколь возможно» вмешательства держав в греко-турецкие разногласия. Турция потребовала от греческого правительства в качестве предварительного условия возмещения вакфного и недвижимого имущества турок, покинувших Греческое ко-

ролевство после 1830 г. Негативное отношение России к греческой революции 1843 г. и усиление французского влияния в Греции в противовес ослабленному английскому давало основание турецкой дипломатии в Париже и Афинах искать поддержки Франции в 1842—1844 гг.

Одновременно Порта предприняла очередную попытку ослабить петлю капитуляционного режима. Греки, избравшие подданство независимого греческого государства, не должны были, по мнению Порты, получать двойное подданство и соответственно все те иммунитеты, которыми пользовались подданные других европейских держав в Османской империи, в том числе и греческого происхождения. Столь же решительно Порта отвергла требование Греции включить в торговый договор право для подданных Греции или лиц, обладавших двойным гражданством, быть членами цехов ткачей, обувщиков, портных и ювелиров, которым обеспечивалась определенная правительственная поддержка в конкурентной борьбе с притоком иностранных товаров. Отказом от этого требования турецкая сторона определенно высказывалась по существу самого режима капитуляций⁵⁷.

Поскольку это была уже позиция, закрепленная в русско-турецком договоре, далеко к тому же выходящая за собственно греко-турецкие торговые переговоры и чреватая для держав акциями Порты против покровительствуемых лиц европейских держав (что и имело место), Ф. Гизо и Луи Филипп оказали давление на Мустафу Решид-пашу в Париже, послы Англии и Франции в Афинах — на греческих министров, а Стредфорд Каннинг при поддержке своего австрийского коллеги — на греческого посланника в Стамбуле А. Маврокордато. Турок и греков параллельно и одновременно уговаривали сохранить сложившееся положение — как в территориальном вопросе, так и в статусе лиц наиболее благоприятствуемых наций, защищенных капитуляционными привилегиями, активно развивавших коммерческую деятельность как в Османской империи, так и в Греции⁵⁸. Урегулирование греко-турецких разногласий для английской и французской буржуазии представлялось делом второстепенным по сравнению с торговыми интересами на Балканах и в Восточном Средиземноморье, тем более в связи с перспективой усиления в 1844—1848 гг. средиземноморского направления политики России⁵⁹. Торговый договор на фритредерских принципах был заключен только в период войны 1853—1856 гг., когда самостоятельность действий греческого правительства была парализована англо-французской оккупацией Пирея, а Высокая Порта была связана военными соглашениями и не смогла противиться продиктованным ей капитуляционным условиям договора, поставившего, греко-турецкие торговые отношения под контроль союзников.

Так была завершена серия торговых договоров Османской империи с европейскими державами, начатая под выдвинутым Портой условием военной помощи и завершенная в условиях

военно-политического блока, когда союзники контролировали и направляли экономическую и политическую деятельность султанского правительства.

Кодификация капитуляционного режима

В 30-х — начале 50-х годов в Османской империи были осуществлены различные преобразования государственно-правового и административного характера. Остановимся на тех, которые имели прямое отношение к статусу иностранных коммерсантов и связанных с ними османских подданных.

Проблема эта в последние годы затрагивалась историками в Западной Европе и США в связи с разработкой моделей модернизации в странах Востока и применительно к Османской империи XIX в. в связи с реформаторским движением. При этом обращение к периоду становления англо-турецких отношений на капитуляционной основе (80-е годы XVI в.) нередко проецируется на новое время. Отношение Порты к английским коммерсантам, по мнению С. Скиллитер и В. Менажа, исполненное блажелательной снисходительности и покровительственных поощрения предприимчивых, энергичных заморских торговцев, переносится со времен средневековья на эпоху промышленного капитализма⁶⁰. В последних работах (1980 г.) Ж. Финдли и С. Розенталя, посвященных административным реформам и социокультурной эволюции османского общества, капитуляционный режим и привилегированное положение европейских коммерсантов трактуются как нечто изначальное в османской системе. Трансформация капитуляционного режима под воздействием активной колониальной экспансии, тем более стремление Турции избавиться от него или по крайней мере облегчить, подчинить действенному контролю государственных учреждений растворяются в общей истории государственно-правовых перемен эпохи танзимата⁶¹. Капитуляционный режим при такой постановке вопроса приобретает собственно турецкий характер едва ли не с той же легкостью, с какой европейские консулы распродавали право на покровительство. Однако не должны сводиться воедино проблема капитуляций, статус покровительствуемых европейцами лиц двойного подданства и положение миллетов, формирование идей османизма, которые относятся, по мнению К. Финдли и Д. Кушнера, все к тому же, 1838 г.⁶²

К 40-м годам XIX в. в Османской империи сложилась обширная, детально разработанная система иммунитетов и привилегий, распространившихся как на иностранцев, временно или постоянно проживающих в Османской империи, так и на некоторых османских подданных. В первую группу, которой покровительствовал султан-халиф, входили иностранцы, сохранявшие свое подданство, и иностранцы — подданные Османской империи, а также османские подданные, получившие подданство какой-либо

европейской державы. В эту категорию входили коммерсанты, предприниматели разных уровней и масштабов деятельности, советники, приглашенные в различные турецкие гражданские и военные учреждения, учителя и воспитатели в частных домах и казенных заведениях, эмигранты со всех концов Европы, поступившие на турецкую службу или только предполагавшие сделать это, люди без определенных занятий, наводнявшие Стамбул и крупные приморские города Западной Анатолии. Из османских подданных в эту категорию стремились попасть все купцы-инонационалы, торговавшие иностранными товарами или связанные с экспортно-импортными операциями. Торговцы-турки двойное гражданство получали редко, так как это рассматривалось как отступление от норм шариата.

В другую, менее значительную группу лиц, обладавших одновременно капитуляционными льготами и дипломатическим иммунитетом, входили консулы и вице-консулы держав, местные консульские агенты, драгомань, их помощники и секретари, всевозможные клерки-кятыбы, охрана консульств. Особые группы составляли лица, получившие за услуги посольствам или купившие через консулов наследственное или именованное (временное или постоянное) право на протекцию европейской державы.

Многообразие этих прав и льгот ставило в тупик даже многоопытных дипломатов, пытавшихся их классифицировать, таких, как К. М. Базили, В. П. Титов, Ф. А. Иванов. Со второй половины 30-х годов, как отметил К. М. Базили, «расширительно-в сторону коммерции» толковать все права и привилегии, а также продавать право на протекцию торговцам-единоверцам стали христианские монастыри на территории Османской империи. По словам К. М. Базили, богатейшие купцы в Сирии и Палестине охотно прибегали к такого рода покровительству и, в свою очередь, «распространяли узы торгового покровительства» на своих многочисленных контрагентов в других районах Османской империи, включая Анатолию и Европейскую Турцию⁶³. Ф. А. Иванов, умудренный более чем двумя десятилетиями консульской службы в Измире, в марте 1844 г. сообщал, что покровительством папского двора и «видами на протекцию», полученными от архиепископов Австрии и Франции, пользуются, прикрываясь миссионерской деятельностью, армянские торговцы из Венеции. При содействии своих местных соотечественников они обследовали состояние и перспективы торговли в Малой Азии. Два таких миссионера-торговца под защитой привилегий, выданных Портой Ватикану в феврале 1844 г., специально изучали положение дел в Конье как возможном рынке промышленных товаров⁶⁴.

Консульства европейских стран, продававшие османским подданным соответствующие документы, скрывали как от властей, так и друг от друга подлинное число своих «протеже». По косвенным данным российских дипломатических представителей, в целом совпадающим с оценками английских современников, при-

веденными в работе Ст. Розенталя (1980 г.)⁶⁵, численность «протезируемых» немусульман составляла в столице и крупных городах Европейской Турции 8—10 % немусульманского населения. Наибольшее число османских подданных (до 1 млн.) находилось к концу 50-х годов под английской протекцией; затем следовали Франция, Австрия, Россия. Генеральный консул России в Измире Ф. А. Иванов отмечал большое распространение среди крупных коммерсантов не только двойного, но и тройного и даже большего гражданства. Обладание паспортами двух-трех европейских держав позволяло им обращаться к наиболее выгодному в данный момент тарифу, прибегать к защите наиболее влиятельного в данной местности консула и т. д. «После заключения русско-турецкого договора 1846 г. число заявок на русское покровительство в торговле, — писал он, — почти удвоилось и столько же просьб поступило от торговцев принять их в русское подданство»⁶⁶.

В момент обострения русско-турецких отношений, в конце 1852 — начале 1853 г., произвол и злоупотребления турецких властей в отношении русских купцов и покровительствуемых Россией лиц привели к тому, что многие местные торговцы сменили документы на покровительство⁶⁷. Отнюдь не курьезом звучали сообщения российских консулов об османских подданных, имевших одновременно три-четыре паспорта и позабывших, под каким именно подданством они были в последний раз зарегистрированы и под каким проживают в данный момент⁶⁸. Французский «Журналь де Деба» 29 июня 1851 г. поместил гневную статью о разграблении домов двух французских подданных в Измире, призывал оградить силой оружия честь и имущество соотечественников. Однако проверка, предпринятая турецкими властями, установила тройное, включая британское, подданство потерпевших-греков, сохранявших к тому же и османское подданство. Понадобилось два месяца, чтобы выяснить, какой консул — Англии или Франции — будет представлять их интересы. А тем временем эти лица покинули пределы Османской империи с австрийскими документами.

Постоянное проживание среди политически бесправной массы немусульманского населения и имущественно неотличимого от реалы турецкого населения 2—2,5 млн. привилегированных покровительствуемых инонационалов-торговцев и финансовых дельцов, содержателей странноприимных домов — ханов и кофеен (которые, по словам британского комиссара при Порте по финансовым вопросам Эд. Хорнби, подчинялись турецким законам не более, чем послы европейских держав) — усиливало социокультурную и этнорелигиозную изолированность отдельных групп населения и служило реализации проектов усиления влияния на политическую и экономическую жизнь в Османской империи. Когда число покровительствуемых отдельной державой торговцев почему-либо снижалось, писал Ф. А. Иванов, консулы, беспокоясь, сами проявляли инициативу, отыскивая греков и

армян, занятых в каботажном плавании, в торговле и ремеслах, чтобы дать им покровительство своего флага и представлять их интересы перед Портой. Особенно это относилось к жителям о-ва Самос, прибрежных островов и самого Измира⁶⁹.

Очевидно, что среди неотложных мероприятий административного характера была борьба с наиболее вопиющими проявлениями капитуляционного режима. Английская историография (Ф. Родки, Ф. Бейли, А. Каннингхем) неоднократно поддерживала приоритет британской дипломатии в реорганизации на современном для середины XIX в. уровне консульской службы и в оформлении внешнеторгового османского законодательства в период танзимата⁷⁰. Французские и австрийские исследователи ссылались на то, что коммерческие кодексы Османской империи скопированы с французских образцов, а Коммерческий трибунал — суд высшей инстанции — с соответствующего австрийского учреждения.

Видные представители турецкой исторической науки — Э. З. Карал, Х. Иналджик, Н. Беркес, не отрицая заимствования форм коммерческого судопроизводства, с полным основанием подчеркивали первоочередность национальных интересов в создании учреждений, соответствовавших идеям Гюльханейского хатт-и шерифа, и новым условиям развития экономических связей с европейскими державами.

Многочисленное увеличение объема торговых операций между Османской империей и европейскими державами во второй трети XIX в., рост числа сделок между иностранными подданными в пределах империи, наконец, не поддающееся строгому учету число иностранных подданных и лиц двойного гражданства — все это требовало перестройки традиционного коммерческого судопроизводства.

Капитуляционные соглашения с Францией (1740 г.) и Россией (1783 г.) предусматривали факультативность вмешательства турецкого судьи (кади) в разбор торговых тяжб между иностранными коммерсантами на османской территории при обязательном рассмотрении таких дел между христианами и мусульманами в смешанных судах под председательством судьи-турка в присутствии драгомана соответствующей державы. Аналогичные пункты имелись в соглашениях с Англией 1675- и 1809 гг., с США — 1830 г., с Бельгией — 1839 г. и др. Высокую Порту, как свидетельствуют авторитетные исследователи этого вопроса А. Бенуа и А. Н. Мандельштам, не удовлетворяла подобная практика, тем более что державы стремились изъять из-под контроля османских властей все дела не только торгового, но и уголовного характера между иностранными подданными в пределах османской территории⁷¹. Османский подданный — турок, по существу, оставался беззащитным в случае, если он предъявлял иск коммерческого (равно и уголовного) характера к иностранному подданному или к своему соотечественнику-немусульманину, протежируемому европейской державой. Только

обратившись к местным властям, а через них в консульство соответствующей державы, турок мог рассчитывать на рассмотрение своего иска в будущем, которого он мог ожидать десятилетиями. Положение турка-торговца осложнялось тем, что обычно консул в зависимости от своего влияния и связей с местным кади решал, будет ли рассматриваться иск на месте или будет направлен в Стамбул, где им займется представитель посольства и августейшего дивана при султанах. Только российская консульская служба согласно договору 1783 г. принимала к рассмотрению на месте иски турецких торговцев к русским купцам и наоборот, не обращаясь в посольство и к центральным властям в Стамбуле ⁷².

Первые упоминания о смешанных торговых комиссиях в Турции известный русский дипломат и участник составления Адрианопольского трактата и ряда других документов международного-правового характера сенатор Д. В. Дашков относил к 50-м годам XVIII в. ⁷³. Он отметил инициативу России в создании таких комиссий кроме Турции также в Иране и Бухаре, где русские торговцы имели дело с мусульманскими партнерами, руководствовавшимися в торговых делах нормами шариата. С 1820 г. в Измире, Бейруте, Карсе, Александрии и Стамбуле, а к 30—40-м годам XIX в. во всех крупных портовых городах Османской империи действовали смешанные коммерческие комиссии, в состав которых входили представители османских властей, турецкие торговцы, иностранные коммерсанты и драгоманов или иные представители консульств. Решения столичных комиссий не являлись обязательными ни для иностранного подданного либо протежируемого лица, ни для Порты, что позволяло торговцам-иностранцам независимо от пожелания турецкой стороны прибегать к апелляции в международную Судебную коммерческую палату, руководствовавшуюся буквой и духом капитуляций.

Торговцу-турку приходилось искать защиты у того же европейского консула либо обращаться с позволения властей к апеллиционным комиссиям при посольствах в Стамбуле. Столь же необязательными для иностранцев и покровительствуемых османских подданных были решения арбитражных комиссий, собиравшихся периодически в рамках торговых и тех ремесленных эснафов (цехов), продукция которых вывозилась из Турции. Эти малокомпетентные комиссии выносили решения исключительно на основе шариата, не принимая во внимание свидетельства немусульман. В свою очередь, апеллиционные комиссии при послах принимали к рассмотрению только иски, заключенные по европейским нормам и на сумму не менее 1 тыс. курушей ⁷⁴. Комиссию должен был создавать ответчик.

Значительно возросло после 1838 г. число торговых сделок между иностранцами и османскими подданными резко увеличило нагрузку на традиционные смешанные комиссии, которые не справлялись с потоком дел. Представители западноевропейских консульств, не дожидаясь согласования с центральной властью,

создавали консульские коммерческие суды, которые принимали решения по искам против османских подданных без их участия и без ведома местных турецких властей. Консулы сообщали свои решения местным властям, требуя немедленного их исполнения, и ссылаясь при этом на прежние капитуляции и новые договоры.

Эти обстоятельства, дополненные нерегулярностью заседаний комиссий, объясняют, почему иностранные подданные и «протекже» всех уровней восприняли как отказ Порты от капитуляций создание в рамках министерства торговли Турции Коммерческого суда, который должен был заменить все многочисленные и многостепенные торговые арбитражи при посольствах и консульствах европейских держав и смешанные коммерческие комиссии. В новом суде были представлены различные группы торговцев в Османской империи. Заседания проходили под председательством министра торговли или его доверенного лица ⁷⁵. Поскольку действовавшие при губернаторах (вали) на местах провинциальные совещательные советы (меджлисы) уклонялись, несмотря на соответствующие султанские ираде, разбирать многие запутанные торговые тяжбы, Коммерческий суд в Стамбуле вскоре увяз, по словам современника, в бесчисленном количестве тяжб и претензий. Разбор некоторых дел длился долгие годы ⁷⁶.

Было предпринято несколько попыток разгрузить Коммерческий суд в столице. К 1849 г. смешанные коммерческие суды были организованы в Салониках, Филиппополе (Пловдив), Адрианополе (Эдирне), Бейруте. Оценивая действия почти одновременно созданных судов и меджлисов, генеральный консул в Адрианополе Г. И. Ващенко писал, что как в судах, так и в меджлисах «отсутствие надзора за неопытными, часто неблагонадежными и весьма редко оправдывающими выбор чиновниками и членами суда» парализует деятельность и совещательных меджлисов, и коммерческих судов ⁷⁷. Европейские коммерсанты попытались дезорганизовать работу Коммерческого суда в Стамбуле, не являясь на заседания, скрывая документы, давая заведомо труднопроверяемые сведения на малоупотребительных в Турции шведском, датском, португальском языках и т. д. По предложению Мустафы Решид-паши были приняты решительные меры: усилен штат драгоманов из числа турок, разбор дел стал вестись главным образом на итальянском или французском языках, распространенных в торгующих кругах Средиземноморья. Суд принимал решения и в отсутствие ответчика — европейца или турка, не явившегося на заседание дважды. Однако негодяи быстро отреагировали на эти меры — возросли число и размеры бакшишей членам суда ⁷⁸.

При всей ограниченности актов нормализации коммерческого судопроизводства они носили вполне самостоятельный, независимый характер, были продиктованы намерением властей ограничить капитуляционный произвол и неразбериху в тор-

говом судопроизводстве, обеспечить правовую основу торговой деятельности османских и иностранных подданных на базе положений хатт-и шерифа 1839 г., уравнивавших мусульман и немусульман.

Параллельно велась работа по унификации уголовного судопроизводства. Уголовный закон, принятый в мае 1840 г., помимо общих положений о равенстве перед законом мусульман и немусульман особо предусматривал наказания за коррупцию — явление, может быть самое распространенное при коммерческих операциях иностранцев в Турции, а также устанавливал равенство перед законом независимо от вероисповедания.

Турецкие власти предприняли и другую попытку, встретившую решительное противодействие держав. В турецко-бельгийском и турецко-ганзейском соглашениях 1839 г. осталось неопределенным, где должны рассматриваться взаимные претензии торговцев — в консульских арбитражах или в турецких смешанных судах. На этом основании Порты требовала преимущественно обращения в турецкие суды в центрах эялетов и в столичный Коммерческий суд в отношении соответственно уголовных и торговых дел. Очевидно, что реализация последовательная и в полном объеме этого требования серьезно подорвала бы систему капитуляционных иммунитетов, прежде всего у лиц с двойным гражданством, связанных с распространением политического и экономического влияния западноевропейских держав в Османской империи. Активизация деятельности британского посла в Стамбуле Стредфорда Каннинга (Редклифа), его проекты привлечения христиан в турецкую армию и во все общественные службы, требования уравнивать мусульман и немусульман (в том числе лиц с двойным гражданством) в праве свидетельствовать на суде — все это было ответом европейской дипломатии в Стамбуле на попытку Турции освободиться от капитуляционных соглашений или ослабить их.

Представители европейских держав требовали пересмотра статута стамбульского Коммерческого суда, как не соответствовавшего интересам иностранной коммерции в Османской империи. В свою очередь, министерство финансов с 1842 г. начало проводить силами местных властей, готовивших данные к первому рекрутскому набору, подробную перепись иностранцев и лиц с двойным гражданством, которые постоянно проживали в стране и имели (первые неофициально) какую-либо недвижимость⁷⁹. Вскоре началась выдача паспортов иностранцам. К 1847 г. паспортизация и кадастр недвижимости были закончены в Измире, Салониках, Айвалыке и нескольких небольших городах на средиземноморском побережье, однако в столице довести эти мероприятия до конца властям не удалось. Тем не менее налоги с оборота (кофеен, харчевен и т. д.) и на недвижимость, которой незаконно владели указанные категории в размерах месячного дохода, начали поступать в казну. Ф. А. Иванов отметил, что все обращения недовольных коммерсантов-ино-

странцев и покровительствуемых лиц в Коммерческий суд и местные суды «были оставлены без внимания»⁸⁰.

Частичным успехом увенчалась и другая инициатива министерства финансов и Управления таможен. В 1845 г. была начата регистрация сотен мелких судов, принадлежавших преимущественно грекам. Эти суда совершали каботажное судоходство в прибрежных водах Средиземного моря и обслуживали обширную контрабандную торговлю европейскими товарами. В Ункяр-Искелеси было создано Управление по контролю за каботажом, к перевозкам привлекались судовладельцы-турки. Жалобы судовладельцев — легальных контрабандистов, все тех же лиц с двойным гражданством, главным образом греков, обиженных высокими налогами, к рассмотрению не принимались ввиду очевидного нарушения османских законов. «Излишняя мелочность регламентации, — писал Ф. А. Иванов, — настойчивое противодействие морских держав и отсутствие у Порты собственного торгового судоходства не дали проявиться благому начинанию»⁸¹. Турецкому правительству удалось добиться согласия держав рассматривать коммерческие дела по взаимным претензиям судовладельцев (турок и иностранцев) в открытом море и в прибрежной зоне только в специальном арбитражном органе — Портовой палате при Управлении таможен в Стамбуле.

Не благие пожелания европейской дипломатии совершенствовать правовую основу коммерции в Османской империи, а стремление турецкого правительства изменить капитуляционный режим — вот что заставило представителей европейских держав в Стамбуле на время отложить разногласия и потребовать реорганизации коммерческого судопроизводства. 10 апреля 1847 г. было объявлено о создании в Стамбуле Смешанного торгового трибунала как высшей инстанции Османской империи по разбору и урегулированию претензий между иностранными подданными, а также между ними и османскими подданными⁸². В состав трибунала вошли 10 торговцев — османских подданных (мусульман и немусульман), среди них в первом составе было четверо с двойным гражданством, и 10 человек от зарегистрированных коммерсантов. По требованию торговцев-турок в конце января 1848 г. в регламент было внесено дополнение — председательствовать мог только министр торговли турецкого правительства, а не глава той дипломатической миссии государства, дело подданных которой разбирал трибунал, как первоначально настаивали представители держав в Стамбуле. Присутствие драгомана посольства являлось обязательным. В течение двух последующих лет в местные торговые суды в центрах эялетов были введены на формально паритетных началах иностранные торговцы. С ноября 1850 г. вступил в силу Коммерческий кодекс, скопированный, как обычно пишут, с французского кодекса. Однако первый в Османской империи Коммерческий кодекс и не мог быть незаимствованным. Все нормативные акты, касавшиеся административно-правового или торгового регулирования, соот-

ветствовали догматам шариата, точнее, одного из религиозно-политических направлений в суннитском толке ислама — ханифитского мазхаба. Казуальность и некодифицированность правовых положений, разноречивость в толковании конкретных казусов судьями (кади), которые руководствовались ханифитским правосознанием, видимо, в не меньшей степени, чем заморскими товарами, оседавшими в их домах как процент от удостоверенной сделки, заставляли турецких реформаторов стремиться к унификации общеосманского права вообще и торгового в частности. Добиться единообразного толкования положений шариата не удавалось. Разработанность соответствующих положений во французском коммерческом кодексе и три столетия общения с французскими торговыми и торгово-политическими представителями в Османской империи, распространенность языка и культуры Франции были несомненными аргументами в пользу французского кодекса, приемлемого и для мусульманского торговца, и для иностранца, и для зимми — немусульманских подданных султана.

Впрочем, французский образец оказался так далек от турецкой реальности, что потребовались дополнения от 30 апреля 1860 г., чтобы только в 1862 г., когда началось обновление торговых соглашений 1838 г., мог быть введен процессуальный кодекс, включавший положения отдельно о сухопутной и морской торговле⁸³. Новый судебный орган, отвечавший требованиям иностранных подданных и руководствовавшийся к тому же европейскими канонами судопроизводства, ставил торговца-турка изначально в неравноправное положение в силу его некомпетентности в европейском законодательстве⁸⁴, а также ввиду случайного подбора членов судов, более чем наполовину состоявших из иностранцев и их «протееж» в Турции.

Смешанный Коммерческий трибунал в Стамбуле при всей его ориентации на защиту интересов европейских коммерсантов все же вызывал у них недовольство. Поддержку трибуналу как окончательной инстанции, правда, оказали австрийские и английские дипломатические и торговые представители. В Османской империи Англии и Австрии принадлежало более половины всех паспортов торговцев, которым они покровительствовали и которые имели двойное гражданство. К тому же эти торговцы были наиболее богатыми и влиятельными в различных кругах государственной жизни, включая новый судебный орган. Эти страны, как говорилось выше, были связаны торговым договором и соглашением о навигации в территориальных водах Турции. Стредфорд Каннинг (Редклиф) умело парализовал при султанском дворе маневры соперников Англии по торговым и политическим вопросам. Новые капитуляционные иммунитеты были получены уже во время Крымской войны. Россия поддержала создание Смешанного коммерческого трибунала, где русские торговцы и османские подданные обычно рассматривали свои претензии. Обращения в Коммерческий суд в Одессе и тем бо-

лее апелляции в Петербург были более редкими, чем подобные обращения в практике консульской службы западноевропейских держав. Объясняется это оперативностью в работе торговой миссии при российском посольстве в Стамбуле и намного меньшим объемом торговых операций. Внимание правительственных кругов России было направлено преимущественно на ту часть капитуляционных соглашений с Османской империей, которые регулировали покровительство России православным подданным султана.

Иной была позиция Франции и Бельгии, которые потребовали учреждения дополнительных апелляционных инстанций. Был подтвержден французский королевский ордонанс от 28 мая 1836 г. о консульском суде в Стамбуле как первой судебной инстанции. Тем самым он фактически действовал независимо от Смешанного коммерческого трибунала, создание которого было одобрено Францией. Высшей апелляционной инстанцией по вопросам, связанным с коммерческими исками французских подданных, во Франции вновь, как и в 1836 г., была объявлена международная Судебная коммерческая палата. Вслед за Францией Бельгия в декабре 1851 г. заявила о сохранении в Стамбуле своего консульского суда для разбора дел смешанного характера. Брюссельская судебная палата была определена второй апелляционной инстанцией, куда в силу равноправности бельгийско-турецкого договора 1838 г. мог прибыть для рассмотрения своего иска любой торговец-турок. Исследователи, однако, не называют имен торговцев-турок из Малатья, Айдына или Сиваса в числе истцов в Брюсселе и Экке⁸⁵.

Проявлением антикапитуляционной деятельности Порты можно считать введение примерного регламента коммерческих трибуналов для крупных портовых городов. По инициативе Высшего совета юридических установлений состоялась поездка Абдул Меджида в некоторые города Европейской Турции и Западной Анатолии. Султан ознакомился с деятельностью смешанных судов в Эдирне, Измире, Айвалыке, Пловдиве и некоторых других городах, причем везде он демонстративно останавливался в домах немусульман — армянских и греческих финансистов и торговцев. Вернувшись в столицу, Абдул Меджид подписал регламент для коммерческих трибуналов. В середине ноября 1850 г. он был разослан в те города, где действовали смешанные суды, и должен был послужить для совершенствования структуры и деятельности последних.

В регламенте⁸⁶ четко и определенно говорилось, что Коммерческий трибунал Измира должен создаваться и действовать под непосредственным руководством вали, который созывал трибунал и утверждал его состав, назначал председателя. Следующие три пункта определяли количественный состав трибунала. Предпочтение отдавалось османским подданным. Два члена трибунала, мусульмане, должны были сменяться через год. Они представляли в местном трибунале центральные власти, их кан-

дидатуры утверждались в столице. По четыре члена трибунала выдвигали местные турецкие власти и консулы европейских держав. Эти восемь мест подлежали обновлению каждые три месяца. Особо оговаривалось, что замена выбывших членов трибунала должна производиться немедленно, чтобы ни представители держав, ни местные торговцы — османские подданные не имели перевеса голосов. В регламенте предусматривалось вмешательство вали с правом окончательного решения, если мнения в трибунале расходились. Присутствие посторонних лиц в зале заседаний, которые часто нарушали и срывали работу смешанных судов, исключалось. В отличие от судов жестко определялись сроки рассмотрения дел — не более двух заседаний на одно дело и 15-дневный срок для окончательного утверждения у вали решения трибунала. Назначением переводчиков и всей протокольной частью должны были весть только местные власти. Вмешательство консулов или их рекомендации для замещения должностей в канцелярии трибуналов предполагалось исключить. За этим должен был следить сам вали.

Коммерческие трибуналы создавались медленно: не было компетентных лиц из торговцев-мусульман, всемерно тормозили создание национальной системы арбитража вне капитуляционных соглашений консулы европейских держав, для которых, по словам Ф. А. Иванова, «главной докукой стало обращение к местному паше вместо привычного решения всех дел в своем кругу»⁸⁷. Почти три года ушло на формирование этих важных для защиты экономических и правовых интересов страны органов коммерческого судопроизводства.

Начавшаяся в 1853 г. война парализовала их деятельность. В ходе войны и в ближайшее послевоенное время возобладали всевозможные согласительные комиссии, создававшиеся местной консульской службой явочным путем и действовавшие, по оценке Ф. А. Иванова, «под протекторатом консула». Однако и та их недолгая деятельность, которая разворачивалась в первой половине 50-х годов, несколько уменьшила влияние дипломатических и торговых представителей в крупных торговых центрах⁸⁸. Война 1853—1856 гг. сорвала последовательную реализацию этого весьма перспективного направления в создании современной национальной административно-правовой системы. Турция пыталась бороться с капитуляционным режимом, а державы его совершенствовали.

Судебная и торговая реформы должны были содействовать процессам секуляризации, изживанию средневековья, но они оказались во многом орудием дальнейшего негативного воздействия капиталистических держав на преобразования в Османской империи. Среди многочисленных примеров можно отметить ситуацию в смешанном коммерческом суде (с 1850 г. в трибунале) в Измире. За период 1848—1852 гг. из семи положенных по регламенту членов суда турок осталось только двое. Остальные места были замещены торговцами, которым покровительст-

вовали державы, или имевшими двойное подданство. Первоначально весьма оперативное решение дела под контролем местного вали-турка сменилось затяжной процедурой «сбора данных». Сохранялось формальное председательство вали, но к 1852 г. была введена де-факто должность драгомана суда и толкователя законов (европейских и турецких), которую занял представитель миллета протестантов Соломон Коэн, обладавший сразу тремя паспортами и представлявший интересы шести европейских торговых компаний. Деятельность русских торговцев, равно как и их жалобы, в измирском суде «отныне и выслушать некому», констатировал Ф. А. Иванов⁸⁹.

Многочисленным злоупотреблениям, незаконным арестам подвергались и другие торговцы, конкурировавшие с компаниями, чьи интересы были представлены в коммерческом суде. Только полномочная комиссия Порты в конце 1852 г. положила конец смешанной деятельности западноевропейских консулов и «турецкого» торгового суда в Измире. Многочисленные сообщения российских консулов из различных городов Османской империи и сообщения корреспондентов европейских газет свидетельствуют о значительном в конце 40-х — начале 50-х годов усилении влияния консулов европейских держав, сообразно своим интересам трактовавших торговые уложения.

На османскую почву с ее исламскими правоположениями был механически перенесен буржуазный коммерческий кодекс. Серия дополнений и разъяснений к нему в интересах капиталистических держав, сохранение параллельной системы турецкой и консульской судебных систем, усиление роли консулов европейских держав по вопросам, выходящим за пределы консульской юрисдикции, — все это свидетельствовало, что произошла фактическая кодификация капитуляционных соглашений Османской империи в соответствии с требованиями торгово-промышленного капитализма Европы. Не только таможенная система, но и в целом коммерческое законодательство постепенно, но неуклонно перестраивалось в соответствии с интересами капиталистических держав Европы.

В годы Крымской войны коммерческие суды фактически приостановили свою деятельность, судьи-турки вышли из их состава, суды рассыпались. Воссозданные летом — осенью 1856 г. коммерческие суды стали собираться не столько в крупных торговых центрах, сколько при резиденциях вали, что не всегда совпадало, поскольку некоторые правители эялетов старались держаться подальше от беспокойных больших городов. Так, коммерческий суд из Бейрута был переведен в Сайду, где в заштатной глуши, но в прохладном мраморном дворце разместились вали и его окружение. Разбор основных дел был перенесен по тем же причинам из беспокойного Измира в тихий Айвалык. Увеличилась текучесть членов суда. Неопределенным оставался количественный состав: вместо четырех мусульман и четырех христиан, одного председателя — представителя местной власти

в суде собиралось до 15—16 человек, большей частью инонационалы с двойным подданством и покровительствуемые лица. Усилилось прямое вмешательство консульской службы в судопроизводство по торговым делам (и не только торговым).

Примером может служить проект (декабрь 1858 г.) консулов западноевропейских держав в Бейруте создать новую судебную палату под председательством английского консула-дубайца⁹⁰. В состав суда предлагалось ввести четырех представителей от иностранных держав, имевших консульства в данной местности, по два представителя от местных торговцев христиан и мусульман. Представители других миллетов в расчет не принимались. Запасными членами суда предлагалось назначить «несколько уважаемых коммерсантов» — иностранных подданных. Срок полномочий членов суда и запасных (европейцев) определялся в один год, для османских подданных — в полгода. Как бы закрепляя очевидную дискриминацию членов суда — подданных Османской империи (мусульман и христиан), предлагалось в случае тяжбы между османским подданным и европейцем или лицом, к нему приравненным, утверждать решение суда на заседаниях всех аккредитованных в данном городе консулов. Более того, председатель суда — британский консул мог сам создавать временные комиссии с правом выносить решения от имени суда. Это объяснялось для оперативности разбора жалоб иностранцев, чьи суда нельзя задерживать под погрузкой или разгрузкой. Апелляция в стамбульские судебные инстанции отменялась. «Дело турецкого мушира (зд. — командующего войсками округа. — В. Ш.) было исполнять постановления суда быстро и в точности, — сообщал мнение консулов о роли турецких властей на собственной территории российский генеральный консул Н. Я. Мухин. — Впрочем, — писал он, — консулы договаривались подавать муширу коллективные ноты, минуя и коммерческий суд, ими формируемый, и комиссию при нем»⁹¹. Проект был согласован на уровне послов западноевропейских держав в Стамбуле и сообщен турецкому правительству, однако он не был претворен в жизнь. Сам же проект обновления турецкой судебной системы в духе капитуляций и обращение к военным властям как потенциальным судебным исполнителям приговоров, вынесенных консульским советом, свидетельствовал о неизменном стремлении держав сохранять и модифицировать капитуляционный режим — орудие сдерживания социально-экономического и политического прогресса. Турция вела борьбу против капитуляций на Парижском конгрессе и после него, в период, когда она совместно с Россией выступала против нейтрализации Черного моря, торговых и политических ограничений капитуляционного характера, которые западноевропейские державы хотели наложить и на Османскую империю, и на Россию.

Европейские державы не подчеркивали формально свои права на экстерриториальность, но фактически они существовали, равно как и особые кварталы в Стамбуле, обособившиеся от сул-

танской власти после 1838 г. В сентябре 1839 г. печать Франции сообщала со ссылкой на «Курьера Смирны» об обширных работах в столичном районе Пере, населенном европейцами, по перестройке и благоустройству, а главное — по обособлению квартала от остальной части Стамбула. Работы вели турецкие рабочие на средства посольств и ряда частных лиц — османских подданных, которым покровительствовали державы⁹².

В предвоенные годы началось создание своего рода европейских селтльментов в приморских городах Османской империи. В начале 40-х годов ежегодно фиксировалось несколько покупок посольствами Англии, Австрии, Франции и, реже, других держав участков земли, особняков, садов для нужд посольств, отдыха сотрудников и их семей. В самом Стамбуле в середине 40-х годов не только Пера и Галата, но и по нескольку кварталов в других районах столицы были выведены из-под контроля турецких властей как приобретенные для нужд наиболее благоприятствуемых наций. Российский посланник В. П. Титов, сообщавший об этих сделках, участники которых обходили запрет на операции с недвижимостью для иностранцев, опираясь на капитуляции, подчеркивал, что наибольший интерес посольств привлекали участки вдоль европейского берега Босфора, наиболее удобные для сооружения пристаней, причалов, объектов портового хозяйства⁹³. Начиная с декабря 1854 г. английские консулы на о-вах Хиос, Родос и Самос через подставных лиц и греков с двойным гражданством стали приобретать дома вокруг консульств формально для размещения раненых английских солдат, а затем поднимали над ними британский флаг и, объявив их собственностью британской короны, многократно увеличивали территорию, выпадавшую из-под юрисдикции турецких властей.

Покупки недвижимости под самыми различными предложениями, участие иностранных подданных (через подставных лиц) в ряде запрещенных производств заставляли Порту периодически проводить переписи приобретенной собственности, составлять реестры покровительствуемых лиц, совершавших сделки под двумя-тремя именами, просить сведения о делах по торговым претензиям, разбиравшихся в консульских судах. В 1842—1848 гг. три гражданских правителя в Эдирне принимались за эту деятельность. И чем больше они демонстрировали свое рвение, чем больше злоупотреблений консульских служб они вскрывали, тем скорее и в более отдаленные эялеты их переводили⁹⁴.

В поле зрения посланников Англии и Франции оказались три островка у входа в бухту Измира. Незначительные, безлюдные, они вызвали, однако, повышенный интерес тем, что мимо них проходили все торговые и военные корабли. К 1843 г. адмирал английской эскадры, стоявшей на рейде Измира, сумел оттеснить французского консула при покупке одного из островков — Кьостенадасы, принадлежавшего потомку местных деревбеев. Власти Измира принудили владельца расторгнуть сделку⁹⁵. По апелляции покупателя-неудачника в стамбульский

Коммерческий суд, на который оказал решительное воздействие посол Англии Стредфорд Каннинг (Редклиф), позитивного решения принято не было. С началом войны на островок высадился английский десант. 180 тыс. курушей, выплаченных владельцу острова, и сверх того 120 тыс. курушей формально в виде налога, а фактически в пользу членов Коммерческого суда в Измире и, несомненно, присутствие английских солдат на острове решили дело в пользу лондонского журналиста Дж. Эдвардса, ставшего подставным владельцем стратегического пункта в турецких территориальных водах. После войны права Эдвардса снова были оспорены Портой. Тяжба продолжалась вплоть до 1867 г., когда по закону о недвижимости были признаны его права. Впоследствии, много лет спустя, островок вновь перешел под юрисдикцию турецкого правительства.

Генеральный консул России в Бейруте К. М. Базили во многих своих донесениях обращал внимание и на другую форму использования европейскими державами капитуляционных прав и привилегий. Речь шла о приобретении участков обычно хорошо обработанной земли или построек в торговых кварталах, например, Иерусалима, расположенных поблизости от «святых мест» — церквей, монастырей, статут которых был определен капитуляционными соглашениями XVII—XVIII вв. «Порта, — писал К. М. Базили в августе 1852 г., — просто не понимает в своем увлечении дипломатической игрой, что державы хотят реставрировать режим капитуляций 1740 г. Местные паши и вовсе о том не думают, а наживаются на подачках западных консулов и помогают им обойти турецкие законы. Те же из местных чиновников, кто против, числятся у Порты в бунтовщиках». Сами местные правители, делал вывод К. М. Базили, с одной стороны, разжигали фанатизм, а с другой — поощряли капитуляции⁹⁶.

Пять лет спустя, в феврале 1857 г., преемник К. М. Базили в Бейруте Н. Я. Мухин сообщал о последствиях этих капитуляционных демаршей. Происходило как бы состязание в приобретении земельных участков иностранцами и христианским духовенством, а также частными лицами из местных покровительствуемых. Правительство при поддержке местных мусульманских кругов тщетно пыталось этому противодействовать в Сирии и Палестине вообще, в Иерусалиме в особенности. Попытки Порты откупить обратно земли, попавшие в руки духовных миссий, были безуспешны. В ход шли уже не только капитуляционные грамоты, а непомерные, по словам Н. Я. Мухина, цены, назначенные новыми владельцами, и бесконечная волокита в местных судах и Высшем коммерческом трибунале. В итоге, как писал Н. Я. Мухин, «запутанность капитуляций и турецкого законодательства обогащала лишь продажных членов смешанных комиссий и торговых судов»⁹⁷.

Можно, таким образом, утверждать, что закону 1867 г. о разрешении иностранцам владеть недвижимостью в Османской империи предшествовал длительный период своеобразной под-

готовки этого акта капиталистическими державами, использовавшими экономическую и политическую направленность капитуляционных соглашений для создания целых зон, выпадавших из-под контроля суверенной турецкой власти.

В период Крымской войны неопределенное правовое положение сложилось в связи с формированием иностранных легионов в составе союзных войск. Стимулированное представителями европейских держав, оно отражало общий уровень их отношений к своему союзнику по первому военному блоку на Ближнем Востоке и в основе содержало все те же капитуляционные принципы. С конца 1854 г. по инициативе английского командования начались наборы в конный корпус численностью 20 тыс. человек из мусульманского населения Турции, но в составе и на содержании английской армии. При сохранении османского подданства солдаты этого соединения согласно требованию английского командования не подлежали бы турецкой юрисдикции по уголовным вопросам⁹⁸. Военскую часть, несколько меньшей численности и без включения в состав французской экспедиционной армии, предлагали набрать из турок — жителей Стамбула и окрестностей представители дипломатических и военных служб Франции. Неподсудность и экстерриториальность этого формирования звучали в их предложениях столь же определенно, как и в предложениях их английских союзников⁹⁹.

Оба эти предложения были восприняты в турецком правительстве с настороженностью, особенно в связи с неопределенностью дальнейшего, послевоенного правового положения этих формирований. Введение английским командованием смертной казни (генерал Р. Вивиан долго служил в Индии и не мог отрешиться от приобретенных там привычек) за дисциплинарные проступки в еще не сформированном корпусе, жесточайшая дисциплина, которую поддерживали английские офицеры и унтер-офицеры, быстро разрушили первоначальные иллюзии в отношении этого корпуса, напоминая сипайские полки в колониальной Индии. Развеялись иллюзии, вначале привлекавшие часть бездомного столичного люмпена из турок возможностью «составить капитал и сделать впоследствии коммерцию под чужеземным флагом». В англо-турецкий корпус, размещившийся в помещении бывшего посольства России, набралось к лету 1855 г. менее 4 тыс. всадников из иррегулярного турецкого ополчения, половина из них дезертировала осенью того же года¹⁰⁰.

Неудача постигла также французских вербовщиков. Однако Франция предприняла новую попытку использовать военную обстановку для изменения в свою пользу некоторых положений об османском подданстве. Французское командование предложило рассматривать туниских солдат на французской службе не как подданных Османской империи, а как подданных Франции. Это было очевидным отступлением от многочисленных заявлений французского правительства о неизменности статута Тунисского эялета в рамках Османской империи, которому Франция ока-

зывала якобы лишь покровительство и поддержку. Но эти заявления относились к 1844—1845 гг., а летом 1855 г. Франция недвусмысленно предложила направить восьмидесятысячный тунисский батальон уже как своих подданных и солдат французской армии в Крым¹⁰¹. Взамен Порте предлагалось такой же или больший контингент турецких солдат направить в составе французской колониальной армии в Алжир для участия в подавлении движения алжирских повстанцев¹⁰². Турецкие солдаты приобретали бы на время участия в карательных операциях все тот же пресловутый статут двойного гражданства. По существу, в рамках капитуляционного режима в эпоху Крымской войны формировался институт наемников иностранного легиона. В его первом исполнении применительно к XIX в. не менее отчетливо просупает тенденция использовать покровительствуемых лиц и обладателей двух паспортов в качестве наемников, чьи преступления в период военных действий или участие в карательных акциях против национально-освободительных движений оказались бы прикрытыми флёром «наибольшего благоприятствования». Если в торговых отношениях между Османской империей и капиталистическими державами компрадорская буржуазия, обладавшая всевозможными иммунитетами, и широкий круг покровительствуемых лиц были каналом, через который осуществлялось воздействие на социально-экономическую жизнь империи, то почти бесконтрольный поток в Европейскую Турцию эмигрантов в конце 40-х годов стал в руках Франции, Англии и Австрии средством воздействия на армию и политическую жизнь Османской империи.

Крымская война, ее подготовка в капиталистических державах и в самой Турции отразились, естественно, на положении и деятельности иностранных подданных. Значительно возросла численность гражданского персонала на частных и казенных предприятиях, почти миллионная армия союзных держав более двух лет находилась на турецкой территории, удвоилось число покровительствуемых лиц из числа османских подданных. Все они действовали под защитой капитуляционных прав. Особую проблему в связи с неопределенностью своего положения представляли тысячи эмигрантов 1830 и 1848 гг. из Западной, Центральной и Юго-Восточной Европы, главным образом те, которые, приняв ислам и османское подданство, не поступили на турецкую службу и не были приняты в число покровительствуемых лиц, однако претендовали (особенно выходцы из Австрии, французы и итальянцы) на право защиты капитуляционными привилегиями, которыми пользовались их соотечественники в Турции.

По мере втягивания Турции в вооруженный конфликт с Россией ситуация становилась все более неконтролируемой для турецких властей. Как писал в 1850 г. анонимный турецкий автор — сотрудник министерства иностранных дел, бесчисленное число покровительствуемых лиц и эмигрантов едва ли не изо всей Европы дает пример того, как капитуляционный режим

стал чем-то вроде политического убежища беглецам, по разным причинам преследуемым законами своих стран. Вывод автора записки, вероятно преднамеренно оказавшейся в распоряжении русского посланника, свидетельствовал о намерении правительственных кругов ограничить капитуляционные льготы: создавать из эмигрантов, претендовавших на отношение как к представителям наиболее благоприятствуемых наций, воинские формирования — «христианские полки». Автор записки шел дальше и считал, что все христиане — подданные Османской империи, в первую очередь лица с двойным гражданством, должны быть уравнены в правах с мусульманским населением в главном, с его точки зрения, праве — платить все виды налогов и служить в армии. Такие части предлагалось вначале создать в Боснии и Болгарии как внутренние войска «для поддержания порядка»¹⁰³.

В правительственных кругах Османской империи искали решения сложных проблем, связанных с революционными событиями 1848—1849 гг. в Европе, с обострением социально-политической обстановки в балканских провинциях и отношений с сопредельными феодальными монархиями — Австрией и Россией.

Глава IV

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И ОБОСТРЕНИЕ ВОСТОЧНОГО ВОПРОСА

В 1849—1852 гг.

Османская империя и революция 1848—1849 гг. в Юго-Восточной Европе

«Электрические разряды 1830 г.»¹, отмеченные Ф. Энгельсом в социально-политической жизни в Европе, оказали влияние и на движение общественной мысли в Османской империи. Наиболее значительным оно было на Балканах, где фактически не прекращавшееся национально-освободительное движение сливалось с борьбой крестьян против османского феодального угнетения. Революция 1830 г. во Франции и освободительное восстание в Польше 1830—1831 гг. стимулировали прежде всего в Европейской Турции стремление к национальному возрождению, содействовали выработке критического отношения передовой балканской общественности к российскому царизму, его политике в Юго-Восточной Европе, в Восточном вопросе. Среди общественности Дунайских княжеств, Болгарии, Сербии и других подвластных Порте территорий находили понимание и развитие идеи ориентации на Францию и Англию в борьбе с османским деспотизмом. Широкое развитие в 30—40-х годах XIX в. приобрела проблема единения славянских подданных султана как фактора национального освобождения. Свою долю в пеструю мозаику общественно-политической мысли среди немусульманского населения Османской империи внесли деятели польской эмиграции². Глава правого консервативного крыла польских эмигрантов А. Чарторыйский, например, не только не разделял идеи общеславянского единения, но для противодействия России и Австрии готов был поддержать зависимое от Турции некое южнославянское объединение. Через агентов А. Чарторыйского в европейских провинциях Турции и в самом Стамбуле эти идеи доводились до сведения турецких властей, но вызывали меньше беспокойства, чем идеи демократической федерации славян, популярные в левых эмигрантских кругах³.

Меньшее, но достаточно заметное влияние преимущественно среди немусульманского населения Османской империи имели организации «Молодая Италия» и «Союз итальянских рабочих»,

созданные Дж. Мадзини соответственно в 1831 и 1841 гг. Однако именно революция 1848—1849 гг. в Австрийской империи, впервые призванная решить проблему национального освобождения народов, этнически и территориально близких многомиллионной массе немусульманского населения в Европейской Турции, заставила Порту дать некоторые новые оценки внешнеполитической деятельности, уточнить характеристики при выработке внешнеполитического курса на рубеже 40—50-х годов.

Наибольшую обеспокоенность в Стамбуле вызывали лозунги, призывавшие к национальному объединению славян и румын, звучавшие в мартовских революциях 1848 г. в Вене и Пеште (Венгрия). По существу, вся Европейская Турция, от Боснии до Болгарии, в той или иной степени была охвачена движением за национальное освобождение.

Революция 1848 г. прошла стороной от Османской империи, заявил известный турецкий историк Э. З. Карал, явно недооценивая влияние на Турцию революционных событий 1848—1849 гг., потрясших все монархии Европы⁴. В основе его оценки лежит понятие об особом месте Османской империи в мировом развитии, вне классово-политических боев и столкновения противоборствующих социальных систем — османского деспотизма и национально-буржуазного возрождения. Для Т. Гюреля, Э. З. Карала, А. Н. Курата и других турецких историков характерно акцентировать внимание читателя на особой заинтересованности царизма во «внутренних мятежах в Турции». К числу последних произвольно относятся как освободительные движения на Балканах, так и антисултанская борьба Мухаммеда Али и революционное движение в Дунайских княжествах в 1848—1849 гг.⁵

Современные турецкие историки нередко рассматривают революционные события в Дунайских княжествах в 1848—1849 гг. и Крымскую войну 1853—1856 гг. как общее и непрерывное нарастание напряженности в русско-турецких отношениях, разрешившееся вооруженным конфликтом. Одним из первых с этой позиции выступал в 1961—1964 гг. профессор Анкарского университета Ф. Х. Армаоглу, а затем его ученик и последователь Х. Гюрсель, а также Ф. Дерин⁶. В трудах турецких авторов, работающих в США и Западной Европе (К. Карпат, Н. Беркес), проблема революционного влияния на Османскую империю и реакция Порты в сложном взаимодействии факторов — танзимат и революции в Европе, подъем национально-освободительного движения в Юго-Восточной Европе и на Ближнем и Среднем Востоке в 40—50-х годах XIX в. — либо отсутствует, либо иллюстрирует узкое видение авторов в отношении национально-государственного возрождения немусульманских территорий, в том числе Дунайских княжеств. Это обстоятельство приходится подчеркивать в связи с тенденцией буржуазной историографии международных отношений рассматривать взаимоотношения Порты и европейских кабинетов как абстрактный неделимый элемент, а не продукт диалектики.

Рассмотрим, как правящие круги Османской империи в условиях революционной ситуации в Юго-Восточной Европе формулировали и осуществляли внешнеполитический курс, имея в виду под таковым более или менее полное отражение национально-государственных интересов, естественно в той степени, в какой эти понятия применимы к Османской империи.

Уже первые январские события 1848 г. в Италии, нарастание напряженности в Австрии, столкновения буржуазно-помещечьих кругов и демократических сил в Молдове и Валахии внушали Порте самое серьезное беспокойство. Пугала султана и его окружение реакция населения столицы, городов Европейской Турции, которые, по словам современника, с радостью встречали известия о революционных событиях в Вене и восстании Лайоша Кошута в Венгрии⁷. Простые турки воспринимали эти известия как поражение «коварного противника», а христианское население — как залог дальнейшего развития освободительного движения на Балканах. Еще не погасли угли на пепелищах восставшего Ниша (1841 г.) и звучали залпы турецких карателей в горах восставшей в 1847 г. Албании. Призрачного умиротворения добились власти в Ливане и Курдистане. Кроме того, времена даже относительного изоляционизма для Высокой Порты миновали. Необходимо было, наконец, определить позицию османского государства в отношении событий в Европе и революции 1830 г., что в свое время не было сделано. Революция 1848 г. потребовала от Порты более определенной позиции, поскольку эта революция «сразу вызвала со стороны всех угнетенных наций требование независимого существования и права самостоятельно вершить свои собственные дела...»⁸.

Первая реакция великого везира Мустафы Решид-паши на революцию во Франции и особенно в Австрии была излишне, с точки зрения придворных кругов, оптимистичной. Полагая, что отвлечение на внутренние проблемы Франции и скорое падение, как он верил, под ударами изнутри Австрии, ослабление союзицы Австрии — России будут содействовать упрочению позиции Османской империи в Юго-Восточной Европе и на Ближнем Востоке в качестве фактора равновесия и стабильности, Решид-паша предложил проявлять доброжелательность в отношении Франции, усилить гарнизоны в пограничных с Австрией районах, поддерживать консультации доверительного характера с Англией и Россией, осуществлявших посредническую миссию в турецко-иранском и турецко-греческом конфликтах. Подобной «революционности» Решид-паше не могли простить ни ограниченный, но честолюбивый султан Абдул Меджид, чувствовавший себя оттесненным в делах европейской политики влиятельным, признанным в Европе великим везиром, ни противники реформ, полагавшие, что настала пора не «гяурских реформ», а джихада против готовой восстать реайи. 28 апреля 1848 г. Мустафа Решид-паша, обвиненный в пренебрежении религией, и несколько членов его правительства были смещены со своих постов⁹.

Новый великий везир, сдержанный прагматик Сарым-паша, не слишком радикально изменил состав правительства и его ориентацию. Внешнеполитический курс Сарым-паши оказался, по существу, реализацией принципов Мустафы Решид-паши с несколько большей ориентацией на Россию. Правительственная реакция проявлялась как в сфере внутривластных мер, так и в активизации османской дипломатии. Порты внимательно следила за распространением революции в Австрийской монархии, вблизи балканских провинций Османской империи¹⁰. Не удовлетворяясь общей информацией через посольства, прессу и дипломатические круги, Порты перевела энергичного и компетентного Мехмеда Кыбырлы-пашу с должности иерусалимского мутасаррыфа на пост вали Белграда и дунайских крепостей. Там он организовал своего рода центр по сбору сведений о событиях во Франции, Италии и Австрии, стал формировать из разноплеменных эмигрантов волонтерские отряды под общим командованием офицеров-ренегатов турецкой регулярной армии. Он развил там такую деятельность, что по требованию посольств Англии и России был отозван, но вскоре был направлен посланником в Лондон.

В начале марта 1848 г. посланнику Австрии в Турции была вручена памятная записка Порты, в которой обращалось внимание Вены на быстрое развитие революционных событий в пограничных с Турцией районах Австрийской империи и отмеченные случаи волнений в османских вилайетах. Последнее заставило Порты, отмечалось в записке, усилить меры безопасности. Австрия должна была, со своей стороны, предпринять необходимые меры для пресечения нежелательного развития событий в сопредельных областях, но чтобы это не отразилось на ее отношениях с Османской империей и другими державами¹¹. Одновременно во Францию и Австрию были направлены памятные записки, в которых турецкое правительство сообщало, что оно рассматривает события в Италии (имелись в виду революционные выступления в Ломбардии, Венеции, на Сицилии и др.) как бунтарские против законных правительств. Выражалась надежда, что Франция и Австрия успешно с ними справятся.

Вместе с тем в Стамбуле продолжали следить за положением дел в Белграде и поддерживали в мае—июне 1848 г. действия сербского князя Александра Карагеоргиевича против венгерских повстанцев, не только формально присвоив ему чин мюшира османской армии, но и послав в распоряжение местной реакции оружие и боеприпасы, которые были использованы против вставшей Венгрии. Эти действия Порты поддержали правая польская аристократическая эмиграция в Турции и дипломатические представители Франции и Англии в Стамбуле, консулы этих держав в Белграде¹².

Вопрос об оружии свидетельствует о новых акцентах в политике турецких реформаторов этих лет. С осени 1848 г. после введения турецких войск в Дунайские княжества Порты через га-

латских банкиров, связанных с лондонскими торговцами оружием, выяснила возможности негласного ввоза оружия и боеприпасов в Турцию. Весной и летом 1849 г. не реже одного раза в неделю на рейде Салоник и Измира появлялись пароходы под британским флагом с грузом пороха, других боеприпасов и под видом соблюдения санитарных норм разгружались вне обычных причалов. От правительства Англии наблюдение за поставками оружия, которые вел известный оружейный коммерсант Ч. Грейс, осуществлял срочно переведенный из Португалии консул А. Роут, специализировавшийся на нелегальной доставке английского оружия в Испанию и Португалию. Интересы Порты представлял банкирский дом братьев Главани в Галате, финансировавших операции английских торговцев в Турции и Иране в кризисные 1846—1847 годы. Сделки с оружием показались Порте столь выгодными, что через Банк Главани часть оружия европейского и местного турецкого производства была перепродана правительству Австрии. Попытка турецких торговцев заняться перепродажей в Австрию и на Ионические острова колониальных товаров (кофе, сахар) по тем же каналам братьев Главани была немедленно парализована английскими коммерсантами и их представителями в Стамбуле, Банате и Триесте¹³. Очевидно, что заявление Порты о нейтралитете подкреплялись четкой политической позицией в пользу сил реакции.

Нет оснований искать в позиции турецких правящих кругов сочувствия, тем более содействия делу европейской революции, как это бездоказательно пытаются сделать некоторые современные турецкие и западноевропейские историки. Столь же мало оснований полагать, что основные замыслы Николая I в период революции в Австрийской империи и Дунайских княжествах были связаны с провоцированием восстаний в Боснии, Болгарии, княжествах и с «окончательным решением судьбы Османской империи». Такого мнения, однако, придерживались Т. Гюрель, Э. З. Карал, А. Н. Курат — представители старшего поколения и Т. Дуран, Дж. Гюрсель, Ф. Дерин — из нового поколения турецких историков¹⁴. В трактовке С. Айверди Османская империя предстает неким оплотом революций в Юго-Восточной Европе против панславизма и агрессивности царизма, чьи действия в Европе могли бы иметь далеко идущие последствия, если бы якобы не твердость турецкого правительства¹⁵. Как же в действительности сложился курс Стамбула и Петербурга на совместное подавление революций в Дунайских княжествах и каково было отношение к этому западноевропейских держав?

Посол России в Стамбуле В. П. Титов в марте—апреле 1848 г. получал указания из Петербурга во всех беседах с турецкими государственными деятелями подчеркивать значение Османской империи в качестве оплота стабильности и порядка в своем регионе и Европе в целом «при очевидной непрочности Второй республики». «Пусть турки хорошенько подумают, — наставлял К. В. Нессельроде в инструкции от 28 марта 1848 г. В. П. Тито-

ва, — сколь быстро пожар революции приближается к их границам и как важно их тесное сотрудничество с Россией»¹⁶. Вместе с тем обращает на себя внимание собственноручная приписка Николая I на полях упомянутой инструкции: «Если, скажете Вы туркам, беспорядки в княжествах будут на грани взрыва, е.и.в. без колебания займет их русскими войсками... От имени султана...»¹⁷.

Решение по этому вопросу было принято в последних числах апреля 1848 г., когда обострилась ситуация в Валахии, а в Яссы прибыл для изучения положения дел на месте и решения о вводе русских войск в княжества полномочный представитель царя генерал А. О. Дюгамель, памятный Порте своими жесткими действиями при ратификации Адрианопольского мира¹⁸. В пространной инструкции для А. О. Дюгамеля от 1 (13) апреля 1848 г., написанной лично К. В. Нессельроде, в каждой строке сквозил страх перед распространением революции на территорию России. Не меньше опасения вызывала перспектива обострения Восточного вопроса. Подчеркивая «охранительный» характер миссии А. О. Дюгамеля, К. В. Нессельроде писал: «Тесный союз, существующий между Россией и Портой, возлагает на императорское правительство обязанность оказывать ей содействие в подавлении мятежа и в восстановлении нарушенного авторитета султана»¹⁹.

В 20-х числах апреля Абдул Меджид получил конфиденциальную информацию о скором прибытии (29 мая) чрезвычайной французской миссии во главе с генералом Ж. Опиком для заключения союзного договора между Второй республикой и Османской империей²⁰.

В это же время Стредфорд Каннинг (Редклиф) предложил Порте новый проект реформ, и ей приходилось выжидать. Султан лично инструктировал своего полномочного представителя в Дунайские княжества Талаат-эфенди, отозванного с поста посланника в Берлине: «Следует избегать каких бы ни было военных столкновений с русскими войсками, любых эксцессов, могущих таковые спровоцировать. Соблюдать жесткую дисциплину. Не бросить ни тени, ни намека на расположение султана к своим христианским подданным в княжествах»²¹. Права России на покровительство княжествам, как говорилось в инструкциях, неоспоримы и заслуживают уважения наравне с незыблемым суверенитетом Высокой Порты. Близкие по духу и форме инструкции русским и турецким представителям в Дунайских княжествах — избежать столкновения между Россией и Турцией — не предусматривали самого важного: учета интересов страдавшего от национального и социального угнетения крестьянских, ремесленных, буржуазных масс Дунайских княжеств. Никакие инструкции не могли помочь решить главный вопрос революционной борьбы в княжествах — освобождения от османского ига²². Наоборот, предусматривая сохранение Молдовы и Валахии в рамках османского господства, Николай I и Абдул Мед-

жид порождали новые межгосударственные противоречия и осложнения.

Турецкие историки Ф. Армаоглу и Дж. Учок подчеркивали, что именно у Порты искали защиты и справедливого решения своих проблем молдаване и отчасти валашские повстанцы²³. Аналогичные мысли высказывали Э. Карал, Т. Озтюна и некоторые другие современные турецкие историки, для которых противодействие Порты вмешательству России в дела Дунайских княжеств сливается с особой и отдельной проблемой привлечения на службу в слабый офицерский корпус турецкой армии профессиональных военных из эмигрантов. Воспоминания же А. О. Дюгамеля, П. Х. Граббе и других участников событий, а также работы Д. Г. Розена, С. С. Татищева создают образы либеральствующих турецких пашей и министров, защитников конституционных начал, сокрушенно взиравших на сожженные, разграбленные города и села Европейской Турции, Молдовы и Валахии²⁴. Соотнесение документальных свидетельств с реальной обстановкой в Стамбуле дает возможность определить истинные цели турецкого правительства в 1848—1849 гг.

В июне 1848 г. стало очевидно, что ни ссылка в Бурсу молдавских бояр, просивших заступничества Порты, ни умиротворительная деятельность Талаат-паши целей не достигли. Более того, восстала Валахия, была провозглашена конституция, ширились выступления крестьян против местных помещиков и бояр. 28 июня (10 июля) в Яссы вошли части 5-го пехотного корпуса, о чем был предупрежден Талаат-паша Дюгамелем, а Порта — Титовым²⁵.

В Стамбуле началась паника, и богатые мусульмане и христиане стали покидать город. Однако вскоре все успокоились. Поступили сообщения из княжеств — русские войска получили приказ царя не переходить р. Серет, а ведут себя так, «чтобы никакая тень своеволия, насилия или посягательства на чужую собственность не могла коснуться чести русского отряда»²⁶. Соприкосновение турецких войск, введенных в княжества, с русскими войсками осложнений не вызвало. «Обхождение русских офицеров и нижних чинов с чинами турецких войск было самое приветливое, но без слишком большого сближения»²⁷. Тревога спала, переговоры Порты с дипломатами Англии и Франции продолжались.

Тем временем османская военная машина набирала ход. Отборные турецкие части (14—16 тыс. человек) находились в Дунайских княжествах. Под ружье был призван запас (редиф) из Западной и Центральной Анатолии общей численностью до 50 тыс. человек в возрасте от 14 до 60 лет. Мобилизация коснулась почти каждого турка, способного носить оружие, в окрестностях Бурсы, Гёмлика, Муданьи²⁸. Английские и турецкие пароходы в июле 1848 г. начали переброску контингента регулярных войск на о-в Хиос, где ожидалось, по данным Стредфорда Каннинга, восстание. Эти части предполагалось использовать

также против греков Ионического архипелага, восставших против английских оккупантов. Осенью 1848 г. и весной 1849 г. к переброске турецких войск из Сирии и Южной Анатолии подключился Австрийский Ллойд. Предполагалось собрать, по данным осведомленного английского наблюдателя, до 100 тыс. человек в Европейской Турции и примерно столько же на азиатской границе с Россией. Призванный редиф не получал ни жалованья, ни продовольствия. Если в Европейской Турции дисциплина все же поддерживалась угрозой применения оружия, то бесчинства редифа в восточноанатолийских областях среди армян, курдов, греков и собственно в турецких селениях были таковы, что «крестьяне здесь, — писал Ч. Макфарлан, — встретили бы войска императора Николая с распростертыми объятиями»²⁹. Он приводил свидетельства английских путешественников, с тревогой констатировавших, что «христиане Малой Азии ждут русских как спасение, а мусульмане, особенно курды, готовы остаться тихими и покорными подданными завоевателя»³⁰.

Впрочем, и эти путешественники, и дипломатические круги в турецкой столице понимали, что «у царя не больше резону идти на Константинополь войной, чем занимать Англию»³¹. «Меня сейчас больше испугал бы уход русских войск из княжеств, чем их присутствие, — заметил Мустафа Решид-паша в доверительной беседе с иностранными посланниками у султана»³². Как говорил В. П. Титову глава Высшего совета юридических установлений (с 1854 г. — Высшего совета по реформам) Садык Рифаат-паша, в июне — июле 1848 г. исполнявший обязанности министра иностранных дел, во всех этих событиях (широкий размах революции в Западной Европе и восстание в Валахии, введение русских войск в Молдову) Порту тревожило будущее реформаторского движения. Ее тревожили не действия России вообще, не их непредсказуемость, как запугивал Стредфорд Канинг, а то, что это могло сказаться, как говорил Рифаат-паша, на замедлении в осуществлении реформ.

Такую постановку вопроса — продолжение реформ и влияние революции 1848 — 1849 гг. — турецкие историки (впрочем, и западные) не отразили. Проблем перед Портой стояло много, главные из них — это присутствие русского корпуса в Молдове, пребывание чрезвычайного французского посла в Стамбуле, отсутствие средств для продолжения денежной реформы и на содержание армии.

Отражением позиции Турции по первой группе проблем явилось послание Абдул Меджида Николаю I от 20 июля 1848 г., в котором султан выражал намерение укреплять дружественные узы, связывающие оба государства. Союз и согласие двух монархов, отмечалось в послании, особенно важно крепить в обстановке кризиса в Европе и восстаний среди собственных подданных. Доверие и единство действий России и Турции в нынешних сложных обстоятельствах — залог их успешного преодоления³³.

Письмо султана было подготовлено после острых дебатов в узком кругу высших должностных лиц Османской империи, а также на заседаниях Высшего совета юридических установлений, которые начались после появления 5-го корпуса в Молдове. Садык Рифаат-паша, глава совета, и сам Абдул Меджид заняли примирительную позицию. Великий везир Сарым-паша обращал внимание на то, что присутствие русских в княжествах является временным. Он отмечал, что это благоприятствует стабилизации положения в «мятежных провинциях» и что это минимальная мера, которую, по его словам, могла принять Россия для ограждения своих интересов, учитывая уклончивость Порты в отношении серии демаршей В. П. Титова в марте — мае 1848 г. Мустафа Решид-паша и его сторонники, не выдвигая конструктивных предложений по этому вопросу, обвинили Сарым-пашу в бездеятельности и требовали обратить особое внимание на внутреннее положение, на армию и финансы³⁴. Свое отношение к восстанию в Валахии Мустафа Решид-паша сформулировал в частной беседе с австрийским посланником: лучше не мешать некоторой демократизации в Эфлаке (Валахии), чем видеть пожар революции в Болгарии и других христианских провинциях³⁵. В разгар дискуссии в Высшем совете юридических установлений министр финансов Нафиз-паша заметил, что от господарей в княжествах одни убытки и беспокойство, поэтому надо бы их должности упразднить. Эта идея всем понравилась, и было предложено ввести в княжествах прямое управление — через каймакама, который должен представлять там августейшую особу султана.

Это, однако, был фактический отказ от Органического регламента, введенного Россией полтора десятилетия назад. Он должен был, с одной стороны, убедить сторонников жесткой линии в отношениях с Россией, что Османская империя не склонилась перед могущественным соседом; с другой стороны (и это Рифаат-паша сообщил В. П. Титову), в княжествах существует недовольство господарями М. Стурдзой и М. Бибеску, а Порта должна прислушиваться к мнению своих христианских подданных. Он говорил, что в качестве уступки мусульманскому общественному мнению следует изменить русскую редакцию Органического регламента по второстепенным требованиям повстанцев, не нарушая главного — суверенных прав султана на княжества, включая Молдову. Далее Рифаат-паша пространно и убедительно говорил об уважении прав всех подданных, без различия их веры. Он подчеркнул, что в княжествах будет весьма умеренное число турецких войск, которые в Молдову и вовсе не должны входить. «Дисциплина же будет поддерживаться неукоснительная, солдатам и офицерам строго приказано держать себя тихо и за все расплачиваться сполна и серебром»³⁶.

Все это было благожелательно встречено в Петербурге, где полагали, что совместными действиями с турецкими войсками можно предотвратить распространение повстанческого движения

в пограничных губерниях России. Этими мыслями было проникнуто послание от имени Николая I Абдул Меджиду по случаю рождения шахзаде Мехмеда Фуада, в котором особенно подчеркивалась необходимость совместных усилий России и Турции в возвращении княжеств к прежнему состоянию в рамках суверенитета султана³⁷. В свою очередь, Порты вплоть до середины сентября 1848 г. заверяла В. П. Титова о стремлении сохранить и углубить сотрудничество с Россией в деле стабилизации положения. Вместе с тем совершенно отчетливо прослеживается стремление турецкого правительства воспользоваться сложной ситуацией, урезать права и привилегии княжеств, возложив по крайней мере равную ответственность на Россию. В августе — начале сентября 1848 г. (после вторичного назначения великим везиром 12 августа 1848 г. Мустафы Решид-паши и соответственно возвращения его сподвижников) В. П. Титова убеждали в министерстве иностранных дел, что Порты хотела бы предельно «мягкого и лояльного» оккупационного режима в княжествах, ибо нельзя, как сказал Али-паша, озлобить подданных и тут же проводить реформы³⁸. На деле Бухарест был залит кровью повстанцев, только в бою 13 сентября 1848 г. турки потеряли 200 солдат, потери же валашских бойцов даже не учитывались³⁹. Революция в Валахии была разгромлена, видные руководители повстанцев эмигрировали, турецкие отряды преследовали разрозненные группы повстанцев, которым английский консул в Бухаресте настойчиво рекомендовал сложить оружие.

Следует также отметить, что при разгроме валашской революции Порты широко прибегала к демагогическим приемам не только в дипломатии, но и в реальной практике: серия воззваний к населению на местных и французском языках, которые передавались в западноевропейские газеты через турецкие посольства, предоставление защиты и убежища эмигрантам из Венгрии, Польши — все это должно было свидетельствовать о новых принципах турецкой политики. Умиротворительными по тону и содержанию были статьи в официальной «Журналь де Константинополь» осенью 1848 г. Большие подборки из капитуляций, дарованных Баязидом I Йылдырымом и Мехмедом II Фатихом княжествам в XIV—XV вв., сопровождалась разъяснениями, в которых нынешние и грядущие реформы (тотчас после восстановления порядка) есть развитие вековых прав Молдовы и Валахии, нацелены на исправление неблагоприятных деяний недостойных местных правителей. В воскресном выпуске газеты от 24 сентября 1848 г., раздававшемся бесплатно на улицах столицы, был опубликован перевод султанских инструкций Фуад-паше и должностным лицам, отбывавшим в Валахию. Охрана жизни, чести и собственности, как главные принципы танзимата, говорилось в документе, — основа деятельности новой администрации в княжествах, которая обязана уважать права подданных независимо от их вероисповедания и, взимая налоги, должна опираться на членов представительных советов, выдви-

нутых местными жителями. «Любое преступление, позорящее достоинство гражданина Османской империи и оскорбляющее его религиозное чувство, должно преследоваться в такой же мере, как и уголовное деяние»⁴⁰. Очевидно, что это была не первая попытка стигмулировать принципы османизма и мифическое османское единство в условиях подъема национально-освободительного движения.

В те же сентябрьские дни по ведомству внутренних дел Османской империи с обязательным ознакомлением армейского командования был разослан циркуляр Порты от 13 сентября 1848 г. В нем не было места славословию, язык документа был жестким и лаконичным: 1) запретить ношение и хранение огнестрельного и холодного оружия всем лицам, не имеющим на то права по службе; 2) наказывать по строгости военного времени постановлением военного суда за применение или угрозу применения оружия, за нанесение ранения, равно как и за невыполнение первого пункта; 3) довести этот циркуляр до сведения всех иностранных подданных через консулов соответствующих держав и требовать выполнения его в полном объеме от всех покровительствуемых лиц⁴¹.

Циркуляр распространялся в Европейской Турции и Западной Анатолии. Срок введения его был обозначен — по получении, но даты отмены обнаружить не удалось. Порта фактически вводила военное положение в районах, где могли возникнуть любые очаги восстания. Этот документ не содержал упоминания о гражданском равенстве, которого фактически и не было, и нацелен был против потенциальных повстанцев. Однако можно констатировать новую попытку Порты уравнять перед законом, в данном случае в условиях особого положения, османских и иностранных подданных. Не будем останавливаться на заведомой неисполнимости циркуляра — турку легче было расстаться с головой, чем с личным оружием. Преследований за убийство или ранение христианина, по данным прессы и консульских отчетов, не прослеживается, как, впрочем, и добровольной сдачи оружия в немусульманских кварталах.

Тем временем посланцы Порты в Дунайских княжествах Сулейман-паша, а затем Омер-паша и Мехмед Фуад-паша вносили раскол в разобщенную правящую верхушку княжеств. Они убеждали бояр, что Турция одна, без помощи России, наведет порядок и в реформах учтет их пожелания. Эти заверения поддержали три французских офицера из состава миссии Жака Опики, прибывших в расположение турецких войск и встречавшихся с населением, точнее, с некоторыми боярами, помещиками, торговцами и сарафами, склонными к компромиссу с Портой⁴². Фуад-паше все же удалось добиться некоторого успеха. К нему потянулись те, кто был готов вступить, приняв ислам, в турецкую армию. Отбор он проводил сам. Все это очень тревожило командование 5-го русского корпуса. Стало известно о получении турецким командованием заверения группы бояр об

их готовности стать для Порты «защитным валом», если ее войска отойдут за Дунай⁴³. Что касается реальных планов в отношении христианского населения, то о них будет сказано ниже. Заметим здесь, что сочетание репрессий и обещаний в деятельности Фауд-паши и Омер-паши имело определенный успех. Султанская амнистия повстанцам также делала свое дело. «Крестьяне массами ходят с жалобами к Фуаду, а тот переслал 600 прошений в Константинополь для удовлетворения», — с тревогой докладывал в феврале 1849 г. командир 5-го корпуса военному министру⁴⁴.

Интерес представляет выбор двух представителей Порты в Дунайских княжествах и характер их деятельности. Дипломатическая и административная функции были возложены на Мехмеда Фуад-пашу, военная — на Омера Лютфи-пашу (Михаила Латгаса). Мехмед Фуад-паша, невысокий, с изящными, застенчивыми манерами, сын крупного теолога и блестящего поэта Иззет Моллы, не раз восстававшего против косности и авантюризма воинственных «мужей меча», получил традиционное образование. Затем в 1829 г. он был направлен в Париж, слушал лекции в Сорбонне, Гейдельберге и Берлине. Сблизился с Мустафой Решид-пашой. В Вене познакомился с А. М. Горчаковым и с ним подружился на всю жизнь. А. М. Горчаков очень ценил общение с Фуад-пашой. В 1848 г., в возрасте 34 лет, возглавлял протокольный отдел министерства иностранных дел Турции, руководил всей дипломатической перепиской Порты. Он был, по словам В. П. Титова, «типичным образцом мусульманской школы новой формации, сочетающим навыки прошлого с европейской подготовкой. Владел французским языком не только с легкостью, но скорее с элегантностью. Сумел выполнить ряд успешных миссий в Англии, Испании и Португалии. Ему не занимать, — продолжал Титов, — ни такта, ни политического опыта. Он близок к Решиду, склонен к восточной поэзии, мечтателен, но деловит до самозабвения, когда речь идет об интересах империи»⁴⁵. Фуад-паша не только подбирал в княжествах полезных для армии эмигрантов, но и установил связи с частью вернувшихся из эмиграции молодых радикалов, обеспечил им амнистию, исподволь готовил кадры местной администрации не из бояр, а из разночинцев, причем из тех, кто не симпатизировал России. «Через десять лет, — говорил он, — в княжествах уже не будет и речи о русских, так как все зависит от народных масс, а эти массы будут на нашей стороне...»⁴⁶. Фуад-паша прибегал к испытанному и несколько подновленному идеями сен-симонистов, которые он прекрасно знал, методу «разделяй и властвуй». Появление сил, готовых объединиться против царизма хоть с самим дьяволом — султанской властью, показали в статьях по Восточному вопросу К. Маркс и Ф. Энгельс. Развитие цивилизации, торговли, возникновение новых идей неизбежно приводили к появлению в среде греко-славянского населения, подданных султана, освободившихся или освобождающихся от его гнета,

«антирусской прогрессивной партии, которая неизбежно зарождалась каждый раз после того, как та или иная часть этого населения становилась полунезависимой от Турции»⁴⁷.

Омер-паша (Михаил Латтас), грубоватый и замкнутый, хорват, волевой и жесткий в исполнении принятых решений командир, стремительный и неодолимый в конном сражении, бывший фельдфебель погранполка австрийской службы, принял ислам в 1827 г., будучи совсем молодым человеком. С тех пор он в течение 20 лет принимал участие в подавлении освободительных движений в разных районах Османской империи. Омер-паша пользовался авторитетом и в Порте (хотя ему не раз доставалось за резкость суждений), и среди солдат регулярных войск за личную храбрость, честность и заботу о подчиненных. В 1848—1849 гг. в Дунайских княжествах он действовал «железом и прокламацией», вел широкую пропаганду танзимата среди крестьян и ремесленников княжеств, внушая им, что только радикальное существование Молдовы и Валахии под сенью танзимата обеспечит им процветание. Те, кто призывал к объединению княжеств и отделению от османского очага, говорил он, «вовсе и не природные валахи, а коварные заговорщики, обманом присваивающие власть». «Мнения Омер-паши весьма вольнодумные, — писал осведомленный наблюдатель из его окружения, — он часто задумывается над судьбой своего почти земляка Мухаммеда Али. И вообще он под сильным влиянием английского консула в Валахии. Он готов содействовать революции, если обстоятельства тому будут благоприятствовать»⁴⁸.

Под командованием Омер-паши в княжествах находилось 24 батальона, около 15 тыс. человек регулярных войск. «В параде их мало и вовсе нет стройности, но люди видные, здоровые и сильные», — отметил опытный глаз старого служаки, составлявшего записку⁴⁹. Интересны некоторые характеристики офицеров из отряда Омер-паши, которые спустя четыре года приняли участие в войне с Россией. В 1849 г. гвардейской кавалерией командовал Абдул Керим-паша: «Турок и мусульманин в полном смысле этого слова, как по мнениям, так и по воспитанию. Характера вспыльчивого и грубого к иноверцам. Между своими считается хорошим военным». Полной противоположностью ему был командир гвардейского пехотного полка Назым-паша: «Одарен блестящим умом, начитан по-европейски, являет склонность к либеральным идеям. Очень любит европейские обычаи и мало соображается со своими». Оба они были настроены против России, так же как и адъютант Омер-паши, «воспитанник Сен-Сира и ненавистник русских, вольнодумец и поэт» — некто Лятиф-эфенди.

Среди офицеров были люди и другого направления мысли. Командиры двух кавалерийских частей Измаил-паша и Сакир-бей характеризовались как «люди служивые, но добрые и к русским отзывчивые». Ибрагим-бей, командир пехотного полка, в частных беседах не раз «высказывал убеждение, что Турция не

может существовать без России, и порицал свое правительство за то, что оно позволяет прочим державам вводить себя в заблуждение». Все они были выходцами из солдат и до определенной степени отражали мнение среднего офицерского состава. Впрочем, командир дивизии в Крайове Мехмед-паша, «английский выученик, человек европейского склада мысли и воспитания, тоже скорее расположен к России, чем к державам». Конечно, автор далек от обобщений настроений в армии Турции вообще, но эти заметки современников позволяют несколько лучше судить о сложностях внутреннего и внешнеполитического курса Порты, о напряженном выборе политического курса в 1849 г. и в последующие годы, тем более что турецкая историография склонна была представить свою армию тех лет некими фанатичными борцами за веру, а буржуазная западноевропейская — тупыми исполнителями воли европейских советников и командиров.

Вернувшись к политическим проблемам, следует сказать следующее. В отношении того «лояльного» тона, которого пыталась придерживаться Порты в княжествах, верную и точную оценку дал К. Маркс: «...25 сентября Фуад-эфенди, появившись под Бухарестом во главе турецкой армии, заявил, что прибыл исключительно с целью лишить Россию всякого повода для вторжения в Дунайские княжества». Далее К. Маркс приводит высказывание И. Братиану, члена временного правительства во время революции 1848 г. в Валахии, об этих событиях: «Вступив в город, войско (турецкое. — В. Ш.) предалось грабежам, убийствам и прочим ужасным насилиям»⁵⁰.

1 августа 1848 г., т. е. еще до падения Бухареста, в аугсбургской газете «Альгеймине Цейтунг» появилась обширная редакционная статья, в которой революционная Европа предупреждалась о союзе двух деспотий — Турции и России — против революции. «Персия и Турция, — писала газета, — уже не видят в России врага, опасность для них скорее идет от „франков“, распространяющих нововведения, которые угрожают всем трем монархиям. Обе деспотии — Россия и Турция, изнемогающие от внутренних потрясений поработенных народов, направляют во вне фанатизм своих подданных»⁵¹. Газета запугивала читателя ужасами нашествия в Европу турецких войск из Марокко и Туниса, из Мосула, Боснии и Эрзурума. Вещала, что «нет ничего опаснее соединения червонцев царя и башибузуков султана». «Близок час нападения соединенных сил деспотизма на Европу. Она, конечно, победит, но зачем было вооружать турок!» — риторически вопрошала газета.

Ответить на этот вопрос могли бы Жак Опик и Стредфорд Каннинг, особенно английский посол, который, как говорили, обходился без кучера — лошади его экипажа сами знали дорогу от посольской виллы ко дворцу Мустафы Решид-паши. Впрочем, оба посла мало чего добились от Порты. Несмотря на активную поддержку идеи военного союза Франции и Турции со

стороны аристократической эмиграции в Париже («отель Ламбер»), Польского агентства в Стамбуле (М. Чайковский), оказывавших нажим соответственно на министерство иностранных дел Франции и на Порту⁵², а также несмотря на заинтересованность, проявленную Мустафой Решид-пашой, и готовности субсидировать Порту, высказанную галатскими банкирами Ж. Аллеоном и Эм. Балтацци, переговоры не вышли из предварительной стадии. В Париже отчетливо понимали, сколь губителен для балканской политики Франции был бы такой союз, и вряд ли всерьез на него рассчитывали. Во Франции удовлетворились фактом дипломатического признания Второй республики Османской империей. Мустафа Решид-паша удовлетворил свое честолюбие орденом Почетного легиона за усилия в признании республиканской Франции. Это было непросто. Против сближения с «парижскими бунтовщиками» возражали высшие улемы, для которых «республика и безбожие» были непреодолимы для сближения. Шейх-уль-ислам при этом нашел неожиданную поддержку среди сторонников активизации реформ, которые считали, что любые союзы и участие в европейской борьбе отвлекают силы от реформ. Осторожный и тонкий дипломат, компетентный администратор Мехмед Эмин Али-паша, возглавлявший министерство иностранных дел осенью 1848 г., говорил об этом В. П. Титову. Он излагал идеи реформаторов в связи с развитием событий в Западной Европе и Дунайских княжествах и отмечал, что необходим ферман о новом статуте княжеств, независимо от исхода событий. Облегчение положения христиан, по его словам, — это лучший способ отвлечь их от участия в революции, с которой не могут справиться европейские державы. «Австрия увязла в Венгрии, Англия — в Ирландии и на Ионических островах, — говорил Али-паша, — они применяют репрессии, а в Османской империи все подданные равны, у всех равные условия и равная ответственность перед общей империей». «Умеренность и реформы»⁵³ — так формулировал свой политический курс министр иностранных дел.

В свете этих высказываний более понятно, почему Порты, на словах поддерживая доверительное сотрудничество с Россией и одновременно ведя переговоры с Францией, не стимулировала военный союз со Второй республикой, не активизировала военное сотрудничество с Россией, но всемерно укрепляла военные силы для борьбы с очередным подъемом освободительного движения и на случай внешнеполитических осложнений.

Для продолжения реформ нужны были средства. Однако ни внешняя торговля, ни новые налоги ожидаемых результатов не дали. Поэтому займы и очередная эмиссия низкопробной монеты, расширение в обращении бумажных денег оказались единственным выходом.

В конце 1847 г. по инициативе Мустафы Решид-паши на службу в финансовое ведомство в качестве советника был приглашен британский генерал А. Джокмус, один из инициаторов

и исполнитель плана вторжения в Сирию в 1841 г., автор плана сооружения судоходного канала от р. Сакарья в Черное море. Идея займа обсуждалась в Порте с лета 1847 г., когда было отвергнуто соответствующее предложение Банка Ротшильда. В течение осени — зимы 1847/48 г. А. Джокмус и глава Таможенного управления Тахир-паша подготовили памятную записку для Абдул Меджида с анализом состояния финансов в стране⁵⁴. В ней отмечалось, что в связи с обесценением куруша и ростом экспорта с 1843 г. поднялся курс фунта стерлингов со 110 до 127 курушей. Меры искусственного сдерживания и чеканка новых монет достоинством в 5, 2,5, 1 и 0,5 куруша, 20 пара — общей суммой эмиссии на 900 млн. курушей — ничего не дали. Плохая чеканка и параллельное хождение старых и новых монет, появление в обращении около 250 млн. курушей, поступивших из Англии и Франции в 1846—1847 гг. в оплату за пшеницу, поставленную Турцией в Западную Европу, дополнительно осложнили монетное обращение в Османской империи. По предложению А. Джокмуса в записку было включено упоминание о том, что куруши дотанзиматской чеканки идут по курсу 110 курушей за 1 ф.ст., а новые, после 1844 г., 220 курушей за 1 ф.ст., что неблагоприятно для английской торговли вообще, тем более что через Грецию, Сербию, Ионические острова масса монет плохой чеканки уходит в Европу, засоряя, по словам А. Джокмуса, монетный рынок. Кроме того, отсутствие гарантий собственности и нестабильные налоги в сочетании со свободной продажей золота и серебра в Турции (А. Джокмус приравнивал эту торговлю к торговле рабами по своей выгоды для коммерсантов) крайне осложняет всю деловую жизнь иностранных и местных торговцев. Выводы звучали вполне определенно: нужна реформа финансов и внешней торговли и получение для этого займа.

Комиссия предполагала, что в Османской империи находится в хождении до 2,9 млрд. курушей в звонкой монете старой и новой чеканки. Трижды осуществлялась эмиссия бумажных денег. Только за время правления Решид-паши было выпущено бумажных обесцененных денег на 140 млн. курушей. Общая же масса бумажных денег ни Таможенному ведомству, ни министерству финансов точно не была известна, но оценивалась примерно в 550—660 млн. курушей. Эти деньги подлежали изъятию, согласно обязательству Порты, из расчета 12—8 % интереса. Общий дефицит денежного обращения, включая подлежавшие изъятию монеты и бумажные знаки, составлял от 600 млн. до 800 млн. курушей (минимальная и максимальная оценки Тахир-паши и А. Джокмуса), т. е. от 4,8 млн. до 7,3 млн. ф. ст.

В феврале 1848 г. А. Джокмус представил в министерство финансов Турции план, по которому следовало бы создать Национальный банк Турции с капиталом 520 млн. курушей в звонкой монете и получить заем, предположительно в Англии, на 2 млн. ф. ст., т. е. 220 млн. курушей с обеспечением от гарантированных Портой доходов податей из Египта, Дунайских кня-

жеств, о-ва Самос и других территорий по соглашению. Отделения в Бурсе, Измире, Адрианополе и Салониках, т. е. в центрах контактных зон, должны были укрепить связи Национального банка Турции с банками Греции, а затем и других европейских держав⁵⁵. С учетом неблагоприятного опыта первого Стамбульского банка, созданного в 1844 г. с участием банкиров Галаты⁵⁶, капитал должен быть только от казны, что позволило бы, в частности, осуществлять эмиссию новых бумажных денег до 1,1 млрд. курушей. При этом А. Джокмус ссылаясь на опыт денежного обращения в России, где, по его словам, на 64 млн. человек населения в обращении находилось 644 млн. руб. ассигнациями (3,2 млрд. курушей) и на 105,6 млн. руб. серебра. Османская империя, утверждал генерал-финансист, на 24 млн. человек могла бы иметь в обращении 520 млн. курушей монетами и на 1120 млн. курушей бумажных денег.

Весной 1848 г., в разгар революции в Дунайских княжествах, революционных событий во Франции, Италии и Австрии, А. Джокмус уведомил Тахир-пашу, что он уполномочен сделать дополнительное конфиденциальное уточнение о займе. Порте предлагался (без уточнения страны, собеседники прекрасно понимали друг друга) заем под контролем пяти великих держав на 200 — 300 млн. курушей сроком на 15 лет с погашением платежами Египта по 30 млн. курушей в год. Банк — главная цель этого займа — мог бы осуществить переход денежного обращения целиком на бумажные деньги (каимэ) и существовал бы как «обширное акционерное предприятие подданных султана без различия веры, класса и состояния», — так говорил А. Джокмус.

Отставка, а затем возврат к власти Мустафы Решид-паши, интервенция в Дунайские княжества отсрочили окончательное решение о займе. Против займа развернули бурную деятельность стамбульские банкиры Аллеон и Балтацци, тесно связанные с венскими Ротшильдами и парижскими банками Бешет, Детома и К° и напоминавшие о своем османском патриотизме и убытках, связанных с открытием в 1844 г. первого стамбульского банка⁵⁷. При обсуждении проекта займа оказалось, что Тахир-паша не вполне ясно мог объяснить появление у него новой виллы в английском колониальном стиле. Решид-паша уклонился от решительного «да» в пользу займа, так как его положение как великого везира было весьма неустойчивым. Группа улемов обличала Решид-пашу как «попустителя нашествия франков в Богоспасаемый предел» и находила шекотливое совпадение между появлением новых иностранных орденов и вилл, дворцов и поместий у Решид-паши и его выступлениями в пользу «франкских проектов»⁵⁸.

Проблема займа оказалась в тесной связи и совпала по времени с новыми предложениями Стредфорда Каннинга о положении христиан в Османской империи. С начала 1848 г. английское посольство бомбардировало Порту потоками жалоб и пре-

тензий имущественного характера—английские подданные в Турции и лица с двойным гражданством, а также покровительствуемые всех уровней требовали по разным поводам в различных суммах компенсаций за ущерб, нанесенный их торговой деятельностью и личному достоинству. Эти представления «великий посол» обобщил следующим образом: во-первых, необходимо уравнивать на деле гражданский и социальный статус всех подданных султана; во-вторых, уравнивание в правах всех подданных султана следует провести на базе правового статута господствующей нации, т. е. турок-османов, поскольку именно такое неравенство есть непреодолимое препятствие для вовлечения христианских подданных в османскую государственную систему.

Как только Большая печать великого везира вновь оказалась в руках Мустафы Решид-паши, Порте были представлены «Пять пунктов» С. Каннинга⁵⁹, развивавшие изложенные выше идеи. Следовало, во-первых, подтвердить особым актом веротерпимость и защиту прав христиан в делах культа, строительстве церквей и соблюдении иммунитета клира; во-вторых, распространить на христиан все права и привилегии мусульманских подданных султана; в-третьих, отменить харадж (налоги с немусульманского земледельческого населения); в-четвертых, зачислять христиан на военную службу с правом на офицерские должности; в-пятых, обеспечить право христианина свидетельствовать в суде против мусульманина⁶⁰.

«Пять пунктов Каннинга — Решиды» являются документом как бы переходным от хатт-и шарифа 1839 г. к хатт-и хумаюну 1856 г. В них, по существу, заложены основные положения рескрипта султана 1856 г. «Пять пунктов» содержат главное направление политики не только Англии, но и всех западноевропейских держав от Адрианопольского мирного договора 1829 г. до Парижского мирного трактата 1856 г.—вырвать из рук России инициативу в защите прав угнетаемого христианского населения Османской империи.

Западноевропейские державы, опираясь на быстро развивавшееся экономическое подчинение Османской империи капиталистическому рынку, желали возглавить развитие экономически наиболее динамичной и социально продвинутой части населения империи; обеспечить развитие военно-политических связей немусульманской части населения через эмиграцию военных и общественных деятелей повстанческих движений в Турцию; освободить Западную Европу от избытка взрывчатого материала — революционных повстанческих низов из Польши, Венгрии, других стран — и перенести его на Ближний Восток и в Юго-Восточную Европу — на Балканы, поближе к России, на периферию Европы — к границам Азии и Африки.

Обращает на себя внимание, что ни представления английского посла, ни «Пять пунктов Каннинга — Решиды» не содержали упоминания о капитуляционном режиме. Наоборот, все жалобы С. Каннинга в основе содержали требования защиты прав

покровительствуемых лиц на капитуляционной основе. Имеется мало данных, чтобы судить о реакции Турции на капитуляционистские домогательства британского посла вкупе с великим реформатором, но несомненно, что такие акты, как циркуляр о ношении оружия, а также другие акты, упомянутые в гл. III, наконец, отказ от займа в Англии отражали стремление части правящих кругов в Турции продолжать преобразования, опираясь на собственные силы. И не случайно совпадали по времени выдвигание Портой лозунгов османизма и звучавшие в том же ключе идеи Каннинга — Решида об уравнивании подданных Османской империи.

«Пять пунктов» были, естественно, предметом самого детального изучения в высшем эшелоне центральной власти. Не менее двух раз в неделю заседал Совет по военным вопросам и Высший совет по реформам. По-прежнему критике подвергался Мустафа Решид-паша за промедление в проведении реформ, приведшее якобы к восстанию в Валахии и введению иностранных войск, «за умаление прав султана». Наибольший спор вызывала проблема службы христиан в армии и право свидетельства на суде. Свои контрпредложения в августе 1848 г. выдвинул военный министр Рыза-паша. Он признавал, что рекрутские наборы изматывали мусульманское население, которое очевидным образом редело в ряде городов и областей. Ослабить этот процесс можно было с помощью набора в армию христиан, которые, по утверждению Рыза-паши, выступают против военной службы, но «утешить» их следует, поощрав должности субалтерн-офицеров⁶¹. Однако военного министра прервал Мустафа Решид-паша: «Это уж чрезмерная осторожность, надо привлечь христиан перспективой дослужиться до чина паши»⁶².

Проблема осталась нерешенной. Свидетельство в суде христианина против мусульманина и вовсе было делом неслыханным. Шейх-уль-ислам и улемы потребовали дополнительного изучения вопроса в свете Корана и хадисов.

Так или иначе, но «Пять пунктов Каннинга—Решида» существовали и оказали непосредственное влияние на последующие дискуссии и подготовку новых документов, включая хатт-и шериф о святых местах 1850—1852 гг. и работу стамбульской конференции 1855—1856 гг. Несомненно, что обсуждение «Пяти пунктов» стимулировало отправление Фуад-паши в Дунайские княжества, а затем и в Петербург (1849 г.) и подготовку нового регламента для княжеств, завершившуюся Балта-Лиманской конвенцией между Россией и Турцией.

Необходимость нового порядка в Дунайских княжествах была очевидна и России, и Турции, и западноевропейским державам. В Петербурге полагали возможным обновить Органический регламент так, чтобы сохранить и укрепить влияние России в княжествах, устранить там эмиграционные центры, не допустить новых революционных выступлений ни в княжествах, ни в сопредельных районах России. Эта весьма непростая задача должна

была решаться с помощью и при участии Османской империи, в составе которой княжества должны были по-прежнему оставаться. Два полномочных представителя от Абдул Меджида I и Николая I должны были усилить контроль султана (монарха-суверена) и царя (монарха-покровителя) за положением дел в княжествах. Считалось делом первостепенной важности исключить вмешательство Англии и Франции в переговоры с Турцией по этим вопросам⁶³. Конкретные предложения В. П. Титова по этим вопросам осенью и зимой 1848/49 г. выслушивались, но не принимались — в Порте обсуждались и готовились отдельные документы. Во всем, что касалось противодействия России, Порта получала поддержку Англии. «Если бы я отложил на одну минуту мою поддержку, — писал 17 сентября 1849 г. С. Каннинг Г. Пальмерстону о своей деятельности в Стамбуле, — я не сомневаюсь, что Порта уступила бы (России). — В. Ш.»⁶⁴. Однако главного, чего добивался английский посол, т. е. претворения в жизнь плана Каннинга—Решида, все еще не было. Обращения Порты за посредничеством к Англии для урегулирования русско-турецких противоречий нетерпеливо и тщетно ожидал Г. Пальмерстон⁶⁵.

В правительственных кругах Турции не стали связывать себя обременительным займом на условиях А. Джокмуса и, ожидая победы революционной Венгрии над Австрией, что должно было означать ослабление России, не спешили связывать себя обязательствами перед Англией. Подавление венгерской революции, угрожающая концентрация царских войск на Дунае и публичная поддержка Г. Пальмерстоном с парламентской трибуны действий Николая I в княжествах, что явно противоречило всем заявлениям английского посла в Стамбуле, уклончивая позиция Франции — все это заставило Порту согласиться принять в апреле 1849 г. личного представителя Николая I, формально прибывшего изложить цели и задачи венгерского похода и обсудить русский проект статуса Дунайских княжеств.

Выбор Петербурга пал на далекого от дипломатии старого служаку, полуопального генерал-адъютанта царя П. Х. Граббе, близко знакомого с зятем султана Мехмедом Али-пашой, к тому же лично известного Абдул Меджиду по встрече и беседам во время поездки султана в Дунайские княжества в 1846 г.⁶⁶. Преодолев упорное сопротивление английского посла, 19 апреля (1 мая) 1849 г. П. Х. Граббе и представители Высокой Порты подписали Балта-Лиманскую конвенцию сроком на семь лет⁶⁷. Эта конвенция продлевала совместное пребывание русских и турецких войск на территории Дунайских княжеств. Вместе с тем следует подчеркнуть, что ужесточение режима в Дунайских княжествах по сравнению с ненавистным Порте Адрианопольским мирным договором 1829 г. и укрепление прямого правления султана, в том числе право на ввод в княжества турецких войск и их содержание там, против чего выступали многие поколения борцов за свободу княжеств, объективно могло рассматриваться

в Стамбуле как удачное решение турецкой дипломатией конфликтной ситуации без участия европейских посредников. По настоянию Фуад-паши, формально не участвовавшего в переговорах, было особо оговорено в ст. 3 создание по султанскому хатт-и шерифу комиссии по улучшению положения в княжествах и принятие (в 1851 г.) обещанных им (Фуад-пашой) населению аграрных реформ. К большому неудовольствию К. В. Нессельроде, Фуад-паша возвращался к вопросу об аграрных реформах во время миссии в Петербурге осенью 1849 г. до тех пор, пока не добился принципиального согласия со стороны царского правительства⁶⁹.

В определенной степени Порты перехватывала исключительную инициативу российского посланника, как, впрочем, и английского посла, выступать с предложениями в защиту христианских подданных. Это обстоятельство, равно как и трехлетнее противостояние вооруженных континентов Турции и России, несло в себе семена дальнейшей напряженности и обострения борьбы Англии, Франции, Австрии и России за влияние на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Европе. Балта-Лиманская конвенция временно ослабила напряженность в этом регионе.

Османская империя и военная тревога 1849 г.

Неудовлетворенность обстановкой, сложившейся после подписания Балта-Лиманской конвенции, проявилась вскоре после торжественного отъезда из Стамбула миссии П. Х. Граббе. В России беспокойство вызывал будущий статут Дунайских княжеств взамен привычного Органического статута. В Турции были недовольны присутствием русских войск на территории Османской империи и вмешательством России в отношения Порты и эмигрантов. Во Франции, Австрии и Англии недовольство выражали тем, что текст конвенции был согласован на двусторонней основе, без посредничества или участия великих держав. Они опасались, что Россия может поддержать освободительное движение славян и греков на Балканах против турецкого господства либо на правах фактического союзника Турции потеснит западноевропейские державы, которые два десятилетия подряд прикладывали титанические усилия для нейтрализации последствий Адрианопольского мирного договора и Ункяр-Искелесийского договора.

Совместные действия России и Турции в Дунайских княжествах, подписание Балта-Лиманской конвенции означали фактическое возрождение русско-турецкого союза 1833 г., который не был обновлен, но и не был расторгнут в официальном порядке. Лондонские конвенции 1841 г. формально касались статуса проливов и гарантий целостности Османской империи в границах 1841 г. Со стороны Николая I, государственных деятелей России К. В. Нессельроде, Ф. И. Бруннова, П. Д. Киселева и дру-

гих последовали заявления о том, что Лондонские конвенции заменяют Ункяр-Искелесийский договор⁶⁹. Однако уже через несколько лет при обсуждениях России с Австрией (1843 г.) и Англией (1844 г.) перспективы согласованных действий на Ближнем Востоке стала очевидна поспешность, с какой царская дипломатия устремилась навстречу коллективным действиям в Восточном вопросе. Николаевской России не было места в концерте держав, готовившихся исполнить турецкий марш.

Необходимо подчеркнуть, что именно прямые русско-турецкие переговоры и достижение договоренности по спорным вопросам без посредничества третьей стороны было главным элементом, ослаблявшим напряженность в регионе на всех стадиях развития международных отношений на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Европе в 90-х годах XVIII в.— 50-х годах XIX в. Это относилось к экономическим отношениям двух черноморских держав — Османской империи и России, к проблемам повстанческих движений на Балканах, к территориальным вопросам в Восточном Причерноморье и, наконец, к ситуации, складывавшейся вокруг так называемых святых мест — христианских святынь Палестины. Дважды, в 1799—1800 и 1832—1833 гг., царская Россия оказывалась единственным реальным гарантом сохранения существующего режима в Османской империи.

Однако русско-турецкие отношения составляли лишь часть общей картины развития международных отношений в обширном регионе Юго-Восточная Европа — Восточное Средиземноморье — Малая Азия — Закавказье. Тенденция к закреплению ведущих капиталистических держав Европы в этом регионе, борьба за решающее влияние на внутренние процессы и явления в медленно и с отступлениями обновлявшемся турецком государстве объективно действовали против сближения Османской империи и России. Призрак нового русско-турецкого союза преследовал государственных деятелей Великобритании, Франции и Австрийской монархии с такой же неумолимостью, как и призрак вмешательства, по определению Ф. Энгельса, «шестой и величайшей из европейских держав» — европейской революции в решение всех международных проблем, включая Восточный вопрос⁷⁰.

За спадами революционной активности в Европе последовало очередное обострение Восточного вопроса, занявшего в начале 50-х годов центральное место в международных отношениях в указанном регионе. Зародившийся в эпоху начала промышленного переворота в капиталистических странах и в преддверии реформаторского движения в Османской империи, Восточный вопрос в середине XIX в. приобрел особую сложность и многогранность. Он стал узлом, в который сплелись национально-освободительные движения покоренных турками народов, вступивших раньше угнетателей на путь буржуазного развития, захватнические амбиции великих держав, внутривосточная борьба

в Османской империи, неизменно сопутствующая реформаторскому движению, другие явления, присущие эпохе и региону — объекту непрямо́й колониальной экспансии. Разрубить этот узел была призвана та самая европейская революция, которой более всего боялись в Лондоне, Вене и Париже; царизм был главным оплотом европейской реакции, препятствием на пути решения «по-революционному» Восточного вопроса, освобождения народов и России, и Балкан.

В то же время в столицах ведущих капиталистических держав хорошо понимали, что «первое же столкновение между британской и русской армиями послужило бы сигналом для революции на континенте...»⁷¹. Столкнуть Россию и Турцию в регионе особой напряженности, занять миротворческую позицию с расчетом установить контроль над Турцией и ограничить влияние России в регионе — таков курс держав, отчетливо проявившийся в период обострения Восточного вопроса.

Осложнение всего комплекса отношений великих держав и Османской империи после заключения Балта-Лиманской конвенции 1849 г. шло по нарастающей. Поскольку международно-политический кризис начала 50-х годов как один из аспектов Восточного вопроса явился прелюдией одной из самых разрушительных войн эпохи промышленного капитализма, то, следуя методологическому указанию В. И. Ленина о необходимости выработать «материалистическую теорию политики»⁷², необходимо дать его поэтапную характеристику⁷³.

Первый этап — конфликтности, с июня 1849 по июнь 1852 г. Это трехлетие отмечено общей характерной чертой международно-политической ситуации: внутренними противоречиями Англии и Франции по проблемам континентальной Европы и колоний и объективно общей позицией Англии, Франции и Австрии жесткого противодействия балканской и ближневосточной политике России.

Второй этап — кризиса, с июля 1852 по июнь 1853 г., когда действия турецкого правительства по снижению уровня неразрешимости вопроса о святых местах, т. е. сугубо локального конфликта, были блокированы неконтролируемым элементом — инициативной кризисной политикой Англии и Франции, неконструктивной позицией посольства А. С. Меншикова, двойственности политической линии Австрии и Пруссии.

Третий этап — соскальзывания к вооруженному столкновению России и Турции — начался в июне 1853 г. с отъездом российской миссии из Стамбула и «демонстрации англо-французского флага» у Дарданелл. Конфликт в отношениях России и Османской империи, возникнув как политическое движение, обрел после этого относительно самостоятельную логику развития, реализовался непосредственно в Крымской войне.

Возвращаясь вновь к событиям 1849 г., т. е. к первому этапу конфликта, следует добавить, что подписанная в Балте-Лимане конвенция отнюдь не означала окончательного подавления

революционного, национально-освободительного движения ни в Молдове, ни тем более в Валахии, где местная реакция и турецкие власти реставрировали режим в типичной для послереволюционной Европы крайне правой форме. Вместе с тем, как отмечается в работе румынского историка Л. Бойку, интенсивность общественного развития в княжествах в 1835—1855 гг. была вдвое выше, чем за 200 предшествующих лет. Борьба в Молдове и Валахии за национальную независимость, за объединение усиливалась, приобретала новые формы⁷⁴. На грани крестьянской войны в 1848—1849 гг. были также Босния и Герцеговина. В 1850 г. восставшие крестьяне ликвидировали в юго-восточных районах Герцеговины османское управление и создали органы национального самоуправления. Восстание перекинулось на Северную Албанию. Реальная база дальнейшего углубления национально-освободительного движения сложилась в Болгарии. В 1850 г. в Северо-Западной Болгарии с ее компактным в национальном отношении населением вспыхнуло крестьянское восстание. Оно было подавлено войсками Омер-паши, однако впоследствии в этих районах было отменено сипахийское турецкое землевладение и крестьяне, хотя и за выкуп, были наделены землей. Расширяло общенациональные масштабы своей революционной деятельности в Болгарии и за ее пределами «Тайное общество» Г. С. Раковского и его сподвижников⁷⁵. Как отметили болгарские историки С. Димитров и С. Дамянов, в той или иной форме вооруженная борьба против турецкого ига не прекращалась на болгарских землях, как и на других европейских территориях Османской империи, в течение 40—50-х годов XIX в.⁷⁶

При подавлении освободительных движений Порты наряду с карательными мерами широко пользовалась демагогическим приемом. Она объявляла крестьян-повстанцев в Болгарии и Герцеговине и феодалов-сепаратистов в Боснии и Ливане бунтовщиками против «благодетельных реформ», призванных объединить всех подданных, без различия веры и национальности, под сенью единой османской родины. Так действовали эмиссары Порты в Молдове и Валахии в 1848—1849 гг., в начале 40-х годов в Нише, Ливане, Албании, внося раскол в среду участников освободительных движений и одновременно демонстрируя представителям европейских держав — консулам на местах новую, по их мнению, европейского стиля внутреннюю политику. Этот прием встречал поддержку и сочувствие английских, французских, австрийских посланников и консулов в Турции.

Постоянно подстегивая сомнения в турецких правительственных кругах относительно готовности России поддерживать целостность османских территорий, Ж. Олик и С. Каннинг призывали Порту к «быстрому и эффективному» решению проблем борьбы с повстанческими движениями в Дунайских княжествах, Болгарии, Ливане и других арабских провинциях. Если в отношении балканских территорий искусственно стимулирова-

лась угроза всеславянского восстания во главе с царем — покровителем православных христиан, то в отношении мусульманских провинций выдвигался тезис близкого крестового похода царя во главе христиан против мусульман, спасение от которого — укрепление связей Турции с европейскими державами, опора на «цивилизованных по-европейски», мирных подданных — католиков и протестантов, тесно связанных деловыми и религиозно-культурными узами с западными державами⁷⁷.

Французские консулы действовали в этом направлении на Балканах и в Сирии, английские — также на Балканах, а кроме того, весьма интенсивно на Аравийском полуострове, где, воспользовавшись занятостью Порты событиями в Дунайских княжествах, стремились укрепить пошатнувшиеся позиции в Адене и Йемене. Английские консулы и С. Каннинг прилагали усилия к тому, чтобы направить турецкие войска против султана Лахеджа Али, боровшегося за возвращение Адена арабам, и одновременно против французов, активно внедрявшихся под «шум революции 1848 г.» в Омане⁷⁸. На некоторое время, до начала войны Турции с Россией в 1853 г., лозунги защиты Индии были потеснены призывами к всемерному укреплению британских позиций в Западной Азии⁷⁹.

При всей этой сложной, открытой и закулисной борьбе за влияние на Порту, за применение ее сил и власти султана-халифа над миллионами подданных в районах, близких или непосредственно расположенных на пути к ближайшим целям колониальных захватов в Северной и Восточной Африке, дипломаты Англии и Франции должны были сохранять благопристойный вид. Благородные лорды и почтенные граждане в парламентах Лондона и Парижа не могли связывать себя откровенно дружественными, широко рекламируемыми узами с кровавыми башибузуками, душителями болгар, румын, сирийцев. Поэтому послы этих держав призывали Порту подавить восстания как можно скорее, чаще публиковать в европейской прессе статьи об успехах реформ в Турции, о противодействии им со стороны России, изображать турецких реформаторов либералами, груду вставшими на защиту политических эмигрантов в 1849 г.

Однако не следует забывать и о том, что правительственные круги в Османской империи имели особые представления о складывавшейся в Европе ситуации, что они искали решения далеко не всегда в рецептах Даунинг-стрит и Кэ д'Орсэ. Примером был все тот же вопрос о статусе княжеств и об эмигрантах, в немалой степени осложнивший ситуацию в 1849—1850 гг. и послуживший прологом обострения Восточного вопроса.

Настойчивость, проявленная Портой в стремлении ввести прямое управление в Дунайских княжествах через каймакамство, станет более понятной и объяснимой, если учесть имперский опыт Высокой Порты и лично Омер-паши в подавлении восстаний в Ливане в 40-х годах XIX в. Там классово-религиозный друзо-маронитский конфликт использовался Англией и Франци-

ей, поддерживавшими соответственно друзов-мусульман или маронитов-христиан. Обе великие державы сделали все возможное, чтобы углубить конфликт между двумя ливанскими общинами⁸⁰. В ходе прений о политике в Леванте в палате общин Великобритании в мае—июне 1842 г. (как, впрочем, и в последующие годы) основным мотивом в выступлениях было всемерное укрепление влияния Англии среди друзов, наравне с поисками форм и методов привлечения на свою сторону вооруженных христианских отрядов, при этом все это делалось так, чтобы не осложнить отношения с Портой и не довести дело до разрыва с Францией⁸¹.

В 1845 г. Порта признала особый статут Ливана и ввела систему двух каймакамов — одного для маронитов, другого для друзов — под общим управлением турецкого паши в Сайде, при котором действовали совещательные меджлисы по судебным и финансовым вопросам (члены меджлисов назначались главами соответствующих миллетов). Однако этим ей не удалось устранить главных противоречий, а только несколько ослабить возможность вмешательства державы в дела управления Ливаном, равно как и прерогативы местных феодальных вождей, распрями между которыми пользовались консулы держав в Ливане⁸².

Через 12 лет после Крымской войны крестьяне Сирии и Ливана вновь восстали. В 1860 г. вспыхнула новая друзо-маронитская братоубийственная война, к которой прямое отношение имели «французские агенты, стремившиеся устроить политикорелигиозную драку... на Сирийском побережье»⁸³.

Идея каймакачества — прямого управления — рухнула под ударами народных восстаний и, независимо от них, под давлением держав. Однако это произошло уже в то время, когда практически решался вопрос об объединении Дунайских княжеств. В 1848—1849 гг. «замиренный» Портой Левант, казалось, представлял образец решения проблемы управления территориями, оказавшимися в сфере непосредственного влияния великих держав и охваченных при этом революционным подъемом. Положение в княжествах было осложнено наличием нескольких тысяч повстанцев, бежавших из Австрийской империи. К осени 1849 г. только в Видине, по данным английского посольства, собралось более 3600 венгров, около 800 поляков, 450 итальянцев⁸⁴. Статут княжеств и эмигранты составили взаимосвязанную проблему международного уровня. Россия, уступив Турции в вопросе о новом статуте княжеств и жестко ограничив действия 5-го пехотного корпуса в Молдове, рассчитывала, что Порта положительно отзовется на ее предложение (август 1849 г.) выдать поляков — участников восстания 1830—1831 гг., служивших в венгерской революционной армии. С просьбой выдать венгерских повстанцев к Порте обратилось австрийское правительство.

В России полагали, что депортация эмигрантов — это вопрос, подлежащий урегулированию сугубо между Турцией и

Россией, и соответствующим образом относились к этой проблеме в австро-турецких отношениях⁸⁵. В Стамбуле обратили в первую очередь внимание на предложение Юзефа Бема о том, что он готов возглавить отряд из эмигрантов и очистить Дунайские княжества от русских войск. В экспедиционном корпусе Омер-паши уже находилось несколько сот бывших повстанцев, готовых сражаться под османскими знаменами где угодно, лишь бы не возвращаться в Россию или Австрию. По предложению Омер-паши, поддержанному Фуад-пашой, эмигрантов — опытных военных⁸⁶, принявших ислам, начали перевозить на судах Австрийского Ллойда (следовательно, не без ведома Вены) в крепости нижнего Дуная, где разворачивались ремонтные работы под руководством французских, прусских и итальянских военных инженеров⁸⁷. Россия усматривала в действиях Порты нарушение ст. 2 Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. о выдаче беглецов. Соответствующая статья отыскалась и в австро-турецких договорах — Пожаревацком 1718 г. и Белградском 1739 г. Отличительная черта позиции Вены заключалась в том, что там желали выдачи Лайоша Кошута не менее сильно, чем вывода русских войск из Дунайских княжеств. При содействии Англии К. Буоль и Ф. Шванценберг надеялись занять там преобладающие позиции⁸⁸.

Стимулировать воинственность С. Каннинга было излишним. Проблема эмигрантов, их присутствие в Дунайских княжествах и в низовьях Дуная в непосредственной близости от границ России была использована английским послом для новой серии демаршей перед Портой. Смысл их заключался в том, что Россия могла бы поставить вопрос о новом договоре или о пересмотре статьи Кючук-Кайнарджийского договора о выдаче беглецов, а в договорах 1718 и 1739 гг. с Австрией посол С. Каннинг подразумевал выдачу «разбойников и бродяг», но не политических эмигрантов. Он убеждал Мустафу Решид-пашу, что одной благожелательной нейтральности Порты в отношении эмигрантов или даже материальной помощи недостаточно⁸⁹. Принципы гуманизма, убеждал «великий посол» великого везира, важнее угроз России и Австрии прервать дипломатические отношения. Активная защита эмигрантов больше отвечала бы, по мнению С. Каннинга, всем декларациям Высокой Порты после 1839 г. При этом подчеркивалась солидарная позиция английского и французского послов в Стамбуле в этом вопросе⁹⁰.

Мустафа Решид-паша выслушивал С. Каннинга, консультировался с Ж. Опиком, принимал посланников России и Австрии Титова и Штюмера, изучал ноты об эмигрантах, врученные ими 28 и 29 августа. Нота Австрии носила более жесткий и угрожающий характер, чем нота России, содержавшая ссылки на заключенные договоры и совместно решенные сложные проблемы о владениях султана в Европе и в Азии⁹¹.

30 августа 1849 г. было принято решение — всех эмигрантов, не принявших ислам, удалить, «не нанося им бесчестья». Али-

паша успокоил С. Каннинга — это означало, что их перевезут на острова Эгейского моря, на Родос и Крит⁹². Стало известно, что Абдул Меджид 4 сентября заявил Штюрмеру, что эмигранты будут удалены от границ с Австрией и Россией, интернированы и поставлены под контроль османских властей. Австрийский посланник, по-видимому, был удовлетворен этим заявлением. Во всяком случае, он уже не поддерживал В. П. Титова так решительно, как этого хотели в Петербурге⁹³. В начале 1850 г. «Монитёр» сообщал, что смягчением требований к Порте, фактическим отходом от первоначально обещей с Россией линии действий в отношении выдачи эмигрантов австрийская дипломатия приобрела признательность и большее доверие Порты. Выходцам из Австрийской империи было разрешено остаться в Конье и на Кипре⁹⁴.

Английский посол в своих депешах в Лондон негодовал: «Нет, положительно договоры с Портой надо менять. По нынешним временам они никуда не годятся!» Порта совершала уступку за уступкой, бушевал С. Каннинг. Высший совет по реформам заседал, но окончательных суждений не выносил. Мустафа Решид-паша встречался с В. П. Титовым, они принимали решения без его, «великого посла», ведома⁹⁵. К тому же Жак Опик весьма сдержанно поддерживал С. Каннинга. Он знал, что в Париже откажут во въезде во Францию и М. Чайковскому, и Л. Зверковскому, и О. Бему. «Братская дружба» Франции и Турции набирала силу, «латинская сестра» продолжала предавать своих румынских, польских и венгерских конфиденентов.

Наконец напряжение спало. 15 сентября 1849 г. Высокая Порта приняла решение направить чрезвычайную миссию во главе с Фуад-пашой к Николаю I, чтобы добиться выхода из кризисного тупика — Титов и Штюрмер ультимативно потребовали выдачи эмигрантов. Однако почти треть эмигрантов, приняв ислам, стали подданными Османской империи, остальных начали развозить по крепостям и городкам Румелии и Анатолии. Официальным поводом миссии, сообщил Али-паша Титову, должно быть поздравление Николаю I по поводу успешного завершения венгерского похода⁹⁶. Аналогичные разъяснения цели миссии были даны Штюрмеру, Опику и самому Каннингу⁹⁷. Этого «великий посол» С. Каннинг перенести уже не мог. Последовала серия пространных депеш в Лондон. Линия Высокой Порты ему представлялась излишне самостоятельной, а ситуация — опасной для интересов Великобритании в случае продолжения прямых контактов между султаном и царем. С. Каннинг заявлял, что ему не вполне ясны цели миссии Фуад-паши к Николаю I, так как с ним не согласовывались инструкции, данные Фуад-паше. С. Каннинг был обеспокоен, как бы не переросли требования России о выдаче инсургентов «в нечто другое». Назвать это «нечто» посол не решался даже в конфиденциальной депеше, но обмолвился несколько

раньше. «Нечто» — это пересмотр складывавшегося зависимого политического курса Османской империи, стабилизация и возможное улучшение русско-турецких отношений. «Мы с генералом Опиком решили, — информировал С. Каннинг Г. Пальмерстона, — что требованием об удалении инсургентов из Турции серьезно нарушены общие интересы Европы в той их части, которая называется Восточным вопросом. И если оставить на Порту решение вопросов гуманности, чести, прав личности, то возникнет угроза независимости самой Османской империи»⁹⁸. Эта депеша от 16 сентября 1849 г. достойна анналов истории как образец фарисейской и провокационной политики Великобритании в канун Крымской войны.

Перспектива развития двусторонних отношений между Россией и Турцией толкнула С. Каннинга на действия, которые конфронтацию сторон амбициозного по преимуществу характера поставили на грань вооруженного столкновения. Именно это обстоятельство и не попало в поле зрения английской историографии, во всех деталях изучавшей инцидент с последовавшим вызовом британского флота в проливы⁹⁹, вызовом, не согласованным с Францией, без уведомления России, Австрии и Пруссии, т. е. держав, обязавшихся по Лондонской конвенции 1841 г. принимать согласованные меры в связи с положением в Турции и держать проливы закрытыми для военных кораблей всех стран — участников конвенции.

Этот факт деятельности английского посла не нашел объективного отражения в турецкой историографии и заслуживает некоторой детализации. 17 сентября 1849 г. С. Каннинг отправил на о-в Мальту командующему британским флотом в Средиземном море послание. В нем содержались просьба немедленно направить эскадру военных кораблей к Эгейскому архипелагу для дальнейшего следования к Дарданеллам ввиду приостановки дипломатических отношений Порты с Австрией и Россией и возможности их окончательного разрыва и обращения Турции за помощью к Англии как одной из наиболее дружественных ей держав. Объясняя свои действия Г. Пальмерстону, он писал (будучи уверен), что если «дело оставить туркам», то под угрозой окажутся и турецкая независимость, и британские интересы¹⁰⁰.

Действительно ли была угроза миру на Ближнем Востоке в этот момент? Турецкая историография, все имеющиеся исторические данные подтверждают, что Порты в 1849 г. стремились избежать военного столкновения с Россией. Отечественные и советские исследования, документальные материалы, изученные автором в Архиве внешней политики России, Военно-историческом архиве и Военно-морском архиве, позволяют с категоричностью ответить: Россия предусматривала широкое решение проблемы с тем, однако, чтобы не допустить иностранного вмешательства «в договорные дела между Портой и Россией»¹⁰¹.

Что же касается просьбы Порты о прямой военной поддержке, которой Г. Пальмерстон тщательно ждал уже полтора года, то она, наконец, поступила. 1 октября 1849 г. турецкий посланник в Лондоне Кыбырлы Мехмед-паша обратился к Г. Пальмерстону с посланием, в котором в самой общей форме была выражена надежда, что между двумя дружественными государствами существует взаимопонимание, что Англия окажет поддержку «морального и материального характера, которая могла бы потребоваться Высокой Порте в вопросах, затрагивающих честь и достоинство суверенного государства»¹⁰².

В основе послания лежала только что полученная из Стамбула инструкция министра иностранных дел Али-паши посланнику Порты в Лондоне. В ней излагалась официальная трактовка разногласий с Австрией и Россией по вопросу об эмигрантах, сообщалось о подготовке миссии Фуад-паши к Николаю I, об ультимативном требовании Вены и Петербурга выслать эмигрантов. По словам Али-паши, в связи с невозможностью принять ультиматум положение крайне осложнилось. «Мы не хотим воевать,— писал Али-паша,— но и наш отказ выполнить требования послов вызовет их раздражение. Необходимо проявить выдержку и дождаться результатов миссии Фуада». В заключение Мехмед-паше было предписано: «Заявить лорду Пальмерстону, что османское правительство не сомневается, что его искренний друг и верный союзник Англия не откажет в столь необходимой в данный момент моральной и материальной поддержке»¹⁰³. Инструкция аналогичного содержания была направлена турецкому посланнику в Париже для вручения министрам Второй республики.

В Лондоне долгожданное обращение нашло живой отклик. Был подготовлен к окончательному оформлению очередной вариант военного союза Соединенного Королевства и Османской империи. Эскадра адмирала У. Паркера на всех парах шла к Дарданеллам. Для подписания документов о военном союзе и введении британской эскадры на стамбульский рейд надо было совсем немногого — формального согласия Порты на такой союз и четко сформулированной просьбы султана о военной помощи, обращенной к первой морской державе мира. 6 октября 1849 г. Г. Пальмерстон информировал лордов Адмиралтейства, что эскадра У. Паркера уже движется к проливам, войдет в Дарданеллы и в случае необходимости возьмет на борт лидеров эмиграции¹⁰⁴. В данной ситуации он уже мог сделать достоянием общественности свой совет С. Каннингу «не вызывать без надобности» эскадру в Дарданеллы, чтобы не давать русским дурного примера и показать парламенту, что им «истощены все средства вежливости и снисхождения»¹⁰⁵.

Теперь можно было пригласить Францию принять участие в операции у Дарданелл. Наконец, можно было полущуткой, полуугрозой объяснить потрясенному вероломством Англии

российскому послу Ф. И. Бруннову: «Мера эта — все равно что поднесение с солью к ноздрям дамы, у которой со страху помутилось сознание». «Другое дело,— витийствовал Г. Пальмерстон,—если бы морские державы послали свои флоты в Балтийское море для устрашения России или в Адриатическое для устрашения Австрии»¹⁰⁶. Подготовленные в те же первые дни октября инструкции С. Каннингу звучали уже без всякой игривости. От пальмерстоновской «склянки с солью» потянуло порохом Севастополя: «Правительство Ее Величества не может колебаться в отношении выполнения просьбы Турции в помощи, высказанной так, как это имело место»¹⁰⁷. Однако для заключения союза этого было, естественно, недостаточно, так как и Франция, и Австрия, и другие державы (Пруссия) могли сделать свои выводы.

С. Каннингу еще раз в инструкции от 6 октября внушалось, сколь велики политические и коммерческие интересы Англии, заставляющие ее поддерживать независимость Османской империи. Послу полагалось знать, что Англия действует в соответствии с принципами Лондонской декларации пяти держав 1841 г. (!), что суть обстоятельств, в которых помимо своей воли оказалась Порты, и основательность выдвинутых ею мотивов заставили Англию поспешить на помощь Турции. Г. Пальмерстон со всей определенностью писал, что, войдя в контакт с Францией относительно совместных действий эскадр двух держав в Средиземном море и направив в Вену и Петербург соответствующие предупреждения, он «готов двинуть британскую и французскую эскадры в Дарданеллы, в Константинополь, если бы письменно, в адрес британского и французского послов, турецкое министерство просило совершить это действие во имя защиты турецкой столицы и территории Турции от нападения извне». Соответствующие инструкции уже были направлены адмиралу У. Паркеру. Оставалось, внушал Г. Пальмерстон С. Каннингу, продолжать контакты с Портой относительно конкретных форм сотрудничества¹⁰⁸. Г. Пальмерстон недоговаривал, о какой форме сотрудничества шла речь, но С. Каннинг это хорошо знал — о военном союзе.

Не позже чем через месяц, в середине ноября 1849 г., когда Фуад-паша в Петербурге успешно добивался приемлемого для России и Турции решения вопросов, Мустафа Решид-паша в Стамбуле ознакомил высших должностных лиц империи с новым проектом военного договора с Англией, сообщенным ему С. Каннингом¹⁰⁹. По-видимому, проект был подготовлен на этот раз либо без участия Мустафы Решид-паши, либо он не был искренним, уверяя коллег, что не знал о существовании этого проекта.

Вновь, как десять лет назад, в условиях военной тревоги (реальной в 1838 г., спровоцированной в 1849 г.) Высокой Порте предлагался гарантированный набор: военный заем А. Джокмуса в сочетании с планами внутренних реформ и с

добавлением военного договора. Последний предусматривал, как подчеркивал С. Каннинг, в силу оборонительного характера помощь каждой из договаривающихся сторон другой стороне в случае неспровоцированного нападения извне. Полное или частичное применение договора, форма и размеры помощи зависели от конкретных условий и подлежали особому обсуждению. Одобряя в целом идею договора, Решид-паша, однако, обратил внимание на несколько моментов. Во-первых, прозвучало сомнение, нуждается ли Англия в турецкой военной помощи и не сочтут ли Австрия и Россия договор направленным против них. Во-вторых, не окажется ли Турция втянутой в какую-либо войну только в силу договорных отношений с Англией. Великий везир хотел более точного определения, как избавиться от влияния России и как распространить военный договор на Францию (против последнего возражал С. Каннинг). В-третьих, Решид-паша хотел уточнить фактические размеры помощи Англии в укреплении турецкого флота (вне рамок договора), а также ее долю в военных расходах военного союза и в тех административных преобразованиях, которые должны были продолжаться в Турции¹¹⁰.

При обсуждении проекта договора у султана выяснилось, что Англия, кроме того, настаивает на более полном применении конвенции 1838 г., на расширении торговых привилегий и устранении для британских подданных каких-либо препятствий для участия во всех сферах торговой и производственной деятельности в Османской империи. Принятие подобного проекта военно-политического союза означало бы полное финансовое и военное подчинение Османской империи Великобритании. Поскольку весьма определенно формулировались основные императивы международной деятельности Порты, то помимо утраты относительной самостоятельности внешнеполитического курса самой империи возникала объективная угроза для всего региона — усиление роли неконтролируемого элемента в принятии столь ответственного решения, как превентивное применение Великобританией силы для защиты своих восточных рубежей от несуществовавшей угрозы.

В декабре 1849 г. Абдул Меджид в ходе очередной аудиенции выразил С. Каннингу свое неудовольствие в связи с недостаточностью, по его мнению, помощи Англии в укреплении Босфора и в подготовке новых административных проектов. Это было не более чем способом уйти от нежелательных объяснений с послом. В начале февраля 1850 г. после нескольких недель «разлуки», когда Решид-паша уклонялся от встреч с С. Каннингом, послу было сообщено, что идея займа А. Джокмуса отвергнута султаном, поскольку эта идея предусматривала погашение доходами из Египта, столь необходимыми казне. По словам Мустафы Решид-паши, султан недоволен также настойчивостью, с какой С. Каннинг рекомендовал набирать в армию немусульман¹¹¹.

Главное, недосказанное великим везиром заключалось в том, что угроза военного конфликта с Австрией и Россией миновала. Австрийская империя после разгрома революции 1848—1849 гг. была в первую очередь занята проблемой отношений с Англией, в том числе в связи с морской торговлей в Восточном Средиземноморье. Немаловажное значение имели для Австрии отношения с Турцией. В австро-турецких отношениях Вена заняла позицию временного выжидания и отступила в вопросе об эмигрантах.

Относительно успешно, по мнению Порты, завершилась миссия Фуад-паши в Петербург в октябре—ноябре 1849 г. Во имя сохранения добрососедских отношений с Османской империей в Азиатском департаменте России были вынуждены принять объяснение факта грубого нарушения статута черноморских проливов англо-французским флотом якобы штормовой погодой¹¹², которая, заметим мы сегодня, заставила дюжину боевых кораблей покинуть первоклассные закрытые бухты Тулона, Мальты и Корфу и спастись за сотни миль в Дарданеллах¹¹³. Кроме того, Фуад-паша получил заверения К. В. Нессельроде, что Россия поддержит требования Высокой Порты об отмене одного из самых злостных капитуляционных иммунитетов — бесконтрольной продажи западноевропейскими консульствами документов на статус покровительствуемых лиц¹¹⁴.

Относительно позиции Франции следует заметить, что Луи Наполеон делеял обширные честолюбивые замыслы. Восточный вопрос, решаемый при ведущей роли Франции, мог бы дать необходимый простор амбициям президента, будущего императора. Однако время для того еще не настало. Послу Франции в Стамбуле Ж. Опику было предложено сообщить Решид-паше, что Франция неохотно присоединилась к «демонстрации флотов», предпринятой Англией, и была бы вполне удовлетворена удалением эмигрантов из столицы и Румелии за рубеж либо в отдаленные районы Османской империи¹¹⁵. В Париже начинали подготовку к новому раунду борьбы за позиции на Ближнем Востоке, а пока, как и в Вене, выжидали. Применение военно-морского флота как «аргумента» в споре держав Францией было опробовано. Нарушить международную конвенцию 1841 г. о закрытии черноморских проливов для военных кораблей оказалось для Франции легче, чем ее подписать. Не прошло и двух лет, как французский посланник в Стамбуле Лаваллет заявил Каннингу, что без колебания готов вызвать флот для блокады Дарданелл, чтобы привести «к удовлетворительному исходу» спор «о втором комплекте ключей к иерусалимским храмам».

Наибольшее недовольство ситуацией проявляли в Лондоне. Британская эскадра, хотя и успела пройти Дарданеллы, была остановлена в Мраморном море решительным приказом Высокой Порты¹¹⁶.

Для Англии остались невыполненными задачи финансовых и военно-политических соглашений, которые должны были содей-

ствовать превращению Османской империи в сферу преимущественного британского влияния. Фактически введением эскадры в Дарданеллы и после запрета Порты крейсировать в Мраморном море переброской эскадры У. Паркера к берегам Греции, блокадой ее побережья и введением эмбарго на торговые суда в греческих территориальных водах¹¹⁷ Англия начала необъявленную войну в Средиземноморье. Жесткая силовая политика Г. Пальмерстона на Востоке на определенное время укрепила его парламентские позиции в торгово-промышленных кругах, которые нуждались в силе для противодействия чартизму и для расширения рыночной экспансии в условиях очередного промышленного подъема 1850 г. Вооруженное давление Англии на правительство Греции в деле Пачифико было вторым на протяжении полугода нарушением Англией международных соглашений — в данном случае совместных гарантий независимости Греции, данных Россией, Англией и Францией. Именно так оно трактовалось в поддержанной Францией февральской ноте 1850 г. России к Англии¹¹⁸. Однако нота была отвергнута. Г. Пальмерстон продемонстрировал готовность использовать вооруженную силу для реализации своих планов в Восточном Средиземноморье.

Суммируя интересы держав на этапе соскальзывания к конфликту, можно сформулировать следующие положения. Англия, Австрия и Франция при всей специфичности своих интересов на Ближнем Востоке объединялись в главном: в стремлении наиболее эффективно использовать процесс интеграции Османской империи в мировой капиталистический рынок и соответствующими договорными актами повысить ее вклад в общий военнополитический потенциал держав, нацеленный против России. Путем к этому была ускоренная модернизация турецкой армии и флота. В полной мере проявилось общее стремление западноевропейских держав не допустить роста освободительных движений в пределах самой Османской империи, особенно в Европейской Турции, среди тех миллионов славян, которые веками видели в России свою избавительницу от турецкого ига.

В первую очередь усилиями британской дипломатии и командования военно-морскими силами продолжалось формирование структуры вооруженного международного конфликта в Восточном Средиземноморье. Объективно напряженность нарастала вопреки некоторым деэскалирующим тенденциям, в основе которых лежали согласованные, взаимоприемлемые решения двух черноморских держав.

Начало восточного кризиса 50-х годов

Новая фаза Восточного вопроса — третий этап развития вооруженного конфликта на Ближнем Востоке — начиналась с обострения проблемы святых мест, точнее, проблемы капитуля-

ционных прав, связанных с контролем над христианскими святынями Палестины и влиянием среди подданных Османской империи православного, католического и протестантского вероисповеданий.

В работах Е. В. Тарле, В. Н. Виноградова, других советских историков отмечалось, что обострение противоречий на Ближнем Востоке в 1850—1853 гг. было завуалировано религиозной оболочкой, сквозь которую явственно проступала борьба держав за проливы и позиции в Леванте и Юго-Восточной Европе¹¹⁹. Особое значение международного кризиса этих лет отметил К. Маркс для внутривосточной борьбы, которую вел Луи Наполеон¹²⁰. Кроме того, проблема святых мест была использована Францией во внешнеполитической борьбе прежде всего против России, а также против Англии, главного конкурента Франции на рынках Ближнего Востока, опиравшейся на немногочисленные, но влиятельные торгово-финансовые общины протестантов и евреев. Католическая Австрия также активизировала прозелитизм как форму духовно-политического влияния в Османской империи, что воспринималось во Франции как реальная угроза ее политическому влиянию¹²¹. Раскрывая подоплеку борьбы держав за протекторат над христианами в Османской империи, К. Маркс писал: «Вокруг гроба господня мы находим скопление всех многочисленных христианских сект, за религиозными притязаниями которых скрывается такое же множество политических и национальных соперничеств»¹²². В борьбе за «святыни Палестины» оружием вновь послужили капитуляционные привилегии трех-, четырехвековой давности.

В 1850 г. осложнение вопроса о святых местах началось с одновременной просьбы православного иерусалимского патриарха и католической миссии Бельгии к Порте о реставрации соответствующих православных и католических святынь — купола главной церкви в Иерусалиме и усыпальницы королей-крестоносцев. И то и другое предусматривалось давними соглашениями Высокой Порты с патриархами двух главных христианских толков; и поступавшие ранее по отдельности представления церквей, как правило, удовлетворялись без осложнений. В условиях острого финансового кризиса, отказавшись от внешне весьма выгодного займа и остро нуждаясь в средствах для оплаты первоочередных государственных нужд (прежде всего армии), чиновники Порты пошли по пути «корыстолюбия и злой воли»¹²³. Они затягивали решение вопросов, ожидали и получали вознаграждения для себя лично и большие взносы в казну от клира обоих направлений.

Однако проблема святых мест для Османской империи выходила далеко за пределы поборов с церковью. Именно так буржуазная историография традиционно представляла политику османской власти в отношении христианской церкви на Ближнем Востоке, упрощая проблему до меркантильного столкновения креста и полумесяца.

В течение ряда лет, с начала 40-х годов XIX в., Высокая Порта вела негласные переговоры с Ватиканом о льготах и преимуществах для католических подданных султана. В январе 1848 г. во время пребывания в Турции посланника папы Пия IX архиепископа К. Ферриери, торжественно принятого султаном, была достигнута официальная договоренность об установлении постоянных дипломатических представительств Турции и Ватикана соответственно в Риме и Стамбуле на уровне посланников. От Турции таковым при папском престоле был назначен опытный дипломат Шехиб-эфенди, уже бывавший в Ватикане. Папский нунций — посланец от имени Пия IX выражал личную заинтересованность папы римского в развитии реформ в Османской империи. Речь, правда, шла только о подданных-католиках¹²⁴.

В официальных и частных беседах с Решид-пашой, Али-пашой и представителями католического миллета Ферриери настойчиво подчеркивал, что именно католическим подданным султана принадлежит исключительная роль в экономическом развитии Османской империи, в деле ее дальнейшего сближения с Европой¹²⁵. Контакты с Ватиканом предполагалось расширять и углублять¹²⁶. Власти, например, не препятствовали распространению в Османской империи энциклики Пия IX, призывавшего к сближению католиков и православных на Востоке под общим покровительством Ватикана. По мнению К. М. Базили и В. П. Титова, сближением с Ватиканом, содействием укреплению его прямого влияния в Турции Высокая Порта хотела уменьшить влияние Франции на католиков, а России — на православных подданных¹²⁷.

Определенные успехи этого курса проявились в 1848—1849 гг. Политика Высокой Порты в Дунайских княжествах в период революционного подъема была фактически поддержана верхушкой клира обоих толков. В августе 1848 г. Порта получила копию послания представителей христианских церквей в Иерусалиме. В ней высказывалось возмущение в адрес «безбожников-повстанцев» в княжествах, задумавших среди прочего отделить монастыри от святого престола и, следовательно, от Османской империи. В послании подчеркивалась лояльность христианской церкви по отношению к Абдул Меджиду, безоговорочно признаваемому сувереном всего христианского клира и монастырей в Леванте¹²⁸.

Порта не могла и не хотела лишиться столь мощной поддержки, какую могли оказать ей соперничавшие между собой представители различных христианских толков. Однако злоупотребления церковников и массовое недовольство славянского населения в Европейской Турции, арабского христианского населения в Сирии и Палестине «жадными и корыстными епископами из фанариотов» заставили Высший совет по реформам создать несколько комиссий по проверке положения дел в ряде патриархатов Османской империи. «Найденные злоупотребления боль-

шей частью сомнению не подлежат,— сообщал В. П. Титов.— Однако нашли неприличным обнаруживать публично такие не-правильности»¹²⁹. Деликатная формулировка В. П. Титова скрывает столь вопиющие язвы и пороки в среде клира обоих толков, что даже безразличные к сварам в среде церковников эмиссары Порты сочли важным «во имя сохранения основ империи» немедленно начать преобразования в сфере управления христианскими подданными.

К середине XIX в. греческий клир, константинопольский патриархат распространили свое влияние на духовную, гражданскую и политическую жизнь православного населения, стали весьма своеобразным, как отметил болгарский историк и экономист Жак Натан, государством в государстве¹³⁰. Порту крайне беспокоили сокращавшиеся по мере укрепления миллетов денежные поступления в казну. Известно, что христианская церковь обоих толков имела в Турции весьма широкие возможности для маневрирования финансовыми поступлениями: налогами, поборами, подношениями и т. д.¹³¹. Если учесть кроме сказанного стремительно ширившееся освободительное движение балканских подданных Османской империи, в котором нередко звучали религиозные лозунги, то выясняется, что Порта оказалась к 50-м годам XIX в. перед одним из сложнейших вопросов внутривнутриполитической жизни¹³². Реформы с целью усиления контроля Порты над социально-экономическим развитием отдельных районов, населенных христианами, должны были укрепить «османское» начало в общем централизаторском движении, предотвратить развитие там национально-освободительных движений и не в последнюю очередь — предотвратить вмешательство держав под предлогом защиты прав своих единоверцев. Осознание важности реформ в этом направлении пришло слишком поздно. Влияние держав в Османской империи было сильнее, чем возможность Порты избавиться от него.

Попытки Высокой Порты в начале 50-х годов упорядочить в пределах реформ танзимата положение дел в христианском клире, извлечь немедленные материальные выгоды и в перспективе усилить контроль над собственными подданными вызвали бурю протестов прессы, особенно во Франции, о «попраных правах» христианской церкви на Востоке. С серией демаршей выступили представители Франции, Бельгии и других стран в Стамбуле.

По существу, Франция готовила коалицию капиталистических государств Европы — Бельгии, Австрии, Испании, Сардинии, Португалии и Неаполя. Представители Франции в Стамбуле выступали в вопросе о святых местах от имени этих держав, как это делали их предшественники по всем вопросам капитуляционного права (см. гл. III). Торговому знамени, поднятому Англией в 1838 г. в защиту прав британских коммерсантов на свободную торговлю на рынках Османской империи, Франция противопоставляла флаг защиты прав католической Европы, причем ее наиболее отстававшей в экономическом отношении

части. Католические монархии Европы должны были помочь Луи Наполеону, императору буржуазии, укрепить позиции Франции на континенте и двигаться на Восток во имя интересов всей же торгово-промышленной буржуазии, как и в Англии испытывавшей подъем сил после разгрома революции 1848—1849 гг.

Примечательно, что особое «негодование» французской прессы вызывало установленное еще в XVI в. правило, по которому католики вносили за посещение церкви гроба господня несколько бóльшую плату, чем православные. Это увязывалось с капитуляционными 3 или 5 % в торговле и рассматривалось в контексте общих капитуляционных прав¹³³. Именно так, в плане полного подтверждения или отказа Порты от капитуляции 1740 г., обобщавшей права католиков на пользование различными церковными атрибутами и привилегиями, 28 мая 1850 г. особой нотой Жак Опик изложил Мустафе Решид-паше позицию своего правительства¹³⁴. Расцененная турецким правительством как политическое наступление Франции, неизбежно влекущее за собой конфликт по поводу покровительства Франции и России двум толкам христианства на Ближнем Востоке, майская нота Ж. Опики была обращена в первую очередь к тем 8 млн. католиков во Франции, которые в конечном счете поддержали имперские притязания «христианнейшего» Луи Наполеона в декабрьском перевороте 1852 г. Однако это была лишь часть вопроса, хотя и немаловажная, свидетельствовавшая о влиянии различных аспектов Восточного вопроса не только на политическую жизнь Европы, но также на сознательное конъюнктурное манипулирование Францией судьбами миллионов людей в Восточном Средиземноморье, на Балканах и в Причерноморье.

Нельзя согласиться с точкой зрения тех историков (П. Ф. Курхарский, Д. Хопвуд), которые считали, что в 1850 г. Восточный вопрос еще не был поставлен во всей своей остроте¹³⁵. Противоречия ведущих капиталистических держав Западной Европы и царской России выявились полно и отчетливо, составив сущность обострения кризиса в эти годы. Они затрагивали широкий спектр проблем, включая статут проливов, с угрожающей суверенитету причерноморских держав бесцеремонностью нарушенный Англией, а также общий объем капитуляционных привилегий в отношении немусульманских подданных султана. К пересмотру последних наиболее решительно устремилась Франция.

Вместе с тем весной и летом 1852 г. обострилась борьба за влияние на османское правительство. Французские военно-дипломатические представители в Стамбуле сменили «осторожный и доверительный тон» 40-х годов на жесткий и требовательный накануне государственного переворота во Франции. Чрезвычайный и полномочный представитель Франции, лично близкий Луи Наполеону Шарль Лавалет с первых дней своего пребывания в Стамбуле в мае 1851 г. сосредоточил усилия на том, чтобы добиться от Высокой Порты документального закрепления

преимущественного положения католического клира и всех покровительствуемых лиц католического вероисповедания. В феврале 1852 г. после угрозы Лавалета ввести французскую эскадру в Дарданеллы и направить боевые корабли к берегам Сирии Высокая Порта обнародовала ферман и ноту от 8 февраля 1852 г. к Франции об уравнивании в правах на пользование святынями Иерусалима представителей обоих христианских толков. Ферман должностным лицам и кади Иерусалима, помеченный концом джумада аль-уля 1268 г. х. (февраль 1852 г.), содержал вполне определенное указание, что все культовые сооружения, находящиеся в распоряжении христиан, подлежат равному использованию обоими толками, и подчеркивал безосновательность требований «латинян»-католиков на ряд исключительных прав¹³⁶.

Одновременно паше Иерусалима, должностным лицам в Дамаске, Бейруте и Сайде были направлены указания не входить в объяснения с консулами великих держав в этих городах ни по поводу состояния святынь, ни по поводу увеличения участков земли, прилегающих к храмовым сооружениям. «Поскольку,— предписывалось паше Иерусалима,— вы все равно ничем не сможете убогатить ненасытную требовательность консулов, со всевозможной пространностью излагайте им все подробности и детали вопроса и заверяйте, что все их притязания непременно сообщите Порте»¹³⁷. Ряд донесений К. М. Базили и А. П. Озерова за 1852 г. свидетельствует, что не ремонт храмов и святынь, а увеличение участков земли вокруг построек, ранее разрешенных католической и протестантской миссиям, составляло главную заботу английских и французских консулов в Бейруте и Дамаске¹³⁸. Спор о священных местах Палестины имел прозаическое, вполне земное или, точнее говоря, земельное значение. Державы добивались отмены или пересмотра запрета на операции иностранцев с недвижимостью на территории Османской империи.

Эти очевидные при внимательном ознакомлении с документами обстоятельства приходится подчеркнуть в связи с повторяющейся в современной буржуазной историографии версией, появившейся на страницах мартовских (1852 г.) номеров «Монитёра» о двойной игре Порты в отношении святых мест, что и вызвало «естественное и справедливое негодование в Европе». Действительно, публикация на французском языке этих документов повлекла за собой и несколько нот России угрожающего характера — защита православия стала знаменем царской дипломатии. Положение Османской империи, оказавшейся между двух огней, образно сформулировал Фуад-паша в беседе с английским поверенным в делах полковником А. Роузом: «Титов заявил Порте, что он оставит Константинополь... если Порта позволит себе малейшее отступление от статус-кво, а Лавалет угрожает блокадой Дарданелл французским флотом, если она сохранит статус-кво»¹³⁹.

В конце ноября 1852 г. поверенный России А. П. Озеров получил предписание К. В. Нессельроде (инициатива исходила от Николая I) выразить Мехмеду Али-паше, которого в Петербурге совершенно безосновательно считали сторонником России в противовес «этому лукавому Фуаду», недовольство России прирительным тоном Порты. А. П. Озерову было предписано уведомить Порту о готовности России в связи с появлением французской эскадры у Триполи оказать Турции вооруженную помощь в случае нападения Франции¹⁴⁰.

В России вряд ли могли ожидать позитивного отклика на такую постановку вопроса. Еще 10 февраля 1852 г., через день после вручения ноты Порты Ж. Опику, было отправлено запечатанное личной султанской тугрой послание Абдул Меджида I Николаю I. В нем содержалось краткое изложение фермана о святых местах и упомянутой ноты. В послании подчеркивалось, что султан считает своим личным долгом оберегать христианские святыни. Вместе с тем забота о продолжении реформ в интересах всех подданных Османской империи без различия веры — это такое же суверенное право и долг султана, как и забота о благе подданных для любого другого монарха Европы, говорилось в этом документе¹⁴¹.

Это предостережение относилось не только к святым местам, но и к проблеме Черногории. Порта не без основания полагала, что в разгоревшейся в Черногории борьбе за власть Россия окажет помощь сторонникам прорусской ориентации. В августе 1852 г. при активной поддержке России Черногория была провозглашена княжеством, окрепло ее внутреннее положение, внешнеполитический авторитет. Подъем освободительного движения в соседней Герцеговине, которой всевозможную помощь оказывали черногорцы, а также в Северной Албании вызвал новое осложнение обстановки в регионе. Порта в декабре 1852 г. начала карательные операции против Черногории. Твердая позиция России, поддерживавшей ультимативное требование Австрии к Высокой Порте вывести войска Омер-паши из Черногории, по существу, обеспечила подписание 28 февраля 1853 г. спасительного для черногорцев мирного договора¹⁴².

Вместе с тем выявились новые элементы структуры кризиса. Австрия под видом пресечения турецкой агрессии против фактически независимой Черногории (над которой Вена признавала сюзеренитет султана) готовилась к оккупации подвластных Порте территорий. Как метод решения спорных вопросов были избраны концентрация войск на австро-турецкой границе и тон ультимативных угроз, которые передавал Порте профессиональный военный, близкий Францу Иосифу II, чрезвычайный австрийский посол К. Лейнинген-Вестербург¹⁴³. Современники характеризовали его как человека лично храброго, опытного в военном деле, но далекого от тонкостей дипломатического искусства, столь необходимого в общении с турецкой дипломатией¹⁴⁴.

Уместен вопрос: что же определило мирный исход миссии К. Лейнингена и разрыв отношений между Россией и Турцией как итог близкой и по характеру, и по личности посла миссии А. С. Меншикова в том же, 1853 г.? Прежде чем ответить на него, оценим другие новые элементы в структуре нарастающего кризиса. К ним следует отнести провокационные рекомендации дипломатических представителей Франции и Англии Высокой Порте отвергнуть ультиматум Австрии¹⁴⁵. Лавалет, добившийся принятия своих ультимативных требований угрозой прорыва Дарданелл, утверждал, что Австрия или какая-либо другая страна не имеет права требовать от суверенной державы прекращения действий против собственных подданных. Взгляды и высказывания Лавалета поддерживал А. Роуз. Оба они при этом призывали Порту покончить с черногорским вопросом раньше, чем вмешается Россия. Аналогичные призывы — любой ценой предотвратить саму возможность дипломатического выступления России — исходили от английских консулов во время антитурецкого выступления арабского населения Алеппо в октябре 1850 г., при подавлении восстания друзов Хаурана в конце 1852 г. и карательных экспедиций Омер-паши в Северной Албании и Южной Герцеговине.

А. Роуз заверил Высокую Порту, что Англия по-прежнему готова заключить военный союз с Османской империей. Турецкие военные корабли в составе британской эскадры принимали участие в блокаде греческого побережья в период «дела донна Пачифико». Сотрудники британского консульства в Дамаске помогали комплектовать и готовить к военным действиям части корпуса «Арабистан», которые были брошены на подавление восстания друзов и против Черногории. Все это должно было служить убедительным свидетельством стремления Англии к развитию военного сотрудничества с Османской империей. Так постепенно формировалось ядро международного конфликта на Ближнем Востоке. Турция следовала курсом к вооруженному столкновению с одним из своих ближайших соседей — Австрией или Россией.

Последним из вполне определившихся элементов в структуре кризиса было настойчивое стремление Англии и Франции осуществлять посредничество во всех переговорах Османской империи с Австрией и Россией. Эта тенденция была отмечена как по черногорскому вопросу, так и в отношении Ливана и имела катастрофические последствия для русско-турецких отношений в 1853 г. Война же Турции с Австрией, как и сближение последней с Россией, не входила в планы Англии и Франции, следовательно, оставалась единственная альтернатива — столкнуть Турцию с Россией.

Что касается политического курса Петербурга, то здесь следует отметить следующее. Повстанческое движение в Черногории и сопредельных областях Европейской Турции, объективно поддержанное Россией, несмотря на серию непоследовательных

действий, а также обострение отношений с Францией по поводу объема и характера конституционных привилегий христианским подданным султана и предпочтение доверительным частным соглашениям между королевой Великобритании и Николаем I, оказанное «легитимным царем» столь же «легитимной особе» — королеве Виктории по сравнению с «высочкой» Луи Бонапартом, наложили серьезный отпечаток на действия российской дипломатии в разгар кризиса 1852 г.

Как известно, любой крупный международный конфликт является политическим отношением двух или нескольких сторон, воспроизводящим в острой форме лежащие в основе этого отношения противоречия его участников. Такое политическое отношение сторон, какое сложилось на Ближнем Востоке весной — летом 1853 г., не только воспроизводило глубинные противоречия держав на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Европе, вполне объективные по своей основе, но и представляло противоречивую и весьма субъективную, достаточно отчужденную надстройку над основными противоречиями держав. Таким надстроечным элементом явилась миссия А. С. Меншикова в Османскую империю.

Традиция обмена чрезвычайными посольствами в кризисных ситуациях характерна для истории русско-турецких отношений нового времени. Только за период после Адрианопольского мира состоялся обмен четырьмя такими миссиями. В той или иной степени в их подготовке принимал участие Мустафа Решид-паша. Во второй половине 1852 г. при обсуждении с А. П. Озеровым положения в восставших европейских и ливанских провинциях Османской империи и в связи с затянувшимся спором о святых местах Решид-паша предложил изучить возможность обмена чрезвычайными посольствами.

Однако в Петербурге предпочли направить в Стамбул очередную чрезвычайную миссию. На составе миссии окончательно остановились в конце декабря 1852 г. После отказов возглавить миссию в Стамбул А. Ф. Орлова, трижды посещавшего Турцию во главе мирных чрезвычайных посольств, и опытного дипломата П. Д. Киселева, ряд лет возглавлявшего русскую администрацию в Дунайских княжествах, выбор Николая I, вопреки советам многих, включая К. В. Нессельроде и В. П. Титова, пал на морского министра и члена неофициального Азиатского комитета с 1839 г. А. С. Меншикова. Сам А. С. Меншиков, судя по записям в дневнике за 18—22 декабря 1852 г., понимал свое назначение однозначно — как подготовку к командованию армией и флотом в случае войны с Турцией¹⁴⁶.

Глава миссии имел две гласные и две секретные инструкции. Первая гласная инструкция практически полностью повторяла исполненный монархического славословия юбилейный отчет министерства иностранных дел России за 1850 г. Все перемены в Османской империи во внутренней политике эпохи танзимата понимались как слабость этого государства и проявление внут-

ренных смут. Сдвиги во внешней политике объяснялись «слабостью и большей частью несправедливыми притязаниями других держав». Ферманы о святых местах были приравнены к другим актам внутреннего характера, к восприятию которых, по мнению авторов инструкций Л. Г. Сенявина и самого К. В. Нессельроде, были равно не готовы ни мусульмане, ни христиане. Столь же дезориентирующими были наставления относительно русско-английского сближения на основе видевшейся авторам инструкций общей неприязни Англии и России к реставрации «наполеонидов». С представителями Франции в Стамбуле предполагалось развивать «примирительный тон, но держаться твердо». Опорой чрезвычайной миссии А. С. Меншикова должно было служить предполагавшееся Петербургом единство взглядов с Австрией и Пруссией по Восточному вопросу¹⁴⁷.

Две секретные инструкции как бы взаимно исключали друг друга. Одна предусматривала немирный исход миссии и предписывала А. С. Меншикову провести торжественный выезд посольства — разрыв дипломатических отношений, возложив ответственность за это на «советников султана, противившихся принятию наших предложений». Другая инструкция предполагала, что султан и его ближайшее окружение «парализованы страхом перед агрессией Францией и возможным разрывом с Россией» и готовы подписать оборонительный союз и конвенцию о покровительстве России над православными подданными султана¹⁴⁸. Ни в конвенции, ни в проекте оборонительного союзного договора¹⁴⁹ не было ничего принципиально нового, знаменовавшего «шаг России на пути к завоеванию Константинополя», как это утверждали в разное время английские и французские современники-памфлетисты, затем историки новейшего времени. Сверх всех этих инструкций, рассчитанных на частичное ознакомление в Стамбуле дипломатов Англии и Австрии, на содействие которых К. В. Нессельроде полагался не меньше, чем на действия самого посла, имелись «Замечания к беседам с турками», врученные А. С. Меншикову накануне отъезда, 11 февраля 1853 г.¹⁵⁰. Речь шла об улучшении карантинной службы на азиатской границе между Россией и Турцией, о пресечении «антирусской агитации» со стороны франкофильских элементов в Сербии и в самом Стамбуле, о возможности распространять среди православных подданных Порты церковную литературу и др. Несколько пунктов «Замечаний» касались внешнеэкономических связей. В них высказывалось беспокойство России по поводу захвата иностранными пароходными компаниями всей грузо-пассажирской навигации в черноморских проливах, говорилось о готовности России всемерно поддерживать Высокую Порту в совместных русско-турецких торговых и мореходных мероприятиях.

Отдельная группа «Замечаний» касалась противодействия французскому влиянию во внутренних районах Османской империи. Речь шла об учреждении консульства Франции в Боснии,

об «умножении сверх меры числа французских консульских агентов и об их усердии, пагубном для судьбы империи» в Европейской Турции, в Малой Азии, в Сирии и Палестине: Конкретность и определенность «Замечаний» существенно контрастировали с многообразием общих инструкций. Их смысл и целевая установка очевидны — решение межгосударственных вопросов на двусторонней основе, борьба с влиянием Франции в духовно-политическом и отчасти в экономическом аспекте.

Двойственность ориентации миссии А. С. Меншикова — частично на сотрудничество с австрийской и английской дипломатией, частично на прямое, без посредничества держав, решение вопросов русско-турецких отношений — определила колебания и непоследовательность в действиях главы миссии, усугубила атмосферу недоверия и враждебности, которую нагнетали представители западноевропейских держав в Османской империи.

Е. В. Тарле упоминал о «какой-то бумажке с самыми миролюбивыми советами», которые К. В. Нессельроде украдкой вручил от себя отъезжавшему А. С. Меншикову. «Нигде... — писал он, — я подтверждений подобного известия не нашел»¹⁵¹. Сегодня нам, вероятно, известно подавляющее большинство материалов по затронутым вопросам миссии А. С. Меншикова. Среди них появилась та самая «бумажка» — «Замечания к беседам с турками», которую тщетно разыскивал в свое время Е. В. Тарле.

Деятельность чрезвычайной миссии А. С. Меншикова, прибывшего в Стамбул 9 марта 1853 г., протекала в сложнейшей дипломатической борьбе. Особого внимания заслуживает постепенное, но неуклонное формирование или усиление английской дипломатией факторов, провоцировавших столкновение на Ближнем Востоке. Это обстоятельство приходится повторять в связи с появлением ряда работ буржуазных авторов по проблемам Крымской войны 1853—1856 гг. и роли Англии — «баланса европейского равновесия, залога стабильности и динамичного развития капиталистической системы в середине XIX в.», оказавшейся втянутой в войну якобы вопреки миротворческой политике. Идея непостижимости причин войны прозвучала впервые в 1853 г. на страницах пропальмерстонской прессы, превозносившей миротворческие усилия «благородного лорда», повторялась неоднократно в работах английских историков в 20—50-х годах XX в. В последние годы идея «непредвиденной войны» получила новое развитие в аналогичной литературе Англии и США (Сетон-Уотсон-младший, А. Сааб, Дж. Кэртисс и др.).

В разное время С. Жигарев, С. С. Татищев, Г. Темперли, Дж. Кэртисс преувеличивали пассивную роль Англии в период обострения кризиса 1850—1852 гг. Однако стоит обратить внимание на депешу министерства иностранных дел Англии послу в Петербурге Г. Сеймуру от 9 февраля 1853 г., как показательной нейтралитет Великобритании, ее благожелательность предстают в ином свете¹⁵². Депеша подлежала сообщению царскому прави-

тельству. В ней Лондон, отнюдь не оспаривая утверждений российской дипломатии о новом опасном обострении Восточного вопроса, резервировал особую позицию Англии и ее невмешательство до тех пор, пока спор касался отношений Высокой Порты с Россией и Францией относительно святых мест и не затрагивал сферы внутреннего управления Османской империи. Отмежевываясь от каких бы то ни было согласований с Россией в отношении событий в Восточном вопросе, британский кабинет предостерегал Петербург от «энергических заявлений и морских демонстраций для принуждения султана», которые, как было показано выше, уже стали нормой британской политики в последние два десятилетия. Столь же четко отдалял Дж. Рассел и вопрос о вмешательстве Австрии в Черногории от других внутренних проблем Турции, призывая посла в Петербурге Г. Сеймура содействовать сохранению дружественных отношений Османской империи с соседними государствами. На Даунинг-стрит недвусмысленно оставляли за собой право определять как степень кризисности ситуации, так и меры по разрешению кризиса.

Удар пришелся в большое место «сильного человека Европы». «Здесь затрагивается вопрос о распоряжении владениями султана,— сделал заметку на полях копии депеши Николай I.— Дело идет только об определении, на случай падения Турции, того, что было бы противно нашим и английским интересам, чтобы не действовать против их. Ничего более не нужно»¹⁵³. Царь как бы оправдывался за свои скоропалительные предложения, высказанные им на рождественском балу 9 января 1853 г. послу Г. Сеймуру. Как известно, речи царя сводились к тому, что было бы важно согласовать действия России и Англии на случай падения Османской империи, которая уже, по словам Николая I, «как бы распадается»¹⁵⁴. Ставшие хрестоматийными, попавшие в лицейские учебники для турецких учащихся однозвонные слова разгоряченного балом царя сослужили службу тем силам в Западной Европе, которые в столкновении России и Турции видели лучшее средство решения всех проблем сразу — и подчинения Турции, и отбрасывания России от Черного моря и Балкан.

Британская дипломатия активизировала свои усилия, чтобы возглавить всю политическую деятельность держав на Ближнем Востоке и направить политику Османской империи в нужное русло. 5 февраля 1853 г. Стредфорду Каннингу, ставшему рыцарем Британской империи, лордом Редклифом за исключительные заслуги в деле обеспечения ее интересов к востоку от Гибралтара, были даны указания довести до сведения Абдул Меджида I, что в Лондоне рассматривают обращения иностранных государств к Порте, сделанные в «угрожающем тоне, как могущие ускорить падение Турецкой империи и вызвать катастрофу, предупредить которую желали бы все»¹⁵⁵. Весомость этому заявлению придавал обмен мнениями между лордом Редклифом, направившимся через Париж в Турцию, и французскими госу-

дарственными деятелями. Эта беседа стала известна турецкому послу в Париже, который сообщил о ней Порте. В ходе бесед была подтверждена тождественность антирусской направленности политики Англии и Франции на Ближнем Востоке. Продолжив свой путь в Турцию через Вену, Редклиф и там получил заверения Австрии в том, что нужно поставить преграды русскому влиянию на Востоке. Об этом также стало известно Порте.

В феврале 1853 г., еще до приезда А. С. Меншикова, новый министр иностранных дел Англии, Д. Кларендон, поставил перед Редклифом ближайшие задачи — обратить внимание Абдул Меджида на безотлагательность реформ в положении христиан, что является источником вмешательства извне в дела Османской империи. Реформы, повторял Д. Кларендон, но не вообще, а именно в положении христиан — необходимые гарантии развития торговли и стабильности в Леванте. Добиваться этих целей Редклиф должен был в сотрудничестве с посланником Франции, с которым, подчеркивал Д. Кларендон, «у нас общие интересы на Востоке. Ничто не может нарушить наше сердечное согласие по поддержанию целостности и независимости Турецкой империи»¹⁵⁶.

Во исполнение указанных задач Редклифу предлагалось опереться на средиземноморскую эскадру. Итак, тот, кого называли «злым гением Турции», располагал реальной возможностью завершить комбинацию, начатую прорывом адмирала Паркера в Дарданеллы в 1849 г., а именно заставить турецкое правительство принять самостоятельное решение, но в рамках концепции охраны интересов британской короны¹⁵⁷.

Некоторая патетика, свойственная бумагам Д. Кларендона и Г. Пальмерстона, в инструкциях, вышедших из-под пера министра иностранных дел Франции Друэн де Люиса, сменилась прозаичной жесткостью оперативного документа. 22 марта 1853 г. Друэн де Люис вручил новому посланнику в Турции, де Лакуру, инструкции. В отличие от общих охранительных рассуждений Д. Кларендона Друэн де Люис начал с уведомления посла о том, что французская эскадра, находившаяся у берегов Греции, готова выполнить свой союзнический долг и защитить Турцию. Заметим, что до подписания военного договора между Портой и державами оставался целый год! Мирный исход кризиса Друэн де Люис во внимание не принимал, он моделировал ситуацию только военного характера. Первым делом Абдул Меджиду следовало внушить, что введение русских войск в Дунайские княжества надо считать нарушением принципа целостности Османской империи и достаточным основанием для введения французской эскадры в Дарданеллы¹⁵⁸. В Париже понимали, что султан мог и не обратиться за помощью к Франции. Предусматривалось направить мощную эскадру адмирала для крейсирования в непосредственной близости от Дарданелл. «Это, возможно, отпугнет Россию от десанта в Бургас», — писал Друэн де Люис. Или прыгнет Высокую Порту? — спросим мы. Ви-

димо, Франция имела в виду и Турцию, и Россию держать под прицелом.

Мирное решение спорных вопросов в планы Франции не входило. Никаких святых мест и прочего религиозного флера и в помине не было. Если русский флот в Севастополе, переходил к главным целям министр Наполеона III, предпримет передвижение, или в Дунайские княжества войдут русские войска, или даже русские корабли приблизятся к турецкому побережью Черного моря, то любое из этих предположений станет достаточным для объявления войны России. Следовательно, формальным предлогом объявления войны Друэн де Люис предлагал считать нарушение фактически разорванного Англией и Францией Лондонского договора от 13 июля 1841 г., а непременно участником войны — султана!

Далее де Лакуру указывалось, как добиться согласия Порты на проход эскадры через Дарданеллы — через Рифаат-пашу, члена и попеременно с Решид-пашой председателя Совета по реформам и министра иностранных дел. В случае его упорства следовало оказать нажим через британское посольство, апеллируя к А. Роузу или Редклифу общностью целей и задач на Востоке. Главное, как считал Друэн де Люис, — это не допустить прорыва русского флота через Босфор. Превентивным актом следовало занять англо-французским десантом форты и замки Дарданелл и войти на рейд Стамбула, а тогда предложить помощь султану и заставить русских уйти из Босфора¹⁵⁹.

А. С. Меншиков и турецкие министры могли набрасывать любые варианты решений. Последнее слово оставалось за теми, кто готовил сокрушительное для обеих сторон столкновение двух черноморских держав. Итак, уже не только английская, но и французская эскадра, находившиеся под парами в Средиземном море вблизи берегов Турции, должны были создать у Высокой Порты ту самую уверенность в неотвратимой материальной поддержке, которую не столько мог, сколько обязан был получить султан. Оставалось найти к тому повод. Перед Османской империей выбор вариантов решения суживался до альтернативы — новый реальный проход британского и французского флота в Мраморное море, чего не удалось избежать в 1849 г., или балансирование на грани разрыва с Россией, чего избежать удавалось в течение четырех лет. С полной определенностью можно утверждать, что не как итог тех или иных требований А. С. Меншикова, не столько в результате его неуважительного (что действительно имело место) отношения к дипломатическому протоколу, как пишут турецкие историки, а фактически до начала переговоров в Стамбуле была определена военно-политическая ситуация и вооруженные армады Англии и Франции двинулись к проливам.

24 марта 1853 г. А. С. Меншиков вручил Рифаат-паше проект конвенции о статусе православной церкви в Леванте¹⁶⁰. Главное, чего ожидали в России от новой конвенции, — это

столь же определенное предоставление России права общего покровительства над православным населением Османской империи, как это было записано в турецко-французской капитуляции 1740 г. относительно католического населения. Порта отвергла проект на том основании, что подобная конвенция дала бы одной из двух держав право вмешиваться во внутренние дела другой, оказывая покровительство ее подданным. Рифаат-паша сообщил А. С. Меншикову, что султан берет на себя основные заботы и расходы по поддержанию в целостности и сохранности всех святых для христиан обоих толков мест в Палестине и руководствуется своим суверенным правом и обязанностью заботиться о благе подданных независимо от их вероисповедания. Вопрос об оборонительном договоре более не затрагивался. 5 апреля А. С. Меншикову было сообщено об отказе Высокой Порты договорно оформить подтверждение прав православных христиан в Турции и о подготовке чрезвычайного (впрочем, несостоявшегося) посольства Халиль-паши в Петербург¹⁶¹.

Стредфорд Каннинг, обласканный милостями королевы в преддверии решающего этапа борьбы за влияние на Ближнем Востоке и получивший титул лорда Редклифа, вернулся на пост посла в Турции 5 апреля 1853 г. В этот момент шла оживленная дискуссия А. С. Меншикова с Али-пашой и Рифаат-пашой относительно конвенции о православных подданных султана. Грубоватой прямолинейности временного поверенного в делах А. Роуза, постаравшегося придать миссии А. С. Меншикова и каждому его шагу одиозный характер и передавшего в стамбульские газеты сообщение о том, что лично он вызвал эскадру адмирала Дандаса для защиты османской столицы, Редклиф противопоставил иной тон. Он начал с подборки всех договоров Турции и России с начала XVIII в., сформулировал и повторял не раз звучавший тезис — Россия настроена против реформаторского движения в Османской империи и стремится к общему протекторату над пей. В духе таких же угроз и обещаний помощи было выдержано письмо королевы Виктории Абдул Меджду¹⁶².

Вызывая перед взором турецких государственных деятелей картины падения Стамбула, Редклиф одновременно возбуждал у А. С. Меншикова, с которым виделся по два-три раза на день, совершенно лишённые почвы надежды заключить союзный договор с Портой и стать «миротворцем Востока» (тщеславие Меншикова было притчей во языцех при дворах всей Европы). Впрочем, у Редклифа однажды вырвалась угрожающая фраза: конвенция, к которой стремится Россия, с европейской точки зрения (кто поручал ему говорить от имени Европы?) представляет огромнейшие проблемы¹⁶³.

В звоне шпор и блеске парадной амуниции в Зимнем дворце эту угрозу просто не расслышали. Не оценили там и другое обстоятельство, ставшее известным посольству России в Стамбуле. Опираясь на инструкции из Лондона, Редклиф рекомендовал Рифаат-паше потребовать, чтобы все предложения России

рассматривались на международной конференции держав — гарантов Турции по Лондонской конвенции и по проливам 1841 г. Английский посол этим советом фактически опровергал свои собственные утверждения, что речь идет не о Восточном вопросе, а об узкорелигиозных расхождениях между христианами разных толков. Несомненно также стремление Лондона поставить под международный контроль во главе с Англией обсуждение и решение всех русско-турецких спорных вопросов, как, впрочем, и всех вопросов, касавшихся позиций держав на Ближнем Востоке. За показным нейтралитетом крылась тенденция к верховному арбитражу Лондона на Ближнем Востоке.

Рекомендации Редклифа турецким государственным деятелям сводились к следующему (в его депеше Кларендону от 6 апреля 1853 г.) Вопрос о святых местах, рассматриваемый отдельно от других вопросов русско-турецких отношений, «может изучаться и обсуждаться в различных вариантах неопределенно долго или отклоняться, как только будут обнаружены предложения, создающие опасность нарушения или неудобства отправления суверенных прав султана»¹⁶⁴. В остальном позиция Редклифа была сформулирована жестко. В беседе с А. П. Озеровым в середине апреля 1853 г. он заявил, что требование России подписать новую конвенцию «о положении православных подданных султана вызовет противодействие не только Порты, но и всех нас — ее западных соседей... Против России образуется лига»¹⁶⁵. С посланниками Австрии и Франции в Стамбуле о такой «лиге» Редклиф говорил как о ближайшем совместном акте держав.

В этом же направлении обрабатывалось общественное мнение в христианских миллетах. Об этом свидетельствуют, например, письмо на турецком языке армянскими буквами на имя А. С. Меншикова от армян — прихожан церкви св. Троицы в Стамбуле, другие многочисленные письма, полученные консульской службой России. В то же время Высокой Порте Редклиф представлял «доказательства» того, что греческое население столицы якобы готово к переселению в Россию¹⁶⁶. Нагнетание напряженности любой ценой было естественным продолжением тактики британской дипломатии в период военной тревоги 1849 г. Появившаяся перспектива решения спорных вопросов непосредственно Россией и Османской империей вызвала новую волну активности французской и английской дипломатии.

Друэн де Люис сообщал послу А. Валуевскому в Лондон, и копия депеши шла в Стамбул: французский флот маневрирует у берегов Греции совместно с английской эскадрой. «Важно, чтобы никто в Европе, — писал он для сведения посла, будучи уверен, что это станет известно как султану, так и царю, — и не помышлял о том, что в случае кризиса в Константинополе, который сделал бы сомнительным существование Османской империи, Франция и Англия заняли бы различные позиции»¹⁶⁷. Де Лакур продолжал настаивать на полном соблюдении Портой

капитуляций 1740 г. Редклиф уверял Порту, что Франция и Россия хотя бы поделить Османскую империю между собой¹⁶⁸. В инструкциях Редклифу рекомендовалось повторять султану и Порте: британский флот стоит под парами у Мальты и готов идти на помощь Турции¹⁶⁹.

5 мая 1853 г. А. С. Меншиков представил Рифаат-паше новый проект конвенции, в котором были изъяты первоначальные требования о покровительстве над православной церковью на Востоке. Были также исключены статьи, касавшиеся выборов православных патриархов. Новый проект включал признание и подтверждение февральских ферманов 1852 г. о святых местах. Он вносил лишь два новых положения: право России на возведение в Иерусалиме новой церкви с сопутствующими постройками и подтверждение всех прежних русско-турецких договоров¹⁷⁰.

Предложения военного союза не возобновлялись. Речь шла, по существу, о подтверждении особым актом соответствующих положений Кючук-Кайнарджийского договора, в котором содержалось установление навечно статус-кво в отношении всех прежних прав и привилегий православных подданных султана и клира. Турецкая сторона ответила контрпредложением — следует изучить проблему в целом, и притом на международной конференции. Отказываясь от заключения новых соглашений о статусе святых мест Палестины, Порта следовала вполне определенному политическому курсу: не умножать число кабальных капитуляционных обязательств, старых и новых, возрожденных и вновь заключенных с державами после 1838 г.

А. С. Меншикову было объявлено, что Порта готовится издавать перед Европой документ, который подтверждал бы равные права и привилегии всех османских подданных-христиан. Подобное заявление, изложенное в официальной ноте Высокой Порты А. С. Меншикову 28 апреля 1853 г., можно рассматривать как формальное обязательство турецкого правительства продолжать разработку документов о статусе немусульманских подданных, воплотившихся позднее в хатт-и хумаюне 1856 г.¹⁷¹.

В то же время нота могла рассматриваться как отказ от предложения России о союзе и от английских рекомендаций воинственного характера. Дело в том, что 12 мая 1853 г. Редклиф на аудиенции у султана, на один день опередив А. С. Меншикова, вдохновенно изобразил картину русского вторжения в Дунайские княжества, на которую Порта должна была бы ответить «нравственным сопротивлением», а Англия — всей мощью средиземноморской эскадры, вызвать которую он, Редклиф, был вправе в любое время¹⁷².

Перспективе разрыва отношений с Россией, приближавшегося со скоростью английских боевых фрегатов, Порта попыталась противопоставить перспективу оглашения документа о положении немусульман, акта сугубо внутреннего характера. Однако эта инициатива, по достоинству не оцененная ни современ-

никами, ни исследователями, не получила необходимого развития. Сказывалось парализующее воздействие непрерывной череды восстаний в различных районах Османской империи, бесконечные перемещения в высших эшелонах власти, где должны были приниматься оперативные внешнеполитические решения, наконец, изнурительное лавирование между угрозами двух «великих послов» — Редклифа и Меншикова.

17 мая 1853 г. в расширенном составе собрался Высший совет по реформам. Были приглашены все министры, все мяширы — командующие военными округами, видные улемы и паши пяти крупнейших вилайетов. За предложения России голосовали только двое — старейший член совета, участник трех войн с Россией 90-летний Хюсрев-паша и Фуад-паша, столь несправедливо оценивавшийся К. В. Нессельроде и А. С. Меншиковым. Совет высказался против предложений России (42 голоса).

Решение Высшего совета по реформам по поводу представлений А. С. Меншикова отвечало скорее принципам упомянутой ноты Рифаат-паши и всех предшествующих ферманов, чем «воинственным и таинственным» советам Редклифа, и соответствовало стремлению Порты сохранять контроль над положением в своих владениях. Решид-паша по итогам заседания сообщил главе чрезвычайной миссии А. С. Меншикову следующее. В иерусалимских святых местах предполагалось сохранить статус-кво. Изменения в ситуации, осуществляемое османскими властями, должно было быть согласовано с Францией и Россией, которые, следовательно, признавались равными гарантами христианской церкви в Османской империи. Ферман Абдул Меджида в защиту прав православных подданных должен был последовать, но не в адрес иностранной державы — России, а на имя стамбульского патриарха — подданного султана. Отдельной конвенцией предлагалось оформить разрешение на возведение в Иерусалиме православных церковных построек¹⁷³.

Широко известная «нота разрыва» А. С. Меншикова последовала 19 мая¹⁷⁴. Она была дополнена еще одним его предложением Решид-паше от 20 мая 1853 г. — обнародовать документ (форма не обговаривалась), в котором турецкое правительство взяло бы на себя обязательство подтвердить все прошлые права и привилегии православных подданных и предоставлять им все те права, которые получали бы в будущем представители иных верований. «Разрешение частных вопросов откладывалось бы до соглашения в будущем»¹⁷⁵.

Мустафа Решид-паша правильно понял предложение А. С. Меншикова как последнюю попытку добиться гражданских прав для православных подданных, т. е. уравнивания их в правах с мусульманами. Недостаток в ноте Рифаат-паши и в ответе Высшего совета по реформам состоял, по мнению А. С. Меншикова, именно в умалении гражданских прав православных подданных. Требуя фактического уравнивания православных и мусульман, Россия вновь выдвигалась на передний план,

становилась инициатором борьбы за восстановление прав покоренных турками народов Балкан и Юго-Западной Азии.

Эта же инициатива послужила для Редклифа основанием обратиться на правах дуайена дипломатического корпуса посланников Франции, Австрии и Пруссии и добиться, хотя и в обтекаемой форме, общего одобрения действий Решид-паши, ответившего отказом на последние предложения чрезвычайного посла России. Так или иначе, разрыву между двумя державами был придан характер конфликта между Россией и державами — участницами Лондонской конвенции по проливам 1841 г.

Однако чрезвычайная миссия России покинула Стамбул только 2 июня 1853 г. А. С. Меншиков так и не получил письменного ответа на свою «ноту разрыва», и формально отношения между двумя странами разорваны не были.

В этой обстановке прошел как бы не замеченным западноевропейскими державами ферман на имя стамбульского патриарха. В нем подтверждались права и обязанности султана охранять интересы своих подданных без различия верований и имущественного положения, создавать им условия для выполнения религиозных обрядов. Патриарху в Иерусалиме Германосу предоставлялось право, минуя российское посольство, делать Высокой Порте представления по поводу возможных нарушений на местах привилегий его православной паствы¹⁷⁶. Последовали еще два важных для оценки политики Османской империи документа: циркулярная нота Порты от 25 мая 1853 г., в которой содержался отказ от каких-либо соглашений с любой иностранной державой относительно духовного или светского положения ее подданных, и доводилось до сведения держав — участниц Лондонской конвенции 1841 г. о подготовке к возможной войне с Россией; письмо Мустафы Решид-паши К. В. Нессельроде от 16 июня, в котором излагался ферман к патриарху Германосу, имевший силу законодательного акта относительно положения православных подданных. Тем самым, по мнению Решид-паши, должен был считаться исчерпанным источник разногласий между двумя державами¹⁷⁷. «Несчастливым ответом, который уже ничего не решал», назвал К. В. Нессельроде послание Мустафы Решид-паши¹⁷⁸.

Еще обменивались последними нотами К. В. Нессельроде и Мустафа Решид-паша, а Д. Кларендон уже известил Редклифа, что в Лондоне решили прибегнуть к силе как средству защиты Турции от нападения, которого еще и не было, и во имя «охраны независимости Турции», которую Великобритания в очередной раз бралась защищать. Средиземноморская эскадра Англии поступила в распоряжение Редклифа и вышла к Дарданеллам. Французская эскадра покинула район крейсирования и взяла тот же курс.

Военная машина европейских держав, набирая скорость, двинулась на турецкую землю.

**ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
И ЗАПАДНЫЕ ДЕРЖАВЫ
В ГОДЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ
(1853—1856)**

Начало войны и позиция западных держав

26 июня 1853 г. был подписан царский манифест о введении войск России на территорию Дунайских княжеств, и 8 июля авангардные части вошли в Бухарест. На территории княжеств турецких войск не было. Прямых ответных военных действий Порты не начала. Турецкий историк Э. Карал объяснял это желанием Порты продемонстрировать Европе по совету лорда Редклифа неправомомерность действий России¹. Впрочем, уже тогда стало известно, что Мустафа Решид-паша направил командующему русской армией генералу М. Д. Горчакову послание. В нем говорилось, что турецкие войска не предпримут военных действий, если русская армия не будет переправляться на правый берег Дуная, и от имени Порты требовалось, чтобы русские военные корабли не поднимались выше устья р. Прут согласно прежним договорам между Россией и Турцией². К этому времени западноевропейские державы заканчивали последние приготовления к войне. С 14 июня английские и французские эскадры находились на якорной стоянке у входа в Дарданеллы, отдельные корабли заходили в пролив, производили замеры глубин и съемку береговой линии.

До октября 1853 г. на Дунайском театре происходило сосредоточение русских войск на левом берегу Дуная, а турецких — преимущественно на правом. Турки располагали 130-тысячной армией под командованием Омер-паши, который концентрировал свои войска в крупных крепостях и вблизи вероятных по прошлым войнам мест форсирования Дуная русской армией. 87-тысячная русская армия под командованием М. Д. Горчакова была рассредоточена в Молдове и Валахии. Русская армия, слабо подготовленная к боевым действиям и плохо управляемая, как бы соответствовала общему духу «временной меры», демонстрации силы царизма, а на деле его бессилия перед союзом западных держав и Турции³. Организационным оформлением союза с Османской империей и получением соответствующих военно-политических преимуществ были заняты дипломаты Англии

и Франции в Стамбуле. Австрия взяла на себя «миротворческую» миссию, подготавливая варианты многостороннего посредничества западноевропейских держав в русско-турецких отношениях и в Восточном вопросе в целом. Вооруженные силы Австрии тем временем накапливались в пограничных с Османской империей районах.

Завершая дипломатическую подготовку войны, к 1 августа 1853 г. по инициативе австрийского министра иностранных дел К. Буоля дипломаты Англии, Франции, Австрии и Пруссии подготовили совместный демарш, известный как Венская нота. Обращенная формально к Турции, но адресованная и России, эта нота должна была подтвердить положения Кючук-Кайнарджийского и Адрианопольского договоров о защите Россией православных подданных Турции, а также гарантировать распространение на православных подданных всех новых постановлений Порты о положении христиан в Османской империи. Россия и Франция должны были наблюдать за точным исполнением Портой этих условий. Инициатива К. Буоля отражала стремление Австрии, совпадавшее с позицией других держав, не допустить, чтобы Россия и Турция урегулировали свои разногласия вне контроля западных держав. К. Буоль и Э. Друэн де Люис, возглавивший министерство иностранных дел Франции, не раз высказывались за многостороннее решение вопросов, связанных с отношениями как между Россией и Турцией, так и между Высокой Портой и ее подданными на Балканах, в Сирии и Ливане.

В этом же направлении, как было показано выше, немало сил приложила британская дипломатия в Стамбуле.

При всех «честолюбивых видах» Франции на австрийские владения в Италии и несмотря на непримиримое соперничество Австрийского Ллойда и британских коммерсантов в Средиземноморье, направление восточной политики Англии, Австрии и Франции очерчивалось общей генеральной линией — столкнуть между собой Россию и Турцию.

Венская нота от 31 июля 1853 г. явилась своего рода компромиссом трех главных западноевропейских держав — участниц готовившегося военного договора. Компромисс достигался за счет четвертого «союзника» — Османской империи. При этом подчеркнем, что Венская нота была третьей (после проекта Д. Абердина и проекта Ф. Буркине) попыткой держав противопоставить нотам А. С. Меншикова и контрпредложениям Высокой Порты свое решение конфликта между Россией и Турцией. Между 8 и 25 июня 1853 г. Д. Абердин, возглавивший британское правительство, выступил в парламенте и предложил направить в Петербург специального и полномочного посла, личного представителя королевы Виктории. Он должен был бы убедить Николая I, во-первых, не спешить с занятием Дунайских княжеств, во-вторых, принять участие в возможных переговорах чрезвычайного турецкого посольства в Петербурге. Предполага-

лось, что основой переговоров в Петербурге послужит «несколько смягченная нота разрыва Меншикова», уже отвергнутая Портой.

Однако в России при всем стремлении царя сотрудничать с Лондоном в «устройстве дел на Востоке» справедливо расценили проект Д. Абердина как попытку дипломатическими ухищрениями прикрыть пребывание английского флота у проливов, а в перспективе и оккупацию всей зоны проливов⁴. В Османской империи в надежде на достижение мира с помощью чрезвычайного посольства в Петербург поддержали только ту часть английского проекта, где речь шла о переговорах с царем при содействии личного посланца королевы. Вместе с тем, опасаясь односторонних акций Англии в проливах по примеру 1849 г. как, впрочем, и русского десанта, Мустафа Решид-паша предложил посланникам Англии и Франции в Стамбуле одновременно ввести в бухту Золотого Рога шесть британских и пять французских военных кораблей, чтобы обезопасить посланников и членов миссий на случай, как он выразился, «непредвиденных обстоятельств»⁵. Такое предложение отвечало интересам Англии в плане формального оправдания нарушения Лондонской конвенции о проливах 1841 г. Однако и этого Редклифу было недостаточно. Высокая Порта, что его крайне беспокоило, была склонна к компромиссу с Россией по широкому кругу вопросов.

Не меньше, чем примиренческие настроения в Порте, лорда Редклифа беспокоило сближение Решид-паши с австрийским посланником. Вырисовывалась перспектива не общего посредничества держав под эгидой Англии, а отдельного, австрийского посредничества в отношениях России и Турции. Отвлечь Решид-пашу от «излишне тесного» сотрудничества с Австрией, считал Редклиф, даже важнее сохранения полного единства взглядов послов держав в Стамбуле⁶.

Избежать невыгодного для Англии сближения Порты с Австрией или мирного разрешения кризиса можно было, полагал Редклиф, которого поддерживал в этом Г. Пальмерстон⁷, одним способом — «немедленным и действенным» вмешательством на стороне Турции. Это было необходимо, по его мнению, также и с учетом внутреннего положения в Османской империи. Как писал 4 июля 1853 г. этот неумный глашатай войны Д. Кларендону, не грозная русская армия, которая больше выжидала, чем действовала, а народные восстания, могущие произойти в Болгарии и в других местностях Европейской Турции от границ с Австрией до Греции, приведут Османскую империю к крушению. Обстановка тем более опасная, как подчеркивал Редклиф, если учесть антитурецкие настроения шаха Ирана. Необходимо воспользоваться, призывал он, воодушевлением части мусульманского населения Турции и переломить некоторые колебания турецкого правительства в пользу тесного сотрудничества с Англией и Францией. Безотлагательное военное вмешательство в кризисную ситуацию виделось ему единственной альтернативой

уже потому, что это позволило бы легче и увереннее «воздействовать на правительственные круги Османской империи в отношении намеченных им, Редклифом, реформ». Вопрос стоял, по его мнению, только так: или огромная Османская империя со всеми ее природными богатствами и «неисчислимыми перспективами станет русской», или она будет спасена для Европы (читай: для британской короны)⁸.

Франция, так же как и Англия, была не вполне удовлетворена возможностью ввести в проливы только строго ограниченное число военных кораблей — пять. Существенного преимущества в Стамбуле по сравнению с другими державами Франция не получала. Роль посредника в русско-турецком конфликте, предложенная 4 июня 1853 г. Николаем I Наполеону III, последнего устраивала бы только в таком виде, чтобы можно было реально влиять на ход событий на Ближнем Востоке.

В июне 1853 г. французский официозный «Монитёр» опубликовал редакционную статью, в которой сообщалось о майском заседании Высшего совета по реформам Османской империи. Статья содержала подробное перечисление всех претензий России, предложенных А. С. Меншиковым Порте для обсуждения. Однако газета умалчивала об изменениях в этих проектах, внесенных в ходе встреч А. С. Меншикова и Рифаат-паши. Вопрос о православных подданных в «Монитёре» трактовался как нарушение прав католических подданных Порты и привилегий Франции в Османской империи в целом. Газета писала, что еще Сент-Прист, посол Франции в Турции в 1760—1785 гг., утверждал, будто бы при нем Порта столь же категорически отвергала вмешательство в свои внутренние дела, каковыми были и остаются все вопросы положения ее христианских подданных. Читатели должны были прийти к выводу, что Францию обошли в Леванте и что задеты честь страны и государственные интересы⁹.

В июньских инструкциях послам Франции — А. Валевскому в Лондон и Б. Кастельбажаку в Петербург — Друэн де Люис настоятельно рекомендовал рассматривать действия России как нарушение принятых совместно державами в 1841 г. принципов сохранения независимости и целостности Османской империи в качестве «необходимого условия европейского равновесия», восстановить которое и является непосредственной задачей остальных участников Лондонской конвенции 1841 г. Послам предлагалось учитывать, что Франция готова к активной защите своих интересов на Востоке¹⁰.

В те же дни, когда готовились указанные депеши послам, а Париж обсуждал статью в «Монитёре», духом и буквой наминававшую широко известную циркулярную ноту Друэн де Люиса от 25 июня 1853 г. о защите интересов Франции на Востоке¹¹, появился еще один документ, причем столь же камуфлировавший истинные цели турецкой политики Франции, как и проект Д. Абердина. Речь идет о проекте французского посланника в Вене Ф. Буркине, согласно которому при посредничестве

Франции, России и Турции следовало бы урегулировать вопрос о положении христианских подданных Порты. Предполагалось, что соответствующее заявление России будет составлено при участии, естественно «дружеском и самом бескорыстном», Наполеона III¹². Россия отвергла французскую инициативу, сославшись на появление нового, австрийского проекта.

Проект Ф. Буркине стал известен Высокой Порте. Однако тот же предлог — появление австрийского плана — оказался удобным и для Мустафы Решид-паши, чтобы избежать обсуждений и французского, и английского (абердиновского) планов. Турецкий министр иностранных дел полагал, что активному воздействию Лондона и Парижа на политику Высокой Порты следует противопоставить переговоры с Австрией. С начала июня 1853 г в Стамбуле находился новый посланник Австрии — барон К. Брук. Как создатель Австрийского Ллойда и бывший министр торговли Австрии, он уделял большое внимание привлечению на свою сторону Османской империи в борьбе с торговой конкуренцией Англии и Франции в Центральной Европе и бассейне Дуная. Один из авторов проекта «Семидесятиmillionной империи» — объединения Австрийской империи и Германского Союза под властью Вены, К. Брук был убежден, что во всем Дунайском бассейне, в Черном море нет места ни русскому, ни английскому влиянию. Противостоять тому и другому на данном этапе могла бы, по мнению К. Брука, Османская империя. Дальновидный финансист-дипломат исподволь готовил австрийскую экспансию в придунайские районы Турции, убеждая при этом турецких государственных деятелей в общности интересов двух придунайских империй в главном — в противодействии русской оккупации Дунайских княжеств¹³.

К. Брук встречал понимание среди государственных деятелей Османской империи. Именно с помощью Австрии, полагал Решид-паша, можно было бы пресечь неконтролируемую деятельность «бродяг-эмигрантов в Европейской Турции», в равной степени опасных как турецким владениям на нижнем Дунае, так и сопредельным придунайским территориям Австрии¹⁴. Деятелей Высокой Порты вполне устраивала «сдержанность» Австрии в период кровавой расправы войск Омер-паши с повстанцами в Черногории. Вынашивались планы на поддержку Австрией польских эмигрантов, когда они (как обещали Порте, выпрашивая субсидии, их лидеры) поднимут восстания в тылах русской армии от Молдовы до Польши. Порте известен был план одного из руководителей революционного освободительного движения, А. Голеску-Альба, который одобряла Австрия: добиваться отказа Османской империи от Балта-Лиманского договора 1849 г., получить 20 тыс. ружей из Франции и объединить силы Порты и эмигрантов для борьбы с царизмом¹⁵. Наконец, Порте импонировала жесткая позиция Австрии, вплоть до разрыва, в отношении Сардинии, оказавшей покровительство и предоставившей убежище многим участникам революции в Австрийской империи

в 1848—1849 гг. Среди них были выходцы и из европейских провинций Османской империи. Наблюдательный и хорошо информированный советник Российского посольства по вопросам судоходства А. Пеццар, оставшийся в Стамбуле после отъезда А. С. Меншикова, заметил, что Мустафа Решид-паша был явно разочарован позицией британского посла и все более прислушивался к К. Бруку. «Решид-паша ждал от Редклифа формального посредничества,— писал А. Пеццар,— а тот все ратует за войну и приход каждого парохода из Англии выдает за военную поддержку»¹⁶.

С учетом многих и неоднозначных обстоятельств можно, следовательно, объяснить внимание Высокой Порты к миротворческим инициативам Вены в 1853—1854 гг., а также последовавшее в 1854 г. согласие Порты на введение австрийских войск в Дунайские княжества.

Как говорилось выше, 31 июля 1853 г. Австрия направила в Россию и 2 августа в Турцию примирительную Венскую ноту, которая явилась плодом неофициальной конференции К. Буоля и послов Англии, Франции и Пруссии в Вене — Дж. Уэстморленда, Ф. Буркине, Г. Арнима, т. е. тех лиц, за исключением Г. Арнима, которые вновь встретились уже на официальной венской конференции 1855 г. и продолжали разрабатывать проекты мирного договора между Россией и союзными державами. Посланники России и Турции в Вене в работе конференции в июле 1853 г. не участвовали — первый из них отказался, а второго даже не пригласили.

Кулуарный подход западноевропейских держав к решению Восточного вопроса проявился вполне отчетливо. В то же время неопределенный характер Венской ноты вызвал недоумение многих современников и противоречивые толкования в прессе, что было отмечено К. Марксом. Оценивая начальный этап работы венских совещаний, К. Маркс писал 19 июля 1853 г., что «западные державы, непоследовательные, малодушные, подозревающие друг друга, начинают с того, что поощряют султана к сопротивлению царю из страха перед завоеваниями России, а кончают тем, что вынуждают султана к уступкам из страха перед всеобщей войной, которая послужит толчком ко всеобщей революции»¹⁷.

Николай I немедленно принял Венскую ноту. Она казалась ему выходом из конфликта путем соглашения с Австрией и Францией и давала возможность продолжить разработку начатого еще в середине июня 1853 г. К. В. Нессельроде проекта нового договора с Турцией о правах христианских подданных Порты, составленного на основе Кючук-Кайнарджийского договора¹⁸. Венская инициатива была воспринята Николаем I как своего рода согласие на его предложение Францу Иосифу I (май 1853 г.) оккупировать Сербию и Герцеговину и гарантировать сохранение австрийского владычества в Северной Италии в обмен на оборонительный и наступательный союз. Николай I

счел возможным, получив ноту из Вены, продолжить, теперь уже с французским посланником Б. Кастельбажаком, набрасывать варианты будущего положения Османской империи, быстро шедшей, по его мнению, «к падению в сторону анархии и революционных принципов»¹⁹.

В этой «перестрелке» нотами, которая развернулась в июне—августе 1853 г., державы, казалось, забыли, что Высокая Порта имела собственную точку зрения на события. Действительно, ни современная пресса, ни памфлеты, ни исследователи тех лет и более позднего времени не обратили внимания на *содержание* «ноты протеста» Порты от 14 июля 1853 г. по поводу оккупации Дунайских княжеств. В ней Высокая Порта наряду с протестом против действий России декларировала всем европейским державам свое суверенное право решать внутренние проблемы по своим законам и приводила соответствующие ферманы. Акция России рассматривалась как нарушение русско-турецкой Балта-Лиманской конвенции, следовательно, относилась к кругу проблем, которые касались отношений только двух держав²⁰.

Позиция Порты отнюдь не соответствовала видам инициаторов развития конфликта на Ближнем Востоке. Попытка барона К. Брука организовать в Стамбуле конференцию представителей четырех держав для обсуждения Венской ноты с представителями Порты была немедленно дезавуирована самим К. Буолем. Вена, и только Вена предполагалась в качестве места решения восточного кризиса в целом и русско-турецкого конфликта как его составной части.

Переговоры послов Англии, Франции, Австрии и Пруссии с представителями Порты все же состоялись в конце июня — начале июля 1853 г. Как итог их деятельности появился Меморандум представителей Англии, Австрии, Франции и Пруссии в Стамбуле от 16 июля 1853 г. В нем содержалось предложение: обсуждение разногласий между Россией и Турцией и выработку мер для ликвидации конфликта, сводившегося в этом документе к тем или иным привилегиям немусульманских подданных, перенести в Вену²¹. Порта в принципе не возражала, хотя еще не отказалась от возможности чрезвычайного посольства в Россию. Предполагалось, что во главе его мог быть, например, первый секретарь турецкого посольства в Вене, которому из Австрии формально было проще получить право на въезд в Россию, чем из Турции.

Послы Франции и Англии приложили немало усилий, чтобы убедить Порту отказаться от этого намерения и не включать его в Меморандум. Во всяком случае, Редклиф ставил это себе в заслугу, когда докладывал в Лондон, что он сосредоточил все усилия на поисках предлога для перенесения всех переговоров в Вену²².

25 июня 1853 г. Мустафа Решид-паша сообщил представителям держав ноту Порты к России от того же числа, содержав-

шую обязательство следовать имеющимся правам и привилегиям для православных подданных и впредь распространять на них все права, которые были бы предоставлены христианским подданным католического толка²³. Решид-паша объявил, что эта нота должна быть направлена в Петербург через Вену с помощью представителей европейских держав в Австрии. Это было определенной уступкой державам, настаивавшим, чтобы Вена была местом переговоров. Однако Высокая Порты и сам Решид-паша отнюдь не были слепым орудием Редклифа, как это представляется в некоторых исторических работах.

Оценивая обстановку в Турции накануне предъявления ей Венской ноты, следует отметить, что 27 июня 1853 г. был обнародован «Манифест Высокой Порты к нации», как называли этот документ современники. Манифест подписали высшие сановники Османской империи, а также известные политические деятели, такие, как бывшие великие везиры Иззет Мехмед-паша и Хюсрев-паша; составляли его Мустафа Решид-паша и Рифат-паша, одобрил шейх-уль-ислам Ариф Хикмет-эфенди. В обсуждении участвовали паши Адрианополя, Салоник, Измира, другие высшие чины армии и флота.

В этом обращении «к мусульманам, равно как и к другим подданным Высокой Порты», были перечислены основные меры, принятые Портой для разрешения конфликта. «Суть его состояла в следующем, — говорилось в документе. — Русское правительство хотело, чтобы духовные, религиозные привилегии православной церкви и греческого меньшинства были положены в основу договора между двумя державами. Высокая Порты отказалась входить в такое соглашение. Такие привилегии были дарованы султаном Мехмедом Фатихом (Завоевателем), были сохранены и подтверждены его преемниками»²⁴. Составители документа также упрекали Россию в нарушении существовавших договоров, в нарушении границ и занятии территории Молдовы и Валахии, что «продемонстрировало ее недружественные настроения не только к Османской империи». Выступая от лица всех общин (перечислялись кроме православной армянская, католическая, протестантская и еврейская, как «пробывавшие в полном согласии, без ненависти или недружелюбия верные подданные султана»), авторы призывали мусульман и немусульман «продемонстрировать в жизни свой полный и лояльный союз»²⁵.

Итак, Венская нота начиная с 5 августа 1853 г. изучалась в Высокой Порте. Турецкие правительственные круги занимали вполне определенную позицию. Они были готовы к дальнейшим переговорам, в том числе в Вене, при участии *всех* западноевропейских держав. Четко прозвучала готовность Порты отстаивать собственные интересы. Определенным образом было подготовлено общественное мнение, по крайней мере в столице. Речь, разумеется, идет о кругах и силах в османской социальной иерархии, ответственных за исполнение принятых «наверху» решений.

Изменения в редакции Венской ноты, предложенные Портой, были переданы западным державам и России 20 августа 1853 г. особой нотой. Они сводились к тому, что державы и Россия должны признать незыблемые права султана, выполнявшего свои обязанности в отношении подданных и уважавшего принятые на себя международные обязательства. Следовательно, права и привилегии России в отношении защиты православных подданных не есть следствие только договорных отношений между Россией и Турцией, как это отмечалось в Венской ноте держав, а было выражением суверенной воли султана, который заботился о благе всех своих подданных²⁶.

Негодованием Лондона, Парижа и Вены не было предела. Там поносили турок всевозможными словами. «Коварные, неверные турки, из-за красивых глаз которых флот Франции торчит у Дарданелл» — это из словесного арсенала Э. Тувенеля, одного из руководителей внешней политики Франции²⁷. Выражали свое недовольство государственным мужи и других держав, казалось так успешно подчинивших своему влиянию «этих ленивцев на Босфоре» (К. Буоль).

К. Маркс не выпускал из поля зрения все перипетии венских совещаний. Уже 20 сентября, т. е. буквально на следующий день после того, как были окончательно сформулированы замечания Порты к Венской ноте, появилась одна из самых ярких, обличающих интриги кабинетов, пророческая по силе прогноза событий на Востоке статья, в которой говорилось: «В настоящий момент мощь соединенных эскадр собираются использовать *в интересах России против Турции*. Если англо-французская эскадра и войдет в Дарданеллы, то не для того, чтобы бомбардировать Севастополь, а чтобы принудить к повиновению мусульман, способных помешать султану *безоговорочно* принять Венскую ноту»²⁸.

* * *

Какие же внешние и внутренние силы были заинтересованы в том, чтобы стимулировать замедлившееся было соскальзывание к «большой войне в Причерноморье» и ускорить вооруженное столкновение двух причерноморских держав?

Выше уже говорилось, как настойчиво и последовательно готовила английская дипломатия военный союз с Османской империей. В замыслы Г. Пальмерстона относительно войны, которую надлежало немедленно начать против России под флагом «спасения» Османской империи и по ее просьбе (то и другое для обмана общественного мнения собственной страны и для обоснования вмешательства во внутренние дела «спасаемого от русских государства османов»), входил главной задачей территориальный экспансионизм в Европе, Азии и Африке. Защита Османской империи была всего лишь проявлением идеологического формализма и профанации принципов Венской системы,

столь характерным для внешней политики капиталистических держав периода свободной конкуренции.

Известно, что Г. Пальмерстон своей «заветной целью» называл раздел России²⁹. При этом в награду за благожелательный нейтралитет или прямую поддержку он предполагал вознаградить российскими территориями Швецию, Пруссию и Австрию. «Крым и Грузию передать Турции. Черкессию либо сделать независимой, либо отдать под суверенитет султана»³⁰. Подтвердить сколько-нибудь достоверными документальными данными идею передачи Крыма или Кавказа Турции не удастся, да и невозможно, ввиду очевидной демагогичности заявлений Г. Пальмерстона. Вместе с тем достоверно известно, что имперские интересы расширения территории Британской Индии за пределами Индостана владели умами государственных деятелей Великобритании в период Крымской войны³¹.

Профессор университета Патна (Индия) Рам. Л. Шукла приводит к своему последнем исследовании выдержки из меморандума (март 1853 г.) генерального консула в Багдаде Г. Роулинсона³². Этот активный апологет британской политики, сторонник «вытеснения России с Востока»³³, доказывал неизбежность падения Турецкой империи в ближайшее время, набрасывал планы английской оккупации проливов и Малой Азии, превращения Черного моря в своеобразный «британский военный док», где корабли Соединенного Королевства должны были бы безраздельно господствовать и поддерживать распространение британского владычества на Месопотамию, на Курдистан. Г. Роулинсон убеждал правительство, не теряя времени, занять английскими войсками Багдад. Это было бы единственное, по его мнению, средство, которое могло бы пресечь «русское давление на Турецкую империю в Азии», оградить персидскую границу, наконец, «уравновесить» присутствие России в Закавказье, удержат русских подальше от северо-западных границ Индии³⁴. Провокационный по сути меморандум произвел должное впечатление в Лондоне, поскольку вполне соответствовал общему курсу Г. Пальмерстона на втягивание Османской империи в войну с Россией.

В начале 50-х годов противоречия в Индии, окончательное завоевание которой формально относилось к 1849 г. (покорение Пенджаба), обострились до предела. Социальный и национальный конфликт между завоевателями-англичанами и многомиллионными массами населения Индии усугублялся деятельностью миссионеров, особенно рьяно насаждавших христианство в мусульманских районах. Участие недовольных сипайских войск, в первую очередь из мусульман, в войне на стороне султана-халифа должно было содействовать разрядке взрывоопасного положения в Индии. Само присутствие сипайских войск на западных границах Ирана, создание аналогичных частей в Турции при одновременном усилении англо-индийского контингента в северо-западных провинциях — все это отвечало захватниче-

ским планам Лондона в отношении и Турции, и Ирана, и непокорного Афганистана. К войне под знаменем «халифа всех правоверных» — султана Османской империи Англия предполагала привлечь обширные районы Ближнего и Среднего Востока, Закавказья и Средней Азии. Оставалось лишь заставить сражаться самих турок.

Отметим также, что в 1853 г. заканчивался десятилетний срок перемирия Англии с арабскими шейхами Персидского залива. Пребывание усиленной британской эскадры в Заливе в годы Крымской войны и серия провокаций против Бендер-Аббаса и принадлежавших Ирану островов Кешм и Ормуз осуществлялись силами султана Договорного Омана под прикрытием флага Османской империи³⁵. В том же, 1853 г. создалась угроза британскому влиянию на Бахрейне. Против его проанглийского правителя выступили шейхи Эль-Катифа и Неджда — формальные подданные Османской империи. Немедленная борьба с ними; вмешательство в местные конфликты под фальшивым лозунгом охранения целостности турецких владений составляли в 1853 г. одну из насущных проблем британской дипломатии в Османской империи в такой же мере, как и командования британского экспедиционного корпуса, сформированного к началу 1853 г. для действий в районе Аравийского полуострова и Персидского залива³⁶.

Кризис в отношениях между Россией и Турцией, превращенный усилиями западноевропейских держав в войну на двух континентах, отвлечение сил России на войну с коалицией государств были использованы Англией, Францией и США для достижения своих политических целей на большом удалении от Османской империи — на Дальнем Востоке, в Китае и Японии. Предвоенные 1850—1853 годы стали периодом победного развития тайпинского движения, грозившего опрокинуть все зафиксированные в капитуляциях «успехи» Англии и Франции, а также США по закабалению Китая. Военные действия Англии и Франции в 1854—1855 гг. в районах русского Дальнего Востока, сопредельных с Китаем, позволяли, во-первых, бесперебойно снабжать оружием цинское правительство в его войне против тайпинов и подготовить вторжение в Китай (1856 г.), во-вторых, втянув Россию в войну на Ближнем Востоке, Англия, Франция и США смогли избежать совместного с Россией демарша в цинской империи, хотя соглашение об этом было достигнуто в мае 1853 г. в порядке отвлекающего маневра. Одновременно с британским вторжением на Камчатку готовилось французское вторжение во Вьетнам³⁷. В июле 1853 г., когда на Ближнем Востоке еще бушевала «нотная война», гром пушек американского коммодора М. Перри знаменовал конец самоизоляции сёгуната Токугавы. США и Англия оттеснили Россию в борьбе за влияние в Японии. В условиях начавшейся Крымской войны преобладание этих держав было закреплено вследствие невыгодного для России русско-японского договора 1855 г.,

заклученного в Симодe. Наступление на Россию велось и в Западной Азии, и на ее дальневосточных рубежах³⁸.

В стратегическом отношении наиболее обширные планы борьбы с Россией, в том числе с привлечением сил Турции, были у Англии. Однако в «подталкивании» турок к войне высокую заинтересованность с тех же имперских позиций проявляла Франция. В 1851 г. французская армия после трех-лет упорных боев подавила в основном восстание в Малой Кабилии (Алжир). В 1853 г. развернулось новое восстание в Большой Кабилии. Вождь алжирских борцов за свободу 30—40-х годов эмир Абд аль-Кадер, с 1852 г. проживавший в изгнании под Дамаском, поддерживал определенные связи с повстанцами. Во Франции было известно, что в Высокой Порте не исключали возможности восстановления османского господства в Алжире и связывали это с Абд аль-Кадером³⁹. Пресечь саму вероятность такого поворота событий, опасного для существования французских колоний в Северной Африке, наиболее надежно мог все тот же военный союз с Османской империей.

Нейтрализовать турецкое влияние в Магрибе, привлечь турок на свою сторону Франция и Англия стремились также в связи с борьбой за влияние в Марокко и Тунисе⁴⁰. Правитель Туниса Ахмед-бей к началу 50-х годов XIX в. стал проводить ряд реформ танзиматского образца. И с ним хотела укрепить связи Высокая Порта. Перспектива усиления турецкого влияния в Триполи (в 1851—1853 гг. Стамбул предпринял в этом направлении ряд конкретных шагов) столь же противоречила планам Франции и Англии на овладение этим районом, как и самостоятельное развитие Алжира, Туниса или Марокко⁴¹. Отвлечение сил Османской империи на войну с Россией и возможность контроля на правах военных союзников и советников над вооруженными силами Турции, включая ее североафриканские территории, было умело использовано Англией и Францией для «расточки» дороги в Тропическую Африку — «заповедное поле охоты» колонизаторов, по оценке К. Маркса⁴².

На территориях Османской империи в Северной Африке наиболее близко соприкасались границы колониальных империй Англии и Франции. Это, естественно, усиливало их соперничество за влияние на турецкую армию, за возможности ее использования на рубежах колониальных владений в Африке. Что же касается армии и флота Османской империи, которые обе державы стремились поставить себе на службу, то следует сказать, что использование войск местных правителей, столь характерное для эпохи первоначального накопления для грабежа колоний и подавления восстаний, в годы Крымской войны приобрело характер более широкий и целенаправленный. Армия Османской империи, вооруженная и отчасти управляемая извне, была нацелена на реализацию колониалистских планов капиталистических держав на международной арене. В целом проблема «турецких сипаев» весьма убедительно вписывается в общее стрем-

ление Г. Пальмерстона и Наполеона III увеличить свои армии на перифериях колониальных владений, не прибегая к всеобщему народному ополчению в метрополиях, весьма опасному для правящих режимов, в связи с ростом рабочего движения. Возобладала концепция воевать с помощью иностранных легионов, которые при необходимости могли бы транспортироваться паровым флотом на большие расстояния — от Алжира до Пенджаба. Турецкая армия в этом отношении представлялась первым и самым перспективным опытом. На ударную позицию выводилась Османская империя, оказавшаяся в 50-х годах при сохранении государственного суверенитета в большем военно-политическом подчинении западных держав по сравнению с Ираном, Китаем или Японией. Османская империя обладала необходимыми, с точки зрения держав, стратегическими данными и реформированной по европейскому образцу армией, вооруженной однотипным с Западной Европой стрелковым оружием и артиллерией, что существенно облегчало проблему снабжения турок боеприпасами, другим военным снаряжением, однако сделало при этом турецкую армию и всю империю еще более зависимой от капиталистических держав.

Итак, цели и задачи войны, место в ней Османской империи западноевропейскими державами были определены. Изменение курса Высокой Порты в сторону мира могло сорвать длительно готовившуюся обширную экспансию капитализма. Вот почему промедление Порты в связи с Венской нотой вызвало бурю негодования держав.

Участие в острейшем международном конфликте начала 50-х годов XIX в. стимулировало внутренний кризис в Османской империи, правительственные круги которой после колебаний нашли выход в войне. «Между тем, — писал К. Маркс в июле 1853 г. — положение султана (Абдул Меджида. — *Ред.*) становится с каждым часом все тяжелее и запутаннее. Его финансовые затруднения возрастают еще и оттого, что он несет все тяжести войны, не пользуясь ни одной из ее выгод. Энтузиазм народа, не направляемый против царя, обращается против самого султана. Фанатизм мусульман угрожает ему дворцовыми переворотами, в то время как фанатизм православных грозит народными восстаниями»⁴³.

В Османской империи продолжалась борьба между консервативными силами, сопротивлявшимися реализации танзимата и всем его проявлениям во внутренней и внешней политике, и кругами, заинтересованными в возрождении и обновлении общества и государства⁴⁴. В стане реакции непримиримыми глашатаями войны выступали улемы всех рангов. Э. Карал и другие турецкие историки отмечали падение политической роли шейх-уль-ислама, всего сословия улемов — судей и правоведов в связи с реформами в административной сфере и введением правовых норм европейского типа, распространением светского образования, элементов европейской культуры⁴⁵. Улемы лишились

части доходов в связи с сокращением притока имущества мусульман в вакфы и почти полным отстранением от участия в перераспределении военных доходов и расходов (доля в военной добыче, участие в выплате жалованья, сбор пожертвований на джихад и т. д.). Реформированная регулярная армия, тем более в мирное время, не нуждалась в «святых вдохновителях». Восстановить свое пошатнувшееся положение, привычно стать во главе мусульманского ополчения против «неверных» — как внешнего врага, т. е. России, так и внутреннего, к которому реакция относила все христианское население Османской империи, — напомнить всему «миру ислама», что султан — халиф правоверных и его верные слуги не забыли воинственных заветов победоносных предков и горят желанием «освободить» мусульманские народы Северного Кавказа, Закавказья, Крыма, других «исламских» территорий России, — таковы были, по наблюдениям современников, особенности требований мусульманской реакции⁴⁶. Улемы и софты столицы организовали ряд массовых шествий, требуя войны с Россией, — обстоятельство, отмеченное К. Марксом как заговор⁴⁷ «старотурецкой партии, стремящейся посадить на престол Абдул Азиза»⁴⁸. Фанатики-улемы, не раз натравливавшие мусульманское население на христиан, разжигали религиозный фанатизм в массах, объединяли в своих проповедях в одно целое войну с Россией и истребление гяуров-христиан. Давление этих кругов, способных на любые выступления, конечно, не могло не сказаться, когда принималось решение о войне.

Не выступая, естественно, открыто и столь одиозно, как улемы, воинствующие силы Турции поддержала и часть высшего христианского духовенства. Верхушка фанариотского православного патриархата со страхом и ненавистью относилась к реформам танзимата, грозившим потерей права на господствующее положение среди единоверцев — славян, молдаван, валахов и др.⁴⁹. Отвергая всякие перемены в статуте христианских подданных султана, значительная часть высшего православного клира поддерживала те силы в правительственных кругах Османской империи, которые в требованиях России усматривали опасные перемены в положении христиан и требовали вооруженной рукой защищать права султана на угнетение христианских и других немусульманских подданных⁵⁰. Поддерживая тесные связи с посольствами Англии, Австрии, Франции и других западноевропейских стран, главы миллетов католиков и протестантов, в свою очередь, откровенно связывали с победой держав в Турции надежды на укрепление своего привилегированного положения. Главы церквей обоих направлений столь дружно демонстрировали верность султану в кризисной ситуации, что даже осторожный Мустафа Решид-паша сам поверил в это и доложил султану о поддержке глав церквей в случае войны с Россией⁵¹.

Подавляющее большинство старшего командного состава турецкой армии и флота требовало более активных и решительных

действий. «Они, — писал современник, — считают войну с Россией уже начатою, но без всякой потери для русских. Чрезвычайные расходы каждого дня настоящего времени простираются до 1,5 млн. курушей, между тем как доходы со дня на день уменьшаются»⁵². Необходимо учесть, что содержание в начале войны армии численностью 440—450 тыс. человек⁵³ обходилось Высокой Порте в 285 млн. курушей в год. На содержание только одного регулярного полка уходило 3 млн. курушей в месяц. Особенно дорого обходились казне воинские части в районах с напряженной этносоциальной обстановкой — Европейской Турции, арабских вилайетах. По подсчетам К. М. Базили, в 1840—1851 гг. содержание одного армейского корпуса в Сирии численностью 20 тыс. человек стоило Высокой Порте 150 млн. курушей (9 млн. руб. серебром⁵⁴). Армия в начале 50-х годов поглощала более половины доходов Османской империи. Расход казны Высокой Порты на одного турецкого солдата, по данным П. А. Чихачева, составлял 125 фр. в год, расход на австрийского солдата — 212 фр., прусского — 240 фр., французского — 340 фр. и английского — 538 фр. в месяц из казны соответствующей державы⁵⁵. Основные расходы в турецкой армии приходились на жалованье старшего командного состава. Если месячное денежное содержание рядового солдата-турка составляло 20 курушей⁵⁶, т. е. 4 фр., то миралая (полковника) — 1500 курушей, а ферика (дивизионного генерала) и мюшира (маршала) — высших воинских чинов Османской империи — соответственно 11 тыс. и 70 тыс. курушей (до 16 тыс. фр.), что многократно превышало денежное содержание высших офицеров в европейских армиях. В период военных действий денежное и рационное содержание достигало у полковников османской армии 5—8 тыс. фр., генералов — 40—50 тыс. фр. Сверх того они считали привычным и незаконным ограбление в местах дислокации населения, как своего, так и неприятельского. Среди этой группы офицеров и генералов давлением на Порту в пользу войны с Россией особенно выделялись старшие офицеры, бригадные и корпусные командиры. К. М. Базили называл их «янычарами по духу», наводившими страх умением скоро и беспощадно расправляться с восставшими и вообще с «неверными»⁵⁷. Эти люди могли стать вместе с улемами орудием свержения султана в случае его мирренческих настроений.

Вместе с тем высшие офицеры османской армии, жаждавшие чинов, наград, выгодных мест службы, высказывали свои опасения европейским советникам, что скоро не с кем будет идти воевать, так как «энтузиазм в солдатской массе быстро охладевает, а беги рекрутов увеличиваются». Наблюдательный русский современник отметил эти настроения. Он писал в июле 1853 г., когда решалось, быть или нет войне с Россией, что «войска, привозимые в столицу на пароходах, выступают из Константинополя в половинном составе. Солдаты-беглецы силой отнимают лодки-кайки и возвращаются на азиатскую сторону. Од-

нако среди старших офицеров царит дух совершенно воинственный»⁵⁸. Воинственность высшего эшелона османской армии, впрочем, испарялась по мере удаления от столицы. Российский консул в Эрзуруме сообщал, например, в июле 1853 г., что военные и гражданские власти вилайета «очень благоволят русским торговцам, ограждают их всячески, дают эскорт». По мнению вали и мюшира Эрзурума, «война, если будет, то где-то там, в Европе, а здесь, в Восточной Анатолии, с русскими нам делить нечего»⁵⁹. Выжидательную позицию занимали шейхи курдских племен на территориях, пограничных с Закавказьем, хотя именно на них командование Анатолийского корпуса возлагало больше надежды⁶⁰.

Султан и Высокая Порта, деятельно создававшие армию современного типа в течение 30 лет и достигшие немалых успехов в подготовке и оснащении военного механизма, более современного, чем османская государственная система в целом, должны были следовать условиям и требованиям армии, точнее — армейского командования. Следует учесть, что годы воздействия французских, прусских и английских советников, обучение в европейских военных учебных заведениях способствовали формированию нового типа офицера на уровне командиров батальонов и полков, который после вечернего намаза уединялся с французской книжкой в руке, читал, когда удавалось, «Монитёр» или «Таймс» и верил, что вместе с «сынами морских держав» он будет сражаться за свободу Османской империи.

И другое обстоятельство надлежит иметь в виду при оценке роли армии при выработке политического курса Османской империи в это время. Если рядовой состав и младшие офицеры низама (регулярного войска) вынуждены были усвоить европейские приемы военной подготовки, то большинство старших офицеров оставались на уровне профессиональной и тем более морально-политической подготовки почти на прежнем уровне — командиров сипахийского войска. Как заметил К. М. Базили, генералитет нередко переходил из военной службы в гражданскую и обратно, что приучало генералов находить мало различия между мирным временем, когда они воевали против повстанцев, и войной с внешним врагом.

Выше речь шла о настроениях регулярной армии — низама. Следует принять во внимание и мощное давление со стороны традиционных, иррегулярных войск. Перспектива участвовать в войне, «богоугодном деле», а главное — обеспечить безбедное существование себе и семье, так как жалованье и часть рациона можно было передать другому лицу, всколыхнула людей, потерявших землю и работу. Особенно в прибрежных, контактных зонах «гяурфранк» (независимо — русский, англичанин, француз) был виновником всех бед. На первых порах война с «франками» отражала неосознанное и стихийное недовольство проникновением разрушительного чужеземного начала в быт простого турка, сложившегося и освященного догматами ислама. Заме-

тим, что иррегулярные части широко набирались начиная с 1848 г., были частично распущены в 1850 г. и вновь собирались. Каждый имел свое оружие, жалование в 80 курушей в месяц (как правило, задерживавшееся) и 3 фунта хлеба натурой или деньгами в день, рацион фуража для коня или деньгами для пешего. Перспектива походов в Закавказье и Румелию — это было привлекательно для иррегулярных войск, насчитывавших десятки тысяч человек, готовых и к походу, и к мятежам. Накопление их в пределах 70—100 тыс. в бездействии в районе столицы и окрестностей в течение весны — лета 1853 г. создавало для Высокой Порты ситуацию порохового погреба. Открыть его значило начать войну. Запереть погреб крепче либо распустить отчаянную вольницу было опаснее, чем бросить их на поля сражений. Высокой Порте было известно, что правители Туниса и Египта, некоторых областей Аравии готовят экспедиционные отряды ей в помощь. Престиж султана — «защитника исламских земель» в этих отдаленных и непокоренных землях мог быть поддержан только силой победоносного турецкого оружия.

Немало было и в среде государственных деятелей Османской империи реформаторски настроенных, получивших европейское образование и деятельно содействовавших прогрессивным сдвигам людей, которые, однако, требовали «проявлять твердость», возродить воинственный дух великих султанов-завоевателей, воспользоваться, наконец, много раз обещанной помощью держав Западной Европы. К этим кругам относились Решид-паша, Фуад-паша, Али-паша, Рыза-паша, другие министры Высокой Порты. Все они хорошо понимали напряженное внутреннее положение Османской империи. Именно они в первую очередь сталкивались с давлением капиталистических государств и понимали крайнюю опасность, которую представляла для султанского режима война с Россией. В этой среде, как писал консул Н. А. Ступин, высказывались мнения, что «война предпринимается с добрым соседом только по принуждению со стороны далеких и назойливых друзей»⁶¹.

В этих кругах, как отмечалось выше, сдержанно, с высокой долей критики и весьма прагматически подходили к военному сближению с державами. Видели в этом в первую очередь возможность займов и дальнейшего укрепления армии; впрочем, главным противником реформированной армии называлась все же Россия. Искали возможности расширения сферы воздействия на международные отношения в Европе, желали включения Османской империи в сообщество держав на правах равного партнерства и заблуждались, видя в военном сотрудничестве с Англией и Францией пути реализации своих планов.

Выходцы из этих кругов, служившие военными и дипломатическими представителями Высокой Порты в странах Западной Европы, приняли участие в памфлетной войне летом 1853 г. Инициатива принадлежала, вероятно, самому Фуад-паше. В мае 1853 г., вскоре после выхода по настоянию А. С. Мен-

шикова в отставку, Фуад-паша издал брошюру (вначале анонимно, позднее под своим именем). Он документально излагал позицию правительства в вопросе о святых местах и призывал к его решению на международном уровне путем согласительных действий. Подчеркивалась важность подлинной союзных и дружественных отношений Османской империи с западноевропейскими державами, с учетом интересов традиций империи, важность признания ее законного места в сообществе европейских держав. Брошюра, написанная на французском языке, распространялась в среде европейских дипломатов⁶².

Была переиздана в Стамбуле в переводе с греческого на французский язык и распространялась в июле 1853 г. в дипломатических кругах другая брошюра — контрпамфлет против воинствующего французского миссионера на Ближнем Востоке А. Боре, призывавшего к крестовому походу западноевропейских держав на Восток. Авторами этого контрпамфлета были личный врач султана С. Каратеодори и Рустем-эфенди, офицер турецкой миссии в Бельгии, закупавшей там оружие. Они доказывали возможность обновленной реформами Турции позитивно и самостоятельно решать все вопросы внутреннего и внешнеполитического характера, включая положение христиан и статус святых мест. Проблема военного союза с Западом не затрагивалась⁶³. Напомним, что распространялась брошюра в то время (лето — осень 1853 г.), когда идеи защиты турок от «этих ужасных русских» переполняли прессу Англии и Франции.

Непосредственно во Франции и Бельгии получила распространение другая брошюра упомянутого Рустема-эфенди и его коллеги по миссии в Льеже Саид-бея. Оба они были из окружения Фуад-паши. После того как французские и бельгийские газеты обрушились на «медлительное и уклончивое» в вопросе о святых местах турецкое правительство, представившее, как говорилось выше, свое толкование Венской ноты, из-под пера этих офицеров вышел памфлет, звучавший как «Ответ Порты европейской прессе». Заметим, что первый, сокращенный вариант этой брошюры появился в «Журналь де Смирн» 1 апреля 1853 г. В «Ответе» говорилось о равных правах всех подданных султана, невзирая на вероисповедание, чего нет, например, в России. Уравнивание православных и католиков, по их мнению, есть доказательство права Турции занять достойное место среди передовых стран Европы.

Повторяя аргументы и некоторые фразы из брошюры Фуад-паши, авторы «Ответа» подробно излагали акты Высокой Порты в пользу христианских церквей на Востоке, рассматривая их как реализацию проектов танзимата. Они подробно и обстоятельно перечисляли религиозные смуты последних столетий во Франции и Австрии и предлагали читателю-европейцу вдуматься в следующую ситуацию. Что произошло бы в Европе середины XIX в., если бы Франция начала вмешиваться во внутренние дела Швеции, поддерживая шведских католиков, а Австрия

предприняла бы такие же действия в отношении русских католиков? Кому же пришлось бы защищать в таком случае католическое меньшинство в Англии? — саркастически спрашивали турецкие офицеры-дипломаты.

Они подчеркивали отличительную особенность османского общества, состоявшую, как они считали, в единстве духовной и политической власти. Отмечали, что Османская империя готова к развитию политических и экономических отношений с западноевропейскими державами, но при условии строгого невмешательства в ее внутренние дела. Обращаясь к общественному мнению Европы, что само по себе было фактом исключительным, Рустем-эфенди и Саид-бей писали, что их страна поддерживает принцип равновесия сил как политическую систему Европы. «Однако, — продолжали они, — не следует забывать о Востоке, где расположена Османская империя, и надо принять во внимание, что Босфор наравне с Рейном — составные части равновесия сил в Европе». Неделимость Османской империи, как и само существование османской нации, — столь же очевидный фактор жизни Европы, как существование, например, Бельгии и ее народа, утверждали авторы «Ответа».

Не преминув напомнить, как европейские державы «по кускам отбирали у Порты ее арабские владения» (читателю было ясно, что в первую очередь речь идет о захвате Алжира Францией), авторы подчеркивали необходимость всемерно поддерживать сложившуюся ситуацию в отношении границ и владений держав. Если уступить какую-то часть османских земель одной из европейских держав, например Черногорию Австрии, то не будет ли это означать, что Бельгия или другие страны Европы потребуют от своих соседей аналогичных уступок? Только отказом от территориальных претензий, как считали Рустем-эфенди и Саид-бей, можно было сохранить равновесие в Европе⁶⁴. В заключение они сравнивали экономическое положение Турции и некоторых стран Европы, отмечали стабильность курса куруша при очевидном падении курса австрийского гульдена и финансовом кризисе в Испании и Португалии. Общий вывод звучал так: Османской империи необходимо от Западной Европы немного помощи, побольше терпимости и понимания.

При всей сбивчивости и наивности формулировок брошюра, по свидетельству корреспондентов военного министерства России в Бельгии, Франции и Турции, была встречена с живым интересом в европейских деловых кругах и с явным раздражением в кругах политических. Османская империя как бы выпадала из отведенной ей роли тарана против позиций России на Ближнем Востоке и на Балканах.

Фаза конфликта — соскальзывание к столкновению — все более приобретала характер подталкивания турок к активным действиям. Ситуация становилась в известной мере неуправляемой для Высокой Порты. Внутренняя логика развития конфликта и крайняя слабость саморегулирования государственного ап-

парата при повышенной реакции османского правительства на внешние стимулы определяли непоследовательность Высокой Порты в отношении окончательного выбора. В конечном счете победили наиболее решительные, воинственные круги.

* * *

В турецкой историографии последних 20—30 лет нет недостатка в критических оценках позиции держав в отношении Османской империи в первой половине XIX в.⁶⁵ Однако история войны 1853—1856 гг. или отдельные ее этапы обычно рассматриваются в связи с более общими проблемами. Это существенно затрудняет привлечение турецких материалов и выяснение взглядов турецкой историографии по ряду ключевых позиций, таких, например, как принятие решения о войне и при этом соотношение внутренних и внешних факторов, роль турецкой дипломатии на предварительных (венских) и заключительных (парижских) переговорах о мире, подготовка и заключение военного союза и некоторые другие. Современные турецкие историки старшего поколения И. Х. Узунчаршылы, Э. З. Карал, А. Н. Курат, Ф. Армооглу, Т. Туная в работах 40—50-х годов XX в. предприняли попытку раскрыть двойственную политику Англии и Франции в период войны 1853—1856 гг. и возлагали на союзников главную ответственность за тяжелые для Османской империи последствия войны.

Новое поколение турецких историков (И. Джем, О. Коймен, Р. Фишек, К. Булутоглу и др.) больше задумывается над причинами экономического отставания Турции в 30—50-х годах XIX в. и, как одно из следствий этого, подчинения Порты в военном и политическом отношении⁶⁶. Если старшее поколение турецких историков акцентировало религиозные мотивы происхождения войны (Я. Окчу, Дж. Учок, А. Б. Куран, особенно Э. З. Карал и А. Н. Курат), то в турецких работах последних лет подобной прямолинейности уже нет. Х. Гюрсель и С. Айверди склонны видеть истоки военного конфликта в оппозиции царизма реформаторскому обновлению Османской империи⁶⁷. С. Айверди пишет, что бесконечные переговоры о так называемых святых местах, равно как и панславистские заявления Николая I в поддержку православных подданных султана, лишь прикрывали противодействие царизма реформам в Турции и стремление царя, воспользовавшись слабостью Порты, занять Стамбул и проливы⁶⁸.

Несколько иначе раскрывают этот тезис Х. Гюрсель, Д. Авджиоглу, Ст. Ерасимос. В их трактовке царизм был настроен против реформаторского движения в Турции в силу противоречия между абсолютнистской властью и либерализмом вообще, а также в связи с опасением столкнуться с окрепшей и внутренне консолидированной Османской империей⁶⁹. Изменения в статусе христиан, происходившие в рамках танзимата, использо-

вались Россией, по мнению Я. Озтуна, Х. Гюрсея и Ф. Дерина, не более как повод к вмешательству во внутренние дела Турции, что, впрочем, предпринимали и другие европейские державы⁷⁰. Известно, однако, что отношение России к реформам в Турции менялось на протяжении всего периода танзимата. Что же касается позиции западноевропейских держав, то в связи с более широкой проблемой — вестернизацией в Турции ее вполне определенно сформулировал современный турецкий историк Т. Туная. Он писал, что, после того как великие западные державы приобрели превосходство над османами, они сперва оказались советчиками Порты, затем взяли инициативу в свои руки и начали вмешиваться с целью проведения реформ. Позднее это вмешательство превратилось в сильное давление, которое приняло характер диктата. Оно реализовалось под предлогом внедрения западной культуры, а по существу определялось интересами великих держав Запада⁷¹.

Давление, о котором писал турецкий историк, реализовалось, как мы видели, в ряде форм: в серии предложений и проектов военного союза, в вариантах решения вопроса о святых местах, наконец, в прямом военном присутствии вооруженных сил Англии и Франции в зоне черноморских проливов. Наиболее авторитетные и компетентные турецкие историки (например, Т. Гюрель, автор специального исследования о Крымской войне) обходят молчанием как напряженную «нотную войну» летом 1853 г., так и тот документальный факт, что за две недели до обнародования манифеста Николая I о введении войск в Дунайские княжества две эскадры Англии и Франции уже крейсировали у южного входа в Дарданеллы. Необъявленная война в Восточном Средиземноморье, которую начала фактически Англия в 1849 г. и к которой присоединилась Франция, война, осуществлявшаяся державами то в зоне Аравийского полуострова, то в греческих водах, пришла на турецкую землю.

Поэтому трактовка Э. Каралом восточного кризиса, разрешившегося войной 1853—1856 гг., как перманентного конфликта между Россией и Турцией при всем признании агрессивности царизма должна быть принципиально откорректирована в сторону определения главных сил, заинтересованных в конфликте на Ближнем Востоке. Ими были капиталистические торгово-промышленные круги Англии, Франции и Австрии, связанные с расширением колониальной экспансии в зоне Восточного Средиземноморья и Черного моря, а также воинствующие и реваншистски настроенные силы в самой Османской империи. Блоку европейских колонизаторов и османских реакционеров фактически оказал услугу прогнивший режим царского самодержавия, своими акциями усугублявший напряженную обстановку в регионе. Очевиден несправедливый со стороны всех участников, захватнический характер войны.

По данным Э. Карала и Т. Гюреля, пауза между введением царских войск в Дунайские княжества и хатт-и хумаюном

Абдул Меджида I о войне с Россией была использована Высокой Портой для сосредоточения 130-тысячной армии в узловых пунктах Европейской Турции. Анатолийский корпус также выходил на исходные рубежи⁷². Одновременно уточнялись объем и условия займа во Франции и в Англии, просить который 17 октября 1853 г. отбыл посол Порты в Париже Намык-паша. Тщетно доказывал министр финансов Мустафа Савфет-паша, что война и заем погубят империю, что надо сохранить мир с Россией во что бы то ни стало⁷³. 26 сентября 1853 г. по предложению Мустафы Решид-паши было созвано совещание 160 высших государственных чинов и улемов Османской империи, принявших, как подчеркивают турецкие историки, коллективное решение объявить России войну. 29 сентября был обнародован соответствующий хатт-и хумаюн Абдул Меджида I. «Это означало, — писал Э. З. Карал, — объявление войны России»⁷⁴. Так же как и в предшествующем «Манифесте Порты», обращение султана относилось ко всем подданным без различия веры и содержало заявление о совпадении позиций Порты и западных держав об оккупации Дунайских княжеств как поводе к войне, поскольку мирные средства разрешения конфликта исчерпаны. В переводах султанский хатт 1 октября 1853 г. был направлен четырем великим державам. К. Маркс, подробно изложив содержание нового турецкого манифеста, связал его появление и широкое обсуждение в европейской прессе со зловещими намерениями «правящих классов Англии в отношении Турции»⁷⁵.

В турецкой историографии нет единого мнения относительно даты объявления войны России. Подавляющее большинство считают началом войны 4 октября 1853 г., когда последовало в адрес М. Д. Горчакова ультимативное требование о выводе русских войск из Дунайских княжеств⁷⁶.

Двумя днями ранее Порта обратилась к Англии и Франции с просьбой ввести основные силы их эскадр в Мраморное море. Для дипломатии Англии и Франции просьба Порты имела сугубо формальный характер. Еще 23 сентября 1853 г. по инициативе французского посла в Лондоне А. Валевского в узком кругу британского кабинета было принято решение ввести англо-французскую эскадру через Дарданеллы в Мраморное море. Столкновение России и Турции должно было свершиться под наблюдением Лондона и Парижа. Нарушением статута черноморских проливов (1841 г.) и введением эскадр в Мраморное море создавалась ситуация, окончательно исключавшая мирное решение русско-турецких разногласий, подготавливалась позиция, позволявшая Англии и Франции оперативно вмешаться в развитие событий. Их эскадры постепенно втягивались в Дарданеллы, корабли накапливались в Мраморном море. Адмиралы обеих эскадр дискутировали в октябре 1853 г., когда же именно лучше выйти через Босфор в Черное море — (сам по себе заход в закрытое море уже сомнений не вызывал). «Военные пароходики держав так и снуют по Босфору, — писал современник. —

Они уже взяли на себя поддержание всей регулярной навигации»⁷⁷.

Тем временем в Ольмюце и Потсдаме император Австрии Франц Иосиф I и принц Вильгельм Прусский отвергли планы Николая I о свободном проходе русских военных кораблей через проливы, о создании независимых славянских княжеств в Европейской Турции, отвергли идею русско-австрийского протектората над освобожденными от османской власти провинциями Турции и предложение царя о союзе России, Австрии и Пруссии против революций в Европе⁷⁸. «Говорили много, а не достигли ни союза, ни хотя бы нейтралитета Австрии, — заметил скептически оценивавший метания царя И. Ф. Паскевич, — лишь... приблизили опасное соединение турок и Европы»⁷⁹.

20 октября (1 ноября) 1853 г. Россия объявила о состоянии войны с Турцией. Царский манифест об этом был опубликован в «Журналь де Сант-Петербург» 22 октября (3 ноября) 1853 г.; после того как турецкие войска одновременно развернули боевые действия на Кавказе и Балканах.

Как писал Т. Гюрель, располагавший материалами штаба турецкого главнокомандующего, военные планы Порты в кампании 1853 г. отличались решительностью действий при полной их неподготовленности⁸⁰. Предполагалось, по данным Т. Гюреля, вести активные действия против России на Балканском театре при поддержке нового парового флота, а на Кавказе широко привлекать все националистические и религиозно-патриотические силы. В перспективе считалось возможным достигнуть определенных успехов османского оружия без помощи европейских союзников. Следовало бы уточнить — без чисто военной помощи, поскольку осенью 1853 г. Порта фактически пересмотрела свое прежде принципиальное отношение к иностранным займам. Почти четверть века потребовалось Порте, чтобы пройти путь от полного отрицания финансовой помощи (1829 г.) до поисков за рубежом средств на армию и текущие нужды (1853 г.).

В соответствии с общим планом Порты происходило накопление и развертывание турецких войск в сентябре — октябре 1853 г. в крепостях на Дунае и у границ с Россией на Кавказе. Характерно, что первоначальное движение войск отчасти скрывалось от дипломатических представителей европейских держав. Одновременно в турецкой прессе и беседах дипломатов Порты, находившихся в Европе, звучали просьбы о помощи, о защите слабой, пребывавшей в расстроеном состоянии турецкой армии. Не раз упоминавшийся генерал А. Джокмус, находившийся на англо-турецкой службе, в сентябре 1853 г. срочно прибыл на турецком пароходе в Лондон и «живо уверял посла Ф. И. Бруннова, что у турок в армии все по-старому, все в расстройстве, без перемен»⁸¹. Даже прошедший две турецкие войны, признанный знаток «турецких дел» генерал И. П. Липранди и тот поверил своим «доверенным лицам» из Валахии, уверявшим его, как оказалось по приказу Омер-паши, что «турки все те же, ка-

ковыми они были прежде...»⁸². Заблуждения И. П. Липранди пагубно сказались для русской армии позднее, в 1854—1855 гг.

Общепринято рассматривать Дунайский театр в качестве главного с военной и политической точек зрения. Однако следует внести некоторые уточнения в это устоявшееся представление. Начиная с июня 1853 г. наблюдатели отмечали, что Порты усиленно снабжала артиллерией, стрелковым оружием и боеприпасами Анатолийский корпус, расположенный в Трабзоне и Батуме, направляла туда войска из Сирии. Было установлено постоянное и достаточно интенсивное казенное каботажное судоходство по всему черноморскому побережью. Проявление особого внимания Порты к судоходству у северных берегов Анатолии при соответствующем прикрытии силами Анатолийского корпуса портов Синоп, Трабзон и Батум было своего рода защитной реакцией Порты на действия европейских пароходных обществ, а не только военными мерами. Дело в том, что одновременно с появлением англо-французской эскадры в проливах и началом военных действий на Дунае Австрийский Ллойд предпринял очередной (третий с мая 1853 г.) демарш, требуя предоставить австрийским судовладельцам полное и исключительное право на коммерческое судоходство как на Дунае, так и на линии Стамбул — Синоп — Трабзон — Батум. Несмотря на отрицательный ответ Порты, опубликованный в «Журналь де Константинополь», представители Ллойда в Турции, поддержанные судовладельцами и коммерсантами с двойным подданством, в ноябре 1853 г. вновь пытались заменить турецкое каботажное судоходство на австрийское. Предлогом был нейтралитет Австрии и, следовательно, безопасность судов под австрийским флагом⁸³.

Очередной отказ Высокой Порты на домогательства коммерсантов был подкреплен посылкой эскадры устаревших, но боевых парусных кораблей турецкого флота в Синоп для прикрытия навигации на всем участке плавания вплоть до границ с Россией. Если учесть напряженное торговое соперничество между австрийскими, английскими и османскими коммерсантами в районе Трабзона в 40-х — начале 50-х годов XIX в., то действия Порты приобретали в этом регионе не только характер экспансии в русское Закавказье. Следует учитывать также напряженные отношения с Ираном и «особые интересы» Англии, не скрывавшей своей глубокой заинтересованности в отношении Турецкого Курдистана, междуречья Тигра и Евфрата. Если современники задавали риторический вопрос, чего же боялись турки больше: русского Отдельного Кавказского корпуса, своих будущих союзников или восстаний курдов и войны с Ираном, то, видимо, на все эти вопросы можно было ответить, что турки боялись всего.

Турецкие войска начали военные действия против России одновременно и на Дунае, и на Кавказе в 20-х числах октября 1853 г. В ноябре в Стамбуле стало известно, что к англо-фран-

цузской эскадре в Мраморном море идут подкрепления. Одновременно от европейских банкиров в османской столице поступили сообщения, что Англия и Франция готовы предоставить Османской империи крупный, «чисто военный заем». Эти обстоятельства, а также успешная переброска турецких войск и снаряжения на побережье Западной Грузии, вблизи района действия Шамиля, наконец, неопределенность дальнейших действий англо-французской эскадры, вставшей на рейд в Мраморном море, заставили Петербург предпринять решительную морскую операцию у черноморского побережья Турции. В Синопском сражении 30 октября 1853 г. смелым маневром П. С. Нахимова была уничтожена турецкая вспомогательная эскадра из 16 вымпелов под командованием Осман-паши, которая стояла на рейде и готовилась к высадке десанта на побережье Кавказа⁸⁴.

В турецкой историографии Синопское сражение сравнивается с Чесменским (1770 г.), предопределившим поражение Османской империи в войне 1768—1774 гг., и трактуется как непосредственная причина вступления в войну Англии и Франции во имя «спасения Османской империи»⁸⁵.

Раскрывая объективный характер событий на Ближнем Востоке и называя истинных виновников происшедшего, Ф. Энгельс писал: «Потерей значительной части своих морских сил, временным завоеванием русскими Черного моря и угнетающим моральным влиянием такого рода события на турецкий народ, армию и флот Турция обязана всецело „добрым услугам“ западной дипломатии...»⁸⁶. С легкой руки французского историка А. Дебидура в литературе сложился образ растерявшегося после синопского поражения султана Абдул Меджида, который якобы бросился к западным державам за помощью и требовал, чтобы союзная эскадра вышла из Босфора в Черное море.

Поражение при Синопе турецкий историк Т. Гюрель рассматривал скорее как психологический эффект⁸⁷. Гораздо серьезнее расценивался в Турции разгром после Синопа 36-тысячной Карской группировки сераскера Ахмет-паши в сражении под Башкадыкларом (Башгедиклер) 1 декабря 1853 г. Оно произошло после неудачных для Анатолийского корпуса сражений под Ахалцихом (Ахалцихе) и осложнило положение турецких войск на Кавказском фронте. В современной турецкой историографии отмечается, что реакция Англии и Франции на Синопское сражение отражала их собственную заинтересованность в судьбе черноморских проливов. Вместе с тем Э. Карал, Н. Оздалга и другие преувеличивали готовность держав добиваться восстановления мира на Ближнем Востоке⁸⁸. Западная дипломатия использовала Синоп, Ахалцих и Башкадыклар для того, чтобы, во-первых, придать необратимость русско-турецкому столкновению, во-вторых, обеспечить посредничество Англии и Франции в случае непредвиденного и нежелательного для них обращения Порты к России с просьбой о перемирии.

По сведениям, полученным от лиц, близких к военному министерству, такие настроения исходили от Рыза-паши и от Халиль-паши, вошедшего 6 декабря в Высший совет по реформам, но без портфеля, на случай необходимости срочного посольства в Петербург. «Победа русских, — сообщал А. Пеццар, — при Синопе и Башкадыкларе повергла турок в глубокое уныние, победные иллюзии рассеялись без остатка. Теперь здесь только и разговоров, что о мире. Встречи дипломатов и Порты очень частые и долгие... В правительстве одни говорят о необходимости мирного конгресса где-то в нейтральной стране. Другие готовы принять новые предложения Англии с изменениями и получить помощь»⁸⁹.

Что касается России, то Синоп, по мнению царских дипломатов, давал основание для «уверенного тона на будущей встрече представителей России и Турции». О том, что подобная встреча представлялась Петербургу весьма реальной, К. В. Нессельроде писал российскому посланнику в Берлине П. Мейндорфу зимой 1853/54 г.⁹⁰ Однако подобное развитие событий — призрак деэскалирующей напряженности русско-турецкого сближения — западные державы пресекли уверенно и точно. К тому же времени для этого потребовалось совсем немного.

11 декабря 1853 г. в Париже узнали о первых поражениях турецкой армии. Посланнику Порты Намык-паше сообщили о возможности получить заем в 10 млн. фр., но только на военные цели и под строгим контролем. Примирительные маски, скрывавшие истинные намерения западных держав, были отброшены. Послы Редклиф и Барагэ д'Илье (последний прибыл в Стамбул 15 ноября 1853 г.) более не возвращались к предложению держав от 5 декабря 1853 г. установить перемирие и посредничать на русско-турецких переговорах. Друзэн-де-Люис распорядился довести до сведения Абдул Меджида, что «Франция не останется равнодушной», и предложил немедленно вывести объединенную эскадру в Черное море, чтобы «помешать повторению Синопа»⁹¹.

За немедленный выход в Черное море высказывались благородные лорды на берегах Темзы. Примечательно, что в послесинопской переписке видных государственных деятелей Англии Дж. Грехема, Г. Льюиса, Дж. Рассела, слывших «миротворцами», нет ни одного упоминания о защите Турции. Все сводилось к «отбрасыванию» России от Черного моря и к закреплению там Великобритании⁹².

Одновременно в Лондоне и Париже поспешили с выработкой новых предложений о посредничестве в русско-турецком конфликте. В основе лежали идеи сохранения целостности Османской империи под общей гарантией западных держав и осуществления преобразований в положении христианских подданных под их коллективным контролем. Турция и Россия могли бы урегулировать отношения на международной конференции только под наблюдением держав⁹³.

В России в целом с ними согласились. Реакция в Стамбуле была негативной. Абдул Меджид I полагал, что Лондонский договор 1841 г. уже является достаточной международной гарантией целостности и независимости Турции. В это же время послам был дан уклончивый ответ на очередной вариант реформ, поступивший одновременно с последними декабрьскими предложениями о посредничестве. Этот вариант формально исходил от Редклифа, но был поддержан послом Франции генералом Барагэ д'Илье. Речь шла о полном гражданском равенстве мусульман и христиан и о предоставлении последним всех прав на приобретение и владение собственностью и недвижимостью, а также о праве христиан служить в армии, занимать любые гражданские и военные должности.

Высший совет по реформам уклонился после обсуждения 16 и 18 декабря 1853 г. от официального ответа на эти предложения и, заслушав сообщение о затянувшемся заключении займа, предложил потребовать от Англии и Франции реальной помощи в виде оружия и денежных средств, прежде всего для уплаты жалованья войскам и для стабилизации денежного обращения. Совет предлагал одновременно с поисками займа в Европе для поддержания курса бумажных денег (каиме) получить заем у местных армянских банкиров и галатских банкиров — подданных Австрии на сумму 30 млн. курушей из расчета 12 % годовых с погашением доходами от Египта. Однако выяснилось, что армянские банкиры успели основные капиталы перевести в Европу, а банкиры — подданные Австрии, точнее, лица с двойным гражданством (османским и австрийским) оговаривали условия займа предоставлением льгот, которых требовал Австрийский Ллойд, включая линии на Батум и Одессу⁹⁴.

На Высшем совете по реформам отмечались крайняя нехватка звонкой монеты в обращении и падение курса бумажных денег до 23 % номинала. Особую тревогу министра финансов Савфет-паши вызывало быстрое увеличение в обращении французских, английских и австрийских монет и бумажных денежных знаков. По его словам, это грозило потрясением основ Османской империи. Савфет-паша требовал займа и мира!⁹⁵ Такое сочетание было явно нереалистичным. Как сообщал информированный источник из Стамбула, Редклиф и Барагэ д'Илье с раздражением восприняли сведения о том, что Фуад-паша назначен в ставку Дунайской армии, а Мехмед-паша — в ставку Анатолийского корпуса, чтобы без промедления приступить к переговорам, если к тому представился бы случай. Естественно, это стало известно в Лондоне, Париже и Вене. Англия и Франция могли предоставить заем, но только при условии заключения военного союза.

Пока эти предложения обсуждались в различных вариантах в Париже и Лондоне, англо-французская эскадра 2 января 1854 г. прошла Босфор и взяла курс на Варну. Английский и французский адмиралы известили морское командование Тур-

ции о выходе в Черное море для конвоя турецких судов, совершавших рейсы вдоль черноморского побережья. Впрочем, выяснив, что русская эскадра не появлялась на юге Черного моря, союзники начали эскортировать турецкие суда лишь до Трабзона, «не желая подвергать свои морские силы испытаниям в возможном столкновении с русским флотом»⁹⁶.

В этой, еще не объявленной европейскими правительствами, но уже развязанной ими войне была отброшена нота Порты Австрии от 31 декабря 1853 г. — последняя попытка восстановить мир с Россией на условиях, в целом совпадавших с последними предложениями держав⁹⁷. В этом документе, одном из подготовительных вариантов турецких предложений на будущих мирных конференциях в Стамбуле и в Париже, напминавшем к тому же отдельные положения хатт-и хумаюна 1856 г., содержалось обещание обеспечить в духе и на основе провозглашенных в 1839 г. принципов танзимата равенство всех подданных без различия вероисповедания. Подписать перемирие, затем мир между Турцией и Россией надлежало в одной из нейтральных стран на международной конференции с участием четырех держав Европы. Была сделана также попытка дополнить Лондонский договор о режиме проливов 1841 г. пунктом о равноправном участии Турции в сообществе держав, что придало бы ему, по мнению Порты, характер большей взаимности и прочности.

Конечно, эти пункты могли бы дать совсем иное направление развитию конфликта на Ближнем Востоке, так как отчетливо вырисовывалось недовольство Порты нарушением режима проливов и «чрезмерным усердием» держав в защите ее христианских подданных. Однако мирная инициатива турок менее всего интересовала Англию и Францию. Лишь К. Буоль выразил Порте готовность изучить ее инициативу на ближайших встречах представителей держав в Вене. Но и это было связано с собственными австрийскими планами участия в европейской войне и вскоре предано забвению.

Турецкая историография ошибочно расценивает широковетательные заявления императора Франца Иосифа I и его министров о нейтралитете Австрии и ее благожелательной готовности посредничать в пользу Османской империи⁹⁸. Столь же далеки от объективности У. Баумгарт (ФРГ) и П. Шредер (США), выдвинувшие в последние годы идею (видимо, независимо друг от друга) о политической и экономической незаинтересованности Австрии в событиях на Ближнем Востоке в 50-х годах XIX в., в частности в Крымской войне⁹⁹. Подлинный смысл «миротворческой деятельности» Австрии состоял не в предотвращении войны между Турцией и Россией, а в поддержании такого образа действий турецкого правительства, который обеспечил бы необходимую свободу маневра австрийской дипломатии. Связывая руки Порте обещаниями «дать ход ее предложениям», К. Буоль одновременно передал мирные предло-

жения Турции в Петербург, укрепляя заблуждения Николая I относительно благожелательной позиции Вены.

Турецкие государственные деятели середины прошлого века (как, впрочем, и турецкая современная историография) не учитывали еще одного обстоятельства, объясняющего настойчивую посредническую деятельность Вены в этот период. Франц Иосиф I и его дипломаты деятельно стимулировали «христианские воззрения» короля Пруссии Фридриха Вильгельма IV об изгнании турок из Европы и установлении совместного протектората Англии, Франции, России, Австрии и Пруссии над христианскими подданными Порты. Свидетельство тому — опубликованная в начале XX в. переписка короля Пруссии и его министров¹⁰⁰. Внешней нейтральностью и обещаниями поддержать претензии Пруссии на защиту протестантского миллета Австрия добилась (вновь за счет Турции) двойкой политической выгоды: во-первых, фактического присоединения Пруссии к союзу с Англией, Францией и Австрией; во-вторых, усиления в Пруссии воинственной группировки, которая, по словам О. Бисмарка, лелеяла «ребяческие утопии» оторгнуть от России Прибалтику, Польшу, Белоруссию и Украину¹⁰¹. При всей утопичности этих замыслов они становились известны в Турции через дипломатических представителей Австрии, Англии и оказывали определенное воздействие на ту часть турецких правящих кругов, которая искала расширения контактов на Западе вне англо-французского блока. В основном это были старшие офицеры генерального штаба и командование артиллерийских частей, которые долго сотрудничали с прусскими инструкторами. Последние подчеркнуто лояльно относились к преобразованиям в турецкой армии.

В благожелательном нейтралитете Пруссии по отношению к Турции в Стамбуле глубоко заблуждались. Как субъект международной среды Пруссия активизировалась в годы войны 1853—1856 гг. Демонстрируя внешнюю пассивность в восточном кризисе 50-х годов, Пруссия воспользовалась обращением к ней за «добрыми услугами» Николая I, равно как и отмеченными настроениями в пользу Берлина в некоторых турецких кругах. На этом фоне складывалась будущая доктрина политических компенсаций О. Бисмарка, для которого каждая острая фаза Восточного вопроса была идеальным фоном борьбы за объединение Германии. Сохранение же Османской империи не только не входило в его планы, но ее возможное падение несколько позднее, в посткрымский период, стало бы своего рода искупительной жертвой прусско-германского гегемонизма в Центральной Европе¹⁰².

Зависимость Турции от той или иной европейской державы, накапливавшаяся постепенно, в отдельных аспектах развития оборачивалась нарастающей зависимостью внешнеполитической ориентации Османской империи в качестве активного субъекта международной среды. Турецкие внешнеполитические инициати-

вы были в очередной раз искажены вмешательством многоопытной западноевропейской дипломатии. При этом, энергично используя «турецкий фактор», английская, французская и австрийская дипломатии агрессивно воздействовали на общее формирование международной среды на Ближнем Востоке в 50-х годах XIX в.

Заключение союзных договоров с западными державами. Первый заем

Западные державы открыто включились в войну в условиях роста освободительного антитурецкого движения в различных областях Османской империи. Усиливались народные выступления в Болгарии и Курдистане. С середины января 1854 г. ширилось антитурецкое восстание в Эпире и Фессалии. События в любой момент могли перекинуться в Сербию. Греция поддерживала эпирских повстанцев. Несмотря на беспощадные репрессии турецких властей в столице и городах эгейского побережья, среди греческого населения распространялось воззвание повстанцев Эпира, опубликованное в газете «Эон» 21 января 1854 г.¹⁰³ В нем говорилось: «Мы начинаем снова всенародную борьбу 1821 года и клянемся именем всевышнего и любезного нам отечества, что мы ни в каком случае и вопреки превратностям никогда не сложим оружия, доколе не восстановим нашей свободы». Повстанцы обращались к грекам Османской империи, а также ко всему христианскому населению страны, которое «доселе стонет под игом османов». Они выражали надежду, что все угнетаемые турками народы империи «ухватятся за оружие дружно и с нами заодно снова встанут на попрание 1821 года сражаться за веру, за отечество и в защиту неотъемлемых наших прав». Газета опубликовала присягу повстанцев — сражаться до полного изгнания захватчиков с «отеческих земель».

Современники отмечали, что переписанные от руки номера «Эон» и прокламации повстанцев Эпира вместе с турецкими кавасами (полицейскими) помогали изымать французские и английские «жандармы» (по терминологии наблюдателя), т. е. чины военной полиции союзников. Под видом «преследования повстанцев и пресечения возможных смут» англичане установили наблюдательные посты и ввели гарнизоны на о-вах Хиос, Родос, Самос. В конце 1854 г. на островах были развернуты также пункты медицинской службы экспедиционного корпуса союзников. Началась вербовка населения в отряды «греческих» и «турецких» сипаев. Греков, живших на островах, уговаривали присоединиться к армии союзников и отправиться в Крым. Местных турок в Эпире и Фессалии уговаривали вступить в отдельные формирования при союзных войсках, оккупировавших Пирей¹⁰⁴.

Фактически союзники стимулировали развитие конфликта между Грецией и Османской империей, повлекшего разрыв дип-

ломатических отношений и создавшего положение на грани войны. В европейских столицах еще были живы воспоминания о 1828—1829 гг., когда греческая революция получила решающую поддержку России. Этого западные державы всемерно стремились избежать. При этом они хотели бы заставить Порту следовать курсом полного подчинения, который ей проложили западные лощманы Лондонским соглашением 1841 г., и использовать османскую армию против освободительных движений на Балканах и в Восточном Средиземноморье. Император Николай I — «жандарм Европы», ставший слишком опасным в своих амбициях, подлежал замене в этой роли послушным турецким султаном.

Все это на языке тогдашних дипломатов называлось «сохранением европейского равновесия» от попыток его нарушения Россией, как выразился А. Валевский в письме Дж. Кларендону с предложением о военном союзе против России¹⁰⁵.

Финансисты в Лондоне и Париже оговаривали технические подробности первого турецкого займа, когда англо-французская эскадра после 20 дней крейсирования в Черном море вернулась на Босфорский рейд. Наполеон III подготовил личное послание (29 января 1854 г.) Николаю I, еще раз пытаясь поставить решение Восточного вопроса под контроль держав под видом озабоченности Франции напряженностью в Черном море. В письме содержалась угроза от имени Англии и Франции (хотя формального союза еще не было заключено) блокировать Черноморское побережье России в случае дальнейшего пребывания русских войск в Дунайских княжествах. Условия русско-турецкого соглашения, которое могло бы иметь место, подлежали утверждению конференцией четырех западных держав. О месте Османской империи в системе взаимоотношений держав вообще не упоминалось, самостоятельная роль суверенной державы фактически игнорировалась.

В России англо-французский ультиматум от 27 февраля 1854 г. об очищении княжеств был отвергнут. Однако и последняя мирная инициатива Порты от 31 декабря 1853 г. в расчет принята не была. Возможности двустороннего контакта были утрачены. Концепция отношений с державами и Турцией развивалась в Петербурге в соответствии с «общим взглядом» Николая I, в котором было столь же мало конструктивного, как и во взглядах Наполеона III, и намного меньше, чем у последнего, определенности. Зимой 1853/54 г. в письме командующему войсками на Дунае генерал-фельдмаршалу И. Ф. Паскевичу Николай I требовал «держаться основной мысли нашей покуда в Европе — оборонительной войны, но наступательной в Азии. Зима должна быть перетерпена (так в тексте. — В. Ш.) доколе готовы не будем к дальнейшему. Надо терпением замучить турок, как-то проведут зиму в сборах, как-то прокормятся... Разрыв с Англией неминуем, вероятно, то же последует с Францией»¹⁰⁶.

Пока царь раздумывал, как «замучить» турок, в Стамбуле 12 марта 1854 г. был подписан Редклифом, Барагэ д'Илье и Решид-пашой англо-франко-турецкий договор о военной помощи Турции, а 8 мая стороны обменялись ратификационными грамотами¹⁰⁷. Это был первый в истории Турции многосторонний военный договор с капиталистическими державами, который закреплял фактическое вовлечение Англии и Франции в войну на Ближнем Востоке.

Статья 1 договора гласила, что в дополнение к военно-морским силам, уже посланным державами для защиты османских владений в Европе и Азии, будут направлены сухопутные силы. Срок их пребывания на территории Турции не оговаривался, равно как и места дислокации и формы контроля со стороны Высокой Порты. Статья 2 столь же односторонне обязывала турецкого султана, но отнюдь не его англо-французских союзников не вступать в сепаратные переговоры с Россией о мире. Война за Турцию, следовательно, должна была бы вестись до последнего турецкого солдата. Расплывчатые формулировки статей 3 и 4 предполагали, что общий план операций и оперативно-тактические планы турецких войск, взаимодействовавших с союзниками, подлежат согласованию с последними. В какой степени англо-французское командование намеревалось согласовывать свои планы и действия с Высокой Портой — оставалось неопределенным.

Договор с суверенной Османской империей напоминал скорее пресловутые субсидарные соглашения Англии с махараджами Индостана, шейхами Пиратского побережья Аравии или с правителями Невольничьего Берега в Африке, которых Лондон нанимал в качестве ударной силы в колониальных экспедициях, чем документ о защите суверенитета и целостности великой державы Востока, как патетически восклицали благородные лорды в британском парламенте. Во всяком случае, Договор о военной помощи Турции отличался значительно меньшей конкретностью и разработанностью, чем, например, Конвенции о трофеях в войне с Россией, заключенные союзниками 10 июля 1855 г. и 15 ноября 1855 г.¹⁰⁸

В Париже и Лондоне торопились. Через две недели последовало объявление Англией и Францией войны России. Поскольку державы не считали надежным договор с Портой, 10 апреля 1854 г. они дополнили его отдельной Конвенцией о помощи Турции, ратифицированной 15 апреля и регулировавшей их отношения вне союза с Турцией¹⁰⁹. Так же за спиной османской дипломатии 9 апреля 1854 г. был подписан Венский протокол, по которому Англия, Франция, Австрия и Пруссия брали взаимные обязательства не заключать с Россией сепаратных соглашений. Речь шла главным образом о проблемах Центральной и Западной Европы, но в свете войны с Россией и влияния Восточного вопроса на расстановку сил в Европе подтверждались основы политики союзных держав на Ближнем Востоке¹¹⁰. В отноше-

нии Турции предполагались совместные действия по возвращению Дунайских княжеств под власть султана, соблюдение территориальной целостности османских владений и проведение дальнейших реформ для христианского населения. «Нижеподписавшиеся заявляют, — говорилось в этом документе, — что их правительства пребывают в договоренности по двум вопросам — сохранение территориальной целостности Османской империи, существенным условием чего является эвакуация Дунайских княжеств, и столь близкое чувствам султана уравнивание светских и религиозных прав христианских подданных Высокой Порты в полном соответствии с независимостью и суверенитетом султана»¹¹¹.

С позиций «европейского общего интереса Европы и равновесия сил», как выразились составители Венского протокола, Англия и Франция обязались сформулировать будущие условия мира. Главными его предварительными принципами объявлялись территориальная целостность Османской империи и гарантии, которые связывали бы существование этой империи с «обще-европейским равновесием». Трактовку будущего места Османской империи в европейском концерте державы оставляли за собой.

Не должна ли она была определяться активностью турецкой армии в войне с Россией? Блок капиталистических держав Европы — Англии и Франции — с феодальной Османской империей сложился на базе борьбы против России в Европе и на Ближнем Востоке, а также обширных планов территориальной экспансии в Юго-Восточной Европе, Восточном Средиземноморье и Западной Азии.

Неудивительно, что англо-французские войска начали военные действия 15 апреля 1854 г. с оккупации Пирея, чтобы пресечь развитие греческого повстанческого движения. Крупные турецкие подразделения были подготовлены к отправке на транспортах союзников в Эпир, на острова Эгейского моря, где Порты ожидала восстаний греков. Одновременно главные силы союзников стали накапливаться на Дунайском театре, в районе Варны. В начале июля здесь уже было до 50 тыс. французских и около 20 тыс. английских солдат и офицеров. При этом нарастало соперничество между союзниками за привлечение к операциям своих войск турецких подразделений в качестве вспомогательных сил.

Так, в записках «О положении дел на Востоке» (январь — март 1854 г.) российский посол в Лондоне Ф. И. Бруннов, опираясь на достоверные источники, близкие к правительству Великобритании, отметил, что главнокомандующий английским экспедиционным корпусом лорд Раглан получил следующие инструкции: во-первых, добиваться укрепления всестороннего влияния Англии в Турции, «чтобы не дать возможности французам одним оказаться хозяевами положения»; во-вторых, обеспечить оборону Стамбула силами англичан как со стороны проливов,

так и со стороны Балкан, сделать их неприступной оборонительной линией; в-третьих, вытеснить русские войска из княжеств, всего правого берега Дуная и овладеть его устьем; наконец, «предпринять военные действия в Восточном Причерноморье, но прежде всего — против Севастополя»¹¹². Очевидно, что осуществление столь обширных и далеко идущих планов должно было лишить Османскую империю какой-либо самостоятельности в ключевых районах, а также закрыть России выход на Балканы и в Закавказье.

19 мая 1854 г. в Варне состоялось первое и наиболее значительное совещание командующих союзными силами французского маршала Ж. Сент-Арно, английского генерала Ф.-Д. Раглана и Омер-паши. Последний, по словам Ж. Сент-Арно, задал тон всему совещанию, предложив свой план действий, который состоял в сосредоточении главных турецких сил (около 120 тыс.) между Рущуком (Русе), Туртукаем (Тутракан) и Силистрией (Силистра)¹¹³. Французские советники тщетно требовали сконцентрировать турецкие войска в ключевом районе — Варна, Шумла (Шумен), Рушук, что должно было прикрыть перспективную высадку французского десанта в Варне¹¹⁴. Омер-паша и его штаб предпочли почти равномерно распределить силы от Калафата до устья Дуная в предвидении движения отдельных отрядов русских войск в софийском направлении и для оперативного маневрирования в случае восстаний местного населения в тылу турецких войск при наступлении русских на Адрианополь и столицу¹¹⁵. Однако политическая близорукость николаевского режима в отношении перемен в Османской империи и позиций западноевропейских держав сочеталась с настороженностью и недоверием к силам национально-освободительных движений на Балканах¹¹⁶. Высокой Порте удалось избежать крайне опасного для нее развития событий.

В России неопределенность действий первых месяцев войны сменилась решимостью отступить из Дунайских княжеств. Это решение было принято прежде всего ввиду неудачной осады Силистрии, серьезного сопротивления, встреченного русской армией на побережье Дуная, а также опасения И. Ф. Паскевича и М. Д. Горчакова столкнуться не только с турецкими, но и с англо-французскими и австрийскими армиями. Поэтому независимо от австрийского ультиматума от 3 июня 1854 г. с требованием очистить Дунайские княжества с конца июня начался отход русской армии на левый берег Дуная и далее из княжеств.

Невозможно согласиться с современными турецкими историками, склонными преувеличить значение военных действий в Европейской Турции едва ли не до решающих в Крымской войне, а отход М. Д. Горчакова объяснять сокрушительным разгромом русской армии (Я. Окчу, Т. Гюрель, Э. Карал, А. Курат). Однако не следует недооценивать и серьезный стратегический успех турецкой армии, сумевшей, опираясь на Калафат как «предмостное укрепление», создать своего рода укрепленный лагерь, где

«Силистрия, Рушук, Варна и Шумла были, так сказать, четырьмя выступающими углами большого укрепленного лагеря, куда Омер-паша всегда мог отступить и куда противник не мог за ним последовать, — писал Ф. Энгельс, — пока не были захвачены или нейтрализованы, по крайней мере два из этих выступающих углов»¹¹⁷.

Англо-французские войска продолжали накапливаться в Стамбуле, ближайших пригородах и в Европейской Турции. Заем все еще не был утвержден правительственными гарантиями Англии и Франции, как этого добивалась Высокая Порта, которая не хотела, чтобы этот заем стал соглашением между турецким правительством и частными банковскими домами Европы. Представители европейских держав в Стамбуле продолжали, в свою очередь, настаивать на обеспеченных гарантиях собственности и недвижимости для немусульманских подданных Порты.

По сообщению А. Пеццара, опиравшегося на сведения от драгоманов Высшего совета по реформам, 8 марта 1854 г., т. е. за четыре дня до подписания военного договора с Англией и Францией, Мустафа Решид-паша вручил послам «без шума и огласки» документ из пяти пунктов. Во-первых, султан брал на себя обязательство отменить все виды хараджа (налога с немусульман) и ввести единый для всех подданных налог. Во-вторых, он обязывался административными и юридическими мерами гарантировать всем подданным без исключения полное гражданское равенство. Суды должны были принимать свидетельские показания христиан на основе полного равенства с таковыми мусульман. (Именно этого и добивалось от Порты абсолютное большинство предпринимателей и торговцев с двойным гражданством.) В-третьих, христианам и мусульманам была обещана равная возможность достигнуть самых высоких гражданских и военных должностей в империи. В-четвертых, предполагалось от имени султана предоставить всем христианским подданным и иностранцам, проживавшим в Турции, право владеть недвижимостью, записанной на собственное имя. В-пятых, султан считал возможным предоставить всем миллетам право возводить и содержать культовые строения¹¹⁸.

Этот документ, насколько известно на данном этапе исследования, публикации или оглашению не подлежал. Он был своего рода рабочим документом Высокой Порты, представившей державам накануне заключения военного договора проект развернутой программы преобразований без указания сроков начала ее выполнения. Характер и содержание этого документа сближают его с хатт- и хумаюном 1856 г. В известном смысле он шире знаменитого хатта и включает вопрос о праве иностранцев на приобретение недвижимости, не вошедший в хатт- и хумаюн 1856 г. При этом следует подчеркнуть, что мартовский документ не являлся ни составной частью военного договора, как настаивал Редклиф четырьмя годами ранее, ни «формальным

следствием настоятельных представлений» западноевропейских держав, столь декларативно проявлявших заботу о судьбе своих единоверцев в Османской империи. В кругах, близких к Бюро переводчиков при Высокой Порте, в марте 1854 г. утверждали, что приведенные выше пункты дальнейшего развития преобразований являлись обязательным предварительным условием договора от 12 марта 1854 г.¹¹⁹

Англия и Франция, добившись определенной ясности относительно тенденций реформ в Турции, смогли предпринять новые шаги в сфере дальнейшей международной изоляции России, установления коллективного контроля над политической ситуацией в регионе. Это осуществлялось в рамках многостороннего международного соглашения, в которое державы стремились конвертировать серию соглашений между самими державами, а также между державами и Османской империей.

20 апреля 1854 г. в Берлине был заключен австро-пруссский договор, который обеспечивал Австрию безопасностью со стороны Германского союза в Италии и на Дунае. Одновременно с подготовкой этого договора шли переговоры Австрии с Турцией о соглашении по военным вопросам. В это время весьма напряженно складывались отношения Австрии с Францией. Обе они стремились овладеть Дунайскими княжествами и менее всего заботились об исполнении предшествующих договоров, например Лондонской конвенции о проливах 1841 г.¹²⁰ Целостность турецких территорий вновь явилась своего рода связующим элементом в непрочном альянсе соперников-союзников. Австрия особенно боялась появления на месте Европейской Турции нескольких независимых славянских государств, которые оказались бы под влиянием России.

Пресечь развитие подобных тенденций должно было несколько положений австро-пруссского договора от 20 апреля 1854 г., в частности те статьи, которые гласили от имени двух германских государств, что они рассматривают продолжение пребывания русских войск на Нижнем Дунае в качестве опасности «политическим, нравственным и материальным интересам Германского Союза в целом и каждого из его членов в отдельности»¹²¹. Завлечение о нейтралитете в войне между Россией и союзными державами отнюдь не скрывало настойчивого требования Австрии и Пруссии, камуфлированного под союзный договор, принять участие в решении послевоенного переустройства на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Европе. В марте 1854 г. Наполеон III ясно высказал королю Пруссии Фридриху Вильгельму IV, что в обмен за это участие потребуется нечто большее, чем нейтралитет, а именно общее соглашение всех западноевропейских держав против влияния России. Союз с Турцией в какой-либо форме становился для Австрии необходимостью. Как заявил К. Буоль новому российскому послу в Вене А. М. Горчакову, Австрия не могла быть в Восточном вопросе ни посредником, ни судьей, она сторона заинтересованная.

4 июля 1854 г. в Стамбуле была подписана австро-турецкая Военная конвенция об оккупации Австрией Дунайских княжеств, оставленных русской армией¹²². К. Маркс определил ее как «...передачу Дунайских княжеств Австрии и прекращение турецкого сюзеренитета над ними»¹²³. В Османской империи эта конвенция (сенед; сам термин подчеркивал его отличие от договора 12 марта 1854 г.), рассматривалась как некоторый противовес англо-французскому давлению на Порту. Кроме того, присутствие австрийских войск должно было содействовать «выдворению бунтарских элементов» из княжеств и из пограничных районов Турции и Австрии. Во всяком случае, К. Брук обещал это Порте¹²⁴.

Факт оккупации части территории Османской империи, формально не воевавшей с Австрией, был вместе с тем столь очевидным проявлением внешнеполитических просчетов Порты и настойчивого стремления Австрии без участия сюзерена — Турции «устраивать будущее Дунайских княжеств», что это вызвало крайнее раздражение Редклифа и определенные демарши с его стороны, а в конечном счете ускорило предоставление первого займа Порте¹²⁵. Собственно займом, расширением масштабов военных операций и перспективой привлечения в турецкие войска немусульман англо-французские союзники смогли в этот момент преодолеть рост австрийского влияния на турецкое правительство.

Своеобразный дуализм управления в Дунайских княжествах, сложившийся в результате присутствия там австрийских и турецких войск, регулировался постановлениями смешанной комиссии, которая была создана 10 ноября 1854 г. в Вене. Фактически территория княжеств для Османской империи была утрачена. Дальнейшая борьба в княжествах разворачивалась между соперничавшими группировками, ориентировавшимися на те или иные европейские державы, однако эта проблема выходит за рамки нашего исследования.

Лондон несколько неопределенно высказывался о конечных целях войны, полагаясь больше на экономические методы воздействия на Порту. Французских войск на территории Турции было вдвое больше, чем английских, чисто военное присутствие Франции было более ощутимым. Наполеон III взял на себя очередную дипломатическую инициативу. Друэн де Люис подготовил и совместно с К. Буолем представил Англии и Пруссии план «Четырех пунктов», которые должны были лечь в основу мира между Россией и Османской империей. Согласно этому документу, развивавшему упомянутый Венский протокол от 9 апреля 1854 г., России следовало лишить права защиты православного христианства и покровительства Сербии и Дунайским княжествам. Предусматривалось коллективное вмешательство западных держав как в дела христианских подданных Порты вообще, так и в дела Молдовы и Валахии. Режим проливов, определенный Лондонской конвенцией 1841 г., и судоходство в ус-

тье Дуная подлежали пересмотру в сторону вытеснения России из Восточного Средиземноморья и ограничения ее влияния в Черном море. Проливы предполагалось поставить под постоянный контроль союзников¹²⁶.

Принятие этих пунктов лишило бы Россию какой-либо самостоятельности в Восточном вопросе и установило бы коллективный протекторат держав над Османской империей. Союзники не сочли нужным даже согласовать с Портой эти предложения, прежде чем направить в Россию¹²⁷. Порта, согласившись к этому времени с условиями своего первого займа, была связана военными соглашениями со своими займодавцами, которых интересовали в первую очередь формы контроля над расходованием займа и подготовка новых соглашений о привлечении на службу в экспедиционный корпус подданных султана — мусульман и христиан.

* * *

Война устранила последние препятствия к проникновению в Османскую империю иностранного капитала, главным образом английского и французского. При росте торгового оборота с Англией в годы войны на 12 %, с Францией — на 29 % торговые обороты с США удвоились. Наметились новые формы проникновения капиталистических держав в экономику империи под предлогом военной помощи. Завершились переговоры о предоставлении двум группам левантийских торговцев, обладателей документов на двойное гражданство, прав на откуп таможен на линии от Измита до Мерсина и от Скутари до Батума. Активизировалось строительство англичанами железной дороги Александрия — Суэц по концессии, полученной в 1851 г. Тогда же Редклиф начал зондировать возможность получения концессии на железнодорожную линию Самсун — Сивас. Английский посол убеждал Порту в том, что все эти дороги будут использованы для ускоренной переброски сипайских войск из Британской Индии к местам боевых действий с Россией, а впоследствии сельскохозяйственная продукция Османской империи с помощью британского коммерческого флота получит прямой и быстрый выход на европейские рынки¹²⁸.

Активно обсуждался вопрос о прокладке за счет Англии силами турецких рабочих и отчасти армии железнодорожной линии Стамбул — Адрианополь (Эдирне). Однако это предложение не поддержал Абдул Меджид, который предпочел сосредоточиться на обсуждении проекта железной дороги от устья р. Оронте (Сювейдие) на побережье Средиземного моря до Алеппо и далее на Багдад, вдоль побережья Евфрата. Линия общей протяженностью более 900 миль вполне отвечала бы интересам Англии в Месопотамии. Идея была поддержана Управлением мостов и дорог при правительстве Турции, которое воз-

главлял француз Ж.-А. де Ритье, рекомендованный на этот пост Управлением дорог Франции ¹²⁹.

Заметим, что предложение Англии о строительстве железной дороги, которая связала бы столицу с Адрианополем, как и любой железной дороги в Европейской Турции, было отвергнуто по представлению де Ритье и командования французских вооруженных сил в Турции. Управление мостов и дорог поддержало, как бы взамен, другой проект англичан. Железная дорога Измир — Айдын начала строиться в 1856 г. В то же время в вопросе о концессии на строительство Суэцкого канала между французской и английской дипломатией и военными представителями развернулась ожесточенная борьба, отражавшая соперничество Парижа и Лондона в Египте, в зоне Красного моря и Персидского залива ¹³⁰. При этом отчетливо проявлялась заинтересованность Англии, Франции и Австрии поставить под коллективный контроль держав все вопросы строительства путей сообщения в Османской империи, изъять эту проблему из-под юрисдикции турецких властей — и в арабских провинциях, и в Европейской Турции. Этим руководствовался Редклиф, направивший в 1854 г. группу из шести английских офицеров провести топографические съемки в районе будущей железнодорожной магистрали Средиземное море — Евфрат. Об этом же писал французский посол Барагэ д'Илье министру иностранных дел Ж. Сент-Арно в январе 1854 г., требуя сосредоточить внимание Высокой Порты и ее материальные ресурсы на превращение Стамбула и Босфора (но не Дарданелл!) в первоклассный укрепленный район, способный выдержать долговременную осаду любых войск. Что имел в виду Барагэ д'Илье под этим, остается предполагать — только ли призрачный русский десант. Вполне реальными были скупки французами земельных участков на имя подставных лиц в столичном районе Валидехан и Салыбазара, как, впрочем, и приобретение англичанами стратегически важных участков на эгейском побережье и на берегах Мраморного моря.

Вместе с тем, как сообщал в январе 1857 г. корреспондент военного министерства России в Турции В. А. Франкини, уже в годы войны «обнаружилась большая тяга турок к совместным (с иностранным капиталом. — В. Ш.) предприятиям, поскольку Порты не имеет опыта и нет предприимчивых капиталистов» ¹³¹. Не было средств для развития транспортного хозяйства и у турецкой казны. Высокая Порты хотела бы принять долевое участие в размере 6 % проектной стоимости железной дороги от Сюейдие к Евфрату. Высказывались мнения в пользу преимущественного турецкого капитала в организации железнодорожного сообщения между Стамбулом, Варной и Софией и по крайней мере долевого участия в проекте прокладки подводного телеграфного кабеля Лондон — Калькутта через о-ва Хиос и Родос, Суэц, Джидду, Аден, Оман и далее на Карачи. Все это требовало огромных затрат, которых измотанная воен-

ными издержками османская экономика выдержать не могла. Введение по всей стране чрезвычайного военного налога, истребование в 1854 г. двухлетней суммы податей из Египта, Ирака, других зависимых арабских и африканских территорий, беспощадное выколачивание налогов с населения Европейской Турции, другие насильственные поборы — все это не покрывало текущие военные расходы. Особенно беспощадно взимались все подати и недоимки в Болгарии, Боснии и Герцеговине. Дополнительный военный налог в Болгарии составлял одну голову с 30 овец и 5 курушей с человека. Чтобы уплатить налог, болгарам приходилось закупать овец в Сербии¹³². В 1855 г. власти «снизили» налоги, стали собирать «только» треть всех налогов в счет 1856—1857 гг.

По предложению британского военного советника при военном министерстве Турции О'Дандла и консула в Варне О'Нила христианское население в Румелии принудительно привлекалось к строительству оборонительных сооружений. При ремонте укреплений Видина и Калафата местный паша и православный епископ «действовали по взаимной, — как писал современник, — договоренности, а потому крестьяне шли на работу хотя не по доброй воле, но без ропота». Сообщалось из Габрово, что экзекуциям за неуплату хараджа на два года вперед подвергалось по 200—300 человек в день. В составе отрядов по сбору налогов были выходцы из немусульманских районов Европейской Турции, но под командованием турецких офицеров, в обмундировании регулярных войск¹³³. Обширные крепостные работы проводились не только в связи с военными действиями. Например, комендант г. Ниш имел предписание Порты в случае приближения русских войск оказать сопротивление неприятелю и защищаться от сербов. В случае успешных действий союзников — направить войска в Сербию¹³⁴.

Во время войны власти прибегали дважды к выпуску бумажных денег (каиме) и к чеканке монеты «облегченного» веса. Итогом этим мер были инфляция, рост массового недовольства населения и армии. Как и предупреждал Савфет-паша, в обращение все в большем количестве поступала через союзные армии валюта европейских держав, вытесняя обесцененные каиме. «В обращении появились даже русские кредитные билеты, — писал современник. — Они скупаются весьма энергично для операций через Австрию и Молдову»¹³⁵. Часть наиболее предприимчивых торговцев задолго до восстановления мира с Россией готовилась к возобновлению торговых контактов с русскими коммерсантами. Особую заинтересованность в покупке русских ассигнаций и других денежных знаков проявляли английские финансисты и представители австрийского банковского Дома Симона Сины. Англия через нейтральные страны предоставляла заем на военные нужды России¹³⁶. Венские банкиры — Дом Симона Сины, — располагавшие кредитом первой категории в Стамбуле, были тесно связаны с лондонскими и парижски-

ми филиалами Дома Ротшильдов, которые не упускали на протяжении более четверти века из поля зрения финансовое положение Турции¹³⁷. Симон Сина в контакте с Ротшильдами и Банком Штиглица (отделения в Петербурге и Лондоне) осуществлял в конце 30-х годов XIX в. операции с турецкой контрибуцией по войне 1828—1829 гг., участвовал в ряде сделок с турецким правительством, включая упоминавшуюся выше перепродажу турецкого оружия в Австрию¹³⁸.

В очередной сводке «Сведения о неприятеле» штаба Южной армии за январь 1855 г. говорилось, по данным из Стамбула, следующее: «Торговля вообще и финансовые обороты крайне затруднены: звонкая монета исчезла из обращения. Правительство все платежи производит ассигнациями (каиме. — В. Ш.), курс коих упал на 30 %, что возбуждает резкое недовольство в людях, имеющих торговые дела с правительством, и в классе чиновников. Крестьянам, которые обременены до того, что не успели обработать свои земли, выдаются контрамарки с уплатой через 3 месяца. Ропот в этом классе огромный, поскольку никто еще ничего не получил...»¹³⁹.

Такова была общая картина положения в стране во время заключения первого военного займа.

Крымская война, заключение внешних займов и предоставление концессий привели к возникновению «оттоманского долга» и дальнейшему ограничению суверенитета Турции. Турецкий историк А. Инан относил возникновение внешней задолженности Порты к 1845 г.¹⁴⁰, т. е. к началу деятельности Константинопольского банка. Переговоры накануне Крымской войны выявили острые разногласия из-за условий займа, которые вели к финансовой зависимости Турции. В 1850 г. Мустафа Решид-паша вел переговоры с банкирами Бешет, Детома и К° в Париже и Дево и К° в Лондоне о займе на сумму 55 млн. фр. сроком на 27 лет через посредничество Константинопольского государственного банка. 20 млн. из будущего займа следовало лондонской конторе банкирского Дома Балтацци для оплаты краткосрочных обязательств бывшего Константинопольского банка. С отставкой Мустафы Решид-паши условия займа не были утверждены султаном¹⁴¹. В сентябре 1852 г. турецкие представители в Лондоне и Париже согласовали с Ротшильдами и Синой условия шестипроцентного займа на 23 года общей суммой 50 млн. фр.; из них 1 млн. фр. требовали лондонские держатели турецких векселей¹⁴². Али-паша, добивавшийся займа любой ценой, выразил готовность предоставить в его обеспечение доходы Египта, Дунайских княжеств и Сербии, но на более короткий срок — в 3—4 года, во всяком случае не более 10 лет. Кредиторы настаивали на своих условиях — 23—25 лет. Султан не утвердил заем как долгосрочный¹⁴³.

Необходимо подчеркнуть, что исчисление суммы займа производилось не на основании собственно потребностей Османской империи. По предложению лондонского отделения Банка Рот-

шильда, на основании подсчетов Симона Сины, сумма займов Порте определялась с учетом доходов турецкого правительства от податей Египта, Дунайских княжеств и других территорий, которые должны были поступать для погашения и обеспечения займов¹⁴⁴. Финансовое положение турецкого правительства чрезвычайно осложнялось отсутствием стабильной банковской системы. Как известно, в 1844—1851 гг. Порта предприняла несколько попыток создать национальную банковскую систему, произвести обмен бумажных денег и поддерживать стабильный курс куруша (110 курушей за 1 ф. ст.). Накануне войны Константинопольский государственный банк впервые в османской истории принял участие во внешнеторговых операциях в интересах государства, обеспечив сделки в Англии на 636 млн. курушей, в Австрии — на 6,5 млн. и во Франции — на 168 млн. курушей¹⁴⁵. Весной 1853 г. в «Журналь де Константинополь» появились сообщения об открытии в Лондоне отделения государственного Оттоманского банка для внешней торговли, которому, однако, не была уготована долгая жизнь. Согласованное противодействие европейских финансистов и их представителей в столице Османской империи сорвали все усилия Порты создать независимую банковскую систему. Курс куруша в 1853 г. упал до 150 за 1 ф. ст., изъятие из обращения обесцененных бумажных денег было приостановлено¹⁴⁶.

Турецкие данные свидетельствуют о том, что в течение 1853 г. послы Турции Мусурус-эфенди в Лондоне и Намык-паша в Париже получали уклончивые ответы на все попытки вернуться к вопросу о займах и гарантиях. Переговоры о займе приобрели новое развитие после того, как Порта начала военные действия на Дунае и в Закавказье¹⁴⁷. Лондонские банкирские дома Дент, Палмер, Маккиллори и К° и их компаньоны в Париже Бишофсгейм, Голдсмит и К° предоставили Порте в августе 1854 г. шестипроцентный заем на 3 млн. ф. ст. (330 млн. курушей). Сумма первого займа равнялась двукратной сумме годового дохода Высокой Порты, составлявшего к началу 50-х годов около 600 млн. курушей (141,2 млн. фр.) в год. Поступления от Египта в османскую казну составляли около 30 млн. курушей в год. Взносы в счет долга Порта должна была производить в Лондоне дважды в год по 15 млн. курушей — до 10 апреля и до 10 октября¹⁴⁸.

Заем был гарантирован правительством Великобритании впервые после ряда отказов в такой гарантии Банку Ротшильда, который домогался правительственных гарантий, выдвигая свои проекты займов Порте в 1829 г. (в связи с русско-турецкой войной) и в 1839—1840 гг. (война Турции с Египтом). На этот раз в Лондоне также предпочли бы ограничиться контролем за расходованием займа через посла Редклифа, консулов в Османской империи и специальных уполномоченных правительства¹⁴⁹. Однако финансисты Сити и деятели из Управления Британской Индии (например, Чарлз Вуд, «пандит вигов по финансам») реши-

тельно высказались в пользу правительственных гарантий. Они учли возможность прямого воздействия на экономическое положение Османской империи, а также готовность Франции предоставить Порте заем с правительственными гарантиями без участия английского союзника¹⁵⁰. Принималось во внимание сохранявшее силу предложение займа и помощи в реорганизации финансов, исходившее от посольства США в Турции, но отвергнутое султаном еще весной 1853 г.¹⁵¹

Наблюдателями от банков Голдсмита и Палмера за расходованием первого займа стали по предложению Редклифа два коммерсанта из Галаты — А. Блэк, известный, кроме того, издательской деятельностью в Турции, и К. Дюран, представлявший в Стамбуле сразу несколько банков Лондона, Вены, Парижа, а также Д. Ревелаки, связанный с наблюдением за расходованием английского займа Греции. По настоянию Франции к ним присоединился Д. Главани, совладелец одного из крупных банковских домов Стамбула, связанный с поставками французского оружия и боеприпасов в Грецию. Галатские банкиры из семьи Балтацци, как считалось, представляли интересы министерства финансов Турции, поскольку были тесно связаны с инициативой первых национальных банков Турции. Формально комиссию наблюдателей возглавили представители министерства финансов Мехмед-бей, Кабули-эфенди и Решид-бей. Однако не они, а банкиры с дипломатическими паспортами определяли дальнейшую судьбу займа.

Турецкий историк Х. Ениай еще в 1936 г. назвал условия займа «льготными», объясняя это союзническими отношениями держав с Турцией¹⁵². Эта оценка затем повторялась во всех последующих работах. Однако единственная льгота состояла в возможности производить расчеты в золотой и серебряной монете и в отсрочке начала выплат до конца войны, чем державы не столько облегчали положение своего турецкого союзника, сколько втягивали его в бесконечно долгую войну на Востоке. Во всяком случае, такие оценки перспектив использования займа звучали в речах ораторов, выступавших на весенней (1855 г.) сессии британского парламента¹⁵³. Порта реально получила после всевозможных удержаний, включая издержки по нереализованному займу 1852 г., только 76 % номинальной суммы займа при договорных 80 % цены реализации. Часть займа (в турецких курушах) ушла на оплату содержания армии. В первую очередь было выплачено жалование войскам Анатолийского корпуса, задержанное с 1853 г.

Часть средств, полученных по второму займу 1855 г., была также в первую очередь направлена в распоряжение штаба Анатолийского корпуса для выплаты жалования войскам, которые участвовали в боевых действиях против русских войск и на которые английское командование возлагало определенные планы на продолжение войны. Из этих средств частично финансировались карательные операции против курдских повстанцев¹⁵⁴.

По требованию английского советника Лонгвуда, координировавшего действия Анатолийского корпуса и некоторых шейхов горских племен, которые должны были действовать в тылу Отдельного Кавказского корпуса, в конце 1855 — начале 1856 г. в Париже при посредничестве банков-заимодавцев была закуплена партия оружия (3500 ружей, шесть горных орудий, боеприпасы) для передачи горским шейхам. После заключения Парижского мира оружие осталось на территории Турции¹⁵⁵.

Проследить подробно расходование полученных средств на данном этапе исследования затруднительно. На 15 февраля 1855 г. от 300 млн. курушей, полученных в ноябре — декабре 1854 г., осталось, как сообщил финансист Д. Ревелаки С. Редклифу, всего 40 млн. курушей¹⁵⁶. Деятельность наблюдательной комиссии была фактически парализована соперничеством наблюдателей от Англии и Франции. «...Если все члены современной буржуазии имеют один и тот же интерес,—писал К. Маркс,— поскольку они образуют один класс, противостоящий другому классу, то интересы их противоположны, антагонистичны, поскольку они противостоят друг другу. Эта противоположность интересов вытекает из экономических условий их буржуазной жизни»¹⁵⁷. Деятельность английских и французских финансистов и дипломатов в связи с военными союзами и соответствующим финансовым обеспечением этого союза — займами 1854 и 1855 гг. — полностью подтверждает приведенное суждение К. Маркса о сущности и характере международных соглашений эпохи промышленного капитализма. Что же касается роли турецкой стороны в этом военно-финансовом соглашении и в работе его первого органа — наблюдательной комиссии, то малокомпетентные турецкие представители внести в ее работу конструктивного начала не смогли. Сколько-нибудь заметного влияния на оздоровление финансового положения Турции первый в ее истории заем не оказал. Однако доходы Египта, одной из формально зависимых территорий Османской империи, начали регулярно поступать в распоряжение английских банков.

Начинался 1855 год. Война приближалась к завершающему периоду.

Османская империя в составе Крымской коалиции. Второй заем

Все более втягиваясь в долгую, изнурительную войну, Порта постепенно утрачивала контроль за положением дел не только в своем финансовом ведомстве, но и на театрах военных действий.

Весной и летом 1854 г. англо-французские эскадры бомбардировали Одессу (апрель), безуспешно пытались овладеть Кронштадтом и Архангельском, потерпели неудачу в десанте на Кам-

чатке (сентябрь). Не дал реальных военных или дипломатических преимуществ единственный успех союзников — временное занятие Аландского архипелага (август). Убедившись в неприступности России на севере и с трудом преодолевая растущие разногласия, союзное командование в августе 1854 г. приняло решение об экспедиции в Крым¹⁵⁸. Целью была выбрана главная база русского флота — Севастополь. Об этом постфактум сообщили командующему Дунайским фронтом Омер-паше, о существовании которого союзники как будто позабыли после заключения военных договоров.

Однако у Высокой Порты были свои планы, далеко не во всем совпадавшие с планами союзников. Так, турецкое командование с понятной благожелательностью поддержало уход англо-французских войск в Крым. Порта полагала, что с уходом русских войск из Дунайских княжеств задача освобождения «османских земель» решена. Как говорили в турецкой столице, укрепления в Севастополе Турции не угрожают и препятствием для заключения мира с Россией не являются¹⁵⁹. Вместе с тем Высокой Порте не удалось убедить союзников уделить в 1855 г. главное внимание Кавказскому фронту. В турецких правительственных кругах с беспокойством наблюдали за ростом активности британских «путешественников и дипломатов» в Западной Грузии и Месопотамии, ростом напряженности на ирано-турецкой границе. К августу 1854 г. с помощью английских советников было частично приостановлено развитие курдского восстания, к которому были готовы присоединиться греки, армяне, айсоры, арабы Восточной и Юго-Восточной Анатолии. Необоснованными оказались расчеты Порты на массовое движение горцев в тылах русской армии, как на Северном Кавказе, так и в Закавказье. Призывы к джихаду не произвели ожидавшегося впечатления среди мусульман Крыма, Прикубанья, Заволжья. Горских повстанцев, как отметили в августе 1855 г. К. Маркс и Ф. Энгельс, «...перспектива присоединения к Турции, по-видимому, отнюдь не приводит ...в восторг»¹⁶⁰.

В связи с провалом в 1853—1854 гг. наступательных операций Анатолийского корпуса и переносом боевых действий на Кавказском фронте на турецкую территорию на 1855 г. был принят план главного английского советника при корпусе полковника Ф. Уильямса. Он состоял в том, чтобы сосредоточить силы преимущественно в Карсе, а также в Эрзуруме, Батуме и двух-трех крепостях, прикрывавших важнейшую артерию английской торговли на Ближнем Востоке — Трабзон — Тебриз¹⁶¹. Анатолийский корпус общей численностью 50—60 тыс. человек был наводнен иностранными советниками. Начальник штаба, польский ренегат Зафир-паша и представитель французского командования при штабе генерал Ф. Гюйон (Хуршид-паша) содействовали наплыву на должности, хорошо оплачивавшиеся из сумм займов, сотен эмигрантов, среди которых, как свидетельствуют источники, царил «культ интриг». Ф. Гюйон в письме Ж. Сент-

Арно еще в августе 1854 г. вынужден был просить отозвать наиболее «активных» из военных советников-ренегатов, предупреждая о развале среди высшего состава европейцев-советников¹⁶². При этом исследователи, опиравшиеся на документальные материалы, отмечали боевое мастерство, выучку и личное мужество турецких солдат регулярных батальонов, вооруженных штуцерами. Они «стояли как львы, например, под Курюк-дере не подались ни на шаг, — уважительно писал о них русский военный историк А. М. Зайончковский, — и... все легли на месте»¹⁶³. Тем не менее турецкие войска терпели одно поражение за другим. Им противостояло на Кавказе подлинное боевое содружество русского и кавказских народов, сражавшихся в едином строю с войсками Отдельного Кавказского корпуса. Несмотря на общие для царской армии недостатки, корпус приспособился за долгие годы к местным условиям и не испытывал пагубного влияния рутины и упаднических, пораженческих настроений, столь обычных для армии М. Д. Горчакова и И. Ф. Паскевича на Дунае. Царское командование, воспользовавшись внутренним кризисом имамата Шамиля и ослаблением давления горцев на кордонные линии, кроме того, перебросило под Карс для усиления корпуса пехотные и артиллерийские части, обученные горной войне. Военные действия разворачивались на Карском направлении. Летом 1855 г. русские войска заняли Баязит, отразили десантную операцию турок под Сухумом (Сухуми), планировавшуюся еще в 1853 г.¹⁶⁴

Иначе складывалась обстановка на Европейском театре военных действий. Оперативные планы штаба Омер-паши на 1855 г. сводились к захвату Журжа (Джурджу) на левом берегу Дуная и к маневрированию между Силистрией, из-под которой ушли русские войска, Руцуком и Шумлой значительным контингентом регулярных войск (более 100 батальонов и 60 эскадронов, 140 орудий). Это давало бы возможность Омер-паше при разделении указанных сил на три корпуса успешно маневрировать на флангах войск союзников, не выдвигая турецкие войска на передовые рубежи. Подобные планы вызвали решительное противодействие командования союзников. Англичане требовали направить турок в числе передовых сил в Крым, совершить рейд на Тифлис. Барагэ д'Илье и Ж. Сент-Арно, в свою очередь, не считали возможным передавать туркам инициативу глубокого рейда в Крыму — в направлении Перекопа, как предполагали англичане. Французское командование не возражало против рейда на Тифлис, ибо оно не интересовалось бесперспективным, с его точки зрения, Кавказским театром военных действий.

Австрия, по мнению союзников, должна была поддержать их военные усилия в районе юго-западных границ России. Какова здесь была бы роль турецких войск, оставалось для Омер-паши и Высокой Порты неопределенным, что тревожило, как свидетельствует переписка Омер-паши, военное министерство и самого султана¹⁶⁵.

С августа 1854 г. центр военных действий был перенесен в Крым. В ходе военных действий в Крыму союзное командование проявило к турецким частям то же отношение, что и англо-французская дипломатия. Турок и арабов посылали в практически безвыходные ситуации (например, под Балаклавой в сентябре 1854 г., прикрыв ими английский лагерь), превратили их, по отзывам современников, «во вьючных», заставляли выполнять самые тяжелые и опасные обязанности. Так, союзники организовали круглосуточное снабжение своей батареи боеприпасами, которые переносили вручную турецкие солдаты, и сожалели, что на больных нельзя перевозить пушки. Унтер-офицер 5-го пехотного батальона Саид Хуссейн (45 лет, из Бейрута), рядовые этого батальона Мехмед-оглу (27 лет, из Афьон-Карахисара) и Осман Хуссейн-оглу (29 лет, из Чорлу), оказавшись в плену, рассказали о положении турецкого корпуса в составе экспедиционной армии. «Нам давали 3 сухаря и $\frac{1}{5}$ фунта рису в день, а раз в неделю $\frac{1}{4}$ фунта мяса. Голод и тяжелые работы уморили больше (турецких солдат. — В. Ш.), чем русские пушки. На все жалобы англичане отвечали: „Вы должны заниматься земельными работами потому, что мы за вас воюем“»¹⁶⁶. Большой группе турецких солдат, залечивавших раны в Стамбуле, объявили, что мир с Россией заключен, затем «посадили нас на пароходы, чтобы отвезти по домам, а через три дня, — рассказывал один из пленных, — мы снова оказались под Балаклавой, и нас присоединили в свой полк»¹⁶⁷.

В турецкой армии наблюдалось недовольство, которое было вызвано голодом, лишениями, введением по требованию англичан смертной казни — расстрела из пушек. Турецкие солдаты, по показаниям пленных, отвечали на эти «новшества» «убиением ротных командиров и кое-кого из англичан»¹⁶⁸.

Недовольство было отмечено и среди гражданского населения. Корреспондент военного министерства России сообщал из Стамбула: «Во всем народе обнаруживается сильное волнение и негодование против союзников, близкое к открытому столкновению»¹⁶⁹. Главным образом население было недовольно тем, что «союзники вмешиваются во внутреннее управление и в особенности в полицейскую часть на всем пространстве империи»¹⁷⁰. По другим сообщениям из Стамбула, город превратился в нечто напоминающее громадный лазарет и перевалочный лагерь для иностранных солдат. «На улицах видны одни французские и английские мундиры, а турки стараются спрятаться в своем городе», — рассказывал шкипер одного из русских коммерческих судов¹⁷¹, которые Порты вопреки протестам союзников, с ограничениями, но все же пропускала через проливы в Черное море. Пера и Галата контролировались французской военной полицией, Скутари — английской. Шла подготовка к введению по европейскому образцу муниципального управления в кварталах, населенных европейцами, чтобы практически выделить их в особый анклав. Современник характеризовал обстановку в столице

Османской империи осенью и зимой 1854/55 г.: «Кантар муки (4 пуда) стоит в городе до 70 руб. серебром. Все голодают. Христиане затаились. Мусульмане готовы восстать и убить виновников призвания иностранцев в Турцию. Дом Решид-паши сильно охраняется. Казармы, занятые прежде турками и отданные англичанам и французам, вспыхивают что ни день сами собой. Все в напряжении»¹⁷².

В напряженной обстановке, граничившей с восстанием, англо-французская эскадра совершенно неожиданно для населения Стамбула появилась на внутреннем рейде в бухте Золотой Рог у всех на виду. Недовольство населения столицы этим демаршем было столь велико, что власти вынуждены были выпустить специальный номер правительственного «Журналь де Константинополь» (22 января 1854 г.), чтобы разъяснить причины появления вооруженной армады на столичном рейде и указать дальнейший путь ее следования. Высший совет по реформам 23 января высказался за скорейший вывод союзной эскадры за пределы Босфора и за использование быстроходных паровых кораблей союзников для снабжения Анатолийского корпуса и конвоирования каботажных турецких судов. Союзное командование выделило для этих целей несколько небольших судов, так как основные силы союзников были заняты Крымской операцией.

Январские номера британского офицоза «Таймс» и его военные приложения пестрели перечнем торговых судов, перевозивших оружие и снаряжение в Турцию. Военный психоз можно было наблюдать и во многих заморских территориях Британской империи. Из Мельбурна и Сиднея печатались сообщения о волонтерах, «упражнявшихся в стрельбе и рукопашном бое для сражения с русскими в случае их атаки на Австралию». Из Бомбея и Калькутты сообщали, что «там спешно складывают печи для каления ядер, которыми будут отбиваться от русских...»¹⁷³. Одновременно с инсценированной в колониях газетной шумихой в Лондоне был подготовлен совершенно секретный меморандум, составленный авторитетными специалистами британской армии и розданный строго по числу членов правительства. Он гласил: «Россия не может предпринять похода в Индию ни через Мешхед, ни через Среднюю Азию». Не исключалась, однако, перспектива неблагоприятного для Англии развития событий в районе Пенджаба, но преимущественно по причине слабости английского управления в этом районе¹⁷⁴.

Из Стамбула в Лондон поступала корреспонденция, вполне деловая и озабоченная сохранением влияния Англии в Турции. В одном из январских номеров «Таймс» было опубликовано сообщение из турецкой столицы со ссылкой на мнение самого английского посла Редклифа. «Турки не столько увлечены победами, сколько размышлениями о своем месте в концерте держав, — говорилось в ней. — Они думают, не будет ли им уготована судьба Германии в бесконечных политических комбинациях. Пера смеется над вопросом о ключах и святых местах. Но если

уже державы из этого сделали войну, говорят в Константинополе, что же будет с ними, турками, после войны. Туркам равно чужды и враждебны, — говорилось далее в корреспонденции, — и Франциск I, и Петр I с их капитуляциями и завещаниями. Турки склонны сравнивать себя не с великими державами, а скорее с Италией, Испанией, Португалией»¹⁷⁵.

«Таймс» и его военные приложения, «Морнинг Пост» постоянно обвиняли турок в «непослушании, неблагодарности» и прочих грехах, за которые приходится расплачиваться «мужественному британскому воинству»¹⁷⁶. Проводилась мысль о необходимости преобразовать турецкую армию на манер сипайских частей, укрепить низам (регулярное войско) созданием христианских формирований. Подчеркивалось, что Омер-паша в Крыму, Рыза-паша в Стамбуле — подлинные виновники разногласий в стане союзников и, следовательно, военных неудач под Севастополем. Английская пресса упрекала турецких офицеров в том, что они больше думают о мирных переговорах, чем о воинском и союзническом долге. Обращалось внимание читателей, что «Порта склонна искать союзников и понимание» среди малых стран Европы, например Испании, Нидерландов¹⁷⁷.

В определенной мере эти статьи отражали настроения в Стамбуле, однако в значительно большей — в британском парламенте. Благородных лордов беспокоили главным образом три обстоятельства. Во-первых, как, не прибегая к увеличению английской армии на Востоке, прикрыть наиболее уязвимые позиции Британской империи с помощью Турции, которой предоставлены займы. Во-вторых, «нужно ли больше, чем две первоклассные военные державы в Европе — Англия и Франция», и стоит ли вообще принимать Турцию в расчет как державу?¹⁷⁸ С такими речами выступал в мае 1855 г. герцог Хардуик, которого поддерживали лорды Уайтсайд, Элленборо, Ричмонд. «Нет, лучше все-таки иметь дело с турками, — возражал Хардуику лорд Гренвилль, — чем со Швейцарией или Германией»¹⁷⁹. В-третьих, в этом лорды были единодушны: «султану пора нести военные издержки сообразно тому, в какой степени война ведется за его интересы»¹⁸⁰.

Во имя решения этих проблем англо-французская эскадра крейсировала в Мраморном море, стояла на Босфорском рейде, бомбардировала незащищенные города русского Причерноморья. Во имя решения этих проблем Англия добилась подписания 3 февраля 1855 г. Конвенции о наборе турецких войск на британскую службу и ратификации ее 12 марта того же года¹⁸¹, в годовщину союзного договора и за три дня до официального начала Венских переговоров о мире. Под командование английских офицеров, которые должны были получить чин и должность, соответствующие службе как в английской, так и в турецкой армии, поступало 15 тыс. турецких солдат низама и дополнительно 5 тыс. из редифа (запаса). Турецкие солдаты должны были полностью подчиняться уставам и нормам несе-

ния службы, принятым в английской армии. Выплата жалованья производится из английской казны, но по нормам турецкой армии. Обмундирование и оружие «турецкие сипаи» сохраняли бы свое, постепенно заменяя их на английское. Срок службы был определен до окончания войны. Вскоре нашлась и кандидатура командующего англо-турецким корпусом. Им оказался генерал Ф. Чесни, который с 30-х годов проводил топографические съемки в бассейне Тигра и Евфрата и вел переговоры с Портой о развитии путей сообщения в арабских вилайетах Османской империи. «Спектакль поставлен франками, а кровь-то в нем прольется настоящая, мусульманская» — таков был отзыв турок-солдат на призыв вступить в англо-турецкий корпус ¹⁸².

Напрасно ждали в Лондоне создания «ударных частей», которые предполагалось усилить за счет переброски индийских сипаев через Суэц и Босфор к местам боевых действий ¹⁸³. Благодарным лордам оставалось только удивляться, почему голодные и умирающие в окопах под Севастополем турки не спешили под знамена королевы. Впрочем, сетовал лорд Хардуик, и сам султан не проявлял особого интереса, не понимал, как важна была бы для его трона опора из дисциплинированных турецких солдат под британским командованием. «К тому же за чужой счет!» — восклицал ревнитель османского престола ¹⁸⁴.

Английская, австрийская и французская пресса упорно повторяла сообщения о том, что Англия разрешила сипаям из Пенджаба наниматься на службу к хану Коканда и что будут созданы мусульманские части для войны с Россией на обширных просторах Азии — от Босфора до Пешавара ¹⁸⁵. Планы Лондона остались на бумаге. Менее 4 тыс. человек — вот все, что удалось набрать в корпус «турецких сипаев».

Неудачными оказались и другие попытки британского командования и дипломатии создать воинские формирования из османских подданных на английской службе. Они касались подданных Порты — болгар, греков, евреев. В предложениях Редклифа относительно создания христианских формирований отчетливо проявлялся принцип разделения их по классовым признакам. Так, в Румелии предполагалось сосредоточить эмигрантский «аристократический легион», в Восточную Анатолию — отправить «демократическую», самую беспокойную для Порты и союзников часть эмигрантов из поляков, венгров и итальянцев ¹⁸⁶.

Еще более дальний прицел имело предложение представителей Банка Ротшильда, изучавших положение в стране накануне предоставления второго займа. Они выдвинули идею создания отдельного корпуса из числа еврейского населения Османской империи. Вооружение и содержание брали на себя Ротшильды, а подготовку офицерских кадров должны были осуществить англичане из состава экспедиционного корпуса. Формироваться корпус должен был в Палестине. Эта идея отвечала проектам представителей англо-еврейского капитала о переселении евреев в

Палестину под покровительство Англии, выдвинутом в начале 40-х годов XIX в. и поддержанным некоторыми английскими парламентариями. В связи с этим дискутировались предложения о нейтрализации Иерусалима под общими гарантиями западных держав¹⁸⁷. Однако перспективе отторжения Иерусалима и самой идее ротшильдовского корпуса воспротивилось турецкое правительство. Привлечь еврейских колонистов к переселению в район Яффы, где Ротшильды и Монтефиоре под видом цитрусовых плантаций хотели создать военно-учебный центр, также не удалось.

Тем не менее попытки создания отрядов «турецких сипаев» и других, немусульманских формирований могут рассматриваться как подготовка Англии к обширной колониальной войне, которую она готовилась предпринять и в которой Крымская экспедиция была «своего рода пробой сил»¹⁸⁸. Воинские формирования османских подданных под командованием английских офицеров должны были бы содействовать реализации стремления королевы Виктории «блестящей победой на Востоке украсить свое царствование»¹⁸⁹. В то же время, формально воплощая идеи танзимата о равенстве всех подданных султана и отвечая приглашению Порты и союзных держав о допуске немусульман к военной службе, такие формирования фактически оказались бы вне контроля турецких властей. Они могли бы стать грозным оружием в руках Англии, настойчиво добивавшейся приоритета в контроле и направлении в нужное русло преобразований в Османской империи.

Соответственно планам колониальной экспансии планировались стратегические операции английского командования в зачатной, как предполагалось, войне с Россией, преимущественно на Востоке. Начальник штаба английского экспедиционного корпуса генерал Ч. Уиндом вскоре после заключения Парижского мирного договора 1856 г. делился с французскими и русскими собеседниками в доверительной беседе, предшествовавшей отъезду на родину, своими (?) замыслами. Он заявлял, что к маю 1856 г. союзники должны были овладеть всем Крымом (!), а затем разделить между собой функции. Турки с частью войск Франции и Сардинии должны были осуществлять оккупационный режим на полуострове, совершить рейд вдоль побережья через Одессу в Бессарабию, Дунайские княжества и Польшу¹⁹⁰. В целом наличие такого плана подтверждали вскоре после войны начальник штаба французского экспедиционного корпуса генерал де Салль, офицер этого штаба А. Вобер. Аналогичные сведения поступали и от военных корреспондентов России в Турции и в европейских столицах¹⁹¹. Туркам во взаимодействии с французскими частями отводилась бы «самая второстепенная» роль.

Себе англичане оставляли широкий операционный простор. После полного вывода английских войск из Крыма и частичной замены их «турецкими сипаями» англичане должны были бы дей-

ствовать в направлении Карса и Тифлиса, с выходом на границу с Ираном. Предполагалось привлекать турок и персов отчасти для военных действий против России в Закавказье и затем в районах, прилегающих к Каспийскому морю, но главным образом использовать их на строительстве дорог в богатом медью районе Трабзон — Гюмюшхане, а также привлечь к освоению лесного массива в Гиляне и к строительству кораблей для английского флота на Каспийском море. На Каспии Россия должна была бы иметь строго ограниченное число судов. Возможно, как говорил Ч. Уиндом, Каспий был бы объявлен нейтральным. Интересы Турции или Ирана британский генерал в расчет не принимал¹⁹².

Нет оснований принимать на веру все рассуждения генерала Ч. Уиндома. Однако они должны учитываться в связи с общей неблагоприятной для России перспективой войны на Севере (с Пруссией, Швецией), которую кроме Англии старались развязать Франция и Австрия.

По существу, генерал Уиндом лишь детализировал обширные планы Г. Пальмерстона, который, как отмечают современные английские историки, еще в июне — сентябре 1853 г. в качестве ближайших задач Великобритании в войне на Востоке называл расчленение Юга России, отделение Польши и всего Закавказья¹⁹³. В феврале 1855 г. Г. Пальмерстон сменил на посту премьер-министра Д. Абердина, которого английские воинственные круги обвиняли в малоэффективной военной политике на Востоке¹⁹⁴. Новый премьер-министр и солидарный с ним военный министр Ф. Панмюр предполагали в кампании 1856 г. превратить Восточную Анатолию в основной театр военных действий¹⁹⁵. Как говорил генерал Уиндом, рассматривались варианты перенесения боевых операций в направлении Закавказья и далее на Средний Восток. Последнее направление было реализовано Великобританией в войне с Ираном в 1856—1857 гг.

Вернувшись к планам английского командования в трактовке генерала Ч. Уиндома, можно отметить одно конкретное обстоятельство. Что касается участия турецких войск, то им, по Ч. Уиндому, отводилась роль вспомогательной, дорожно-строительной и охранно-полицейской службы в контакте с горскими племенами. Как докладывал записавший беседу русский офицер П. Циммерман, «Уиндом обнаруживал такие географические и политические сведения об Азии и Закавказье, которые мне приятнее было бы в нем не видеть»¹⁹⁶.

Все эти планы и проекты в той или иной степени становились известны Высокой Порте и далеко не во всем отвечали ее интересам. Поэтому с большим доверием можно относиться к сообщениям из Стамбула, что планы Франции по овладению Херсоном и Николаевом турки встретили без восторга, как, впрочем, и британский поход в Анатолию. Довольно образную картину положения в турецкой столице к исходу 1855 г. нарисовал шкипер-грек, подданный Османской империи. «Англичане,

презирая и ругая турок, говорят гласно, что нужно принять сильные меры для учреждения другого правительства в Турции. Французы же, не говоря гласно ничего, прямо приказывают турецким семействам, живущим в Перё и окрестностях, перебраться немедленно в Константинополь. Влияние французов так велико в Константинополе, что занятие султанской столицы следовало бы по справедливости назвать французским, а не англо-французским. Можно ожидать в столице, — писал шкипер, — междоусобной войны между союзниками, даже убийства султана и учреждения временного правления. Такие вещи шепчутся между турками, которым не по сердцу западные союзники, особенно среди турецкого духовенства. Прямо говорят, что без вмешательства англо-французов турки уладили бы мирно свои дела с Россией»¹⁹⁷.

* * *

Напряженное положение царило в Стамбуле. К своей критической стадии пришли военные действия в Крыму, под Севастополем, и в Закавказье, под Карсом.

Пока наспех собранные обозы тащили из Центра России и Украины боеприпасы в Севастополь, союзники, используя турецкие части в качестве рабочей силы, построили железнодорожную линию Балаклава — Севастополь, которая начиналась прямо у пирса и кончалась в расположении войск союзников. Наладив к тому же морские перевозки из Европы через черноморские проливы на судах торгового флота, военные ведомства Англии и Франции полностью обеспечивали быструю доставку боеприпасов.

Порта, озабоченная потерями на Кавказе и бедственным положением своего корпуса под Севастополем, настаивала на выводе своих войск из Крыма. Она полагала, что для Турции Севастополь — это только часть вопроса о Кавказе и прилегающих районах Юго-Востока России¹⁹⁸. Франция не желала сокращать число турецких войск в Крыму во имя операций на Кавказе, видя в этом защиту лишь английских интересов. В свою очередь, как отметил К. Маркс, «английское правительство, упорно стремилось расстроить планы Порты» в отношении самостоятельных действий, поставить ее в исключительную зависимость от Лондона, переложить на Францию ответственность за совершившееся в конечном счете падение Карса и вероятное — Эрзурума¹⁹⁹.

8 сентября 1855 г. русские войска, отступив на Северную сторону, завершили героическую оборону Севастополя. Стало ясно, что Севастополь не истощил силы России в такой мере, как силы союзников...»²⁰⁰. Разногласия в лагере союзников относительно сроков и направления, по которому должен был наступать турецкий корпус, переброшенный из Крыма в Мингрелию, и отсутствие поддержки со стороны населения Западной

Грузии турецким экспедиционным силам помогли русскому Отдельному Кавказскому корпусу в ноябре 1855 г. овладеть Карсом²⁰¹. Оценивая сложившуюся ситуацию, К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что падение Карса — «немаловажный результат» в сравнении с занятием союзниками Южной стороны Севастополя, Керчи, Кинбурна, Евпатории и нескольких фортов на кавказском побережье²⁰². Именно падение Карса стало «поворотным пунктом» в войне²⁰³.

В Европейской и Азиатской Турции усилилась угроза подъема национально-освободительных сил. Англия и Франция должны были поскорее заключить договор, при помощи которого следовало остановить продвижение русских войск в Азии и закрепить подчиненное состояние Турции, добиться по крайней мере частичного возмещения средств по военным займам.

Непомерные для османской экономики военные расходы, достигшие, по подсчетам комиссии наблюдателей, к концу войны 10 млн. ф. ст. (более 1 млрд. курушей), издержки на административные реформы, непроизводительные расходы двора — все это привело к образованию в 1855 г. дефицита бюджета в 5,8 млн. ф. ст. (почти 640 млн. курушей). Только четвертая часть дефицита была погашена за счет выпуска бумажных денег и государственных ценных бумаг²⁰⁴.

Остро встал вопрос о новом займе. Однако в британском парламенте высказывались сомнения, удастся ли компенсировать хотя бы первый заем и какие гарантии под второй заем может предоставить державам Высокая Порта²⁰⁵. Не было недостатка в речах, подобных той, с которой выступил 14 августа 1855 г. небезызвестный «защитник Индии от русских» де Ласси Ивенс. Он призывал не деньги туркам давать, а вручать каждому турку винтовку и направлять в окопы²⁰⁶. Такие высказывания производили впечатление. Заем был утвержден, но большинством всего в три голоса.

Обращение Порты за займом, последовавшее в июне 1855 г., в разгар боев на Кавказе и осады Севастополя, поддержали Ротшильды. 27 июня 1855 г. была подписана Конвенция между Англией, Францией и Турцией о гарантии четырехпроцентного займа на военные нужды Высокой Порте на 5 млн. ф. ст. (550 млн. курушей) при еще более низкой цене реализации²⁰⁷. Турецкий историк С. Кунералп отметил исключительную выгоду этого займа для Англии²⁰⁸. Действительно, расчеты по займу с лондонским банком «Н. Ротшильд и сыновья» и его парижскими партнерами вел Банк Англии, получавший соответствующие комиссионные. По требованию займодавцев в обеспечение займа кроме доходов Египта были выделены таможенные поступления портов сирийского побережья, а также Измира, через которые, как говорилось выше (гл. II), осуществлялась значительная часть экспортно-импортных операций²⁰⁹. Здесь влияние консульской службы и местных торговцев, защищенных всеми возможными капитуляционными иммунитетам,

должно было стать более надежной гарантией займа, чем формальные обязательства Порты ²¹⁰.

Следует отметить, что Банк Англии затягивал выплату займа до начала работы контрольной комиссии, а комиссия, в свою очередь, не могла решить организационные вопросы вплоть до конца января 1856 г. Только после того как были согласованы основные положения хатт-и хумаюна от 18 февраля 1856 г., определены с участием представителей союзных держав дальнейшее направление реформ и меры по защите интересов собственников-иностранцев в Османской империи, чем и занималась конференция послов союзных держав и Порты осенью 1855—зимой 1856 г. (см. гл. VI), правительство Великобритании и Банк Англии согласились (6 февраля 1856 г.) выслать 19 млн. ф. ст. в Турцию. Эта сумма подлежала первой выплате Порте после всех удержаний. На затягивании выплат Порте сказывались и другие обстоятельства. Во-первых, решался вопрос о займе английских банков другой воюющей стороне — России через Берлин и Амстердам ²¹¹. Во-вторых, по мере того как финансисты Сити стали осознавать факт превращения Крымской войны из «оптимистического пикника» в жестокую и кровавую авантюру правительства накалялась обстановка на лондонской и парижской биржах, британский кабинет изыскивал способ отнестись по крайней мере часть военных издержек Англии на счет турецкого займа ²¹².

Турок хотели бы заставить сражаться и умирать во славу британской короны, но перед этим оплатить собственные похороны.

Требования Фуад-паши и Али-паши, которые, отгеснив в начале мая 1855 г. Решид-пашу, возглавили соответственно правительство и министерство иностранных дел, стремились, опираясь на поддержку Франции и ее нового посла в Стамбуле Э. Тувенеля, ускорить выплату второго займа ввиду его целевого, военного назначения и обеспечить паритетные с державами условия контроля за уплатой долгов. Однако их представления принимались С. Редклифом и Д. Кларендоном во внимание лишь настолько, чтобы Франция не могла перехватить ведущую роль в займе Порте ²¹³. К исходу июля 1856 г. Высокая Порта получила остальную часть займа, из которой до 500 тыс. ф. ст. было потрачено только на содержание комиссии наблюдателей за правильным расходованием займа ²¹⁴.

Не выдерживает критики тезис Ф. С. Родки о том, что главная цель Англии, реализованная в деятельности лорда Редклифа, была увязать проблему займов в Турции и обеспечить гражданские права немусульманскому населению ²¹⁵. Целевой характер займа, оговоренный при подписании Конвенции о займе, — стимуляция военных усилий Порты, обстоятельства выплаты Порте полученных сумм, наконец, создание комиссии наблюдателей за возмещением второго займа опровергают воспетый Ф. Родки и О. Андерсон альтруизм британских финансистов.

Напрасно Порта требовала от своих послов в Лондоне и Париже избегать жесткого контроля за займами. Было отвергнуто очередное предложение турецкой стороны о создании смешанной комиссии наблюдателей, где большинство в три голоса принадлежало бы представителям Турции против двух представителей именно банков-займодавцев, а не правительств Англии и Франции. На правах представителя третьей союзной державы — Австрии — советник австрийского правительства при Порте начал наблюдать за разработкой законов в защиту иностранной собственности. Контролеры деятельно готовились включить в хатт-и хумаюн 1856 г. положение, которое узаконило бы статут их постоянных наблюдений за финансами Порты.

Тщетно Порта в ноябре — декабре 1854 г. протестовала против участия в военном союзе Сардинии. Договор с ней под давлением Англии, стремившейся обеспечить перевес голосов на окончательных мирных переговорах, был подписан 20 января 1855 г. Так же тщетны были протесты Порты против расширения состава участников комиссии наблюдателей за счет Австрии, формально не участвовавшей во втором займе.

В статье о Пальмерстоне, вскрывая двуличие британской политики, К. Маркс на примере второго турецкого займа показал один из методов колониальной экспансии промышленно-финансовых магнатов Великобритании на Ближнем Востоке. «Фактически условия займа сформулированы так, что Турция прямо денег не получает, а лишь ставится на самых недостойных для любой страны условиях под опеку, согласно которой данная ей как будто бы займы сумма должна распределяться и расходоваться английскими комиссарами... Турция, — продолжил К. Маркс, — перестала распоряжаться своей собственной армией. А сейчас западные державы протягивают руку к турецким финансам»²¹⁶.

Для покрытия продолжавшегося роста бюджетного дефицита и в целях выкупа бумажных денег, курс которых за годы войны упал до 30 % ниже нарицательной стоимости, не погасив двух первых долгов, Порта вынуждена была просить новые займы под высокий платежный процент и снижавшуюся цену реализации (с 80 на 100 в 1854 г. до 60 на 100 в 1862 г.). Оттоманский банк с чисто английским капиталом, открытый в Стамбуле в год окончания войны, спустя семь лет получил права государственного банка, и через него по настоянию Англии и Франции была проведена консолидация внешнего долга Османской империи. Получив в 1854—1855 гг. по займам реально менее 8 млн. ф. ст. и затратив более 10 млн. ф. ст. на военные цели, Порта выплачивала долги своим союзникам по Крымской войне вплоть до 1914 г.

Итак, финансово-политический контроль посредством комиссий наблюдателей, комиссий «держателей османского долга» и других подобных организаций кредиторов-финансистов сложился не тогда, когда Порта признала свою неплатежеспособность,

как утверждает буржуазная историография, а значительно ранее — в годы Крымской войны в связи с ее военными расходами и для возложения на нее всей тяжести положения неравноправного члена военного союза и должника. Основные концессионные уступки на строительство путей сообщения, развернувшиеся в последующие два десятилетия, Англия, Франция и Австрия получили у Турции также в период действия наступательного военного договора. Дипломатическими и военно-политическими акциями на этапе формирования ядра международного конфликта на Ближнем Востоке в период Крымской войны 1853—1856 гг. западноевропейские державы продемонстрировали:

во-первых, политику отстранения Османской империи от выработки конструктивных решений по вопросам самого существования суверенного государства;

во-вторых, выработку метода превентивных решений сепаратно принимаемых державами вне зависимости от последующей реакции Высокой Порты;

в-третьих, уровень принятия решений о судьбе Османской империи, о направлении ее политики поддерживался на уровне глав правительств и монархов западноевропейских держав, но сузился с пяти держав (Россия, Англия, Франция, Австрия и Пруссия) до трех. Россия была выключена в результате Крымской войны, а Пруссия — в итоге закулисной дипломатии Австрии, стремившейся избавиться от соперника в Центральной Европе.

Глава VI

ТУРЕЦКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ И ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПАРИЖСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА 1856 г.

Турецкий вопрос на конференции союзных держав в Вене и Стамбуле

Историкам-марксистам хорошо известно требование В. И. Ленина учитывать, что «войны вещь архипестрая, разнообразная, сложная». Крымская война может быть отнесена к тому типу войн, главное содержание которых — «борьба за колонии, за рынки и т. п. ... По общему правилу, война такого рода с *обеих* сторон есть грабеж...»¹. Все обстоятельства войны 1853—1856 г., включая два тура подготовительных переговоров, являются убедительным свидетельством того, как народы Балкан и Ближнего Востока были подвергнуты грабежу.

В декабре 1854 — апреле 1855 г. в Вене состоялось 14 заседаний послов и специальных представителей России, Англии, Франции, Австрии и Османской империи. Historики обращались к Венской конференции, рассматривая отдельные аспекты ее работы. Англо-американская историография от В. Пюрьера (1931 г.) до Дж. Кэртисса (1979 г.) подчеркивает миротворческий характер деятельности английской делегации². Французская историография сосредоточивает внимание преимущественно на инициативе Франции в объединении Дунайских княжеств³. Работы австрийских и немецких авторов освещают в основном преимущественную роль Австрии как арбитра и третейского посредника в остром международном конфликте 50-х годов⁴.

Исследователи в социалистических странах Европы и ряд советских ученых (Е. В. Тарле, В. Н. Виноградов, В. Я. Гросул, Е. Е. Чертан, В. Д. Конобеев, Е. М. Шатохина, Н. В. Зуева и др.) обращались к работе Венской конференции главным образом в связи с позицией России относительно создания независимой Румынии и положения православного населения Османской империи. В турецкой историографии и в османистической литературе о работе этой конференции содержатся лишь общие упоминания.

Остановимся на таких принципиальных для данного исследования сторонах работы Венской конференции, как участие в

ней турецких представителей и постановка некоторых положений, вошедших затем в Парижский мирный договор и хатт-и хумаюн 1856 г. Однако прежде следует дать общую оценку отношения западноевропейских держав к своему турецкому союзнику. Относительный уровень военного могущества как один из основных показателей международно-политического статуса и престижа держав капиталистической Европы середины XIX в. находился в известном соответствии со степенью вовлеченности на мировом (общеевропейском) и региональном (ближневосточном) уровнях в межгосударственные отношения, притом самым негативным образом воздействовал на сферы, сопряженные с военно-политическими отношениями. В середине 50-х годов это обстоятельство проявилось в инициативной роли Англии и Франции в подготовке к войне и в реализованной ими, хотя и не без труда, возможности втянуть Османскую империю в систему военных союзов с Англией, Францией, Австрией и Сардинией.

Военная мощь Османской империи находилась в процессе формирования. Она рассматривалась, что было уже отмечено выше, Англией и Францией как инструмент экспансии в интересах колониальных держав, но не достигла к середине 50-х годов уровня, который давал бы Высокой Порте, согласно сложившимся в западноевропейской политической жизни стереотипам, право активно участвовать в принятии принципиальных решений: объявление войны и перемирия, заключение мира и выработка его условий и т. д. Однако это не помешало дипломатам в Вене спекулятивно манипулировать государственными интересами Османской империи, как не помешало бедственное экономическое положение Турции финансистам Лондона и Парижа выдвинуть кабальные условия военных займов. Точно так же лозунги «Спасите турок!» не помешали англо-французскому командованию делать из них живые заслоны в боях под Севастополем.

Уже 28 декабря 1854 г. и 8 января 1855 г. на первых заседаниях в Вене выяснилось, что представители держав⁵ хотели бы воспользоваться стремлением турецкой дипломатии добиться признания Османской империи в качестве равноправной европейской державы для оказания давления на делегацию России. Представители Англии и Франции заявили о намерении впредь выдвигать новые условия, кроме принятых Россией четырех предварительных пунктов. Послы Англии и Франции в Вене Д. Уэстморленд и Ф. Буркине заявили при этом, что в рамках конференции надлежит добиваться взаимосвязанного решения проблем сохранения целостности Османской империи и европейского равновесия⁶. Выяснилось, что по второй проблеме имелось в виду установить коллективный протекторат держав в Дунайских княжествах (позднее Ф. Буркине внес другое предложение) и ввести свободу судоходства по всему Дунаю, но главным было «положить конец преобладанию России в Черном море»⁷. Пер-

вая проблема свелась к пересмотру статей Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г., которые касались покровительства России над православными подданными султана. Вопрос ставился представителем Франции так: в виде конвенции или в виде трактата должны быть зафиксированы права православных христиан в будущем мирном договоре. При наличии четвертого условия о коллективном покровительстве пяти европейских держав над всеми христианами Османской империи это заведомо ставило под контроль держав любое обсуждение между Россией и Турцией вопроса о положении христиан. Замечание К. Буоля — «мы, и только мы, здесь собравшиеся, призваны достигнуть общего соглашения» — дополняло неоднократно повторявшиеся высказывания Ф. Буркине и Д. Уэстморленда о том, что война аннулировала все предшествующие русско-турецкие договоры. Следовательно, западным державам якобы предстояло создавать заново всю систему межгосударственных отношений, а не только в районе Черного моря⁸. Эти высказывания официальных представителей ведущих держав капиталистической Европы, прилагавших все усилия для разгрома России, проливали свет на ту роль, которая отводилась Османской империи на переговорах: вместе с ними принять общее решение по вопросам реформ в положении христиан и контроля держав за реформами, т. е. по вопросам внутренней и внешней политики империи.

С какими же взглядами прибыли на конференцию представители Османской империи? В литературе бытует мнение, что их присутствие «было как бы вопросом приличия»⁹. Однако, судя по высказываниям самого представителя России в Вене А. М. Горчакова, их роль представлялась ему весьма существенной как с точки зрения защиты непосредственно на конференции интересов Османской империи, так и с учетом перспективы некоторых общих интересов трех участников конференции — Австрии, России и Турции. Австрия, как придунайская держава, Россия и Турция, кроме того, еще и причерноморские, могли бы, по мнению А. М. Горчакова, найти пути к взаимопониманию¹⁰. Опытный дипломат Али-паша, «человек скромный и достойный», даже по оценке раздражительного Дж. Рассела¹¹, не тактично выводил из тупика кулуарные совещания западных дипломатов. Он содействовал, насколько мог, продолжению работы конференции. Однако неконструктивная позиция западноевропейских держав постоянно ставила конференцию на грань срыва. По этой же причине делегации России и Османской империи не смогли полностью раскрыть содержимое своих портфелей, с которыми они прибыли на конференцию.

Е. В. Тарле заметил, что в начале 1854 г., в период пребывания доверенного Николая I А. Ф. Орлова с чрезвычайной миссией в Вене, появились планы компромисса между Россией и Турцией, которые были им отосланы в Петербург «для очистки совести»¹². Эти планы учитывались турецкой делегацией на переговорах в Вене. Они содержали семь предложений России,

сформулированных как основание для будущего мира, и семь контрпредложений Турции. В обобщенном виде контрпредложения Высокой Порты сводились к подтверждению прежних, без перечисления, договоров с Россией. Далее утверждалось, что все «привилегии христианских подданных, которые не противоречат исламу», сведены в документах танзимата и претворяются в жизнь. Высокая Порта, кроме того, готова была взять на себя обязательства обеспечить всем подданным равные права и возможности пользоваться всеми улучшениями в сфере гражданских и административных преобразований.

Объявлялось о готовности Османской империи вернуться к вопросу о статусе населения, проживавшего в районе святых мест Палестины, и окончательно решить вопрос о политэмигрантах. Особо и отдельно говорилось, что должно быть декларировано вступление Османской империи в сообщество (концерт) европейских держав. Должна была быть дополнена и утверждена всеми державами Лондонская конвенция о проливах (1841 г.)¹³. По существу, идеи турецких государственных деятелей сводились к подтверждению русско-турецкой Балта-Лиманской конвенции 1849 г., но были дополнены требованием признать европейский статут Османской империи.

В отношении позиции России следует сказать, что у А. М. Горчакова была достаточно разработанная по сравнению с турецкой стороной концепция будущего мира с Турцией. В проект мирного договора, подготовленный под руководством К. В. Нессельроде в октябре 1854 г., надлежало включить подтверждение русско-турецких Кючук-Кайнарджийского (1774 г.) и Адрианопольского (1828 г.) мирных договоров, а также особые статьи, которые гарантировали бы православным христианским подданным Османской империи свободу вероисповедания и обеспечили бы их права собственности. «Они, христиане, должны будут иметь судей и магистраты своей веры и своей национальности»¹⁴, — предусматривал проект К. В. Нессельроде. Объявление Портой о начале деятельности смешанных трибуналов по торговым вопросам в Боснии представлялось авторам проекта заслуживающим пристального внимания России. В документе считалось целесообразным сохранить крепости и все укрепленные пункты в европейских провинциях Османской империи в руках турецких властей, но не исключалась (в неопределенной форме) перспектива вооружения христиан. На данном этапе, как считали авторы проекта, главное было «разъединить» турок и христиан в административном отношении.

В проекте предусматривались отдельные переговоры с западноевропейскими державами относительно практических мер для обеспечения немусульманским подданным Турции защиты религиозных и имущественных прав. Авторы проекта справедливо полагали, что вряд ли Высокая Порта добровольно согласится на такие переговоры. Они отмечали важность прямых русско-турецких контактов по всему кругу проблем.

В целом документ носил предварительный характер, по некоторым статьям — неопределенный. Несомненно было одно: Россия шла на переговоры в Вене с реальной программой обеспечения религиозно-политических и одновременно имущественных прав наиболее угнетенной христианской части населения Османской империи.

На венских встречах представителям России и Турции не пришлось обсудить взаимные предложения. Сказалась жесткая линия союзников при обсуждении всех турецких проблем на общих заседаниях и диаметрально противоположный подход турецкой дипломатии и ее европейских партнеров по переговорам к процедуре введения в жизнь новых документов о правах христиан. Ариф-эфенди и Али-паша, прибывший в Вену позднее, настаивали на провозглашении новых реформ отдельным актом от имени султана. Иначе ставили вопрос послы держав. Стремясь взять на себя инициативу и контроль за реализацией будущих постановлений о положении немусульман в Османской империи, западные державы и Россия, противоборствуя между собой, защищали с разных позиций общий принцип — все грядущие изменения в положении христиан в Османской империи ввести извне путем принятия международно-правового акта.

Вместе с тем наблюдалась определенная борьба между А. М. Горчаковым, Ф. Буркине, Д. Уэстморлендом и К. Буолем за привлечение на свою сторону турецких представителей. Так, по предложению А. М. Горчакова (19 января 1855 г.) вопросы дунайского судоходства должны были решаться Комиссией придунайских стран, включая Турцию, Австрию и германские государства¹⁵, а по предложению австрийского представителя А. Прокеш-Остена — только Австрией и Турцией при полной нейтрализации дельты Дуная. Ариф-эфенди (23 марта 1855 г.), а затем и Али-паша поддержали по существу предложение России о многостороннем составе комиссии. Ариф-эфенди подчеркнул, что Россия мерами санитарного кордона в дельте Дуная фактически спасла Европу от эпидемии чумы в 1829 г.¹⁶

При обсуждении вопроса о независимости Дунайских княжеств, предложенного Ф. Буркине на шестом заседании, Англия и Австрия декларативно заявили, что инициативу в этом должна проявить Высокая Порта. В дальнейшем фактически были парализованы все усилия А. М. Горчакова, защищавшего автономию Дунайских княжеств, и было сорвано обсуждение самого французского предложения¹⁷. Поскольку Ариф-эфенди заявил о необходимости запросить дополнительно инструкции своего правительства в вопросе об объединении княжеств, последнее слово формально оставалось за Османской империей. На деле судьба Дунайских княжеств была использована Англией для оказания давления на Высокую Порту в других вопросах: создание англо-турецкого корпуса, участие турецких войск в крымской экспедиции 1855 г. и в операциях в Закавказье, планировавшихся на 1856 г.¹⁸

Существенное значение имела позиция турецких представителей в вопросе о проливах и военно-морских ограничениях.

Формулируя позицию Петербурга, А. М. Горчаков говорил К. Булю: «Я не убежден в том, что наши интересы требуют сохранения ключей Константинополя в наших руках, но я вполне убежден в том, что мы не можем оставить эти ключи в руках какой бы то ни было европейской державы»¹⁹. Полагая, что на будущий мир надо смотреть только как на перемирие, А. М. Горчаков не считал необходимым проявлять «особую заботливость о сохранении в неприкосновенности» фактически разорванной Англией и Францией Лондонской конвенции 1841 г., тем более что свобода судоходства в устье Дуная фактически признана Россией.

Дискуссия по проблеме нейтрализации Черного моря и ограничения военно-морских вооружений России и Турции развернулась с конца марта 1855 г. К этому времени были уточнены все военные и финансовые обстоятельства Османской империи перед ее союзниками. К войне на Черном море подключилась, вопреки воле Порты, Сардиния. Союзники приступили к массированному обстрелам Севастополя. Наполеон III собирался в Крым. Он обещал Абдул Меджиду по пути посетить Стамбул и особо осмотреть укрепления проливов.

В марте — апреле 1855 г. державы готовили новую карту Европы. Особенно деятельно трудился французский император, по замыслам которого вся Европейская Турция должна была войти в состав Габсбургской монархии, а Египет, Кипр и Крит — Соединенного королевства. Польша, отторжение которой от противника — Российской империи предусматривалось Наполеоном III с такой же легкостью, как раздел союзника — Османской империи, должна была отойти бельгийской династии, последовательно защищавшей интересы морских держав в Леванте. Аппетиты собственной буржуазии Наполеон III намеревался удовлетворить за счет территорий Савойи и Сардинии, а также владений Порты в Сирии и Ливане. Под предлогом посредничества в англо-иранском конфликте Франция сумела заключить выгодный торговый договор с Ираном, проявляла определенный интерес к восстановлению своего значительного в начале XIX в., но ослабленного в середине века влияния в этом регионе²⁰. В этих планах не было места черноморским державам — ни России, ни Турции.

23 января 1855 г. Дж. Рассел вполне определенно высказался в парламенте по поводу Венской конференции: пункт предварительных условий о пересмотре Лондонской конвенции о проливах 1841 г. — лучшее средство покончить с преобладанием России на Черном море²¹. Его поддержал в палате лордов другой глашатай «отбрасывания» России — лорд Хардуик. Благородный лорд, вооруженный статистикой, возмущался: кто кого защищает в Крыму, где силы самой Турции в Черном море и есть ли они вообще? По его словам, в 1854 г. в Стамбул из рус-

ских портов прибыли 453 судна, из них 333 — из Керчи, Азова и других неблокированных портов России! Только льяного семени они привезли 770 тыс. английских кварталов, тогда как в невоенном 1852 г., негодовал лорд, этого товара поступило 445 тыс. кварталов!²² Выводы из высказываний Дж. Рассела, Хардуика и других лордов предполагались однозначные — Англия должна навести «порядок» в Черном море. В это же время готовился английский ультиматум Ирану по гератскому вопросу, разрабатывались новые колониальные акции в зоне Персидского залива. Черноморский флот России лежал на морском дне, затопленный героическими защитниками Севастополя. Если его возрождение представляло для Англии опасность, то независимая линия Высокой Порты в вопросе о проливах и морских вооружениях могла стать досадной помехой имперским планам Лондона.

С учетом этого отступления можно точнее оценить демарш союзников, вновь прикрывшихся щитом турецких интересов. К. Буоль от имени держав заявил А. М. Горчакову, что союзные державы видят в самом факте существования флота России на Черном море постоянную угрозу территориальной целостности Турции и одновременно перспективу «жертв» интересов западных держав. Он сформулировал двойную угрозу в адрес России. Во-первых, К. Буоль обрисовал перспективу создания в Турции военно-морских баз держав, нацеленных против России; во-вторых, подчеркнул, что союзники, покинув Крым, смогут существенно продлить оккупацию Стамбула и проливов.

А. М. Горчаков предложил найти решение вопроса путем прямых переговоров с Турцией относительно уровня вооруженных сил на Черном море. Поскольку эта перспектива представлялась западноевропейским дипломатам реальной, ибо Али-паша, как писал А. М. Горчаков, всерьез заинтересовался идеями русских представителей об уровнях военно-морских сил России и Турции, 26 и 27 марта последовало новое предложение союзников. Россия и Турция должны были ограничить свои военно-морские силы на Черном море с таким расчетом, чтобы не вызывать «беспокойство» европейских держав. Черное море должно было быть объявлено закрытым морем²³. А. М. Горчаков предложил не определять существующие на момент переговоров размеры уцелевшего русского флота и нового парового турецкого флота, «очевидным образом, — как он выразился, — скрываемые», а установить будущие, т. е. после заключения мира, параметры морских вооружений России и Турции. Ариф-эфенди в ходе этого заседания воздержался от участия в дискуссии.

Дж. Рассел, стремясь оказать давление на турецкую делегацию, сделал новую спекулятивную попытку. Он предложил представителям России и Турции сосредоточиться на обсуждении вопроса о положении православных христиан в Османской империи, что было совершенно бесполезно в данной ситуации. Причем ввиду отказа России принять ограничения по морским

силам на Черном море державы могли бы, как заявил Дж. Рассел, пункт прелиминарных условий о христианских подданных принять в оптимальном для интересов Турции варианте. Ф. Буркине дополнил Дж. Рассела новой серией размышлений вслух о необходимости предоставить независимость Дунайским княжествам²⁴.

Очевидна была попытка дипломатии Англии, Франции и Австрии лишить Россию какой бы то ни было инициативы относительно положения христиан. Союзники впервые здесь уравнили отношение к своему противнику — России и к своему союзнику — Турции в том, чтобы ограничить обороноспособность обеих черноморских держав. «Следуя за ходом этих утомительных переговоров, — писал А. М. Горчаков К. В. Нессельроде 24 апреля 1855 г., — Вы смогли убедиться, что мы имеем дело с людьми, для которых ни торжественное обещание, ни существенные интересы государства не могут служить гарантией»²⁵.

Новый тур переговоров начался 16 апреля 1855 г. в связи с обсуждением меморандума А. М. Горчакова и плана нейтрализации Черного моря, представленного Эд. Друэн де Люисом. Меморандум утверждал суверенитет России в отношении ее собственных территориальных владений и право на военный флот, достаточный для их защиты. В нем отмечалось, что именно западные державы неоднократно создавали реальную угрозу проливам, тогда как Россия помогала султану сохранить свой контроль над положением дел. Подчеркивалось, что угроза европейскому равновесию и собственно Турции исходила именно со стороны морских держав, так как даже раздельная мощь каждого из флотов Англии и Франции превышала таковую русского флота. «Умаление» роли России в Черном море, по мнению А. М. Горчакова, пошло бы на пользу только нечерноморским державам. Русский флот опасности для Турции, как заявил А. М. Горчаков, не представлял. Он подчеркнул, что сложившееся политическое преобладание России в этом районе — не следствие ослабления Османской империи в результате роста освободительных движений, а итог претворения в жизнь серии договоров между Россией и Османской империей²⁶.

Весьма показательны ответные шаги западных дипломатов. Хорошо известный план нейтрализации Черного моря, предложенный Францией, был дополнен двумя новыми соглашениями между союзниками. 17 апреля 1855 г. представители Франции, Англии, Австрии и Турции договорились, что на ближайшем очередном заседании они потребуют от России ограничить свои военно-морские силы на уровне, который определится к окончанию войны, и оформить это ограничение особым договорным актом между Россией и Турцией. По представлению Али-паши тогда же согласились одновременно внести на обсуждение вопрос о признании Османской империи равноправной европейской державой. В свою очередь, представители Англии, Франции и Австрии сделали уточнение в проекте статута проливов, которые

должны были быть закрыты для любых военных кораблей. Однако султану предоставлялось бы право разрешать вход в закрытое Черное море военных кораблей европейских держав, число которых не должно превышать половины численности русского флота в этом море. Представители Австрии и Англии тут же особо оговорили перспективу учреждения консульств морских держав в русских портах. Д. Уэстморленд предложил считать поводом к войне, если русский военный флот превысит численный уровень 1853 г.²⁷

Дискредитирующий Россию как великую державу характер этих предложений, равно как и попытка ликвидировать сколько-нибудь серьезный военно-морской потенциал на Черном море, был очевиден. Присутствие Али-паши при разработке этих предложений должно было придать им характер согласованных союзнических предложений. Однако уверенности в том, что К. Буоль и Али-паша твердо поддержат эти заведомо неприемлемые для России предложения, у Д. Кларендона и Друэн де Люиса не было.

Вечером 17 апреля 1855 г. последовало их сепаратное совещание, где были намечены иные, вне согласования с Турцией и Австрией, пункты: провозглашение общих, европейских, гарантий территориальной целостности Турции, создание «противовеса» влиянию России на Черном море (что подлежало дополнительному уточнению) и ограничение русского флота на довоенном уровне²⁸. Ни один из проектов не был реализован, как, впрочем, и план Друэн де Люиса, который не поддержала Австрия. Министр иностранных дел Али-паша, возражая в принципе против ограничения вооружения турецкого черноморского флота, требовал реального учета специфических интересов Османской империи. Он был категорически против любого из вариантов открытия проливов как посягательства на суверенитет султана и нарушение безопасности турецких владений²⁹.

Фактически Али-паша, который ровно через год, на Парижских переговорах 1856 г., взял курс на достижение по крайней мере первоначальной договоренности с Россией, поддержал А. М. Горчакова. Тогда в Вене будущий глава внешней политики России, впоследствии разрушивший ограничительный режим 1856 г., задавал вопрос при обсуждении этих планов отнюдь не риторического содержания. Кто же именно угрожал Порте — два сильных реальных флота Англии и Франции или один затопленный флот России? Вопрос остался без ответа. Отсутствие необходимых инструкций, по словам Али-паши, не позволило ему войти в детальное обсуждение проекта конвенции об ограничении вооруженных сил на Черном море³⁰. Однако он принял активное участие в дискуссии по более общим вопросам.

Представители западных держав с порога отвергли меморандум А. М. Горчакова и его намерение детально обсудить также другие вопросы. Друэн де Люис, К. Буоль, Д. Кларендон и Дж. Рассел уклонялись от переговоров по существу и акценти-

ровали мифическую угрозу морским державам и Турции со стороны не только черноморского, но и балтийского флота России, подчеркивали якобы нежелание России гарантировать целостность османских территорий³¹. «Разве можно назвать химерой... — парировал эти высказывания А. М. Горчаков, — уверение, что Россия обязуется уважать неприкосновенность турецкой территории и независимость Турецкой империи. Если же Россия не берет на себя обязательство отстаивать оружием независимость Турции, то это потому, что русская кровь принадлежит России»³².

Тезис Друэн де Люиса — Франция готова сражаться за независимость Турции и заставит других уважать турецкую неприкосновенность — не встретил поддержки Али-паши. Турецкий министр пытался вернуть конференцию на почву реальностей³³. Однако после заявлений французского и английского представителей 26 апреля 1855 г. о прекращении переговоров ввиду отказа России ликвидировать свой Черноморский флот это практически стало невозможным.

Тем не менее на 12-м, 13-м и 14-м заседаниях, т. е. до окончательного прекращения работы конференции, Али-паша сосредоточил свои выступления на двух вопросах. Во-первых, он отстаивал принцип закрытия проливов для всех военных кораблей как гарантию независимости Османской империи и залог предотвращения новых конфликтов между державами Европы. Во-вторых, он предложил включить в будущий мирный договор статью о приеме Османской империи, как он говорил, в сообщество европейских держав с неотделимыми правами и обязанностями, как это принято между другими европейскими державами. Али-паша настаивал на текстуальном, договорном подтверждении всеми участниками переговоров принципа территориальной целостности и независимости Османской империи.

Али-паша, единственный из участников конференции, предлагал, чтобы каждая из договаривающихся сторон взяла на себя обязательство строго следовать всем договорным статьям, которые были бы приняты на мирном конгрессе³⁴.

По традиции Венскую конференцию принято считать безрезультатной. Это верно, если иметь в виду ее прелиминарную предпарижскую направленность. Однако с точки зрения выдвижения программы России о предоставлении постепенной автономии, а затем и независимости балканским подданным, с точки зрения поставленной на международной конференции независимости Молдовы и Валахии, наконец, выдвинутых на конференции великих держав турецкой дипломатией принципов признания Османской империи равноправным членом международного сообщества есть основание считать конференцию в Вене важным этапом в развитии международного конфликта середины 50-х годов XIX в.

В ходе работы конференции и несколько ранее, в период «котной войны», в полной мере проявился крайне негативный

для международных отношений капиталистический принцип оценки относительного уровня военного могущества как основы и права принятия решений на глобальном (с учетом эпохи — XIX в. и региона — Причерноморье) уровне. Манипулирование двумя подходами к режиму проливов: принципом их закрытия на основе Лондонской конвенции 1841 г. или принципом их открытия по воле султана и, естественно, его военно-политических союзников — было характерно для позиции держав и отражало их конъюнктурное отношение к суверенитету своего союзника и к сложившемуся к 50-м годам международному статусу важных мировых водных путей — Босфору и Дарданеллам.

Для Османской империи важность и значимость этой конференции особая. Выяснились с полной очевидностью ограничительные тенденции западноевропейских политиков в отношении Турции, желание подчинить вопрос о преобразованиях в Османской империи целям и задачам экспансионистской политики колониальных держав в Причерноморье и Восточном Средиземноморье.

С точки зрения освещения в историографии конференции в Стамбуле «повезло» еще меньше, чем Венской конференции. А. Д. Новичев отмечает, например, вне связи с конференцией о требовании послов западных держав в Стамбуле издать особый рескрипт султана, которым мусульмане и немусульмане уравнивались бы в правах³⁵. В балканистических исследованиях советских ученых оценивается другой аспект работы конференции, связанный с фактическим отказом Франции поддержать идею независимости Дунайских княжеств³⁶.

На основании докладов фанариота Калимахи, первого драгомана Высокой Порты в 1855—1856 гг., Ахмед Джевет подчеркивал инициативную роль лорда Редклифа в серии встреч посланников Франции и Англии с великим везиром Али-пашой и министром иностранных дел Фуад-пашой в течение января 1856 г.³⁷. Итогом настоятельных представлений Редклифа, Э. Тувенеля, А. Прокеш-Остена и явилось, как неоднократно отмечалось в турецкой исторической литературе, провозглашение 18 февраля 1856 г. хатт-и хумаюна (высочайшего указа), знаменовавшего второй этап танзимата³⁸.

Западноевропейская и американская историография акцентирует амбициозные устремления английского и французского послов в преддверии Парижского конгресса 1856 г., столкновения в правящих кругах Османской империи в борьбе за влияние накануне и вскоре после оглашения хатт-и хумаюна³⁹.

Подготовка, провозглашение и анализ хатт-и хумаюна освещены достаточно подробно. Остановимся в связи с этим на вопросе о степени самостоятельности турецкой внешней политики накануне провозглашения указа о реформах в период подготовки к Парижскому конгрессу и на выработке позиции Высокой Порты в отношении внешнеполитического курса и перспектив реформаторского движения.

Постоянное участие османских представителей в международных конференциях, затрагивавших проблемы Ближнего Востока и Балкан, составляло одну из главных целей великих везиров и министров иностранных дел Османской империи в эпоху танзимата. Новое поколение государственных деятелей и дипломатов, получивших европейское образование, знакомых с политической жизнью, культурой и языками Европы, отражало и защищало новые потребности страны в соответствии с экономическими и политическими реформами, многие из которых были проведены с целью приспособить турецкую экономику к нуждам и интересам европейских партнеров.

Решид-паша, Фуад-паша, Али-паша и их сподвижники ожидали, что после окончания Крымской войны (к исходу 1855 г. контуры будущего мира вырисовывались все более отчетливо) Османская империя по праву союзника победителей займет свое место в европейском концерте. Однако несколько встреч союзных держав в период войны, на которых вырабатывались условия мирного трактата, прошли без турецких представителей. Такие самостоятельные демарши Порты, как нота к Австрии от 31 декабря 1853 г., предусматривавшая возможность восстановления мира с Россией и решения русско-турецких противоречий, или настояние Али-паши на Венской конференции не распространять на Османскую империю требование о сокращении военно-морского флота на Черном море, предъявленное России, представители союзных держав либо отвергали, либо просто игнорировали. Это не могло не вызвать настороженность турецкого правительства и стремление найти пути обеспечения интересов Османской империи в период подведения итогов войны. Поэтому предложение Э. Тувенеля (начало сентября 1855 г.) провести в Стамбуле встречу дипломатических представителей Англии, Франции и Австрии с великим везиром и министром иностранных дел было немедленно принято Высокой Портой.

Опираясь на материалы биографии Редклифа, собранные С. Лейн-Пулом, данные британских и австрийских архивов, приведенные в работах Г. Темперли и У. Баумгарта, некоторые замечания (записанные, правда, значительно позже и, очевидно, по памяти) участников конференции в Стамбуле Э. Тувенеля и А. Прокеш-Остена и публикацию коллекции документов Е. Хурмузаки, можно составить картину ожидавшихся и реальных итогов встреч в османской столице в сентябре 1855 — феврале 1856 г.⁴⁰

Период между началом встреч послов с представителями Высокой Порты (сентябрь — декабрь 1855 г.) можно было бы назвать условно периодом ожиданий. Пал Севастополь, пал Карс. Державы уточняли возможность дальнейшего применения турецких войск. Интенсивно шел процесс выяснения характера требований (и уступок) между Англией, Францией, Австрией, с одной стороны, и Россией — с другой⁴¹. В Стамбуле тем временем представители союзных держав и Порты согласовывали

свои намерения устранить Россию на будущих мирных переговорах от участия в обсуждении и принятии решений относительно судьбы немусульманских подданных султана. Для западноевропейских держав проблема заключалась в том, чтобы не дать России возможности выступить с инициативами улучшения положения и в перспективе освобождения Дунайских княжеств, развития автономии Сербии, улучшения положения болгар и других православных подданных Турции, покровительства над которыми, как предполагалось, будет добиваться Россия. Представители держав защищали идею имущественного и правового равенства в первую очередь лиц с двойным подданством и покровительствуемых с мусульманской, социально-политически привилегированной частью населения Османской империи. Совершенствование административных учреждений, развитие дорожно-телеграфного строительства предполагали вести в контактных зонах, совпадавших в это время с местами пребывания союзных войск в Турции — проливы, столица, острова Эгейского моря, часть Балкан. Они стояли на позициях фактического обновения капитуляционного режима.

Совсем иного хотели, насколько можно судить по весьма неполным данным, турецкие представители. Решид-паша, Рифаат-паша и Фуад-паша, наиболее дальновидные и авторитетные деятели танзимата этого периода, видели, что дальнейшая реорганизация административной системы и экономической жизни по западному образцу была единственным способом сохранить единство империи, противостоять охватывавшему все новые сферы жизни страны влиянию западноевропейских держав. Они стремились сломить сопротивление реформам местной мусульманской оппозиции и значительной части населения немусульманских миллетов, боявшихся утратить покровительство «своей» державы, не только чтобы доказать способность Османской империи выжить, но и чтобы привлечь к движению за реформы новые силы. При этом, как они полагали, Османская империя могла войти в защищаемое правовыми и общественно-политическими нормами сообщество европейских держав. Все это могла осуществить только сильная государственная власть, обеспечивающая эффективную внутреннюю централизаторскую и независимую внешнюю политику. Вопрос об уравнивании в правах христиан и мусульман был вопросом существования сложившейся столетиями политической системы. Вопрос о правах и привилегиях, различных иммунитетах немусульман был, наконец, связан с капитуляционным режимом. Борьба за место среди равноправных держав Европы, территориальная целостность которых была формально обеспечена общими соглашениями, перспектива дальнейших реформ и освобождение от капитуляционных ограничений — таковы были основные (впрочем, не единственные) задачи, решения которых могла ожидать Высокая Порта на предстоявшем мирном конгрессе великих держав Европы.

Выше уже отмечалось изобилие проектов реформ в сочета-

нии с проектами военных союзов, которые породила необузданная колониальная экспансия Великобритании. Все они в той или иной форме вновь предстали перед турецкими государственными деятелями в начале января 1856 г.

18 января 1856 г. истекал срок ультиматума Австрии к России, которая кроме известных четырех венских пунктов должна была принять «намеренно туманный новый пятый пункт» предварительных условий⁴². За неопределенностью этого пункта могла скрываться итоговая формулировка конференции в Стамбуле. Основание для такого суждения дает резкая интенсификация переговоров представителей держав с Портой, вяло протекавших вплоть до обнаружения последнего австрийского ультиматума.

9 января 1856 г. в доме Али-паши состоялось очередное заседание, на котором присутствовали послы союзных держав. Лорд Редклиф сосредоточил свое выступление на бесконечных, по его словам, ограничениях для немусульман в отношении собственности на недвижимость. Э. Тувенель приводил примеры некомпетентности и непредставительности совещательных советов — меджлисов на местах, упрекал Али-пашу, как великого везира, в слабом контроле за их деятельностью, что наносило ущерб и Порте, и державам, и покровительствуемым предпринимателям. А. Ф. Прокеш-Остен толковал об ограничениях со стороны властей в отправлении религиозных служб в христианских храмах, к тому же умышленно Портой не ремонтируемых. Послы, следовательно, нанесли согласованный удар в направлении трех главных вопросов о положении немусульманского населения Турции. Сведенные воедино, их представления известны как меморандум послов от 9 января 1856 г.⁴³

Али-паша не отрицал обоснованности некоторых упреков в адрес правительства, но заявил, что эти положения должны войти в особый документ, принятый и оглашенный в традиционной форме султанского указа. На требование Редклифа зафиксировать обязательства Порты в общем мирном договоре, который будет принят, Али-паша ответил, что все грядущие реформы должны исходить от султана, если державы не хотят требовать того, в чем было отказано России в 1853 г., и что явилось, по его словам, причиной войны с ней, — протектората над Османской империей⁴⁴.

Последовавшая дискуссия выявила, во-первых, согласие Порты с необходимостью издать новое постановление о продолжении реформ, во-вторых, серьезное расхождение по вопросу о недвижимости. Представители держав первым делом настаивали на предоставлении иностранным подданным в Турции права на собственность и на все операции с недвижимостью как условие, а затем как следствие этого включения Турции в европейскую систему права с его разработанным со времен Французской революции положением о правах иностранных граждан.

Али-паша и Фуад-паша, не оспаривая идеи в целом, настаивали на конкретных, двусторонних переговорах с каждой из держав. Порты хотела с каждой державой отдельно обсудить реальности капитуляционных договоров. Косвенно эту мысль подтверждают выступления Али-паши на Парижском конгрессе.

25 января 1856 г., когда послы, казалось, согласились с тем, что в ближайшие недели, т. е. до начала мирных переговоров с Россией, последует Указ о реформах, Редклиф неожиданно потребовал, чтобы султан-халиф разрешил желающим свободный переход из ислама в христианство. «Такой указ был бы равносильен заявлению султана об отречении от престола»⁴⁵, — с негодованием сказал Али-паша А. Прокеш-Остену. Послы не без основания расценили демарш Редклифа как намерение сорвать переговоры с представителями Порты. Али-паша и его коллеги утвердились во мнении провозгласить Указ о реформах суверенной волей султана, без обсуждения на будущем мирном конгрессе⁴⁶. Подготовительная работа была ускорена. 18 февраля 1856 г. был издан хатт-и хумаюн, а три дня спустя в местной турецкой печати появился его текст на греческом, армянском, еврейском, французском и английском языках⁴⁷.

Конференция держав в Стамбуле фактически прекратила свою работу. Она явилась выражением определенного компромисса держав и Высокой Порты, которая приняла предложения послов, за исключением права иностранцев на недвижимость. Однако сформулированы они были в виде Высочайшего указа суверенной главы независимой Османской империи.

В. И. Ленин, оценивая внешнюю политику империализма, внес диалектику в известную формулу Клаузевица о войне и мире. «Мирные союзы, — писал он, — готовят войны и в свою очередь вырастают из войн, обуславливая друг друга, рождая перемену форм мирной и немирной борьбы из *одной и той же* почвы империалистских связей и взаимоотношений всемирного хозяйства и всемирной политики»⁴⁸. Конференции в Вене и Стамбуле отражали компромиссы европейских держав, в послекрымский период ускоренно развивавшихся в империалистическом направлении, с феодальной, замедленно капитализировавшейся Турцией, все более наглядно превращавшейся в модель государства зависимого развития, а также борьбу и соперничество держав за контроль над политическими и социально-экономическими процессами в Османской империи.

Деятельность турецкой делегации на Парижском конгрессе

Османская империя постепенно втягивалась в складывавшиеся мировые связи капиталистических стран на правах емкого и географически удобного рынка, оставаясь тем не менее резервной зоной колониальной экспансии в экономическом и по-

литическом аспектах. Наглядным тому подтверждением явилась позиция военных союзников Турции на мирных переговорах. По мнению некоторых западноевропейских дипломатов, Турция на Парижском конгрессе была докучливым и неловким провинциалом на светском рауте держав-победительниц. По мнению военных кругов Лондона, Парижа и Вены, турки больше не нужны были как пушечное мясо, ибо пушки под Севастополем и Карсом замолкли⁴⁹. Вместе с тем Парижский конгресс должен был предотвратить, как рассчитывала западноевропейская дипломатия, восстановление влияния России в Юго-Восточной Европе и на Ближнем Востоке. Турции отводилась роль своего рода предмостных укреплений, обновляемых по рецептам западноевропейских политиков, во всем, что касалось положения христианских подданных и статуса сопредельных России территорий — Закавказья и Дунайских княжеств. Крымская авантюра продемонстрировала среди прочих проявлений экспансионистской политики капиталистических держав намерение Англии, Австрии и Франции контролировать и направлять в формах, адекватных задачам укрепления сфер их колониального влияния, всю реформаторскую деятельность в Османской империи. Несколькими совещаниями представителей союзных держав в период Крымской войны, на которых вырабатывались условия мира, были проведены без участия турецких представителей. Позиция жесткого давления, занятая послами Англии, Австрии и Франции в ходе конференции в Стамбуле, на которой они ультимативно требовали от Высокой Порты оглашения проекта реформ о положении немусульманских подданных обязательно до начала мирного конгресса, отчасти развеяла иллюзии в турецких правительственных кругах, ожидавших места в европейском концерте со времени Венского конгресса 1815 г.

Пассивная роль барьера влиянию России на Ближнем Востоке, последовательно навязывавшаяся Высокой Порте державами в 30—50-х годах XIX в., расходилась как с традицией не всегда активной, но достаточно гибкой и самостоятельной турецкой дипломатии, так и с собственными расчетами правящих кругов Османской империи, втянувших страну в изнурительную войну. Турецкая дипломатия серьезно готовилась к Парижскому конгрессу, где ей пришлось выступать не только в коалиции с союзниками против России, но и в контакте с недавним противником по важным для судеб Турции вопросам. Высокая Порта дважды добивалась формального подтверждения своего будущего участия в работе мирного конгресса в Париже. Она требовала при этом самым настоятельным образом гарантий суверенитета и территориальной целостности Османской империи. Первый раз это осуществилось при заключении англо-франко-турецкого союзного договора от 12 марта 1854 г., вторично — при подписании австро-турецкого соглашения от 14 июля 1854 г. об австрийской оккупации Дунайских княжеств⁵⁰. Однако существенного изменения в отношениях с державами не произошло.

Эти многосторонние наступательные военные договоры с капиталистическими державами рассматривались в Стамбуле как средство достижения экспансионистских внешнеполитических целей в отношении русского Причерноморья и Закавказья. Одновременно они оценивались как реальная и на данном этапе единственная возможность войти в политическое сообщество западноевропейских держав, добившись от них зафиксированных в договоре гарантий сохранения османского суверенитета и целостности всех территорий, включая балканские и арабские земли⁵¹. Подобные гарантии и равноправное участие в предстоящем обсуждении широкого круга международных вопросов, включая положение в Италии, на Балтике, не оставляли, по мнению Стамбула, места прежнему подчиненному уровню, т. е. капитуляционным соглашениям, на которых, собственно, и строились отношения Османской империи с европейскими державами.

Действительно, капитуляционными в своей основе были многие положения проектов хатт-и шерифов, продиктованных западными державами в отношении католиков, протестантов и других христианских подданных султана в предвоенный период и во время войны. Таковыми же были в эти годы проекты ряда военно-политических договоров держав, прежде всего Англии с Турцией.

Фритредерскими по фразеологии и капитуляционными по сути стали торговые договоры Османской империи с державами, заключенные в 1838—1846 гг., капитуляционными, но в духе эпохи промышленного капитализма стали первые военные займы Османской империи 1854—1855 гг.⁵².

Но без труда добившись права участия на всех стадиях выработки окончательного варианта мирного договора с Россией, османская дипломатия поддерживала Пятый пункт Венских прелиминариев⁵³, исключавший на будущее русское покровительство христианским подданным султана. Вместе с тем она шла дальше, протестуя против какого-либо упоминания о христианских подданных на Парижском конгрессе. Великий везир Али-паша в качестве первого представителя Османской империи на конгрессе и как лицо самого высокого ранга среди участников конгресса должен был добиться, чтобы хатт-и хумаюн 1856 г. не только не был предметом обсуждения на мирном конгрессе, но и вообще не упоминался в тексте мирного договора⁵⁴.

Подобная позиция была логическим продолжением упомянутого выше турецкого проекта мирного договора с Россией, отвергнутого Англией и Францией и включавшего наряду с гарантиями интегральности принцип невмешательства держав в сугубо внутренний вопрос Османской империи — предоставление новых привилегий немусульманским подданным султана как проявление суверенной воли султана, объявленной еще в Гюльханейском хатт-и шерифе 1839 г.⁵⁵.

При оценке позиции и деятельности турецкой делегации на Парижском конгрессе следует также учесть, что в Стамбуле были известны два различных по своему характеру проекта устройства Дунайских княжеств, один из которых — авантюристический по своему характеру план Наполеона III включить княжества в цепь территориальных разменов в Италии, во имя воцарения, как писал К. Маркс, «кого-либо из Бонапартов на игрушечный трон Румынии...»⁵⁶.

Иной конкретный и реальный характер носил русский проект 1855 г. под названием «Предложение относительно прав христиан и их церкви», в основе которого лежала организация общинного самоуправления в балканских владениях Османской империи⁵⁷. «Предложения» России были отвергнуты на венских переговорах западными державами, поспешившими оказать давление на Порту с разработкой и оглашением в противовес русскому проекту национального возрождения балканских народов на принципах автономии хатт-и хумаюна 1856 г. с его абстрактным провозглашением общего равенства подданных-османов. Русский проект получил широкую известность на Балканах. Высокая Порта, учитывая возможность появления в повестке дня конгресса как французских планов территориальных разменов, так и русских проектов балканской автономии, выступала против любого варианта обсуждения на конгрессе вопроса о христианах. Сконцентрировав, однако, внимание на одной стороне капитуляционного режима — защите державами «своих единоверцев» — и добиваясь коллективных гарантий западных держав невмешательства России в положение христианских подданных, османская дипломатия предопределила неудачу своих демаршей еще до начала работы Парижского конгресса.

Таковы были основные исходные принципы, которыми руководствовались Али-паша и второй представитель Турции, посланник в Париже Джемиль-бей⁵⁸.

Обстоятельства разработки и заключения Парижского мирного договора вот уже 130 лет привлекают исследователей. Известны официальные протоколы, точнее тщательно отредактированные коммюнике по итогам каждого заседания⁵⁹. Все это позволяет нам не останавливаться на хорошо освещенных вопросах, сосредоточив внимание на тех конкретных пунктах повестки дня Парижского конгресса, в дискуссии по которым проявилась позиция турецкой делегации, не изучавшаяся в специальной литературе.

После первого дня работы конгресса, открывшегося 25 февраля 1856 г., когда обсуждались вопросы преимущественно протокольного характера, переговоры перешли в стадию ожесточенных дискуссий. В них немедленно включился Али-паша. Предпринятое западноевропейскими делегациями уже на первых заседаниях параллельное обсуждение территориальных вопросов о Бессарабии и Закубанье (внутриполитических для России) и положения немусульманских подданных султана (внутриполи-

тической проблемы Османской империи) свидетельствовало об определенном курсе союзных держав. Речь шла об ограничении суверенитета России на сопредельных с Турцией землях и одновременно о создании некоего подобия международно-правовой основы вмешательства во внутренние дела Порты, прежде всего в областях, населенных христианами и смежных с Россией⁶⁰.

Деятельность Али-паши на конгрессе раскрывает методы борьбы османской дипломатии за интересы своей державы и дает представление о методах использования европейскими представителями непоследовательных попыток Али-паши пересмотреть зависимое положение Турции в системе международных отношений.

При обсуждении предварительных условий, так называемых Венских прелиминариев, Али-паша убедился, что, отступая от достигнутой в начале 1856 г. в Стамбуле при подготовке хатт-и хумаюна договоренности, западноевропейские дипломаты намерены включить в мирный трактат статью, которая дала бы возможность контролировать, как осуществляется хатт-и хумаюн. Возражения Али-паши при подписании прелиминариев в Вене и на заседаниях Парижского конгресса (втором, четвертом и шестом) сводились к тому, что хатт-и хумаюн, опубликованный от имени султана, гарантировал и защищал равенство мусульманских и христианских подданных, полностью обеспечивал права последних. Поскольку хатт-и хумаюн говорил не только о религиозных правах, но и о правах политического и гражданского равенства, то включение какой-либо статьи по этому вопросу в будущий мирный договор, утверждал Али-паша, и даже факт его обсуждения являлись бы вмешательством во внутренние дела Османской империи⁶¹. Последовало детальное обсуждение высказываний Али-паши, а также предложения первого представителя России на конгрессе А. Ф. Орлова включить в трактат положение о гарантировании договаривающимися державами равных прав для всех религиозных общин в Турции, равно как и гражданских прав для христиан⁶². Д. Кларендон, первый представитель Англии на конгрессе, счел, что это «предложение хуже ноты Меншикова», вызвавшей разрыв отношений между Россией и Турцией в 1853 г. Али-паша, в свою очередь, пригрозил, что он не подпишет мирный трактат, если там будет такая статья. Дискуссия приобрела затяжной характер, во-первых, ввиду расхождений между союзниками — участниками конгресса, во-вторых, в связи с требованием Али-паши иметь время на дополнительное изучение всех материалов обсуждения этих вопросов на заседаниях правительства Османской империи⁶³.

Тем временем развернулись дебаты по территориальным вопросам. Как было согласовано в феврале 1856 г. между министром иностранных дел Франции А. Валуевским и английским послом в Париже Г. Каули, возвращение Карса Турции должно было войти в не оглашавшийся заранее Пятый пункт Венских прелиминариев⁶⁴. Однако Г. Пальмерстон не удовольствовался

такой трактовкой. Д. Кларендон 15 февраля 1856 г. прибыл в Париж с дополнением и весьма широким толкованием «доселе таинственного» (Е. В. Тарле) Пятого пункта. Помимо провозглашения независимости или передачи Турции всех земель на левом берегу Кубани, «во имя безопасности Азиатской Турции со стороны Черного моря» Россию следовало бы лишить всех укреплений на Черноморском побережье. Д. Кларендон, изложив эти идеи Ф. И. Бруннову, второму делегату России на конгрессе, умолчал, о каком именно побережье Черного моря, северном или восточном, идет речь, и тут же перешел к обеспечению интересов британской торговли в горных и прибрежных районах Западного Кавказа⁶⁵. Д. Кларендон развивал все ту же идею охраны интересов Турции, но уже в ином аспекте. Он подчеркивал, что все упомянутые предложения должны рассматриваться участниками конгресса в тесной связи с процессом реорганизации турецкой административной системы, особенно в отношении прав христиан в дунайских провинциях Османской империи⁶⁶.

«С полнейшим сочувствием» выслушав заявление Ф. И. Брунова о желательности коллективного контроля великих держав над претворением в жизнь хатт-и хумаюна, Д. Кларендон тут же предложил перенести обсуждение этой проблемы на конференцию в Стамбуле, которая смогла бы, по его словам, собраться после нескольких лет подготовительной работы. Это позволило бы в эти годы наиболее эффективно направлять усилия Порты в деле реализации реформ⁶⁷. Эти предложения не получили дальнейшего развития ни на общих заседаниях, ни на частных встречах русских и турецких делегатов. Остается неясным, был ли этот пробный шар английского посла согласован с Али-пашой⁶⁸. Очевидно вместе с тем, что западноевропейская дипломатия намеревалась санкционировать на конгрессе продолжение сепаратной деятельности послов союзных держав в Стамбуле Редклифа, Э. Тувенеля и А. Прокеш-Остена (осень — зима 1855 г.), главным содержанием которой было устранение России от реального участия в решениях по Восточному вопросу и сведение второго этапа танзимата к формам, закреплявшим финансовую и торгово-производственную зависимость Османской империи. Дальнейшая борьба на конгрессе была, следовательно, продиктована не только влиянием России на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Европе. Речь шла о формах зависимого развития суверенной страны Ближнего Востока, ее подчинении капиталистическим державам на длительный период.

Односторонняя ориентация турецкой делегации на союзников, продиктованная из Стамбула, существенно ослабила турецкие позиции на переговорах, тогда как западноевропейские партнеры разменивали интересы Османской империи с той привычной легкостью, с которой опытные игроки разменивали деньги и фишки в казино.

Работа Парижского конгресса продолжалась. 26 февраля 1856 г. состоялась официальная встреча А. Ф. Орлова с представителями западных держав, на которую по предложению Д. Кларендона турки не приглашались. А. Ф. Орлов в соответствии со своими инструкциями сделал попытку, повторенную затем на общем заседании 28 февраля, связать воедино проблему «уточнения границ в Бессарабии» и возвращение Карса Османской империи⁶⁹. Д. Кларендону, который поддерживал постоянную телеграфную связь с Редклифом, было известно, что Абдул Меджид и Совет министров Турции озабочены возвращением Карсского пашалыка гораздо больше, чем размерами той территории, которая должна была отойти от России, тем более в состав земель, оккупированных союзными войсками. За спиной Али-паши было решено не приглашать турок на обсуждение вопросов нейтрализации и разоружения Бомарзунда на Балтике. А. Валевский и Д. Кларендон связывали, однако, возвращение Карса Турции с проблемой Аландского архипелага. В то же время Д. Кларендон вновь заговорил «возвышенно и пространно» о защите интересов Турции на Кавказе, при этом возвращение Карса предлагалось рассматривать уже в ином варианте — в связи с прекращением, по формулировке Г. Каули, «протектората России в Имеретии, Гурии, Абхазии и Мингрелии», на что русская делегация отвечала решительным отказом, называя это вмешательством во внутренние дела России⁷⁰.

Дискуссия, в ходе которой Али-паша выражал справедливое возмущение отстранением от участия в вопросах, как он выразился, нейтрализации Балтики, приняла столь острый характер, что могла показаться формальным разрывом, как заметил А. Ф. Орлов⁷¹. Д. Кларендон сообщал Г. Пальмерстону, что прекращение переговоров ему кажется неизбежным⁷².

Кризис в переговорах или их долгое затягивание могли отвечать интересам Англии и Австрии, но не России, Франции, Сардинии и, конечно, не Турции, для которой затягивание военного положения и пребывание иностранных войск в районе проливов и столицы грозило политической катастрофой⁷³.

Острую ситуацию разрядил А. Ф. Орлов, который предложил, отложив другие вопросы, обсудить нейтрализацию Черного моря и вновь вернуться к положению христиан. По словам Е. В. Тарле, последний вопрос «не имел даже и тени серьезного, реального значения в тот момент»⁷⁴. Озабоченный этой проблемой, как считал Е. В. Тарле, в минимальной степени, А. Ф. Орлов приложил, однако, все усилия, чтобы совершенно приватно и вполне доверительно встретиться «со старым своим знакомым Али-пашой». А. Ф. Орлова заботило, во-первых, будущее влияние России на положение православных христиан в связи с хатт-и хумаюном 1856 г. и, во-вторых, возможность совместных с турками демаршей в отношении нейтрализации Черного моря. Исключительная важность первой проблемы для России подчеркивалась в инструкциях А. Ф. Орлова⁷⁵; вторая — дикто-

валась кризисным развитием переговоров и особенно непримиримой и двуличной позицией Д. Кларендона. В ходе беседы, содержание и сам факт которой А. Ф. Орлов и Али-паша весьма успешно скрыли от своих коллег по переговорам, турецкий дипломат сообщил А. Ф. Орлову, что в конце 1855 г. в Стамбуле послы Англии, Франции и Австрии достигли соглашения с турецким правительством исключить участие России в послевоенном устройстве Дунайских княжеств. Это, по мнению Али-паши, оказывало влияние на позицию союзных держав на Парижском конгрессе. Али-паша подтвердил свою решимость выступать против упоминания хатт-и хумаюна в документах конгресса. Рассчитывать на поддержку Али-паши при обсуждении вопроса о положении христиан А. Ф. Орлову не приходилось. Зато по вопросу о Черном море взаимопонимание было достигнуто. «Мы приняли тон прямого согласия с османскими представителями,— докладывал А. Ф. Орлов Александру II,— решить вопрос, касающийся военно-морских сил прибрежных государств, и в этом достигли большего, нежели с другими делегациями»⁷⁶.

Опираясь на эту договоренность, А. Ф. Орлов и внес на упомянутом выше заседании конгресса 28 февраля 1856 г. предложение о двустороннем русско-турецком предварительном согласовании численности военных судов на Черном море и перенесении проблемы Дунайских княжеств на рассмотрение особой комиссии после завершения мирных переговоров. Предложение А. Ф. Орлова кратко, но твердо поддержал Али-паша. К нему присоединились А. Валевский, К. Буоль и представитель Сардинии Вилламарина. Русский проект решения вопросов нейтрализации Черного моря на двусторонней основе, предлагавшийся А. М. Горчаковым на Венских переговорах 1855 г., не в полной мере, но все же находил, следовательно, понимание в Турции. Демилитаризация Аландских островов в Балтийском море⁷⁷, принятая без участия одной из союзных держав — Турции, определенным образом уравновешивалась бы конвенцией о демилитаризации Черного моря, заключенной между двумя черноморскими державами⁷⁸.

Сближение представителей России и Турции относительно нейтрализации Черного моря вызвало вначале решительное противодействие Лондона и Вены. Д. Кларендон попытался, но не смог без поддержки А. Валевского и Али-паши сорвать русское предложение⁷⁹. Однако А. Ф. Орлову и Али-паше пришлось уступить и согласиться на передачу своих согласованных решений в редакционную комиссию, в состав которой вошел Г. Каули. Одновременно в Стамбуле под предлогом «сдерживания турок» Редклиф продолжал стимулировать дискуссионные вопросы о мирном урегулировании между Россией и Турцией на Кавказе, прежде всего вопрос о Карсе.

В отношении статей о демилитаризации Черного моря турецкие представители занимали относительно более благожелательную к России позицию, чем по проблеме положения христиан

или возвращения Карса. Турецкие историки А. Н. Курат и Т. Озтуна писали, что нейтрализация Черного моря рассматривалась в Турции как разоружение черноморского флота России, отныне не представлявшего, по их словам, опасности Стамбулу и проливам⁸⁰. Тем более, писал турецкий историк Дж. Куршат, что османские эскадры свободно базировались в Мраморном море и всегда могли выйти через Босфор в Черное море⁸¹.

Иллюзорность восстановления утраченного полновластия Порты в Черном море поддерживали соответствующими заявлениями С. Редклиф и Э. Тувенель. Они акцентировали превосходство османского флота, защищенного военным союзом с морскими державами⁸². Вместе с тем вполне реальным был заинтересовавший турецких государственных деятелей русский проект статей мирного трактата, предусматривавший преимущественные права Турции на определение режима проливов. В Стамбуле был известен проект конвенции, предложенный Россией в 1855 г. в ходе переговоров в Вене и с порога отвергнутый западными державами. Проект предусматривал: признание за Турцией права пересмотреть Лондонскую конвенцию 1841 г. «по силе единственного полновластия проливов», а также установление пропорционального уровня черноморских флотов России и Турции в мирное время и численных пределов эскадр нечерноморских держав в случае их появления в Черном море; обмен сведениями между Россией и Турцией о маневрах и учениях их флотов в открытом море; возможность присутствия на таких маневрах наблюдателей от обеих черноморских держав и т. д.⁸³. Таким образом, проект вполне учитывал интересы Турции. Кроме того, такие прагматичные и дальновидные политики, как Решид-паша, Али-паша, Рыза-паша, хорошо понимали необходимость скорейшей нормализации отношений с ближайшим соседом по ту сторону «разоруженного» Черного моря, тем более что представители России высказывались как на предварительных переговорах в Вене, так и в Париже за сохранение суверенных прав султана не только на проливы, но и на «территории, к ним примыкающие», равно как на предпочтение принципа закрытия проливов для любых военных кораблей⁸⁴.

Учет этих обстоятельств и далеко не в последнюю очередь доверительный тон А. Ф. Орлова в беседах с Али-пашой (впрочем, русский представитель отнюдь не скрывал растущее взаимопонимание с французским императором) объясняют, почему вопреки ожиданиям Д. Кларендона Али-паша не поддержал требование Англии и Австрии распространить демилитаризацию на Азовское море и на укрепления Херсона и Николаева. Али-паша и Джемиль-бей не поддержали на заседаниях 4 и 5 марта 1856 г. ни первый вариант союзников о нейтрализации Черного моря, предусматривавший уничтожение всех военных укреплений и флотов при неограниченной свободе коммерческой навигации⁸⁵, ни другой, французский, объявлявший Черное море нейт-

ральным, а «удержание или установление на его побережье военно-морских укреплений... ненужным и бесцельным». Обязательство не возводить и не сохранять на Черном море никаких арсеналов должен был взять на себя, согласно проекту Франции, султан Османской империи⁸⁶. Заметим также, что на этих заседаниях А. Ф. Орлов согласился на создание смешанной комиссии по демаркации азиатских границ России и Турции, что было с удовлетворением воспринято в Стамбуле, равно как сообщение о выводе из Николаева на Балтику двух недостроенных линейных кораблей⁸⁷. Формулировка статей о нейтрализации при всей сокрушительности для морского могущества России на Черном море прошла в варианте, формально обязывавшем и Россию, и Турцию отказаться от флотов и укреплений. «Оставались еще некоторые трудности», — осторожно заметил Тарле.

Эти трудности касались жизненно важного для обеих черноморских держав вопроса — какими реальными военно-морскими силами они могут располагать для защиты своего суверенитета. Обстоятельства выработки русско-турецкой конвенции о военных судах свидетельствуют об активной роли турецкой дипломатии в этом вопросе. При этом обнаружены подлинные цели Англии. Д. Кларендон и Г. Каули настаивали на общем обсуждении вопросов численности вспомогательных флотов России и Турции. «Мы, однако, предпочли прямые переговоры с турками», — телеграфировал Александру II А. Ф. Орлов утром 4 марта. — Принцип закрытия проливов согласован. Контакты с турками продолжаются». Поздно вечером того же дня в Петербург ушла очередная депеша, в которой говорилось, что удалось согласовать с Али-пашой общую линию действий по территориальным вопросам на принципах Петербургской конвенции 1834 г., утвердившей незыблемость разграничения в Азии, определенного Адрианопольским миром 1829 г. «Турецкая делегация требует углубленно изучить вопрос о количественном и качественном составе черноморских эскадр, и подписание конвенции замедлено»⁸⁸, — докладывал А. Ф. Орлов.

Дело в том, что в противовес Англии, стремившейся к уничтожению русского черноморского флота и максимальному ослаблению турецкого, Франция сообщила Турции и России, что поддержит их взаимную договоренность об уровнях морского вооружения вне рамок общих дискуссий. Помощь Англии в реконструкции турецкого флота перерастала в полное засилье англичан. За избавление от него к концу войны все чаще высказывались в кругах военно-морского ведомства Турции. Обсуждение демилитаризации Черного моря могло помочь осуществлению этих надежд. В Стамбул в первых числах марта 1855 г. поступили в сжатом телеграфном стиле два проекта: французского адмирала Ф. Гамелена, одобренный А. Валевским, и контрпроект А. Ф. Орлова.

Проект Ф. Гамелена жестко фиксировал число вооруженных пароходов строго по шесть вымпелов у России и Турции и не-

сколько невооруженных транспортов. «Перевооружение или модернизация, — гласил проект, — не может осуществляться ни в количественном, ни в качественном отношении»⁸⁹.

Проект А. Ф. Орлова подчеркивал взаимные права и обязанности России и Турции как черноморских держав, которые во имя сохранения мира должны согласовываться между собой действия в зоне Черного моря. Предусматривались возможность модификации кораблей и изменения в конвенции после ее заключения по договоренности между Россией и Турцией. Проект детализировал качественный состав эскадр: пароходы для карантинной и таможенной службы, парусные и паровые невооруженные транспортные суда и мелкие суда портфлота. Предлагалось точно установить порты базирования турецких и русских пароходов карантинной службы: для России — Одесса, устье Днепра, Балаклава, южная оконечность Крыма; для Турции — Батум, Трабзон, Босфор, Варна, устье Дуная⁹⁰.

Проект А. Ф. Орлова отвечал жизненным потребностям России и в немалой степени интересам Турции. Союзники поняли истинный смысл русского проекта: воссоздание на Черном море боеспособной эскадры кораблей нового типа — паровых фрегат-тов.

На турецкую делегацию в Париже обрушились Д. Кларендон и Г. Каули, которые угрожали прервать переговоры. В Стамбуле долгие часы провел у Абдул Меджида, у министра иностранных дел Фуад-паши, в Совете министров Турции лорд Редклиф, поддержанный Э. Тувенелем и А. Прокеш-Остеном⁹¹. Али-паша и Джемиль-бей после долгих колебаний дрогнули и отступили под дружным натиском своих союзников, отнюдь не желавших ни реального усиления Турции, ни тем более русско-турецкого сближения. А. Ф. Орлов, лишенный поддержки отпавшегося Али-паши, на нескольких заседаниях подряд отстаивал идею сохранения ограниченных шестью единицами, но современного парового типа, боеспособных эскадр России и Турции с точным указанием портов их базирования. Последний вопрос имел особое значение, так как морские державы настаивали на том, чтобы их военные корабли имели право посещать территориальные воды Османской империи и заходить в любой порт. Только к концу работы Парижского конгресса было выработано компромиссное решение о количественных и качественных характеристиках военных кораблей России и Турции. Одновременно была утверждена конвенция о проливах, подтверждавшая закрытие проливов в мирное время для военных судов всех стран⁹². Уступив союзникам и не поддержав взаимовыгодные предложения России о реставрации флота, Османская империя, как отмечают турецкие историки, обеспечила себе выгодное подтверждение принципа закрытия проливов, т. е. Лондонской конвенции 1841 г.⁹³ По существу, державы подтвердили капитуляционные права в отношении судоходства, формально отказавшись лишь от требования свободного захода в черно-

морские порты Турции. Слабость позиций турецкой делегации в этом вопросе была очевидна многим государственным деятелям Турции. Полтора десятилетия спустя А. М. Горчаков при поддержке Фуад-паши добился отмены ограничительных статей Парижского мирного договора 1856 г., начав подготовительную работу именно с этих статей⁹⁴.

* * *

Более определенную, но в целом малорезультативную позицию занимали турецкие представители по вопросу о капитуляциях, а также о статуте Дунайских княжеств.

Вытеснение России из зоны проливов и Юго-Восточной Европы осуществлялось западноевропейской дипломатией несколькими способами, включая нейтрализацию Черного моря и новый статус Дунайских княжеств. Позиция Османской империи — сюзерена княжеств, на территории которых в 1853 г. начались военные действия и которые весной 1856 г. оставались оккупированными Австрией, могла иметь принципиальное значение. Тем более значимой позиция Турции могла быть в связи с острой борьбой относительно объединения княжеств, развернувшейся на конгрессе не столько между Россией и союзными державами, сколько в лагере самих союзников. В Стамбуле болезненно реагировали на длительную австрийскую оккупацию княжеств и низовьев Дуная. Возвращение к прежнему положению княжеств в рамках Османской империи, без особых прав покровительства России, составляло одну из главных задач османской дипломатии⁹⁵. Достичь этого Али-паше не представлялось сложным. Всего лишь месяц назад, 11 февраля 1856 г., послы Англии, Франции и Австрии в Стамбуле при его участии подписали обширное соглашение о послевоенном статусе Дунайских княжеств, главной целью которого, по словам К. Буоля, была «дерусификация княжеств»⁹⁶. Оно предусматривало возвращение княжеств под суверенитет султана с ограниченными привилегиями эпохи Баязида I и Мехмеда II Фатиха, а также занятие турецкими войсками после заключения мира крепостей на левом берегу Дуная, от устья Прута и укреплений на русско-молдавской границе⁹⁷.

Вряд ли было известно Абдул Меджиду I и его министрам, что, одобряя действия А. Прокеш-Остена, заверявшего турок, что Австрия вполне разделяет взгляды Турции на княжества и поддержит ее в Париже, император Франц Иосиф на деле был против объединения княжеств и реставрации османского режима и соответствующие указания уже были даны К. Буолю. Выполнять условия стамбульского соглашения от 11 февраля 1856 г. столь же мало входило в намерения представителей Франции и Англии, как и Австрии, на переговорах в Париже.

Многоходовая политическая комбинация Наполеона III, стремившегося упрочить свои позиции в Италии и Центральной

Европе за счет Дунайских княжеств, раскрыта в работах советских и зарубежных исследователей⁹⁸. И все же следует отметить, сколь мало считался Наполеон III со своим турецким союзником, отнюдь не заботясь о согласованности действий с Турцией на конгрессе. Посол Франции в Стамбуле Э. Тувенель получил указание добиваться одобрения Абдул Меджидом французского плана объединения Дунайских княжеств, означавшего отказ от соглашения от 11 февраля 1856 г., только 9—10 марта 1856 г., т. е. после двух недель работы конгресса⁹⁹. А. Вальевский сделал не слишком удачную попытку объяснить Али-паше свой отказ от ранее согласованной с Турцией линии поведения на конгрессе по Дунайским княжествам тем, что план объединения ему лично стал известен только за три дня до заседания, т. е. 5 марта 1856 г. Лихорадочная активность Редклифа в Стамбуле, готовившего совместные демарши Англии и Турции в пользу реставрации османского господства в княжествах, плохо согласовывалась с многозначительными умалчиваниями в Париже Д. Кларендона, который на словах высказывался против, но проголосовал за их объединение. Могли ли знать Али-паша и Джемил-бей о письме Г. Пальмерстона Д. Кларендону в Париж от 7 марта 1856 г.! Предписывая Д. Кларендону поддержать идею объединения, «благородный защитник» Турции писал: «Что касается интересов Англии (в деле объединения княжеств.— В. Ш.), то я бы сказал, что мы заинтересованы в увеличении владений Сардинии в Италии, а присоединение к ней Пармы (в случае избрания герцога Моденского правителем княжеств и перехода герцогини Пармской в Модену.— В. Ш.)— вот что было бы для Сардинии действительно важным приобретением»¹⁰⁰. Откровенным политическим цинизмом пронизано послание от 22 марта 1856 г. другого «бескорыстного ревнителя» интересов Турции, министра колоний Дж. Рассела С. Редклифу, несколько обескураженному зигзагами турецкой политики Форин офиса. Дж. Рассел писал, что, по его мнению, существовал лишь один способ решения судьбы Дунайских княжеств— либо пренебречь турками, либо оскорбить население княжеств¹⁰¹.

Али-паша, оказавшись в полной изоляции, по существу преданный своими союзниками в вопросе о Дунайских княжествах, при обсуждении отказа России от права покровительства княжествам сделал попытку исключить саму идею протектората какой-либо державы либо группы держав в отношении Османской империи или какой-то ее части¹⁰². Утверждая идею общих гарантий в отношениях с державами, Али-паша предпринял первую пробную попытку пересмотра системы капитуляций.

На шестом заседании 8 марта 1856 г. продолжалось обсуждение вопроса о будущем Дунайских княжеств. Выяснилось, что Али-пашу беспокоила не формальная сторона правления— княжество или господство, наследственное или пожизненное правление. С любыми из этих вариантов он готов был согласиться,

в свою очередь отступая от соглашения в Стамбуле от 11 февраля. Он настаивал на объявлении о возвращении Молдовы и Валахии под суверенитет Османской империи. Али-паша, выступление которого в опубликованные протоколы конгресса внесено не было, обратил внимание участников конгресса на исторически сложившиеся различия между княжествами, равно как и на различия в их нынешнем положении, что и делало, по его словам, в данный момент объединение нецелесообразным. Единственный из участников конгресса, впрочем до конца так и не выслушанный, Али-паша предложил выяснить мнение населения княжества относительно объединения¹⁰³.

В острой полемике между К. Буолем, отвергшим объединение княжеств, и А. Велевским, А. Ф. Орловым и К. Кавуром, поддерживавшими объединение, Али-паша формально сблизился с позицией австрийского представителя. Однако обращает на себя внимание тот факт, что аргументы Али-паши так или иначе сводились не только к возврату княжеств под «сень османского владычества» (он перестал поддерживать этот тезис после заявления А. Ф. Орлова об отказе России от покровительства княжествам), но к устранению (как главному, по его мнению, итогу войны) любых форм покровительства держав над христианскими подданными Турции, лишь часть из которых составляли жители Дунайских княжеств¹⁰⁴. Али-паша, следовательно, однако и безуспешно не столько ставил, сколько зондировал вопрос о капитуляционных соглашениях. Представители государств на конгрессе предпочли этих попыток не заметить. Судьбу княжеств постановили окончательно решить на конференции держав после заключения мира. Включение в редакционную комиссию Али-паши вместе с К. Буолем и Ф. Буркине было частным тактическим успехом турецкой делегации.

Одним из трех принципов выработки окончательного статута Дунайских княжеств явилось внесенное Али-пашой требование объявить султанским хатт-и шерифом решение, которое державами должно быть принято. Это, как заявил Али-паша, должно было символизировать перед мусульманскими и немусульманскими подданными султана его суверенную волю, добровольное выполнение Портой хатт-и хумаюна 1856 г.¹⁰⁵. Нам представляется, что это была также своего рода компенсация Турции со стороны ее западноевропейских партнеров за отказ поддерживать требование Али-паши, чтобы в мирном договоре не упоминалось о хатт-и хумаюне.

С проблемой будущего статута Дунайских княжеств была для Турции непосредственно связана и проблема свободы судоходства по Дунаю. При всех расхождениях Англия и особенно Франция прилагали немало усилий, чтобы итальянские претензии Австрии направить на Ближний Восток, где она неминуемо столкнулась бы с Османской империей и, конечно, с Россией¹⁰⁶. Одновременно подогревалось стремление Абдул Меджида войти в европейский концерт на правах равного и, следова-

тельно, защищенного от вмешательства одной из держав общими гарантиями члена европейского сообщества.

Как известно, Венский конгресс 1815 г. провозгласил свободу коммерческой навигации на реках, протекающих по территориям нескольких государств. В отличие от Эльбы и Рейна это положение не распространялось на нижнее течение Дуная, так как Османской империи было отказано в праве участвовать в работе Венского конгресса.

На заседании 6 марта 1856 г. А. Валевский зачитал проект статьи Парижского мирного договора о свободе судоходства на всем течении Дуная и создании двух комиссий из придунайских государств. В составе их упоминалась Османская империя с соответствующими правами и обязанностями. В очередном туре полемики Австрии с западноевропейскими партнерами Али-паша заметного участия не принимал. С августа 1854 г. французские и английские послы готовили Стамбул к тому, что на основе пресловутых «Четырех пунктов Вены» и в связи с потерей Россией части Бессарабии Россия перестанет быть дунайской державой, а Турция войдет в число стран — распорядителей важнейшей водной артерии Юго-Восточной Европы. Порте давали также понять, что от позиции ее представителей на конгрессе зависел и пересмотр ряда положений Бухарестского и Адрианопольского договоров с Россией¹⁰⁷. Завороженные главной своей целью, Али-паша и Джемил-бей упустили возможность добиться гарантий невмешательства держав во внутренние дела Османской империи и принять участие в европейском сообществе. В ходе дискуссии в связи с нежеланием Австрии распространить принцип свободы навигации на Верхний Дунай возник очередной «перекос» за счет Османской империи. «Турецкая» часть Дуная как бы становилась европейской, а остальная — баварской или австрийской. К тому же турецкая сторона должна была нести крупные издержки по очистке гирла Дуная и по поддержанию судоходства, учитывая обменение Сулинского гирла с 16 футов в 1844 г. до 7,5 фута в 1853 г.¹⁰⁸

Турецкая делегация в очередной раз оказалась на конгрессе в изоляции. В состав Дунайской комиссии была включена, естественно, и Россия. В определении правил судоходства приняли участие наравне с прежним сувереном — Османской империей также Молдова, Валахия и Сербия. В сентябре — октябре 1856 г. новому великому везиру, Мустафе Решид-паше, оставалось свидетельствовать возвратившемуся в Стамбул российскому послу А. П. Бутеневу сожаление о недостаточном взаимопонимании между Россией и Турцией в марте 1856 г. на Парижском конгрессе, жаловаться на затянувшееся присутствие австрийских войск в Дунайских княжествах и привлекать его внимание к проблеме суверенитета Турции в дельте Дуная, «слишком по-своему понимаемому западными державами»¹⁰⁹.

Работа Парижского конгресса во второй половине марта 1856 г. носила характер редакционного обсуждения статей до-

говора, а вопрос о положении христианских подданных все еще не был решен. Стало известно, что Абдул Меджид настаивал на выводе всех иностранных войск из Стамбула не позднее 40 дней после подписания мирного договора и что Фуад-паше и Решид-паше даны указания готовить декларацию о невмешательстве держав во внутренние дела Османской империи¹¹⁰. Это обстоятельство, так же как и весьма обоснованное предположение, что Али-паша внесет на очередном заседании, а А. Ф. Орлов поддержит обсуждение такого документа, который может придать непредвиденный ход работе конгресса, было учтено председательствовавшим на конгрессе А. Валевским¹¹¹. 12-е, 13-е и 14-е заседания конгресса по своей направленности и остроте дискуссий могли бы сравниться с обсуждением пограничных проблем, хотя обсуждали, казалось бы (так, впрочем, и казалось многим), узкий вопрос — форму утверждения положений хатт-и хумаюна в тексте договора о мире в Европе. Опираясь на материалы, подготовленные К. М. Базили (бывший российский генеральный консул в Сирии, по словам А. Ф. Орлова, «видимо, лучший знаток духовных дел на Востоке»), ставший на конгрессе его ближайшим и доверенным советником), делегация России внесла несколько предложений. Они предусматривали возврат к довоенному положению христиан (православных и католиков) с последующим обсуждением коллективных реальных мер контроля держав за реализацией положений хатт-и хумаюна с учетом новой ситуации¹¹². Серия проектов Австрии, Франции и Англии предполагала считать хатт-и хумаюн соответствующим Четвертому пункту Венских прелиминарий, который, следовательно, выполнен, о чем и надлежало объявить в мирном договоре¹¹³.

Эти проекты встретили несогласованные, но решительные возражения А. Ф. Орлова и Али-паши. Турецкий представитель внес на рассмотрение конгресса проект ст. IX мирного договора, который в целом совпадал с принятым позднее текстом этой статьи. Однако отличие заключалось в выделении пункта о суверенной воле султана в вопросах внутренней политики и в обязательстве держав не вмешиваться в отношения султана с его христианскими подданными¹¹⁴. Дискуссия по серии проектов ст. IX (всего до десяти проектов) носила затяжной характер, не раз осложнялась другими проблемами.

Тем временем в Стамбуле состоялось три специальных заседания Совета министров Турции при участии Абдул Меджида, на которых обсуждались различные проекты. Русский проект был отвергнут, так как августейший хатт был назван в нем просто «акт» («L'acte», в турецком переводе — «sened»), что напомнило туркам злополучную ноту А. С. Меншикова. Французский проект был отвергнут потому, что там было употреблено выражение «prendre acte», при переводе которого на турецкий язык возник термин «kaııt», могущий означать «ограничение в чем-либо, кого-либо». Наконец, сумели найти термины, содержащие

понятия «kefalet ve taahüt» («гарантия и обязательство»), эквивалентные турецким понятиям гарантий принятых постановлений¹¹⁵.

24 марта 1856 г. Али-паша объявил, что он получил телеграмму, разрешавшую принять, с учетом использования подходящих выражений, известную по всем публикациям формулировку ст. IX. Не следует сбрасывать со счетов османскую терминологическую казуистику, но главное, по нашему мнению, заключалось в том, что в эти же 20-е числа марта Али-паша предпринял последнюю попытку добиться пересмотра режима капитуляций и поэтому затягивал обсуждение ст. IX. Воспользовавшись весьма недвусмысленными пожеланиями А. Валевского и Д. Кларендона привести торговлю и навигацию в Османской империи в соответствие с нормами международного права и осуществлять это одновременно с улучшениями в положении христиан¹¹⁶, Али-паша воссоздал на пленарном заседании 25 марта убедительную предысторию режима капитуляций, как первоначально обеспечивавших личную и имущественную безопасность иностранцев в Османской империи. Он подробно показал, как иностранные коммерсанты и лица, получившие двойное подданство, вмешивались в административное управление на местах и фактически создали фаворитную систему для подданных европейских держав в Османской империи и для лиц, находившихся под разными видами покровительства. «Их деятельность, — заявил Али-паша, — является неодолимым препятствием к любым преобразованиям»¹¹⁷. Выступавшие затем французский, австрийский и другие представители, речи которых в протоколы не были включены, выражали формальное сожаление по поводу гипертрофии личных привилегий иностранцев в Турции, не соответствовавшей в то время ее положению как члена европейского сообщества наций. Однако не следует спешить, говорили они, а после заключения мирного договора следовало бы вернуться на новой конференции в Стамбуле к проблеме капитуляций, чтобы «найти разумное соотношение между гарантиями прав иностранцев в Турции и продолжением преобразований в административном устройстве Османской империи, при этом дать удовлетворение всем заинтересованным сторонам»¹¹⁸.

Так было парализовано намерение Османской империи выйти из порочного круга режима капитуляций, душившего экономическую, политическую и, наконец, духовную жизнь страны. Экономические позиции страны Али-паше на заключительном этапе работы конгресса отстоять не удалось, как не удалось в начале его работы избежать упоминания османского внутригосударственного акта — хатт-и хумаюна в Парижском мирном договоре, создатели которого в Париже, Вене, Лондоне и других европейских столицах мыслили как символ новой системы отношений держав в Европе.

Утром 30 марта 1856 г. Парижский мирный договор был подписан¹¹⁹. На последовавших затем пленарных заседаниях уже

не стояли вопросы, непосредственно связанные с Османской империей. Вместе с тем Англия и Австрия, оказав, как говорил А. Валевский А. Ф. Орлову, определенное давление на Францию, подписали 15 апреля, т. е. за день до окончания работы Парижского конгресса договор трех союзных держав, предусматривавший гарантии территориальной целостности и независимости Османской империи в границах, определенных Парижским мирным договором, любое нарушение которого должно было рассматриваться как повод для вмешательства Англии, Франции и Австрии в защиту своего союзника по Крымской войне. Договор мало соответствовал пацифистским высказываниям Д. Кларендона, К. Буоля и самого А. Валевского на последних заседаниях. Османской империи он служил формальным подтверждением того, что коллективные гарантии держав, которых так упорно добивалась турецкая дипломатия, стали составной частью Крымской системы¹²⁰. В течение почти 20 последующих лет на этом убеждении строилась внешнеполитическая деятельность османских государственных деятелей. Оборонительная дипломатия Али-паши в период работы Парижского конгресса привела лишь к новым поражениям страны в борьбе с капиталистическими державами. Складывалась ситуация, которую еще в начале 1853 г. предвидел К. Маркс: «Турецкое правительство будет поставлено под непосредственное начало послов западных держав, турецкое военное министерство — под начало военных министерств Англии и Франции, а турецкие армии — под начало французских и английских генералов»¹²¹.

Односторонняя ориентация Османской империи на западные державы, как показала деятельность турецких представителей на Парижском конгрессе, отнюдь не способствовала утверждению авторитета страны, защите ее интересов. Вместе с тем впервые на конгрессе европейских держав была представлена суверенная держава Востока, дипломатия которой при всей ограниченности своих успехов могла и умела защищать свои интересы, заставляя великие державы принимать их во внимание.

Парижский мирный договор, ограничивший суверенитет России как черноморской державы, несколько в меньшей степени, но ограничивал также и Османскую империю. Закладывались основы их совместных выступлений против нейтрализации Черного моря, в пользу равноправного статуса дунайского речного судоходства, взаимовыгодного развития торговых отношений и т. д.

Статьи Парижского мирного договора ограничивали Россию в определенном круге проблем, Османскую империю — в целом, в общем направлении дальнейших реформ. Предстояла тяжелая борьба угнетенных народов за национальное возрождение, за независимость от османского ига.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В политике капиталистических держав на Ближнем Востоке в 30—50-х годах XIX в. боролись две основные тенденции: первая, ведущая — превращение Турции в резерв будущей экспансии капитализма, обширную периферийную зону, лежащую между метрополиями в Европе и афро-азиатскими колониями; вторая, приобретающая в отдельные периоды главенствующее место, — раздел между капиталистическими державами османских территорий, прежде чем они обретут независимость в результате национально-освободительного движения. Обе тенденции были противоречивы в своей сути.

Первая объективно стимулировала дальнейший рост буржуазных отношений в наиболее развитых и готовых к национальному государственному возрождению областях Османской империи, что, в свою очередь, влекло распад полирегионального османского конгломерата. Реализация второй тенденции требовала недостижимого — согласия между всеми европейскими державами. Конфликты между ними (включая Россию) крылись в противоречиях самой системы капитализма в целом, в конфликтах формационных структур держав Европы, прикрытых фальшивым лозунгом европейского равновесия и защиты территориальной целостности Османской империи.

Реализация основных тенденций в политике западноевропейских держав по отношению к Османской империи происходила в сферах экономических и внешнеполитических связей. Экономическое внедрение держав в Османской империи усиливало явления полистадиальности в развитии дофабричного производства и сельского хозяйства, углубляло конфронтацию внутри османского общества, которая отражала, во-первых, столкновение «внутриосманских» предкапиталистических, феодальных сил с растущим капитализмом; во-вторых, усугубляла стимулированное извне столкновение формационно различных систем — османской, в основном феодальной, и колониальной, капиталистической. Столкновение второго рода наиболее заметно проявилось в контактных зонах, с особенной остротой там, где смыкались колониальные владения держав или окраины метрополий с османскими территориями, на которых подъем освободительных движений был наиболее высок, а влияние центра — Высокой Порты — наименьшим.

Усиление политического и экономического давления западноевропейских держав на Османскую империю в 30—50-х годах XIX в. происходило в то время, когда в отдельных регионах империи формировался капиталистический уклад, а на ее малоазиатском массиве господствовали докапиталистические уклады. Втягивая османскую Турцию в мировой капиталистический рынок, колонизаторы подчиняли традиционные уклады своему влиянию и потребностям воспроизводства в метрополиях, тогда как собственно капиталистический уклад в наиболее развитых регионах Османской империи ограничивался сравнительно узкими рамками как в территориальном плане, так и в смысле фаз воспроизводственного процесса.

Вовлечение Османской империи в мировой капиталистический рынок осуществлялось через сочетание экономических форм (преимущественно неэквивалентный обмен в различных видах) и внеэкономических, таких, как военно-политические договоры, обновленный капитуляционный режим, вмешательство в реформаторское движение, интервенция держав или угроза ее применения, подавление или участие в подавлении любого патристического движения, чреватого возрождением национальной государственности отдельных регионов Османской империи.

Вооруженное участие Англии, Франции и Австрии в фактических кризисах на Ближнем Востоке (1839—1841) или в стимулированных военных тревогах (1849—1850) приходилось на послекризисные периоды временных экономических подъемов, когда подготавливались очередные наступательные акции военно-политического характера против суверенной державы Востока.

Наиболее активные действия дипломатических и военных представителей капиталистических держав по распространению на Османскую империю режима свободной торговли и устранению попыток протекционистских мероприятий Высокой Порты приходилось на периоды промежуточных или очередных циклических кризисов.

В первый период танзимата в Османской империи формировались принципы и формы частичной защиты национального производства. При всей своей ограниченности они могли содействовать многим позитивным процессам последующего периода развития Турции, однако были сорваны войной 1853—1856 гг. и фактическим контролем представителей стран-заимодавцев над экономическим развитием Турции во второй половине XIX в. В столкновении с потоками импортных промышленных товаров наиболее сокрушительный удар потерпело производство в контактных зонах. Во внутренних районах Малой Азии и в отдаленных от побережья арабских и частично европейских территориях Османской империи дешевизна этих товаров и их обилие не могли ни обеспечить абсолютное преобладание Запада на рынках Турции, ни уничтожить местное производство на уровне городских ремесел и мануфактурного производства.

Специфической сферой проникновения держав в экономику Османской империи стала сфера интендантского потребления. По мере совершенствования военного производства и превращения его в главный наряду с армией объект забот турецких реформаторов росли возможности воздействия западноевропейских держав на эту сравнительно развитую отрасль экономической жизни Османской империи. Был проложен прямой путь к контролю держав над османской военной организацией в целом. Что же касается турецкой армии и флота, которые Англия и Франция стремились поставить себе на службу на правах военных союзников, то следует сказать, что использование для грабежа колоний и подавления восстаний войск местных азиатских и африканских правителей, в целом характерное для эпохи промышленного капитализма, приобрело в эпоху Крымской войны характер еще более широкий и целенаправленный.

Втягивание Османской империи в складывавшееся капиталистическое разделение общественного труда осуществлялось опосредованно, через такое «разделение труда» с ведущими партнерами — Англией, Францией и Австрией, где Турции доставалась доля зависимой периферии. Итоги упрочившейся после 1856 г. так называемой взаимозависимости капиталистических держав Западной Европы и Османской империи включали наряду с несомненными позитивными последствиями усиление политического контроля и углубление формационного разрыва между державами-гарантами и Османской империей. Усилия Высокой Порты добиться равноправного участия в концерте европейских держав отражали наряду с политическими соображениями объективный порыв зарождавшейся национальной турецкой буржуазии к участию в международном капиталистическом разделении труда.

Интенсивность вторжения иностранного капитала и степень деформирующего давления на реформаторские преобразования в Турции возрастали на фоне поисков османскими правящими кругами средств подновления существующего режима. Армия и внешнеполитическое ведомство были главными объектами забот турецких реформаторов; внешнеторговые монополии в Османской империи и устранение ограничений для иностранцев на торговлю внутри страны, на операции с недвижимостью стали главными объектами «забот» европейских фритредеров, опиравшихся на обновленный в соответствии с требованием эпохи промышленного капитализма режим капитуляций. Капитуляционный режим утратил двусторонний характер «держава — Порта» и трансформировался в договорно-правовой и многосторонний по форме, но также капитуляционно-ограничительный по содержанию, не как итог Крымской войны и результат принятия Османской империи в концерт европейских держав на Парижском конгрессе 1856 г.

По существу, это произошло двумя десятилетиями раньше и было проявлением одного из методов колониальной экспансии

капитализма на Ближнем Востоке. Вопреки утверждениям буржуазной историографии последних лет, защищающей капитуляционные иммунитеты как меру ограждения христиан от притеснения турок и форму интеграции Османской империи в «атлантическую экономику середины XIX в.», стимуляция капитуляционного режима, в частности института покровительствуемых лиц, имела самые пагубные последствия для социально-экономического развития страны. Усиливалась социально-культурная и этнорелигиозная изолированность отдельных групп населения, что служило «как нельзя лучше» реализации проектов влияния держав-покровительниц на экономическое и политическое развитие Османской империи. Война 1853—1856 гг. сорвала попытки Высокой Порты бороться с капитуляционным режимом и его модификациями. Державы — союзницы Турции, пользуясь войной, усовершенствовали его.

Воздействие капиталистических держав Европы на политическую и экономическую жизнь Османской империи в 30—50-х годах XIX в. влекло за собой формирование своеобразной социальной зависимости. Наиболее интенсивно втягивались в сотрудничество с иностранным капиталом нетурецкие буржуазные силы на Балканах и на некоторых арабских землях, в приморских городах Малой Азии. Стимулировались в первую очередь тенденции местного инационального капитала. Подвластные Порте нетурецкие народы раньше и интенсивнее, чем турки, втягивались в хозяйственные и культурные связи капиталистического типа, тогда как османское государство в целом отставало и, более того, эти связи сдерживало. Борьба с господством турок за национальное возрождение, поиски союзников и ожидание помощи от европейских держав в этой жестокой борьбе нередко приводили к укреплению контактов передовых с точки зрения формационного развития сил с теми же самыми капиталистическими державами — Англией, Францией и Австрией, для которых экспансия в Юго-Западную Азию и Юго-Восточную Европу составляла одну из главных целей политики.

Объективно и вопреки усилиям представителей западноевропейского капитала и дипломатии, а также связанных с ними компрадорской буржуазии, мусульманской и христианской клерикальной верхушки усиливалась освободительная борьба нетурецких народов Османской империи. Ускорились также и формирование капиталистического уклада в турецкой среде населения Османской империи, складывались предпосылки формирования турецкого буржуазного самосознания.

В конечном счете западный капитализм объективно способствовал углублению всех видов зависимости — политической, экономической и социальной. В этом состояло глубокое противоречие той модели зависимого развития политически суверенной страны, которая сложилась в итоге взаимовлияния не прямой колониальной экспансии капитализма на Ближнем Востоке и реформаторских процессов в Османской империи.

В изучаемый период вполне сформировался внешнеполитический курс Османской империи, нацеленный на достижение равноправного участия в системе международных отношений. В то же время дальнейшее продолжение реформ оказывалось в более тесной связи, чем ранее, с общим состоянием международной среды на Ближнем Востоке и с развитием революционных событий в Юго-Восточной Европе. «Умеренность и реформы» — девиз османских реформаторов в связи с ростом революционного движения в Дунайских княжествах означал тенденцию к османизации балканских территорий. Сочетанием репрессий силами реформированной армии и полумер в отношении христианской верхушки устранялись, с точки зрения Высокой Порты, основания для вмешательства западноевропейских держав, а центр тяжести международных противоречий в регионе перемещался в плоскость отношений западных держав с Россией.

Суммируя интересы держав в этом вопросе, можно сформулировать следующие положения. Англия, Франция и Австрия при всей специфичности своих интересов на Ближнем Востоке объединялись в главном — в стремлении наиболее эффективно использовать процесс интеграции Османской империи в складывавшийся мировой капиталистический рынок и соответствующими договорными актами повысить ее вклад в общий военный потенциал держав. Путем к этому была ускоренная модернизация армии, флота и отчасти производства в контактных зонах морского побережья. В полной мере проявилось общее стремление западноевропейских держав не допустить роста освободительных движений в пределах самой Османской империи, особенно в Европейской Турции, среди тех миллионов славян, которые веками видели в России свою избавительницу от османского ига.

Международные отношения в рамках так называемой «крымской системы» складывались в социально-экономически однородном мире, где господствовали промышленно развитые капиталистические державы. Турция, объективно включенная в эту систему, хотя и на подчиненной, зависимой основе, не должна была «серьезно» выпадать из этой конструкции. Смысл реформаторских предложений и проектов держав периода интенсивного формирования западноевропейскими державами ядра международного конфликта середины XIX в., по существу, свелся к подтягиванию некоторых внутренних институтов и состояния экономической жизни османского государства до известного уровня, адекватного интересам торгово-промышленных кругов Англии, Франции, Австрии и других капиталистических держав Западной Европы на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Европе.

Дипломатические и военно-политические действия Англии, Франции и Австрии накануне и в годы войны 1853—1856 гг. отражали существенные стороны турецкой политики этих держав: во-первых, осуществлялся курс на отстранение Османской импе-

рии от выработки конструктивных решений по вопросам самого ее существования как суверенного государства; во-вторых, выработывался метод превентивных решений, сепаратно принимаемых западноевропейскими державами вне зависимости от последующей реакции Высокой Порты.

Широковещательные лозунги Лондона и Парижа о защите Османской империи были всего лишь проявлением идеологического формализма и профанации «принципов равновесия в Европе», что было характерно для внешней политики капиталистических держав периода свободной конкуренции. Вооруженное присутствие колониальных держав в Восточном Средиземноморье, в зоне Персидского залива и на Аравийском полуострове получило формальное обоснование — защита интегральности османских владений. Манипулируя проблемой интегральности османских территорий, виго-пальмерстоновская, наполеоновская, габсбургская дипломатии агрессивно воздействовали на формирование международной среды в 50-х годах XIX в. В этой среде, отвечающей капиталистическим производственным отношениям эпохи перехода от свободной конкуренции к империализму, наиболее слабые партнеры, отстававшие в социально-экономическом отношении (как, например, Османская империя), неизбежно терпели ущерб. Усиливались негативные явления в реформаторском движении. Тормозились, искажались объективные процессы формирования международной среды в регионе в целом. При этом военно-финансовые обязательства Порты перед союзниками определяли зависимость внешнеполитической ориентации османской Турции как субъекта международной среды второй половины XIX в.

Участие в военно-политическом союзе позволило Англии, Франции и Австрии прочно закрепиться на османском рынке, оставаясь непримиримыми соперниками в дальнейшей борьбе за расширение экономических и стратегических интересов на Ближнем Востоке.

Блок ведущих капиталистических держав с Османской империей сложился на базе их совместной борьбы против России в Европе и на Ближнем Востоке, а также на основе обширных планов территориальной экспансии Англии, Франции и Австрии в Юго-Восточной Европе, в Восточном Средиземноморье и в Западной Азии.

Союз Османской империи с державами действовал вне определенной социально-классовой структурной единицы и уже в силу гетерогенности османского общества был нестабилен как подсистема международных отношений середины XIX в. и тем особенно неблагоприятен для политики Высокой Порты.

Восточная (Крымская) война 1853—1856 гг. была первым вооруженным столкновением держав на Ближнем Востоке эпохи промышленного капитализма, война несправедливая и захватническая со стороны всех ее участников. Социально-политические и экономические сдвиги, происходившие в Османской

империи в первой половине XIX в., создавали предпосылки самостоятельного внешнеполитического курса страны, сорванные непоследовательностью османских реформаторов во внутренней политике и участием в военно-политическом блоке с державами в 1853—1856 гг.

Невозможность для какой-либо одной европейской державы установить контроль над экономическим и стратегическим потенциалом Турции, нетерпеливое ожидание в европейских кабинетах скорого конца «больного человека на Босфоре» содействовали обострению Восточного вопроса в 50-х годах, порождали новые формы воздействия держав на процесс реформаторского обновления в Турции, такие, как многосторонние военные соглашения, кабальные финансовые обязательства, которые в дальнейшем существенно исказили характер и результаты реформ 60—70-х годов XIX в.

Финансово-политический контроль посредством комиссий наблюдателей, комиссий «держателей османского долга» и других подобных организаций кредиторов-финансистов сложился не в связи с признанием Портой своей неплатежеспособности, а значительно ранее — в годы Крымской войны в связи с военными расходами Порты и для возложения на нее всей тяжести неравноправного члена военного союза и должника, расположенного на периферии капиталистического мира Европы XIX в., на стратегических путях к новым объектам колониальной экспансии.

Формирование элементов колониальной экономики в формально независимой стране происходило одновременно и под влиянием дальнейшего развития капитализма в Англии и Франции. К 60-м годам XIX в. они в основном «сформулировали» выгодные для себя условия разделения труда и пропорции обмена в рамках интегрирования Османской империи в европейский концерт. Экономическое и политическое подчинение Турции без формальной военной экспансии адекватно соответствовало потребностям промышленного капитализма, но в немалой степени отражало усиление борьбы держав за рынки сбыта и сырья политически свободных, но фактически зависимых стран Востока.

Османской империи потребовалось 40 лет (от Венского конгресса 1815 г. до Парижского конгресса 1856 г.), чтобы получить статус своеобразного члена-наблюдателя в европейском концерте. Право на входной билет в клуб великих держав было куплено ценой отказа от политики баланса между державами, переориентацией от союза с Россией в 1833 г. на сближение с колониальными державами в 40-х годах. На этот же период приходятся многие попятные моменты в реформаторском движении. Османская империя, начав с установления контролируемого совместно с державами статуса черноморских проливов в 1841 г., кончила ограниченным суверенитетом в качестве черноморской державы в 1856 г.

Участие в военной коалиции с колониальными державами

стимулировало внутренний кризис в Османской империи. Усились консервативные силы, сопротивлявшиеся реализации танзимата, ратовавшие за жесткий воинственный курс в отношении освободительного движения угнетенных балканских народов, объективно, вопреки непоследовательной политике царизма, опиравшихся на поддержку России. Только широкие антиколониальные и революционно-освободительные движения открывали перспективу преодоления неполного и деформированного воздействием держав перехода Турции от феодализма к становлению национального буржуазного государства.

Во второй половине 50-х — начале 60-х годов XIX в. новый революционный подъем охватил страны Западной Европы. Революционная ситуация сложилась в России. Антиколониальные восстания прокатились по странам Востока. Острое недовольство передовых сил Османской империи социально-политической ситуацией, сложившейся в стране в период после Крымской войны, вызвало к жизни новое турецкое конституционное движение.

Введение

¹ См.: Зарубежный Восток и современность. Т. 3. М., 1980, с. 298.

² Там же, с. 469—470.

³ См.: Ленин В. И. Блок кадетов с прогрессистами и его значение.— Т. 21, с. 223; он же. Переписка Маркса с Энгельсом.— Т. 24, с. 264 (здесь и далее произведения В. И. Ленина даны по Полному собранию сочинений).

⁴ Ленин В. И. Статистика и социология.— Т. 30, с. 351.

⁵ Ленин В. И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте...— Т. 42, с. 290.

⁶ См., например: Энгельс Ф. Турецкий вопрос.— Т. 9; он же. Анти-дюринг. Диалектика природы.— Т. 20 и др. (здесь и далее произведения К. Маркса и Ф. Энгельса даны по Сочинениям, 2-е изд.).

⁷ См. работы К. Маркса: Турецкий вопрос в палате общин.— Т. 9; Лондонская пресса.— Политика Наполеона в турецком вопросе.— Т. 9; Британская торговля.— Т. 15. Серия статей К. Маркса о Пальмерстоне: Лорд Пальмерстон.— Т. 9; Лорд Пальмерстон.— Т. 11; Поражение министерства Пальмерстона.— Т. 12 и др.

⁸ Маркс К. Объявление войны.— К истории возникновения Восточного вопроса.— Т. 10.

⁹ Энгельс — Марксу в Лондон.— Т. 27, с. 241.

¹⁰ См.: Энгельс Ф. Что будет с Европейской Турцией?— Т. 9.

¹¹ Подробнее см.: Классики марксизма-ленинизма и военная история. М., 1983, с. 136—140.

¹² См.: Энгельс Ф. Армия Европы.— Т. 11, с. 487—493.

¹³ Энгельс Ф. Европейская война.— Т. 10, с. 6.

¹⁴ См. работы В. И. Ленина: Развитие капитализма в России.— Т. 3, с. 184; Империализм, как высшая стадия капитализма.— Т. 27, с. 404—405; О сепаратном мире.— Т. 30, с. 185—186.

¹⁵ Вронченко М. Обзорение Малой Азии в нынешнем ее состоянии, составленное русским путешественником М. В. Ч. 1—2. СПб., 1839—1840; Гагемейстер Ю. А. О европейской торговле в Турции и Персии. СПб., 1838.

¹⁶ Подробнее см. гл. I настоящей монографии.

¹⁷ Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887; Соловьев С. М. Восточный вопрос.— Собрание сочинений в 1-м т. СПб., [6. г.]; Жигарев С. Русская политика в Восточном вопросе. Ее история в XVI—XIX вв. Критическая оценка и будущие задачи. Т. 1—2. М., 1896; Горянов С. Босфор и Дарданеллы. Исследование вопроса о проливах по дипломатической переписке, хранящейся в Государственном и С. Петербургском главных архивах. СПб., 1907; Петров А. Н. Русские дипломаты на Венских конференциях 1855 г.— Исторический вестник, 1890, № 4—6.

¹⁸ Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. 1—3. СПб., 1900; Зайончковский А. М. Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1—2. СПб., 1908—1913. Прил. Т. 1—2. СПб., 1908—1912; Милютин Д. А. Турецкая империя. Послание старому товарищу в Константинополь для исправления. СПб., 1847.

¹⁹ См.: Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография. М., 1981, с. 193—194.

²⁰ Новичев А. Д. История Турции. Т. 3 (1839—1853). Л., 1973; Т. 4 (1853—1856). Л., 1978; Петросян Ю. А. Младотурецкое движение (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1971; Желтяков А. Д. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729—1908). М., 1972.

²¹ Дулина Н. А. Османская империя в международных отношениях (30—40-е годы XIX в.). М., 1980; она же. Танзимат и Мустафа Решид-паша. М., 1984; Фадеева И. Л. Османская империя и англо-турецкие отношения в середине XIX в. М., 1982; Petrosyan I. E. On the Motive Forces of the Reformist and Constitutionalist Movement in the Ottoman Empire (Some Social Transformation Processes).— *Economie et sociétés dans l'Empire Ottoman (fin du XVIIIe — début du XXe siècle)*. 1983, с. 13—24.

²² Подробные оценки и библиографические описания см.: Итоги и задачи изучения внешней политики России, с. 221—247.

²³ Там же, с. 239—245; Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., 1984, с. 131—189.

²⁴ См.: България и европейските страни през XIX—XX век. София, 1975.

²⁵ Библиографическое описание большинства упомянутых работ см. в Примечаниях к гл. I—VI.

²⁶ См.: Шеремет В. И. Турецкая историография сербского освободительного движения.— *Югословенске земље и Русија. Сб. статей*. Београд, 1983; Ибрагимбейли Х. М., Шеремет В. И. Современная турецкая историография Восточной (Крымской) войны.— *Вопросы истории*. 1977, № 4.

²⁷ Tarih. С. 3. Istanbul, 1933; Tanzimat. Istanbul, 1940 (статьи О. Сарджа, Я. Тенгиршенка, М. Юнанча); Gürel T. A. 1853—1855 türk-rus mütteliklerin Kırım savaşı. Istanbul, 1935.

Среди работ 30—40-х годов следует особо выделить данное исследование Т. Гюреля, которое выгодно отличается стремлением автора не только дать новый материал (во многом ныне ставший уникальным), но и определить истинные цели и задачи и соответственно способы их достижения каждой из занятых в кризисе 50-х годов XIX в. стран, включая Османскую империю как равного участника в событиях войны и мира.

²⁸ Karal E. Z. Osmanlı tarihi. С. 5. Nizam-ı cedit ve Tanzimat devirleri (1789—1856). 1. baskı. Ankara, 1954—2. baskı, 1961—3. baskı, 1970; Artaoğlu F. H. Siyasî tarih dersleri. 1789—1919. Ankara, 1961; Çavlı E. A. Kırım harbi. Paris muahedenesi. Istanbul, 1967.

²⁹ Berkes H. 100 sorunda Türkiye iktisat tarihi. Osmanlı ekonomik tarihinin temelleri. С. 1. Istanbul, 1969; Cem I. Türkiyede geri kalmışlığın tarihi. Istanbul, 1971; Avcioğlu D. Milli kurtuluş tarihi 1830-den 1895-e. Istanbul, 1974; Sertel Y. Le concept de mode de production asiatique et les interprétations de l'histoire ottomane.— *Pensée*. P., 1976, № 186.

³⁰ Fişek K. Türkiye'de kapitalizmin gelişmesi ve işçi sınıfı. Ankara, 1969; Çavdar T. Milli mücadelelerin ekonomik kökenleri. Istanbul, 1974; Yerşimos St. Azgelişmişlik süreçinde Türkiye. С. 1. Istanbul, 1973; Herper M. Center and Periphery in the Ottoman Empire.— *International Political Science Review*. 1980, vol. 1, № 1; Poroу I. Expansion of Opium Production in Turkey and State Monopolies of 1828—1829.— *International Journal of Middle East Studies*. 1981, vol. 13.

Глава I

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. *Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Шtirнера и немецкого социализма в лице его различных пророков.*— Т. 3, с. 58.

² Маркс К. *Капитал*. Т. 3.— Т. 25. Ч. 1, с. 365.

³ См.: Века неравной борьбы. М., 1967, с. 60—94; Жуков Е. М., Барг М. А., Черняк Е. Б., Павлов В. И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979, с. 255—329; Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. 2-е изд. М., 1977, с. 83—279; Широков Г. К.

Промышленная революция в странах Востока. М., 1981, с. 8—65; Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984, с. 107—192.

⁴ См.: Новичев А. Д. История Турции. Т. 3. Новое время. Ч. 2 (1839—1853). Л., 1973, гл. II; Алибеков И. В. О причинах промышленной отсталости полуколониальной Турции.— *Etudes balkanique*. Sofia, 1975, № 3, с. 77—79; Тодорова М. Н. Россия, Англия и танзимат. М., 1983, гл. I—II.

⁵ ЦГАДА, р. XV, д. 322, л. 40об. Фрагменты «Мемуара» были опубликованы П. А. Чихачевым в 1851 г. в «*Revue des Deux Mondes*».

⁶ Вронченко М. П. Обзорение Малой Азии в нынешнем ее состоянии, составленное русским путешественником М. В. Ч. 1—2. СПб., 1839—1840.

Опубликована под этим названием лишь часть подробного отчета о поездках капитана генштаба М. П. Вронченко по Западной Анатолии (Измир — Кайсери — Самсун — Измир) и подполковника генштаба П. П. Львова по Восточной Анатолии (Трабзон — Диярбакыр — Кайсери — Алеппо — Трабзон). Эти поездки были совершены в 1833—1835 гг. Первый обзор Восточной Анатолии подготовлен П. П. Львовым еще в 1825 г. под названием «О торговле Трабзона» для Азиатского департамента МИД России. Включен в общую указанную публикацию М. П. Вронченко.

Записки и отчеты Львова и Вронченко за 1825—1835 г. в хранениях разрознены [ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 9727 (не исследовано); ф. ВУА, д. 45 (материалы только о Вронченко, о них см. в статье Г. А. Клейнман «Из истории изучения Турции в России. Работы М. П. Вронченко» — Проблемы истории Турции. М., 1978, с. 93—101); АВПр, ф. ГА II-10, 1833, д. 4 «Об отправлении в Азиатские владения Турции подполковника Львова и капитана Вронченко» (в статье Г. А. Клейнман не исследовано)].

⁷ Чихачев П. А. Страница о Востоке. М., 1981, с. 47.

⁸ Там же, с. 48; Коммерческая газета. 01.02.1854.

⁹ ЦГАДА, р. XV, д. 322, л. 12—12об.; *Viguesnel A. Voyage dans la Turquie d'Europe*. P., 1868, с. 274—275.

¹⁰ ЦГАДА, р. XV, д. 322, л. 21.

¹¹ Там же, л. 21об.

¹² См.: Коммерческая газета. 06, 22 и 29.02.1843, 01 и 03. 05.1845; *Tableau général du commerce de la France avec les colonies etc. L'année 1841—1849*. P., 1841—1850. Ср.: *Rassagni M. The French Economic Interests in the Ottoman Empire*.— *Middle East Studies*. L.— N. Y., 1980, vol. 2, № 3, с. 359—361.

¹³ *Bailey F. E. British Policy and the Turkish Reform Movement. A Study in Anglo-Turkish Relations 1826—1853*. Cambridge (Mass.), 1942, с. 93—94.

¹⁴ Дорев П. Документи за българската история. Т. 3. Документи из турските държавни архиви. Ч. 1 (1564—1872). София, 1940, с. 267, 270, 273.

¹⁵ *MacGregor D. Commercial Statistics*. Vol. 2. L., 1850, с. 110.

¹⁶ Новичев А. Д. Экономические и социальные сдвиги в Малой Азии и на Балканах в первой половине XIX в. и начало танзимата. Первый конгресс балканских исследований. София, 26 августа—1 сентября 1966 г. Сообщения советской делегации. М., 1966, с. 5; *Texier Ch. L'Asie Mineure*. P., 1862, с. 120—122.

¹⁷ Спустя семь лет в Бурсе появилась механическая шелкомотальня (капитал армянских купцов, машины немецкие), ранее считавшаяся первой паровой шелкомотальней в Турции (см.: Инджикян О. Г. Буржуазия Османской империи. Ер., 1977, с. 132).

¹⁸ Коммерческая газета. 22.09.1840; Шавров Н. И. Шелководство и шелковая промышленность Турции. Ч. 1. Тифлис, 1907, с. 285—286.

¹⁹ Коммерческая газета. 28.06.1842, 04.02.1843. Кроме организации шелкомотального производства правительство пыталось директивным способом сосредоточить в руках исключительно турецкого населения производство дорогих, устойчиво сбываемых шелковых и полушелковых одеял. Однако далее создания 60 непродуктивно работавших станков и острейшего конфликта между турками-ткачами и традиционными объединениями греков-бельевщиков дело не двинулось.

²⁰ Смилянская И. М. Социально-экономическая структура стран Ближнего Востока на рубеже нового времени. М., 1979, с. 137; Промышленное состояние Турции.— Коммерческая газета. 30.01.1854.

²¹ Коммерческая газета. 03.05.1845.

²² Martineau A. Le commerce français dans le Levant. P., 1892, с. 145—176; Nicolaïdy B. Les turcs et la Turquie contemporaine itinéraire et compte-rendu des voyages dans les provinces Ottoman. T. 2. P., 1859, с. 344—345.

²³ Сладковский М. И. Китай и Англия. М., 1980, с. 54—59.

²⁴ Шевалье Д. Сирия и нововведения европейской экономики в середине XIX в. Доклад на Международном конгрессе экономической истории. М., 1970, с. 1—2; Коймен О. Империализм свободной торговли. Оттоманская империя. М., 1970 (V Международный конгресс экономической истории. Ленинград, 10—14 августа 1970 г.), с. 14.

²⁵ О свертывании национального производства под воздействием европейского экономического давления, преимущественно по Малой Азии, подробнее см.: Семенов Л. С., Шеремет В. И. Внешнеэкономические связи Турции эпохи Крымской войны.— Вестник ЛГУ. 1973, № 14, с. 44—47.

²⁶ О развитии шелкоткацкого производства в Малой Азии во второй половине XIX в. см.: Инджикян О. Г. Буржуазия Османской империи, с. 129—132.

²⁷ Чихачев П. А. Страница о Востоке, с. 71; Коммерческая газета. 26.08.1850.

²⁸ Çizakça M. Price History and the Bursa Silk Industry: A Study in Ottoman Industrial Decline (1550—1650).— Journal of Economic History. N. Y., 1980, vol. 40, № 3, с. 543—550.

²⁹ ЦГАДА, р. XV, д. 322, л. 12; Коммерческая газета. 09.01.1841.

³⁰ MacFarlane Ch. Turkey and Its Destiny. Vol. 1. Philadelphia, 1850, с. 178, 310; он же. Kismet: or the Doom of Turkey. L., 1853, с. 129.

Прибыльность в экспортной торговле оливковым маслом была столь значительна, что льгота на нее была включена в состав «возмещения морального ущерба», нанесенного английскому подданному (Желтков А. Д. Печать в общественно-политической жизни Турции. М., 1972, с. 60).

³¹ Коммерческая газета. 31.10, 27.11.1841.

³² Pogoу I. Expansion of Opium Production in Turkey and State Monopolies of 1828—1829.— International Journal of Middle East Studies. Vol. 13, 1981, с. 192—203.

После формальной отмены государственной монополии на опиум все его производство и сбыт на обширной равнине Афон-Карахисара фактически монополизировал некий Латиф-эфенди, тесно связанный с коммерческим окружением Стретфорда Каннинга. Фаворит Мустафы Решид-паши, позволявший себе с пренебрежением относиться к грозным указам из Стамбула, не стоя выслушивавший британского вице-консула, Латиф-эфенди стал позднее правителем Кипра и там не забывал своего главного занятия — поставок опиума англичанам (MacFarlane Ch. Turkey and Its Destiny. Vol. 1, с. 178).

³³ Сладковский М. И. Китай и Англия, с. 39.

³⁴ ЦГАДА. Р. XV, д. 322, л. 16об.

³⁵ Новичев А. Д. История Турции. Т. 3, с. 148—151.

³⁶ Le Moniteur Universel. 02, 16.04.1840, 28.01.1841.

³⁷ Каунар R. Mustafa Reşit Paşa va Tanzimat. Ankara, 1954, с. 92—93 и др.

³⁸ Дулина Н. А. Танзимат и Мустафа Решид-паша. М., 1984, с. 97.

³⁹ См.: Ubicini A. Lettres sur la Turquie.— Le Moniteur Universel. 13.03.1851. Газетные публикации обзоров Абдолонима Убичини отличаются наибольшей полнотой по сравнению с последующими двумя изданиями его книги и переводами ее на английский и турецкий языки.

⁴⁰ Это положение А. Ионеску было опровергнуто в современной русской прессе П. А. Чихачевым и К. М. Базилем (Коммерческая газета. № 13, 1854). В то же время газетные выступления и книжные публикации А. Убичини, А. Буэ, Ш. Тексье, Ч. Макфарлана о «пустынных благодатных долинах, жа-

ждущих свободных рук и капиталов», порождали периодические волны проектов переселения избыточного населения Ирландии, Англии, континентальной Европы в Турцию. Эти сообщения часто появлялись на страницах «Морнинг Пост», «Таймс», «Журнал де Деба» и др. Сообщения «благожелателей Турции» типа А. Убичини подогревались как реальными тысячами тонн пшеницы, помеченных на таможенных Триеста и Марселя — из турецких портов (фактически из Молдовы, Валахии, Египта), так и сообщениями о процветании двух-трех показательных хозяйств, султанской фермы под Сан-Стефано или поселения польских эмигрантов, служившего военным центром по подготовке офицерского корпуса из эмигрантов для османской армии (MacFarlane Ch. Turkey and Its Destiny. Vol. 2. Philadelphia, 1850, с. 111—112. Проект англо-османского общества сельскохозяйственного кредита). После 1848 г. ряд таких ферм послужили пристанищем для эмигрантов из Юго-Восточной Европы. В начале 50-х годов державы стали требовать прав на приобретение недвижимости на всей территории Османской империи, ссылаясь, в частности, на высокую продуктивность показательных ферм.

⁴¹ Отчет А. Ионеску взял за основу соответствующего раздела своих «Писем о Турции» А. Убичини (Ubicini M. A. Lettres sur la Turquie ou tableau statistique, religieux, politique, administratif, militaire commercial etc de l'Empire Ottoman. Depuis le Khattî-Cherif de Gulkhané (1839). Par M. A. Ubicini P. 1. Les Ottomans. 2-ème éd. P., 1853, с. 371—382).

Отчет А. Ионеску в изложении А. Убичини послужил основой для выводов некоторых исследователей (см.: Karal E. Z. Osmanlı tarihi. С. 6, с. 233—236; Новичев А. Д. История Турции. Т. 3, с. 152—153).

⁴² См.: Новичев А. Д. История Турции. Т. 3, с. 152—154.

⁴³ MacFarlane Ch. Turkey and Its Destiny. Vol. 1, с. 98, 119—120; Bailey F. E. British Policy and the Turkish Reform Movement, с. 85—86.

⁴⁴ Отсюда поверхностный вывод А. Ионеску и А. Убичини о нехватке рабочих рук, опровергнутый еще в современной им русской прессе. Их не интересовала судьба издольщиков, превращавшихся в батраков, в люмпенбродяг, которых в одной только столице Османской империи в 1844 г. было 75 тыс. человек, около 17 % всего мужского населения.

⁴⁵ Касаясь далее роли в контактах с иностранцами провинциального совета, Г. И. Ващенко писал: «Совет не дает еще заметить никакого различия между действиями своими и действиями пашей, когда они одни управляют». Члены совета стали первыми откупщиками, будучи на государственной службе, распоряжались откупом налогов и «первоочередным образом» вступали в деловые связи с иностранцами (АВПР, ф. Посольство в Константинополе 1849, д. 59, 29 декабря, Ващенко — Титову).

⁴⁶ Heidborn A. Les finances Ottoman. Vienne, 1912, с. 23—24; Djordjević D. Agrarian Factors in Nineteenth Century Balkan Revolution.— War and Society in East Central Europa. Vol. 1. N. Y., 1979, с. 170—172.

⁴⁷ Herper M. Center and Periphery in the Ottoman Empire.— International Political Science Review. Beverley Hills, 1980, vol. 1, № 1, с. 83; Karpat K. The Transformation of the Ottoman State 1789—1908. International Journal of Middle East Studies. 1972, vol. 3, № 3, с. 258.

⁴⁸ АВПР, ф. ГА V-A₂, 1842; д. 512, л. 140. Базили — Титову, 6/д, докладная записка.

⁴⁹ АВПР, ф. ГА II-3, д. 5, л. 273. «Большинство лачуг в деревнях почти не заслуживают названия человеческих жилищ. Они представляют собой груды будыжников, покрытых сверху несколькими досками, щели между которыми слишком малы, чтобы выпускать дым от очага, и достаточно велики для того, чтобы в них проникал дождь» (Чихачев П. А. Великие державы и Восточный вопрос. М., 1970, с. 96).

⁵⁰ Состояние промышленности в Сирии.— Коммерческая газета. 14.09.1841. Публикация части консульского донесения К. М. Базили в Азиатский департамент. Аналогичную картину сообщал, по данным консульства в Смирне (Измиле), А. П. Бутенев весной 1840 г. (см.: АВПР, ф. Канцелярия, 1840, л. 293—293об.).

⁵¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1841, д. 45, л. 221. Титов — Нессельроде, 6/18 августа.

⁵² Как о сложившейся практике сообщали русские дипломатические представители в Османской империи о согласованных действиях военных властей и откупщиков экспортных культур по изъятию налогов, недоимок в пользу экспортёров с населения Румелии и Западной Анатолии (АВПР, ф. Канцелярия, 1840, д. 43, л. 429—430. Иванов — Бутеневу, 12/25 апреля, л. 431—439. Записка Бутенева о положении в Турции, май 1840, д. 44, 1840, л. 620—622. Титов — Нессельроде, 6/18 ноября). Еще до официального восстановления ильтизма в 1843 г. в ряде отдаленных яэлетов военное командование подержало местных откупщиков и ростовщиков, требовавших возврата к прежним порядкам. На примере командования 6-го армейского корпуса «Араби-стан» очевидно, что часть денег должна была по уговору идти непосредственно войскам, размещенным в данной местности, что и объясняет позицию армейского командования. Передача под контроль военных сбора налогов новыми откупщиками в 1843 г. была, очевидно, единственной мерой противодействовать обделенным силам консульской службы и местным экспортёров-откупщиков. Объясняя эту меру, К. М. Базили писал, что «восная власть в Турции честнее, способнее и лучше устроена потому, что в ней каждый прошел более или менее школу дисциплины» (ЦГВИА, ВУА, 450, д. 47, л. 10. «Письма о политических предметах». Базили — Титову, февраль 1852 г.).

⁵³ АВПР, ф. Канцелярия, 1842, д. 40, л. 486—486об. Титов — Нессельроде, 21 апреля / 3 мая. Ставка сарафов в Стамбуле была около 20 % годовых.

⁵⁴ См. Ильянская И. М. Социально-экономическая структура, с. 57—58.

⁵⁵ См., например: Широков Г. К. Промышленная революция в странах Востока, с. 54, 204.

⁵⁶ Весной и осенью в Измире была проведена проверка уплаты налогов всеми категориями покровительствуемых лиц, освещавшаяся на страницах местной прессы (Le Journal des Smyrne. 12, 18, 29.10.1841). Выяснилась масса злоупотреблений, в которых были замешаны все консульские службы. Последовала опубликованная 12 января 1841 г. в газете «Le Journal des Smyrne» нота Порты с требованием, чтобы все категории лиц, участвующие в торговле, платили соответствующие налоги на общих правах с османскими подданными либо свернули операции (АВПР, ф. Канцелярия, 1841, д. 41, л. 91. Иванов — Титову, 28 февраля / 12 марта).

Попытки налогового контроля экспорта повторялись. Весной 1850 г. энергичный и пунктуальный чиновник министерства финансов Али-эфенди, получив подписанные султаном Абдул Меджидом I полномочия, провел кадастр имущества и сверил объявленные и фактические суммы налогов тех же категорий, что и в 1841 г. По возвращении в столицу он вскоре отбыл в Сивас простым сборщиком налогов. Потрясение торгующего сословия в Измире снова не состоялось (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1850, д. 1487, л. 50—51. Иванов — Титову, 21 апреля / 3 мая).

⁵⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1841, д. 44, л. 32об. Иванов — Титову, 28 февраля / 12 марта.

⁵⁸ АВПР, ф. ГА II-3, д. 5, л. 264. Записка о торговле в Турции.

⁵⁹ Там же, л. 267.

⁶⁰ По материалам П. А. Чихачева «Описание Малой Азии» (ЦГАДА, р. XV, д. 322, л. 55).

⁶¹ ЦГВИА, ВУА, ф. 450, д. 27, л. 18 «Выдержки из сочинения прусского лейтенанта Босна о турецкой армии (1853 г.)». Записка была подготовлена по заданию генштаба Пруссии.

⁶² Там же, л. 19об.

⁶³ П. А. Чихачев в упоминавшемся выше «Мемуаре о Малой Азии» приводил пример злоупотреблений сбора налогов с табака после восстановления откупов. Налоги в санджаке Джанык (под Трабзоном) стали собирать дважды: с табака «на корню» (yag gümrük) и высушенного (kigi gümrük). Паше-откупщику сверх его прибыли от монопольной продажи табака за границу оставалось до 150 тыс. фр. от двойного налога. В 39 санджаках и 593 каза Анатолии, где разводили табак, казна недополучала до 2 млн. фр., которые тем не менее откупщики и все власть имущие усердно выбивали из крестьян. Об увеличении налогового бремени с переходом от натуральных к денежным выплатам свидетельствовал пример санджака Бозок. Традицион-

ные деревни Чапаноглу получали с населения натурального налога пшеницей 60 тыс. киле, на 700 тыс. курушей других сборов, всего на 900 тыс. курушей. Введение новой системы налогообложения, по исчислению П. А. Чихачева, обошлось крестьянам более чем в 3 млн. курушей, выплаченных ими казне, не считая поборов в пользу самого семейства Чапаноглу (ЦГАДА, р. XV, д. 322, л. 55—56).

⁶⁴ Смиллянская И. М. Социально-экономическая структура, с. 58—59.

⁶⁵ Маркс К. Капитал. Т. I.—Т. 23, с. 462.

⁶⁶ Алибеков И. В. О причинах промышленной отсталости полуколоннальной Турции, с. 77—78.

⁶⁷ MacFarlane Ch. Constantinople et la Turquie en 1828 et 1829. Vol. 2. P., 1829; он же. Turkey and Its Destiny. Vol. 1, с. 110—113; Farley J.-L. Modern Turkey. L., 1866, с. 266.

⁶⁸ Collas V. La Turquie en 1864. P., 1864, с. 244—245; Farley J.-L. Modern Turkey, с. 259.

⁶⁹ ЦГАВМФ. ф. 19, оп. 4, д. 121, л. 32—33об. Краткое изложение см.: Путевой журнал Е. И. Чирикова. Обзор Малой Азии в военном отношении генерал-майора Чирикова. СПб., 1875.

⁷⁰ ЦГАДА, р. XV, д. 322, л. 27—28. Мемуар П. А. Чихачева.

⁷¹ ЦГИА СССР, ф. 673, оп. 1, д. 422, л. 13—16. Материалы И. П. Липранди; Дорев П. Документы из турецких державных архивов, с. 71, 73—74, 89—90.

⁷² ЦГВИА, ВУА, ф. 450, д. 524, л. 16—18 «Записка капитана Н. Ф. Воскобойникова о медных рудниках в Турции». В 40-х годах Н. Ф. Воскобойников проводил поиски каменного угля в Иране, участвовал в прокладке дорог в Закавказье, Восточной Анатолии, Северном Иране.

⁷³ По данным Е. И. Чирикова, 1 батман меди был равен 18 русским фунтам.

⁷⁴ ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 121, л. 35. Малоэффективной оказалась идея разработки свинцесодержащих руд в местечке Свинцовка (Болгария) во время Крымской войны для нужд экспедиционных войск держав. Местное население идти на работу в рудник, переданный на откуп французскому инженеру, отказывалось. Направить, как предлагала Порты, тысячу французских солдат на работу в рудники, сняв их с фронта, отказалось французское командование (см.: ЦГВИА, ВУА, д. 5468, ч. IV, л. 297 «Управление генерал-квартирьера Южной Армии. Сведения о неприятеле, 5/9, 1855»).

⁷⁵ Шермет В. И. Турция и Адрианопольский мир 1829. Из истории Восточного вопроса. М., 1975, с. 164.

⁷⁶ ЦГАДА, р. XV, д. 322, л. 35. Мемуар П. А. Чихачева.

⁷⁷ АВПр, ф. ГА II-3, д. 5, л. 280—281. Данные об использовании капиталистическими державами низкопробной чеканки как средства воздействия на мировом монетном рынке содержат исследования турецкого ученого Х. Казгана (см.: Kazgan H. II. Sultan Mahmut devrinde enflasyon ve darp-hane amiri Kazaz Artin.—Toplum ve Bilim. Istanbul, 1980, № 11, с. 115—130).

⁷⁸ Каунап R. Mustafa Reşit Paşa ve Tanzimat, с. 84—93. См. также: Дулина Н. А. Танзимат и Мустафа Решид-паша, гл. V.

⁷⁹ Kagal E. Z. Osmanlı tarihi. С. 5. Nizam-i cedit ve Tanzimat devirleri (1789—1856). 3 baskı. Ankara, 1970, с. 163.

⁸⁰ См.: Вронченко М. П. Обзорение Малой Азии. Ч. 2, т. 30, 35; Гегемейстер Ю. А. О европейской торговле в Турции и Персии. СПб., 1838; Slade A. (Mushavir Pasha). Turkey and the Crimean War. L., 1867, с. 50—51.

⁸¹ Köymen G. The Imperialism of Free Trade: the Ottoman Empire. A Report for V International Congress of Economic History. Moscow, 1970, с. 19 (по данным Госархива Турции); Sarç O. C. Tanzimat ve sanayimiz.—Tanzimat. İstanbul, 1940, с. 515—532.

⁸² См.: Широков Г. К. Промышленная революция в странах Востока, с. 51.

⁸³ Шермет В. И. Русско-турецкие экономические связи в середине XIX в.—История СССР. 1978, № 6, с. 159.

⁸⁴ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 3, д. 593, л. 14—15. «Дело по отношению Де-

партамента Мануфактур и Внутренней торговли о сбыте железа в Малую Азию»; там же, л. 28—29. «Записка о продаже железа в Трeбизонде».

⁸⁵ АВПР, ф. ГА II-3, д. 5, л. 304—305.

⁸⁶ Новичев А. Д. История Турции. Т. 3, гл. II; Тодоров Н. Балканский город XV—XIX веков. Социально-экономическое и демографическое развитие. М., 1976, гл. 3.

⁸⁷ Tarihi-i Lütflî. С. 1. Istanbul, 1290h (1873), с. 391—392. Ляха Иззет Моллы.

О нем см.: Шеремет В. И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г., с. 195—196; Heyd U. The Ottoman Ulema and Westernisation in the Time of Selim III and Mahmud II.—Studies in Islamic History and Civilization. Jerusalem, 1961, с. 65.

⁸⁸ Mardin Ş. The Genesis of Young Ottoman Thought: A Study in the Modernisation of Turkish Political Ideals. Princeton, 1962, с. 149.

⁸⁹ Тодоров Н. Балканский город XV—XIX веков. с. 256—281.

⁹⁰ ЦГВИА, ВУА, ф. 450, д. 27, л. 19.

⁹¹ ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 1, д. 3, л. 14—19. «Записка капитана Шестакова 1850 г. Взгляд на морские силы Турции»; ЦГВИА, ВУА, д. 541114, л. 45—64. «Записка адмирала Корнилова. Личные наблюдения на турецком флоте 1853 г.».

⁹² ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 201, л. 16—18. «Записка о Военно-морском флоте Турции 1849—1851 гг.».

⁹³ Там же, д. 172, л. 2—21. «Записка адмирала Путятина о состоянии турецкого флота по личным наблюдениям».

⁹⁴ Там же, д. 129, л. 10. «Записка капитана I ранга Истомина».

⁹⁵ ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 17806, л. 14—17. «О силе, состоянии и степени образования турецких войск. 1848—1854».

Первые семь крупных предприятий, упомянутые турецким историком К. Фишеком и построенные в Османской империи в 1810—1845 гг., принадлежали казне и обслуживали армию: пороховой и оружейный завод в Бейкозе (1810 г.), две ткацкие фабрики (1820, 1826 гг.) в Эюбе, литейный завод и завод двигателей в Сан-Стефано (1820, 1845 гг.), суконные и кожевенные заводы в Измите (1842, 1846 гг.). В финансировании закупок оборудования принимал участие местный армянский капитал, установивший во время Крымской войны прямые связи с Англией (Fişek K. Türkiye'de kapitalizm gelişmesi ve işçi sınıfı. Ankara, 1969, с. 31—32). Турецкое холодное оружие оставалось на высоком уровне и в период массового стандартизированного армейского производства. Высокое качество турецких карабинов, изготовленных на казенных заводах для промышленной выставки в Лондоне в 1851 г., вызвало общее внимание. Два карабина было куплено для изучения по личному приказу Николая I (ЦГВИА, ВУА, ф. 450, д. 28, л. 118. «Записка Остен Сакена о внутреннем положении Турции». 05.03.1851). Примером участия, по крайней мере неформального, армии в производстве может служить организация казенной бумажной фабрики под Измиром. Под контролем турецкого военного ведомства во Франции было закуплено и смонтировано современное оборудование. Директором фабрики стал инженер А. де Лощ, который одно время был инструктором в турецкой армии. Финансовыми вопросами, надзором за производством занимались офицеры из его окружения. По отзывам современника, исключительное право казны на производство бумаги строго соблюдалось. Несколько конкурировавших иностранных предприятий было закрыто (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1846, л. 1489, л. 80. Иванов — Титову, 7/9 июня; л. 213, 28 мая /9 июня).

⁹⁶ АВПР, ф. V-A2, д. 523, л. 91. Записка Титова, 1853 г.

⁹⁷ Показательно настойчивое стремление Англии учредить консульство в Кайсери — первое во внутренних районах Анатолии. Прибывший 12 декабря 1841 г. в Кайсери консул тотчас объявил, что его главная цель — содействовать проведению в жизнь Гюльханейского хатт-и шерифа. Это беспрецедентное заявление было справедливо воспринято как вмешательство во внутренние дела страны. Кроме того, консул попытался диктовать местным властям объемы сбора желтого семени-красителя, цены на кожевенные заготовки, предназначенные на вывоз, даже на женские головные платки, изгото-

товлявшиеся на месте из английских тканей. 11 мая 1842 г. разгневанная толпа, во главе которой шло до 800isoft — учеников местных медресе, готова была разгромить консульство. Вмешательство мяошира, привывшего спешно из Анкары с отрядом регулярных войск, спасло незадачливого фритредера. Консульство на несколько лет было закрыто.

Учреждение в 1841 г. вице-консульства Англии в Самсуне прошло без эксцессов. Опытный торговец Р. Стивенс, занявший этот пост, вел торговые операции в Самсуне в течение ряда лет. Довод о введении в жизнь хатт-и шерифа не выдвигался. Во время Крымской войны Р. Стивенс был переведен в Иран, где готовил антирусское выступление в шахской армии (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1842, оп. 517, д. 1479, л. 4—7об. Иванов — Титову, 9/21 января; АВПР, ф. Канцелярия, 1841, д. 44, л. 539об. Титов — Нессельроде, 10/22 апреля).

⁹⁶ Однако предпринимались меры и производственного характера. В разгар конкурентной борьбы русских и австрийских фабрикантов, которые выпускали золотые нити, применявшиеся в традиционном ткачестве, была создана на казенный счет фабрика, выпускавшая золотое шитье. Ее продукция была вдвое дешевле, чем аналогичные европейские изделия. Одновременно глава пеха столичных ткачей получил строжайшее предписание применять только казенные заготовки. Однако оно не выполнялось. Дотации ткачам «испарялись» в момент их начисления. В итоге приток австрийского шитья, по словам современника, через жечцин Галаты, сктавших контрабандные изделия из Австрии (русские торговцы отступили) сохранился, хотя и изменил привычное русло (АВПР, ф. ГА II-3, д. 30, л. 307об). Есть примеры и другого рода. Будучи не в состоянии бороться после 1838 г. с потоком английских изделий, Порта тщетно пыталась вместо ставшего обычным в одежде среднего турка широкого пояса из английских тканей обязать носить местные шали-кушаки из ангорской шерсти, прозводившиеся на государственном предприятии, сбыт которых на широком рынке, как было отмечено, снизился (там же, л. 309).

⁹⁹ Avcioğlu D. Türkiye'nin düzeni (dün-bugün-yarın). С. 1. Ankara, 1968, с. 54; Fişek K. Türkiye'de kapitalizmin gelişmesi ve işçi sınıfı. Ankara, 1969, с. 32.

¹⁰⁰ Bailey F. E. British Policy and Turkish Reform Movement, app. № 2—4.

¹⁰¹ Sencer M. Osmanlı toplum yapısı. Devrim stratejisi açısından. İstanbul, 1969, с. 265—278, 302 (здесь же изложена позиция О. Л. Баркана); Fişek K. Türkiye'de kapitalizmin gelişmesi ve işçi sınıfı, с. 32, 39—40; Karkar Y. N. Economic Development in the Ottoman Empire. 1856—1914.— Middle East Economic Papers 1968. Beirut, 1968, с. 98—101.

¹⁰² АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1844, д. 1481, л. 88, Иванов — Титову, 29 апреля/11 мая.

¹⁰³ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1850, д. 1487, л. 213. Иванов — Титову, 17/29 октября.

¹⁰⁴ Шеремет В. И. Русско-турецкая торговля и балканские земли.— Балканские исследования. Вып. 9 М., 1984, с. 81.

¹⁰⁵ ЦГВИА, ВУА, ф. 450, д. 27, л. 14об. «Записка И. Босна».

¹⁰⁶ Cunningham A. The Sic Men and the British Physician.— Middle Eastern Studies. 1981, vol. 17, № 2, с. 110—111.

¹⁰⁷ АВПР, ф. ГА II-3, д. 3, л. 316.

¹⁰⁸ Там же, л. 317.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же, л. 313.

¹¹¹ Там же, л. 313об.—315.

Глава II

¹ Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. Очерки истории Турции. М., 1983, с. 106.

² Гарле Е. В. Крымская война. Т. 1. М.—Л., 1950, с. 58.

³ Составлено по данным: Saint-Denys J. de. Histoire de l'Empire Ottoman depuis 1792 jusqu'en 1844. T. 1. P., 1844; Ubicini M. A. Lettres sur la Turquie ou tableau statistique, religieux, politique, administratif, militaire, commercial etc de l'Empire Ottoman. Depuis le Khatti-Cherif de Gulkané (1839). Par M. A. Ubicini. P. 1. Les Ottomans. 2-ème éd. P., 1853, c. 401; Redden Fr. W. von. Die Türkei und Griechenland in ihrer Entwicklung — Fähigkeit. Eine geschichtlich-statistische Skizze. Frankfurt am Main. 1856, c. 200—204; Michelsen Ed. The Ottoman Empire. L., 1854, c. 110; Heuschling X. L'Empire de Turquie. Territoire. Population. Gouvernement. Finances. Industrie agricole, manufacturière et commerciale. Voies de communication. Armée. Culte etc. Bruxelles — Paris, 1860, c. 181—182; Viquesnel A. Voyage dans la Turquie d'Europe. Description physique et géologique de la Thrace. T. 1. P., 1868, c. 320.

⁴ Поскольку имеется разнобой в отношении общей и специальной турецко-французской торговли и в связи с замечанием Е. В. Тарле о том, что достоверная статистика этой торговли имелась в его распоряжении лишь на 1846 г. (Тарле Е. В. Крымская война. Т. 1, с. 58), приводятся оба вида объемов торговли по официальной статистике Франции (см. табл. 4).

⁵ Ubicini A. Lettres sur la Turquie. T. 1, c. 401. Вариант его работы, выпущенной после заключения франко-турецко-английского военного договора. — La Turquie actuelle par A. Ubicini P., 1855. Он включает торговлю с Сербией, Египтом и Дунайскими княжествами в графу «Внутренняя торговля Турции» (с. XXV).

⁶ Raccagni M. The French Economic Interests in the Ottoman Empire. — Middle East International Studies. Vol. 2. L.—N. Y., 1980, c. 410—411; Baïroch P. Commerce extérieure. P., 1976, c. 84—86.

⁷ См.: Markovitch T. J. L'industrie française de 1789—1964. Analyse général. P., 1960; Analyse de faits. P., 1966.

⁸ Если в 1849—1851 гг. общая сумма франко-турецкой торговли достигала в среднем 88,9 млн. фр., то на долю Бельгии приходилось 7 млн. фр., Швейцарии — 28 млн. фр.

⁹ См., например: Dollar Ch., Jensen R. Historian's Guide to Statistics. Chicago, 1971.

¹⁰ О применении средней арифметической величины как общего показателя см.: Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М., 1981, с. 32; История и математика. Л., 1975, с. 39.

¹¹ Saint-Denys J. de. Histoire de l'Empire Ottoman. T. 1, c. 425—429; Boué A. La Turquie d'Europe. T. 3. P., 1840, c. 168—169; Tableau général du commerce de la France. P., 1839, c. XVIII.

¹² Fişek K. Türkiye'de kapitalizmin gelişmesi ve işçi sınıfı. Ankara, 1969, c. 32.

¹³ Saint-Denys J. de. Histoire de l'Empire Ottoman. T. 1, c. 426.

¹⁴ Там же, с. 429—430; Georgia des D. Smyrne et L'Asie mineure. P., 1885, c. 120—124.

¹⁵ Рассчитано по: Tableau général du commerce de la France avec les colonies. P., 1847—1851; Ubicini A. Lettres sur la Turquie. T. 1, c. 403, 404; Heuschling X. L'Empire de Turquie, c. 185.

¹⁶ Для собственных нужд Турция увеличила в послевоенный период ввоз русской муки. Одесская мукомольная компания «Бродский и К^о» работала в 60-х годах XIX в. преимущественно по заказам турецкой казны. Крупные партии русской муки, смешанной с мукой, выработанной на предприятиях военной поры, турецкое правительство переправляло на своих судах в Бейрут, Порт-Саид и Александрию в период строительства Суэцкого канала. Это были временные меры, продукция национального мукомольного производства на экспорт не шла. Во Франции удерживался спрос лишь на турецкие зерновые.

¹⁷ Raccagni M. The French Economic Interests in the Ottoman Empire, c. 366; Henderson W. O. The Industrial Revolution. L., 1961, c. 134—135.

¹⁸ См.: Evans D. M. The Commercial Crisis 1847—1848. New Abbat, 1969 (1-th ed. 1849) c. 136—139; он же. The History of the Commercial Crisis 1857—1858. New Abbat, 1969 (1-th ed. 1859).

¹⁹ O'Brien D. P. (ed) *The Correspondence of Lord Overstone*. Vol. 2. Cambridge, 1971, с. 548.

²⁰ Martineau A *Le commerce français dans le Levant*. P., 1892, с. 11.

²¹ Boicu L. *Austria și Principatele Române în Vremea războiului Crimeii*. București, 1972, с. 49.

²² Cameron R. E. *France and the Economic Development of Europe 1800—1914*. Princeton, 1961, с. 95.

²³ Boué A. *La Turquie d'Europe ou observation sur la géographie, la géologie, l'histoire naturelle, la statistique etc.* T. 3. P., 1840, с. 152—154; Ubicini A. *Lettres sur la Turquie*. T. 1, с. 431—433.

²⁴ Boicu L. *Austria și Principatele Române*, с. 50; Coons R. E. *Steamships, Statesmen and Bureaucrats: Austrian Policy towards the Steam Navigation Company of the Austrian Lloyd. 1836—1848*. Wiesbaden, 1975, с. 11.

²⁵ Heuschling X. *L'Empire de Turquie*, с. 179.

²⁶ Reden Fr. W. *Die Türkei und Griechenland*, с. 257—259; Тапле Е. В. *Крымская война*. Т. 1, с. 58.

²⁷ *Коммерческая газета*. 1853, № 18.

²⁸ По оценке А. Убичини, Австрия в отдельные годы перевозила транзитом через Османскую империю и непосредственно на турецкий рынок сукна Саксонии и Пруссии, стекло и хрусталь Богемии, ткани и промышленные товары Швейцарии, Бельгии, других стран и областей Европы на сумму до 97 млн. фр. (см.: Ubicini A. *Lettres sur la Turquie*. T. 1, с. 406).

²⁹ Ион Гика еще до 1848 г. оценивал австрийский вывоз пшеницы из Молдовы в 4 млн. гл ежегодно (*Chainoi G. Dernière occupation des Principautés Danubiennes*. P., 1853, с. 35). Австрия довела вывоз только молдавской пшеницы в 1850 г. до 111,9 тыс. т, в 1853 г. — до 310,5 тыс. т (см.: Boicu L. *Austria și Principatele Române*, с. 58).

Одним из первых исследователей, который отметил важную роль Австрии в морских перевозках хлеба в пределах Османской империи и на экспорт, был Христо Арнаулов (Арнаулов Х. *Пълно събрание на държавните закони, устави... на Османската империя*. Цариград, 1871, с. 25—26).

³⁰ *Deutschlands und Österreichs Handel*. Lpz., 1848, с. 269; Reden Fr. W. *Die Türkei und Griechenland*, с. 197; Boicu L. *Austria și Principatele Române*, с. 59.

³¹ *Коммерческая газета*. 27.03, 08.09.1845, 19.03.1846, 18.02.1851; Boicu L. *Austria și Principatele Române*, с. 62—63; Reden Fr. W. *Die Türkei und Griechenland*, с. 194—196.

³² Если в 1849 г. через Сулинское гирло прошло 337 торговых судов Австрии, 16 — Франции, 214 — России, 264 — Англии, то в 1851 г. их было соответственно 301, 21, 207 и 611 (по данным: *Коммерческая газета*. 09.01.1851, 03.05.1852; материалы дунайской торговли за 1849—1851 гг. см.: *Пловидба на Дунаву и његовим протокама кроз векове*. Београд, 1983).

³³ Boicu L. *Austria și Principatele Române*, с. 64. «Получая до 100 % доходов от продажи товаров, выдававшихся за французские, особенно популярные на ярмарках Молдавии и Валахии, австрийские коммерсанты так и не смогли отгеснить своих английских конкурентов» (*Коммерческая газета*, 19.01.1856).

³⁴ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1842, д. 1584, л. 3—4. Герси — Титову, 2/14 января.

³⁵ АВПР, ф. Посольство в Константинополе. По материалам консульских отчетов И. Герси за 1846—1852 гг.

³⁶ Фрагменты обзора И. Герси за 1840 г. были опубликованы 14 декабря 1843 г. в «*Коммерческой газете*».

³⁷ См.: Энгельс Ф. Действительно спорный пункт в Турции. — Т. 9, с. 11—14.

³⁸ См.: рец. А. Ф. Миллера на книгу Ф. Э. Бейли (*Вопросы истории*. 1947, № 1), а также оценки Л. С. Семенова (Семенов Л. С. *Россия и Англия. Экономические отношения в середине XIX в.* Л., 1975, с. 121).

³⁹ *Критику этих взглядов см.: Тодорова М. Н. Англия, Россия и танзимат*. М., 1983, с. 62—64.

⁴⁰ Baigoch P. *Commerce extérieure et développement économique de*

l'Europe au XIX-e siècle. Paris—La Haye, 1976, с. 82. Преимущественное значение внутренней колонизации в районах Венгрии и Юго-Восточной Европы и межевропейской торговли для экономического развития Австрии во второй трети XIX в. содержится в работе известных английских экономистов, изучающих экономическое развитие Европы в новое время (Milward A., Saul S. B. The Development of the Economic Continental Europe. 1850—1914. L., 1977, с. 298—320).

⁴¹ Semmel V. The Rise of Free Trade Imperialism. L., 1970, с. 139—145; Baird O. P. Commerce extérieure, с. 44—45.

⁴² Nassau W. Y. Senior. Three Lectures on the Cost of Obtaining Money and on Some Effects of Private and Government Paper Money. L., 1830.

⁴³ Semmel V. The Rise of Free Trade Imperialism, с. 146, 183.

⁴⁴ Как писал Д. М. Иванс, исследовавший кризисы 1847 и 1857 гг., в 1847 г. на заседаниях советов компаний, которые вели торговлю с Азией, звучали требования «разделить трудности кризиса» с теми странами Востока, которые приобрели к цивилизации благодаря свободной торговле (Evans D. M. The Commercial Crisis 1847—1848, с. 114, app.).

⁴⁵ Циклический кризис в Европе наиболее болезненно сказался на двух регионах, тесно связанных с европейским рынком: в Малой Азии—Трабзон—Тебриз и прилегающих территориях (транзит товаров и сырья); в Румелии—хлебопроизводящих районах Дунайских княжеств (см.: Отчет Азиатского департамента МИД России за 1848 г.—АВПР, ф. Отчеты. 1848, л. 308—315). Подробнее о воздействии кризиса см.: Семенов Л. С., Шеремет В. И. Внешнеэкономические связи Турции эпохи Крымской войны.—Вестник ЛГУ. 1973, № 14, с. 45—48; Кузнецова Н. А. Иран в середине XIX в. М., 1963, с. 10—11.

⁴⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1839, д. 45, л. 160—160об., 174—174об. Дешети А. П. Бугенева.

⁴⁷ Statistical Abstracts for the United Kingdom in Each Year from 1853—1867. L., 1868, tabl. 9 (далее—Statistical Abstracts).

⁴⁸ Гросул В. Я. Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20—30-е годы XIX в.). М., 1966, с. 352.

⁴⁹ MacGregor. Commercial Statistics. Vol. 2. L., 1844, с. 61; Pugh V. J. International Economics and the Diplomacy in the Near East. Study of British Commercial Policy in the Levant, 1834—1953. Stanford, 1935, с. 203.

⁵⁰ АВПР, ф. Канцелярия. 1839, д. 45, л. 163. Донесение Иванова от 18 января.

⁵¹ Одесский областной государственный архив, ф. 147 (Скальковский), оп. 1, д. В. Рынки заграничной торговли, д. 17. Статьи о торговле в разных областях. 1850—1864.

Данные совпадают с обзором хлебной торговли в 1847—1855 гг., опубликованным в «Коммерческой газете» 5 февраля 1853 г. и 28 апреля 1856 г. Автор обзора не указан; возможно, Скальковский.

⁵² Statistical Abstracts, 1849—1854. L., 1855, tabl. 10—12.

⁵³ Evans D. M. The Commercial Crisis 1847—1848, с. 63.

⁵⁴ По данным: Statistical Abstracts, 1868, tabl. 13; Farley Y. L. Modern Turkey. 2-nd ed. L., 1872, с. 194, 231—232; Неболсин Г. П. Статистическое обозрение внешней торговли России. Ч. 1. СПб., 1850, с. 151. Его же обзоры см.: Коммерческая газета. 08.11, 13.02.1853.

⁵⁵ Коммерческая газета. 05.02.1853 (по данным английской прессы).

⁵⁶ Подробнее о значении русского хлебного рынка для Англии см.: Семенов Л. С. Россия и Англия с. 63—70.

⁵⁷ В связи с отменой правительственной монополии на выпечку хлеба в 1843 г., по словам современника, «число пекарен в Константинополе умножилось невероятно, и все требуют хлеба европейской, лучшего качества выпечки. Без русской муки того достичь нельзя, поэтому только в 1843 г. русской муки ввезено 115 тыс. пудов, тогда как раньше ввозили по 5 тыс. пудов в год» (Коммерческая газета. 28.09.1844).

⁵⁸ Тодоров Н. Балканский город XV—XIX вв. М., 1976, с. 274. Расче-

ты произведены по донесениям российских консулов в Адрианополе [АВГП, ф. Посольство в Константинополе, д. 735, 779, 817, 818, 594 (1842—1850)].
⁵⁹ Sunar I. *Antropologie politique et économique: l'Empire Ottoman et sa transformation.*—Annales. Economies. Sociétés. Civilisations. P., 1980, № 3—4, с. 557.

⁶⁰ Bailey F. E. *British Policy and the Turkish Reform Movement. A Study in Anglo-Turkish Relations 1826—1853.*—Harvard Historical Studies. Vol. 51. Cambridge (Mass.), 1942, с. 84.

⁶¹ АВГП, ф. А II-3, д. 3. л. 315. Материалы П. П. Львова и М. П. Вронченко о торговле Турции; Коммерческая газета. 08.01.1840.

⁶² По данным: АВГП, ф. ГА II-3, д. 3, л. 3150б; Statistical Abstracts, 1868, tabl. 11—19.

⁶³ Подсчитано по: Bailey F. E. *British Policy and the Turkish Reform Movement*, *op. cit.*; Statistical Abstracts (соответствующие годы).

⁶⁴ Г. Мелвилл, осенью 1856 г. посетивший Турцию, записал в дневнике: «Англия почти совсем разорила турецких мануфактурщиков. Там, в Манчестере, умудряются воспроизводить любой сорт ткани мира. В Турции закупаются хлопок и шелк, а затем под видом турецкой продукции возвращаются назад, продаются в розницу на базарах, и многие путешественники увозят эти изделия в Англию или Америку в качестве образца местного ткацкого мастерства» (Мелвилл Г. Энканатадес, или Очарованные острова Дневник путешествия в Святые места и Левант. М., 1979, с. 133—134).

⁶⁵ Fişek K. *Türkiye'de kapitalizmin gelişmesi ve işçi sınıfı*, с. 31—32.

⁶⁶ Коммерческая газета. 18, 20.02.1840 заметка генконсула России в Трабзоне П. Герст. «О европейской, преимущественно русской торговле с Турцией и Персией».

⁶⁷ Çavdar T. *Milli mücadelenin ekonomik kökenleri.* Istanbul, 1974, с. 70—71.

⁶⁸ АВГП, ф. Канцелярия, 1839, д. 45, л. 167. Обзор Иванова от 18 января 1839 г.

⁶⁹ Там же, л. 169.

⁷⁰ Маркс К. Революция в Китае и в Европе.— Т. 9, с. 100.

В правительственных кругах Османской империи учитывали данные общего роста торговли с европейскими странами, который, однако, не удалось взять полностью под контроль властей. Практически оставался бесконтрольным контрабандный приток товаров во внутренние районы в обход таможен, через побережья Эгейского и Черного морей. Предприимчивались отдельные попытки ослабить негативные последствия слабо или вовсе не контролируемой торговли периодическими формально запретительными мерами, как правило малозффективными. Приведем примеры. Попытка правительства монополизировать продажу привозного кофе была сорвана совместными усилиями откупщика и фирм-поставщиков и привела лишь к двукратному росту цен в конце 30-х и даже в 40-х годах. Откупщик-фанариот увеличил свой чистый доход до 0,5 млн. курушей, повысив цену на кофе за 1 окка (1,225 кг) с 8 до 15 курушей. Откупщиком был грек, связанный контрактами с английскими поставщиками кофе для Стамбула и севера Анатолии, а также с американскими поставщиками. Поделив между собой «сферы влияния», они поставляли кофе через Эгейское побережье соответственно в Западную и Центральную Анатолию, в ряд арабских территорий.

Периодически министерство торговли Турции пыталось ужесточить контроль за потоком сырья за рубеж. Так, кроме опиумной монополии 1834 г. была приостановлена попытка французских табачных компаний субсидировать и взять под свой контроль все производство табака в Македонии в 1840—1843 гг. В порядке возмещения условия вывоза табака из Самсуна и Трабзона для тех же компаний пришлось облегчить. Курьезно и бесславно выглядела попытка властей запретить контрабандный ввоз и применение немусульманами импортных зонтов. Вскоре их неофициальную продажу только для немусульман откупило анонимное лицо из правительства. Зонты по-прежнему ввозились, но немусульмане были обязаны носить их в сложенном виде. Предметы престижного потребления (зонты, трости, часы, шляпы, га-лоши, нюхательный табак, который турок мог купить только в казенной лав-

ке, нетурок — у любого торговца) продолжали поступать контрабандой вплоть до середины 60-х годов XIX в. (АВПР, ф. ГА II-3, д. 30, л. 2—4. По материалам посольских депеш В. П. Титова).

⁷¹ Цит. по: Коммерческая газета. 15.02.1853.

⁷² В конце 40-х — начале 50-х годов транзит английских товаров через Османскую империю в Иран осуществлялся через Стамбул и Трабзон, ежегодно направлялось товаров примерно на 2,2 млн. ф. ст.

⁷³ В 1841 г. в Азербайджан было доставлено преимущественно через Малую Азию товаров, означенных как турецкие, а также английские и французские, на 1,5 млн. руб. серебром, что в 7 раз превышало ввоз 1840 г. В 1841 г. русских товаров было ввезено всего на 60 тыс. руб. серебром (см.: Шеремет В. И. Русско-турецкие экономические связи с середины XIX в. — История СССР. 1978, № 6).

⁷⁴ Bailey F. E. *British Policy and the Turkish Reform Movement*, с. 84, 89.

⁷⁵ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, оп. 517, д. 1481, л. 143; Воуе А. *La Turquie d'Europe*. Т. 3, с. 168.

⁷⁶ Коммерческая газета. 15.10.1840.

⁷⁷ По данным Кс. Хёшлинга (см.: Михов Н. М. Принос към историята на търговията на Турция и България. Т. 6. София, 1970, с. 357) и «Коммерческой газеты» (08, 11, 13, 02.1853).

Глава III

¹ Подобная трактовка содержится в двух изданиях обобщающего труда З. Хершлага, весьма авторитетного для современных турецких историков, а также в трудах последних лет современных турецких исследователей, близких ему в методе и в трактовке явлений (см.: Hershlag Z. Y. *Introduction to the Modern Economic History of the Middle East*. 1-st ed. Leiden, 1964; 2-nd ed. 1980; Cavdar T. *Milli mücadelenin ekonomik kökenleri*. İstanbul, 1974, с. 70—71; Yerasimos S. *Az gelişmişlik sürecinde Türkiye*. С. 1. 3 baskı. İstanbul, 1977, с. 385—386).

² *War and Society in East Central Europe*. Vol. 1. N. Y., 1979, с. 170—172.

³ Об аналогичной направленности политики Англии в сопредельном Османской империи Иране см.: Кузнецова Н. А. Иран в первой половине XIX в. М., 1983, с. 70—81.

⁴ *Fünfundsiebzig Jahre Österreichischer Lloyd 1836—1911*. Trieste, 1912, с. 25—43.

⁵ См.: Новичев А. Д. Очерки экономики Турции до мировой войны. М.—Л., 1937, с. 102—103; Данциг Б. М. К вопросу о капитуляциях на Ближнем Востоке.— *Народы Азии и Африки*. 1971, № 3; Veselá P. *Les capitulations et les villes ottomanes*.— *Asian and African Studies*. Prague, 1980, vol. 16, с. 21—33; Kuran E. *Osmanlı imparatorluğunda yenileşme hareketleri*.— *Türk dunyası el kitabı*. Ankara, 1976, с. 1008—1010.

⁶ См.: Маркс К. Объявление войны.— К истории возникновения Восточного вопроса.— Т. 10, с. 167.

⁷ Коран. Пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. М., 1963, с. 79—80.

⁸ *Assertion of Unitary Independent National States in Central and South-East Europe 1821—1923*. Vol. 62. В., 1980, с. 305—306.

⁹ На два типа капитуляций — в отношениях с западными державами и с подданными-христианами — как источник бесчисленных осложнений в Восточном вопросе указал К. Маркс (см.: Маркс К. Объявление войны.— К истории возникновения Восточного вопроса. Т. 10, с. 168—169).

¹⁰ Об эволюции отношений держав к капитуляциям см.: Arminjon P. *Etrangers et protégés dans l'Empire Ottoman*. P., 1903, с. 40—42.

¹¹ Мандельштам А. Н. Русская консульская юрисдикция в Турции и ее реформа. СПб., 1906, с. 15—16; Ястржембский В. О капитуляциях в Османской империи. Харьков, 1905, т. 21—24, 383—385; Venoit A. *Étude sur les capitulations entre l'Empire Ottoman et la France*. P., 1890, с. 30—33 и др.

¹² Boicu L. Austria și Principatele Române în Vremea războiului Crimeii (1853—1856). București, 1972, с. 49—50.

¹³ Маркс К. Объявление войны.— К истории возникновения Восточного вопроса.— Т. 10, с. 169.

¹⁴ Характер и содержание экономических связей между Россией и Турцией рассмотрен автором в других работах. В турецких исследованиях последних лет негативной оценке подвергаются все договоры Османской империи XVIII—XIX вв. вплоть до Крымской войны, содержащие ссылку на прецедент капитуляционных соглашений. В их число без учета отличительных черт и особенностей попадают договоры с Россией 1774 и 1783 гг. (см.: Ye-rasimos S. Azgelişmişlik sürecinde Türkiye, с. 512, 516—527).

¹⁵ Tengirşenk Y. K. Tanzimat devrinde Osmanlı devletinin harici ticaret siyaseti.— Tanzimat. İstanbul, 1940, с. 1—24; Cem I. Türkiye'de geri kalmışlığın tarihi. 2. baskı. İstanbul, 1971, с. 199.

¹⁶ Bullard R. Britain and the Middle East. L., 1964; Davison R. H. Reform in the Ottoman Empire. 1856—1876. Princeton (New Jersey), 1963.

¹⁷ Gallagher J., Robinson R. The Imperialism of Free Trade.— Economic History Review. 1953, 2 ser., vol. 6.

¹⁸ Platt D. C. The Imperialism of Free Trade: Some Reservations.— Economic History Review. 1968, 2 ser., vol. 21.

¹⁹ Swallow Ch. The Sic Man of Europe. Ottoman Empire to Turkish Republic. 1789—1929. London—Tonbridge, 1973, с. 18; Keddie N. R. Socio-Economic Change in the Middle East since 1800. A Comparative Analysis.— The Islamic Middle East 700—1900. Studies in Economic and Social History. Princeton (New Jersey), 1981, с. 773—775. Подробный анализ англо-русского соперничества на Ближнем и Среднем Востоке, критику английской историографии см.: Семенов Л. С. Россия и Англия. Экономические отношения в середине XIX в. Л., 1975, с. 96—132.

²⁰ Karal E. Z. Osmanlı tarihi. С. 5. Nizam-i cedit ve Tanzimat devirleri (1789—1856). 3. baskı. Ankara, 1970, с. 111; Tengirşenk Y. K. Tanzimat devrinde osmanlı devletinin harici ticaret siyaseti; Kaynar M. Mustafa Reşit Paşa ve Tanzimat. İstanbul, 1954; ср.: Дулина Н. А. Танзимат и Мустафа Решид-паша. М., 1984, с. 88—96.

²¹ По концепции Г. Пальмерстона, преобразования в Турции следовало поддерживать, исходя из их преимущественно военно-политического характера, не угрожающего интересам Англии на Ближнем Востоке, если сравнивать «коммерческую» направленность реформ Мухаммеда Али. В Лондоне считали также принципиально важными вырвать из рук России инициативу в освобождении христиан. Альтернативой освободительному движению на Балканах под влиянием России было предложено ставшее программой британской политики в Турции на три десятилетия, включая Крымскую войну, привлечение христианского населения к местному самоуправлению под общим контролем турецкой администрации, создание в перспективе территориальных христианских формирований типа милиции. Помощь британских консулов и военных советников предполагалась как само собой разумеющееся (см.: Webster C. K. The Foreign Policy of Palmerston, 1830—1841: Britain, the Liberal Movement and the Eastern Question. Vol. 1—2. L., 1951, с. 282, 540—541; Rosenthal S. The Politics of Dependence: Urban Reform in İstanbul. Westport (Connect.)—London, 1980, с. 103—105). Об английской политике в отношении реформ в Турции см.: Тодорова М. Н. Англия, Россия и танзимат. М., 1983, с. 73—95.

²² Rodkey F. S. Lord Palmerston and the Rejuvenation of Turkey. 1830—1841.— Journal of Modern History. L., 1929, vol. 1, № 4, с. 574—579; Kaynar R. Mustafa Reşit Paşa ve Tanzimat, с. 132.

Турецкая сторона положительно относилась к вопросу об оружии, но уклонялась от приглашения сколько-нибудь значительных военных миссий из Англии, объясняя это нежеланием осложнять отношения с Россией и другими державами. Р. Кайнар обратил внимание на предложение Г. Пальмерстона отменить ряд цеховых ограничений — по существу, упразднить всю систему эснафов.

²³ Подробнее о подготовке договора 1838 г. см.: Шеремет В. И. Некоторые вопросы английской политики на Ближнем Востоке во второй четверти XIX в.— Актуальные вопросы истории США и Англии в новое и новейшее время. Л., 1975, с. 135—149.

²⁴ Дулина Н. А. Османская империя в международных отношениях (30—40-е годы XIX в.). М., 1980, с. 92—106; она же. Танзимат и Мустафа Решид-паша, с. 90.

²⁵ Каунар R. Mustafa Resit Paşa ve Tanzimat, с. 111; Karal E. Z. Osmanlı tarihi. С. 5, с. 110; Tengirşenk Y. K. Tanzimat devrinde osmanlı devletinin harici ticaret siyaseti, с. 117; Аль-Барави Р. и Улейш М. Х. Экономическое развитие Египта в новое время. М., 1954, т. 79—80. Подробнее см.: Петрова И. Л. Система монополий во внешней торговле Египта при Мухаммеде Али.— Экономическое развитие стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1975, с. 83—85.

²⁶ Каунар R. Mustafa Resit Paşa ve Tanzimat, с. 123, 125; Tengirşenk Y. K. Tanzimat devrinde osmanlı devletinin harici ticaret siyaseti, с. 11—12.

²⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1838, д. 50, л. 74—75. Бутенев — Нессельроде, 11/23 октября; 1839, д. 45, л. 354. Инструкции Решид-паше в Лондон, 4 марта.

²⁸ Так воспринимали борьбу Мухаммеда Али за независимость и в правительстве Англии, и в руководстве Ост-Индской компании (см.: Great Britain Parliamentary Papers. L., 1840, № 277; Bullard R. Britain and the Middle East, с. 36; Hoskins H. L. British Routes to India. L., 1966, с. 114—119; Hitti P. K. History of the Arabs. L., 1970, с. 722).

²⁹ Текст см.: Noradounghian G. Recueil d'actes internationaux de l'Empire Ottoman. T. 2, 1789—1856. Paris—Leipzig—Neuchâtel, 1902, с. 249—255.

Договор вступил в силу с 1 марта 1839 г. сроком на семь лет. Предусматривалась возможность его продления еще на семь лет. Англо-турецкая конвенция была опубликована на французском языке в стамбульской газете «L'Echo d'Orient» от 1 декабря 1838 г. Под заголовком «Дополнительная Конвенция к капитуляциям, предоставленным Османской империей Великого Обритании» документ распространялся в дипломатических кругах в Стамбуле (АВПР, ф. Канцелярия, 1839, д. 45, л. 106. Бутенев — Нессельроде, 20 января /1 февраля).

Пагубность для Османской империи договора с Англией была отмечена современниками-наблюдателями (см.: Новичев А. Д. История Турции. Т. 3. Новое время. Ч. 2 (1839—1853). Л., 1973, с. 103). Первым в турецкой историографии отрицательную оценку конвенции 1838 г., как повлекшую за собой непредвиденные разрушения в производстве и торговле, дал турецкий официальный историкограф А. Лютфи. О последствиях этого договора для Турции уместно привести мнение прогрессивных турецких историков-экономистов О. Коймен, И. Дজেма, Г. Казгана, которые считают, что этим договором было положено начало экономической зависимости Турции и превращение страны в рынок сбыта развитых европейских держав [Коймен О. Империализм свободной торговли. Оттоманская империя. М., 1970 (V Международный конгресс экономической истории. Ленинград, 10—14 августа 1970 г.), с. 13—14; Сем I. Türkiye'de geri kalmışlığının tarihi, с. 201; Kazgan G. Ortak Pazar ve Türkiye. İstanbul, 1970, с. 109]. Г. Казган проводит прямую аналогию договора 1838 г. с Анкарским договором 1963 г., оформившим вступление Турции в качестве сырьевого придатка в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС).

Деловые круги Англии с удовлетворением ознакомились с договором 1838 г. и сочли его столь благоприятным для промышленности Англии (особенно хлопчатобумажной), что Торговая палата Манчестера, крупного центра текстильной промышленности, направила благодарственные послания Г. Пальмерстону, Дж. Понсонби и Мустафе Решид-паше.

³⁰ Эту уступку Англия уравнивила вновь за счет Турции: морская и речная (по Дунаю) торговля австрийскими товарами должна была осуществляться преимущественно на английских судах.

³¹ Issawi Ch. The Economic History of the Middle East 1800—1914. A Book of Readings. Chicago—London, 1966, с. 46—47.

³² АВПР, ф. Канцелярия, 1838, д. 170, л. 20—21об., 31об. Пален — Нессельроде, 21 сентября/3 октября, 30 сентября/12 октября; La Presse. 27.09, 03, 04, 14.10.1838 (серия статей официального характера о Восточном вопросе и торговле).

³³ АВПР, ф. Канцелярия, 1838, д. 170, л. 91. Пален — Нессельроде, 20 ноября/12 декабря; La Presse. 05.12.1838. Газета отметила, что англо-турецкое соглашение несет зерно торговых осложнений, так как открывает через англо-австрийский торговый договор 1839 г. дорогу Англии на Дунай, в Турцию и Центральную Европу. Текст франко-турецкой конвенции 1838 г. был опубликован в Париже вместе с двумя предшествующими капитуляционными документами, регулировавшими отношения между Францией и Турцией в течение 100 лет (*Capitulations et traités entre la France et la Porte Ottomane 1740, 1802, 1838, P., 1841*).

³⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1838, д. 50, л. 360. Нессельроде — Бутеневу, 27 октября/8 ноября.

³⁵ Там же, д. 170, л. 282—283.

³⁶ Karakas Y. N. Economic Development on the Ottoman Empire. 1856—1914.— Middle East Economic Papers. Beirut, 1968, с. 99—104.

³⁷ См.: Шеремет В. И. Русско-турецкие экономические связи в середине XIX в.— История СССР. 1978, № 6, с. 151.

О позиции держав см.: Puryear V. J. International Economics and the Diplomacy in the Near East. A Study of British Commercial Policy in the Levant. 1834—1853. Stanford, 1935, с. 197—199.

³⁸ Второе полное собрание законов Российской империи № 20375. Отдельное издание договора: Торговый трактат между е. в. императором все-российским и е. в. императором османским. [Гельсингфорс], 1847; Nogadounghian G. Recueil d'actes internationaux de l'Empire Ottoman. Vol. 2, с. 371—379.

³⁹ АВПР, ф. Отчеты МИД, 1846, л. 216.

⁴⁰ Там же, 1839, д. 45, л. 124—137об. Записка к депеше Бутенева от 10 февраля 1839 г.

⁴¹ Только поддержка венского Банка Ротшильда, субсидировавшего Австрийский Ллойд, спасла компанию от краха. Развернуть судоходство на Нижнем Дунае и между турецкими портами и Европой казалось Ллойд единственно спасением; впрочем, так считал и кредитор (см.: Coons R. E. Steamships, Statesmen and Bureaucrats: Austrian Policy towards Company of the Austrian Lloyd. 1836—1848. Wiesbaden, 1975, с. 74—75).

⁴² Маркс К. Торговля с Китаем.— Т. 13, с. 563.

⁴³ Шеремет В. И. Некоторые вопросы английской политики на Ближнем Востоке, с. 147—149.

⁴⁴ Kaunat R. Mustafa Reşit Paşa ve Tanzimat, с. 154.

Дж. Понсонби был извещен об этой позиции кабинета Г. Пальмерстона от 15 марта 1838 г., но задержал ее передачу Порте (см.: Rodkey F. S. Lord Palmerston, с. 90).

Анализ английского текста англо-турецкого военного договора см.: Георгиев В. А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — начале 40-х годов XIX века. М., 1975, с. 76—80.

⁴⁵ Nogadounghian G. Recueil d'actes internationaux de l'Empire Ottoman. Vol. 2, с. 243—248, № 81.

⁴⁶ Там же, с. 283, 298, 301, 302, 314, 338, 345, № 91, 97—99, 101, 109, 113, 120, 124, 132.

Торговые отношения с США до 1862 г. регулировались на основе договора 1830 г., заключенного в Стамбуле при активной поддержке русской дипломатии, добивавшейся для США принципа наибольшего благоприятствования. Это обстоятельство американская историография обычно опускала (см.: Showell J. T., Deak F. Turkey at the Straits N. Y., 1940, с. 12—13).

⁴⁷ Sevdet Paşa. Tezakir, № 1—12. Ankara, 1953, с. 7.

⁴⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1841, д. 44, л. 539об. Титов — Нессельроде, 10/22 июня.

⁴⁹ Среди них были: Швеция — капитуляция 1737 г., Сицилия — 1740 г., Дания — 1756 г., Пруссия — 1761 г., Сардиния — 1823 г., Тоскана — 1833 г. Турецко-американский договор 1830 г. сохранял свою силу.

⁵⁰ На позицию немусульман с двойным гражданством, как на своего рода внутреннюю колонизацию, обратила внимание чешская исследовательница З. Весела-Преносилова (Věsela-Přenosilová Z. Les capitulations et les villes ottomanes, с. 25—28).

⁵¹ См.: История XIX века. Т. 3. М., с. 339—347.

⁵² Об аналогичных процессах в других странах Востока см.: Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984.

⁵³ Davison R. H. Ottoman Diplomacy at the Congress of Paris (1856) and the Question of Reform.— VII Türk Tarih Kongresi. Ankara 25—29 Eylül 1970. С. 2. Ankara, 1973, с. 581—584.

⁵⁴ Noradounghian G. Recueil d'actes internationaux d'Empire Ottoman. Т. 2, с. 437—444.

⁵⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1842, д. 41, л. 78—79. Титов — Нессельроде, 26 мая / 7 июня.

⁵⁶ Petropoulos J. A. Politicians and Statecraft in the Kingdom of Greece 1833—1838. N. Y., 1968, с. 291.

⁵⁷ В 1842 г. Порта отвергла базировавшуюся на капитуляционной основе попытку греческого правительства включить в греческий парламент двух представителей от о-ва Псары — османской территории, которые обладали бы в таком случае кроме двойного подданства дипломатическим иммунитетом. Под давлением держав Порты вынуждена была к 1845 г. изменить свою позицию [см.: Дулина Н. А. Османская империя в международных отношениях (30—40-е годы XIX в.) М., 1980, с. 135].

⁵⁸ Lettres de J. G. Eynard relatives à la Grèce 1841—1843.— Bulletin de la Société d'histoire et d'archéologie de Genève. 1916, № 4, с. 97, 101—108; Каупар R. Mustafa Resit Paşa ve Tanzimat, с. 492—493, 495, 498; АВПР, ф. Канцелярия, 1843, д. 35, л. 101—102 об. Титов — Нессельроде, 14/26 ноября.

⁵⁹ Дамьянов С. Френската политика на Балканите 1829—1853. София, 1977, т. 188—190.

⁶⁰ Skilliter S. William Harborne and the Trade with Turkey. 1578—1582. L., 1977, ig. IV; Menage V. The English Capitulation of 1580: A Review of Article.— International Journal of Middle East Studies. 1980, № 12, с. 375—380.

⁶¹ Findley C. Bureaucratic Reform in the Ottoman Empire. The Sublime Porte 1789—1922. Princeton (New Jersey), 1980, с. 127—130; Rosenthal S. The Politics of Dependence, с. 5—8.

⁶² Findley C. Bureaucratic Reform in the Ottoman Empire, с. 157; Kushner D. The Rise of Turkish Nationalism 1876—1968. L., 1977, с. 3.

⁶³ АВПР, ф. ГА V-A₂, 1842, д. 522, л. 172.

⁶⁴ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 1481, л. 25—30. Анализ экономической деятельности и привилегий отдельных миллетов выходит за рамки данной работы, поскольку заслуживает отдельного изучения.

⁶⁵ См.: Rosenthal S. The Politics of Dependence, с. 103—105.

⁶⁶ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1850, д. 1487, л. 91. Иванов — Титову, 21 апреля / 3 мая.

⁶⁷ Там же, д. 1489, л. 62—63, 130—138 и сл. Депеши Иванова — Озерову, декабрь 1852 — январь 1853.

⁶⁸ Там же, 1851, д. 1488, л. 136. Иванов — Титову, 5/17 июля.

⁶⁹ Там же, 1847, д. 1484, л. 63—65. Иванов — Устинову, 15/27 марта.

⁷⁰ Rodkey F. S. Lord Palmerston and the Rejuvenation of Turkey.— Journal of Modern History. L., 1930, vol. 2, с. 202; Batley F. British Policy and the Turkish Reform Movement. A Study in Anglo-Turkish Relation 1826—1853.— Harvard Historical Studies. Vol. 51. Cambridge (Mass.), 1942, с. 156—157; Cunningham A. Stratford Canning and the Tanzimat.— Beginnings of Modernisations in the Middle East. Chicago—London, 1968, с. 259—262.

⁷¹ Benoit A. Étude sur les capitulations, с. 30—33; Мандельштам А. Н. Русская консульская юрисдикция в Турции и ее реформа, с. 25—30.

⁷² Ястржембский В. О капитуляциях в Османской империи, с. 37.

⁷³ ЦГИА СССР, ф. 1630, оп. 1, д. 58. «О правилах производства тяжб российских подданных с подданными различных держав, торгующими в Турецкой империи», л. 1—10б.; д. 301 «Выписки из указов по торговле» [за разные годы].

⁷⁴ Подданные Османской империи, проживавшие в Европейской Турции, прибегали довольно часто, особенно в 20—30-х годах, к защите российской коммерческой канцелярии в Стамбуле и к апелляционному суду в Одессе. Не позднее апреля 1834 г. в Петербург был направлен «Мемуар» торговцев из Валахии с жалобой на привилегированность положения иностранных торговцев в Дунайских княжествах, позволявшую им уклоняться от разбора на месте исков свыше незначительной для торговых сборов суммы в 4 тыс. акче, которые обычно переносятся на рассмотрение в Стамбул. «Мемуар» проникнут горечью его авторов. Не требуя для себя особых прав в торговле, они просили поддержать их в одном — «уравнять с иностранцами торговцев — османских подданных», «которые в собственной стране лишены даже права на апелляцию» (текст см.: Georgescu V. Mémoires et projets de réforme dans les Principautés romaines 1831—1848. Bucarest, 1972, с. 48—49).

⁷⁵ Karal E. Osmanlı tarihi. С. 6. Islahat fermanı devri. 1856—1861. Ankara, 1954, с. 151; Mandelstam A. Justice Ottoman dans les rapports avec les puissances étrangères. P., 1908, с. 6—7.

⁷⁶ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 1484, л. 112. Ф. А. Иванов о деятельности Коммерческого суда.

⁷⁷ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1850, д. 1489, л. 155. Ващенко — Титову, 21 декабря / 2 января.

⁷⁸ Там же, д. 595, л. 109—110, 150—152. Мухин — Титову, ноябрь — декабрь.

⁷⁹ 12 октября 1841 г. «Журналь дѣ Смирн» опубликовал ноту Порты, врученную посланникам держав, с требованием положить конец практике приобретения земельных участков коммерсантами-иностранцами и покровительствуемыми лицами, которые совершали незаконные сделки на имя своих жен, формально подданных Османской империи. Выступления должностных лиц на эту тему печать Стамбула и Измира печатала неоднократно в 1842—1844 гг.

⁸⁰ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1847, д. 1484, л. 39—40. Иванов — Устинову, 7/19 марта.

⁸¹ Там же, л. 69—71. Иванов — Устинову, 23 апреля / 5 мая.

⁸² Новичев А. Д. История Турции. Новое время. Т. 3. Ч. 2. (1839—1853). Л., 1973, с. 144; Mandelstam A. Justice Ottoman, с. 6—7.

⁸³ Young G. Corps de droits Ottoman. T. 7. Oxf., 1905, с. 155; Mandelstam A. Justice Ottoman, с. 197.

Торговый кодекс 1838 г. (действовал до 1879 г.) оказался столь благоприятным для европейских коммерсантов, что подтверждение его было включено в торговый регламент 1860 г., в новую серию торговых договоров 60-х годов XIX в. Османской империи с европейскими державами (см.: Aristarchi-bey. Législation ottoman ou recueil des lois, réglemens, ordonnances, traités, capitulations et autres documents officiels de l'Empire Ottoman. T. 2. Constantinople, 1875, с. 359).

⁸⁴ Karal E. Z. Osmanlı tarihi. С. 6, с. 152; Mandelstam A. Justice Ottoman, с. 52.

⁸⁵ Pélissie de Rausas. Le régime des capitulations dans l'Empire Ottoman. P., 1902, с. 271—274.

⁸⁶ Приводится по тексту, приложенному к депеше генерального консула в Измире Ф. А. Иванова от 29 ноября 1850 г. (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1850, д. 1487, л. 230—231).

⁸⁷ Там же, л. 229.

⁸⁸ Одновременно с осени 1850 г. была начата работа по совершенствованию Уголовного кодекса и уголовного судопроизводства.

⁸⁹ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1852, д. 1489, л. 45—138об. Донесения Ф. А. Иванова, май — декабрь.

⁹⁰ Там же, 1858, д. 1307, л. 324—326об. Мухин — Лобанову-Ростовскому, 9, 10 декабря.

⁹¹ Там же, л. 325.

⁹² Le Moniteur. 27.09, 24.10.1839.

⁹³ АВПР, ф. Канцелярия, 1843, д. 35, л. 28—29. Титов — Нессельроде, 4/16 декабря.

⁹⁴ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1848, д. 851^а, л. 2—2об., 23—24. Ващенко — Титову, январь — апрель.

⁹⁵ ЦГВИА, ВУА, д. 5468 «Сведения о неприятеле», ч. III, л. 293—295. По сообщениям в Главный штаб от военных корреспондентов из Константинополя и Вены; АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1860, д. 2448, л. 37—38. Иванов — Лобанову-Ростовскому, 19/31 мая.

⁹⁶ АВПР, ф. ГА V-A₂, 1852, д. 522, л. 370—372.

⁹⁷ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 1307, л. 20—21.

⁹⁸ ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 2274. Материалы Штаба Южной Армии, л. 16—16об. Сообщения из Константинополя, март 1855.

⁹⁹ ЦГВИА, ВУА, ф. 450, д. 57, л. 2—3. Сообщение корреспондента Военного министерства в Константинополе В. А. Франкини.

¹⁰⁰ ЦГВИА, ВУА, д. 5468, ч. IV, л. 84—86об.

¹⁰¹ Тунисский батальон во главе с французскими офицерами, прошедшими выучку в колониальной войне с Абд эль-Кадером в Алжире, стоял под Софией и так бесчинствовал, что был окружен гвардейской турецкой артиллерией, получившей приказ стрелять прямой наводкой в случае дальнейших мародерств в болгарских селениях.

¹⁰² ЦГВИА, ВУА, ф. 450, д. 57, л. 4—5об. Сообщение В. А. Франкини.

¹⁰³ АВПР, ф. ГА V-A₂, 1850, д. 920. Приложение к донесениям В. П. Титова, апрель.

Глава IV

¹ См.: Энгельс Ф. Платен.— Т. 41, с. 32.

² Гросул В. Я. Польская политическая эмиграция на Балканах в 40-х — начале 50-х годов XIX в.— Балканский исторический сборник. 2. Кишинев, 1970, с. 39—68.

³ Подробнее см.: Освободительные движения народов Австрийской империи. М., 1980, с. 342, 319—322 и сл.

⁴ Karal E. Z. Osmanlı tarihi. С. 5. Nizam-i cedit ve Tanzimat devirleri (1789—1856). 3. baskı. Ankara, 1970, с. 278.

⁵ Gürel T. A. 1853—1855 türk-rus ve mütteliklerin Kırım savaşı. İstanbul, 1935, с. 4; Kurat N. A. Türkiye ve Rusya. XVIII yüzyıl sonundan kurtuluş savaşına kadar türk-rus ilişkileri 1798—1919. Ankara, 1970, с. 68—69; Tuğkin C. Osmanlı imparatorluğunda boğazlar meselesi. İstanbul, 1947, с. 144; Sakir Z. Büyük Türk inkılabı. İstanbul, 1956, с. 68.

⁶ См.: Gürsel H. Tarih boyunca türk-rus ilişkileri. Bir siyasi tarih incelemesi. İstanbul, 1968, с. 93; Armaoğlu F. Siyasi tarih. 1789—1960. Ankara, 1964, с. 118—119; Derin F. G. Osmanlı devletinin siyasi tarih.— Türk dünyası el kitabı. Ankara, 1976, с. 998—1000.

⁷ MacFarlane Ch. Turkey and Its Destiny. Vol. 2. Philadelphia. 1850, с. 195.

О такой же реакции населения по турецким материалам см.: Kunguralp S. Bir osmanlı diplomatı Kostaki Musurus Paşa. 1807—1871.— Belleten, Ankara, 1970, с. 34, № 195, с. 430.

⁸ Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии.— Т. 8, с. 53.

⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1848, д. 39, л. 203—204об., 216, 218, 222. Дешети Титова В. П. К. В. Нессельроде. апрель; Tarih-i Lütfi. С. 8. İstanbul, [б. г.], с. 159; Розен Д. Г. История Турции от победы реформы в 1826 году до Парижского трактата в 1856 году. Ч. 2. СПб., 1872, с. 125—126.

¹⁰ Записки Михаила Чайковского.— Русская старина. 1895—1897, т. 84—90, 1898, т. 93—96.

Издание рукописи воспоминаний М. Чайковского (Мехмеда Садык-паша), хранящейся в Библиотеке АН ПНР в Кракове, в целом совпадает с прежними изданиями его записок (Львов, 1898 и «Русская старина») и отличается лишь размышлениями автора о закулисной истории периода войны 1853—1856 гг., опущенными в русских изданиях [см.: Michat Czajkowski (Mehmed Sadyk Pasza). Moje Wspomnienia o wojnie 1854. Warszawa, 1962, с. 264—279].

¹¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1848, д. 42, л. 108—111. Прил. к депешам В. П. Титова.

¹² Подробнее см.: Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887, с. 593; Djordjević D. Revolutions nationales des peuples balkaniques 1804—1914. Beograd, 1965, с. 78—79.

¹³ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1849, д. 1486, л. 28—31, 96—98, 113. Депеша Ф. А. Иванова и В. П. Титова.

¹⁴ См.: Gürel T. 1853—1855 türk-rus ve müttefiklerin Kırım savaşı, с. 4; Karal E. Z. Osmanlı tarihi. С. 5, с. 219; Kurat A. N. Türkiye ve Rusya, с. 68; Duran T. Türk-rus ilişkilerinde önemli gelişmeleri.—Belgelerle türk tarih dergisi. 1969, № 25, с. 24; Derin F. Osmanlı devletinin siyasi tarihi, с. 1000.

¹⁵ Ayverdi S. Türk-rus münasebetleri ve muharebeleri. Istanbul, 1970, с. 198.

¹⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1848, д. 43, л. 340, 342—244. Инструкции А. П. Титову, апрель.

¹⁷ Там же, л. 361.

¹⁸ Дюгамель А. О. Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля. М., 1885, с. 162—163.

¹⁹ Текст инструкции см.: Авербух Р. А. Николай I и европейская революция в 1848—1849 гг.—Красный архив. М., 1931, т. 47—48, с. 186.

²⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1848, д. 42, л. 310, 338—342. Депеша В. П. Титова, июнь; Дамьянов С. Френската политика на Балканите 1829—1853. София, 1977, с. 226.

²¹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 42, л. 298—299. Копия личных инструкций султана Талаат-эфенди приложена к депешам Титова от 5 апреля 1848 г.

²² О расстановке классовых сил и внутренней борьбе в Дунайских княжествах см.: Виноградов В. Н. Россия и объединение румынских княжеств. М., 1961, с. 55—78; Гросул В. Я., Чертан Е. Е. Россия и формирование румынского независимого государства. М., 1969, т. 66—76; Todoroв I. Du forces et du caractère du mouvement révolutionnaire de 1848 en Moldavie.—Etude balkanique. Sofia, 1976, № 2.

²³ Armaoğlu F. Siyasi tarih, с. 119; Uçok C. Siyasal tarih. 1789—1950. Ankara, 1961, с. 172.

²⁴ Версия о либерализме султана и его министров была распространенной в общественной и зарубежной литературе (см.: Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая I, с. 594—598; Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923, с. 114; Розен Д. Г. История Турции. Ч. 2, с. 125, 134).

²⁵ АВПР, ф. Отчеты МИД, 1848, л. 349об.

²⁶ ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 17766, л. 27. Чернышев — командиру 5-го корпуса, 26 июля 1848 г.

²⁷ Там же. В течение июля 1848 г. командованию 5-го корпуса трижды предписывалось строжайшим образом соблюдать суверенитет султанской власти в Молдове. «Совокупное расположение союзных войск (России и Турции.— В. III.) в этой области должно ясно показывать как жителям, так и всей Европе согласие и единственное стремление обоих правительств» (там же, л. 44. Из предписания А. И. Чернышева от 29 июля 1848 г.).

²⁸ MacFarlane Ch. Turkey and Its Destiny. Vol. 2, с. 200.

²⁹ Там же, с. 201.

³⁰ Там же, с. 202.

³¹ Там же, с. 203.

Французский «Монитёр» со ссылкой на турецкие источники сообщал, что в 1849 г. Порты призвала под ружье 350 тыс. человек.

³² АВПР, ф. Канцелярия, 1848, д. 42, л. 437. Титов — Нессельроде, 24 июля / 5 августа.

³³ Там же, л. 443—444. Оригинал с тугрой Абдул Меджида.

³⁴ Там же, л. 470—472.

³⁵ Там же, л. 473.

³⁶ Там же, л. 475—477; ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 17766, л. 34—36. Копии депеш Титова, 16 (28) августа 1848 г.

³⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1848, д. 43, л. 378—379. Николай I — Абдул Меджиду. 4 сентября.

³⁸ Там же, л. 81—86.

³⁹ Гросул В. Я., Чертан Е. Е. Россия и формирование румынского независимого государства, с. 71.

⁴⁰ Journal de Constantinople. 24.09.1848.

⁴¹ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1485, л. 103—104. Прил. к донесению Ф. А. Иванова.

⁴² ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 17763, л. 2, 5об., 18. Рапорты командира 5-го корпуса царю, сентябрь 1848; д. 17762, л. 159, 173—176. Рапорты и прил. копий воззваний Сулейман-паши к местному населению.

⁴³ Там же, д. 17762, л. 143.

⁴⁴ Там же, л. 114.

⁴⁵ ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 17766, л. 35—36. Титов — Нессельроде, 16 (28) августа 1848 г.

⁴⁶ Дюгамель А. О. Автобиография, с. 170. О жизни и деятельности Фуад-паши см.: İnal M. K. Osmanlı devrinde son sadrazamlar. 2. baskı. İstanbul, 1955, с. 103—104.

⁴⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Британская политика. — Дизраэли. — Эмигранты. — Мадзини в Лондоне. — Турция. — Т. 9, с. 10.

⁴⁸ ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 17806 «О силе, состоянии и степени образования турецких войск», 1848, л. 16—39. Материалы штаба 5-го пехотного корпуса о личных свойствах некоторых турецких военачальников.

⁴⁹ Там же, л. 38—39.

⁵⁰ Маркс К. Восстание в Мадриде. — Австро-турецкий договор. — Молдавия и Валахия. — Т. 10, с. 309.

⁵¹ Allgemeine Zeitung. 01.08.1848.

⁵² Следует заметить, что Жак Опик, директор привилегированного Политехнического института, сенатор, человек столь правых взглядов, что в султанском дворце о нем говорили сочувственно — «он совсем не бунтовщик», в первый же свой визит в Порту заявил в ответ на вопрос Рифаат-паши об отношении Франции к польским событиям и эмигрантам: «Мы заняты итальянской проблемой и не хотим заниматься Польшей» [АВПР, ф. Канцелярия, 1848, д. 42, л. 300. Титов — Нессельроде, 24 мая (5 июня)]. Как отметил профессор Оттавского университета Лоуренс Д. Дженкинс, Франция была целиком занята собственными и европейскими проблемами, чтобы углубляться в события где-то на юго-восточной окраине Европы. Однако Париж не упускал случая, чтобы введением русских войск в Молдову не стимулировать страх обывателей и во Франции, и в Австрии (Jenkins L. K. France and Europe in 1848. A Study of French Affairs in the Time of Crisis. Oxf., 1973, с. 219, 220—221, 232).

⁵³ АВПР, ф. Канцелярия, 1848, д. 43, л. 166—173. Титов — Нессельроде, 14 (26) октября.

⁵⁴ Там же, д. 42, л. 120—139. Прил. к депеше Титова от 13 марта 1848 г.

⁵⁵ Там же, л. 144—149.

⁵⁶ См.: Семенов Л. С., Шеремет В. И. Внешнеэкономические связи Турции эпохи Крымской войны. — Вестник ЛГУ. 1973, № 14.

⁵⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1848, д. 43, л. 149об.

⁵⁸ Там же, л. 542—542об. Титов — Нессельроде, 25 августа.

⁵⁹ В дипломатических кругах Стамбула были убеждены, что «Пять пунктов» передал через С. Каннинга, но подготовил сам Мустафа Решид-паша во время своей очередной отставки, чтобы продемонстрировать преданность делу реформ и способность возглавить их дальнейшую реализацию. Вполне реальное предположение, если учесть, что С. Каннинг едва ли не

всю первую половину 1848 г. выполнял дипломатические миссии в Италии, Австрии и германских государствах.

⁶⁰ «Пять пунктов Каннинга—Решида» были приложены к депеше В. П. Титова от 26 августа 1848 г. В английской историографии новейшего времени, видимо, Дж. Тойнби первым предложил трактовку двух направлений «реформаторского разнонаправленного движения»: турецкое — господствующее, главным образом проявлявшееся в военной сфере; негурецкое, христианское, преимущественно проявлявшееся в коммерческой сфере (Тоупбее А. J., Kirkwood К. P. Turkey. L., 1926, с. 36—37).

План Каннинга—Решида дает недвусмысленное уточнение роли христианских общин в военных планах Лондона. Известные американские авторы Ст. Шоу и Ч. Иссави относят английские предложения о наборе в армию христиан не ранее 1855 г., т. е. к Крымской войне. Они объясняют это обстоятельство демографическим фактором (подобно Рыза-паше) — падением доли мусульманского, турецкого населения (Shaw St. J., Shaw E. K. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Reform, Revolution and Republic: The Rise of Modern Turkey. 1808—1975. Cambridge (Mass.), 1977, с. 100, 116—117; Issawi Ch. Ottoman Empire in the European Economy. 1600—1914.—The Ottoman Empire and Its Place in World History. Leiden, 1974, с. 107—110).

Перспективу перерастания вооружения христиан через общеоосманское гражданство к полной независимости христианских подданных отметил А. Каннингхем, но относил это также к 50-м годам (Cunningham A. Stratford Canning and the Tanzimat.—Beginnings of Modernisation in the Middle East. Chicago—London, 1968, с. 154).

⁶¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1848, д. 43, л. 149—150. Информация драгомана российского посольства Ханджери о заседаниях и выступлениях была получена от одного из участников заседаний.

⁶² Там же, л. 150.

⁶³ АВПР, ф. Отчеты МИД, 1849, л. 64; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978, с. 127.

⁶⁴ Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая I, с. 599.

⁶⁵ См. депеши Ф. И. Бруннова из Лондона летом 1848 г. (Авербух Р. А. Николай I и европейская революция в 1848—1849 гг., с. 23—24).

⁶⁶ Записная книжка гр. П. X. Граббе. М., 1888, с. 184, 407; ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 18504 «О командировании по высочайшему повелению г.-а. Граббе в Константинополь к султану, дабы объяснить турецкому правительству все неудобства настоящего направления его действий в княжествах и пагубные последствия, которые они произвести могут, если Порты не обратится к системе, более сообразной с собственными ее выгодами и пользой», л. 1—2.

⁶⁷ Юзефович Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. СПб., 1869, с. 103—107; Noga dounglian G. Recueil d'actes internationaux de l'Empire Ottoman. Vol. 2. Paris—Leipzig—Neuchâtel, 1902, с. 389—391.

⁶⁸ АВПР, ф. Отчеты МИД, 1849, л. 229—230.

⁶⁹ Георгиев В. А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — начале 40-х годов XIX в. М., 1975, с. 186—187; Восточный вопрос во внешней политике России, с. 118—120.

⁷⁰ См.: Энгельс Ф. Европейская война.— Т. 10, с. 6.

⁷¹ См.: Маркс К. Арест Делеклюза.— Дания.— Австрия.— «Times» о перспективах войны с Россией.— Т. 9, с. 441.

⁷² Ленин В. И. Блок кадетов с прогрессистами и его значение.— Т. 21, с. 223.

⁷³ Автор в выделении этапов конфликта 1850—1853 гг. следует общему определению принципов и основным понятиям, предложенным советскими исследователями теории международных отношений, при корреляции понятий, соответствующих изучаемой эпохе (см.: Международные конфликты. М., 1972, с. 41—50; Процесс формирования и осуществления внешней политики капиталистических государств. М., 1981, с. 245—271).

⁷⁴ Boieiu L. Austria și Principatele Române în Vremea războiului Cri-

meil (1853—1856). București, 1972, с. 57; История Румынии. 1846—1917. М., 1964, с. 31.

⁷⁵ История Болгарии. Т. 1. М., 1954; Конобеев В. Д. Българското национално-освободително движение. Идеология, програма, развитие. София, 1972, с. 275—277.

⁷⁶ Димитров Стр. Встанието на селяните в северозападна България през 1850 година. София, 1961, с. 16—40; Дамянов С. Френската политика на Балканите 1829—1853, с. 242—244.

⁷⁷ Показательна в этом отношении обширная статья во французском офицозе, фактически призывавшая Порту использовать мусульманское население для подавления восстаний христиан прежде, чем их возглавит Россия (Le Journal des Débats. 10.07.1850).

⁷⁸ Mortson T. E. Britain's Imperial Rule in the Red Sea Area 1800—1878. Hamden, 1961, с. 137—140, 150—153.

⁷⁹ См.: Yapp M. E. Strategies of British India. Oxf., 1980, с. 18—19; Bearce G. D. British Attitudies towards India 1784—1858. Oxf., 1961, с. 190—219.

⁸⁰ Луцкий В. Б. Новая история арабских стран. М., 1965, с. 112.

⁸¹ Hansard's Parliamentary Debats. Vol. 42, L., 1843, с. 815—817; vol. 44. L., 1845, с. 750—752.

⁸² Салиби К. Очерки по истории Ливана. М., 1969, с. 130.

⁸³ Маркс К. События в Сирии.— Английская парламентская сессия.— Состояние британской торговли.— Т. 15, с. 102.

⁸⁴ British Foreign State Papers. Vol. 38. L., 1865, с. 1306 (далее — State Papers).

⁸⁵ АВПР, ф. Отчеты МИД, 1849, л. 29.

⁸⁶ Профессиональные военные руководители восстания 1830—1831 гг. в Польше Ю. Бем и Г. Дембинский приняли активное участие в революции 1848—1849 гг. в Австрии и Венгрии. При этом деятельность Ю. Бема как «первоклассного военачальника», умело решавшего сложные национальные и военные вопросы в повстанческой среде, были отмечены К. Марксом и Ф. Энгельсом (Маркс К. и Энгельс Ф. Бем.— Т. 14, с. 134—137). После отказа Франции дать Ю. Бему политическое убежище он и 42 его ближайших соратника перешли в ислам и были зачислены в османскую армию.

⁸⁷ ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 17763, л. 115, 185, 202, 236—251. Рапорты командира 5-го корпуса А. И. Чернышеву и Николаю I, сентябрь—декабрь 1849 г.

⁸⁸ Heindl W. Graf Buol-Schauenstein in St. Peterburg und London 1848—1852. Wien — Köln — Graz, 1970, с. 132—138; Djordjević D. Révolutions nationales, с. 85.

Достоверность этих расчетов в известной мере иллюстрирует признание Г. Пальмерстона, высказанное им в 1849 г. Ф. Пульски: «Австрийская империя такое государство, которое, если бы его не существовало, надо было бы создать, так как оно — европейская необходимость и естественный союзник Англии на [Ближнем] Востоке» (цит. по: Авербух Р. А. Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии. М., 1965, с. 296).

⁸⁹ Султан выделил из личных средств 150 тыс. курушей для раздачи эмигрантам, распорядился выдать им часть военного обмундирования.

⁹⁰ State Papers. Vol. 38, s. 1266—1267, 1268. Делеши Каннинга Пальмерстону, 25 августа — 3 сентября 1849 г.

⁹¹ Там же, с. 1270—1271 — нота Австрии Высокой Порте, с. 1271—1272 — нота России.

⁹² Там же, с. 1269, 1272, 1273. Каннинг — Пальмерстону, 3 и 5 сентября 1849 г.

⁹³ АВПР, ф. Отчеты МИД, 1849, л. 37об.

⁹⁴ Le Moniteur. 27.01.1850.

⁹⁵ State Papers. Vol. 38, s. 1274. Каннинг — Пальмерстону, 7, 10 сентября 1849 г.

⁹⁶ Там же, с. 1286—1288. Али-паша — Титову, 16 сентября 1849 г.

⁹⁷ Inal M. K. Osmanlı devrinde son sadrazamlar. 2. baskı. İstanbul, 1955, с. 103.

⁹⁸ State Papers. Vol. 38, с. 1275—1277.

⁹⁹ См. одну из последних английских биографических работ о Г. Пальмерстоне, трактующую нарушение статута проливов в 1849 г. как личную акцию посла вопреки позиции «миротворца» Г. Пальмерстона (Ridley J. Lord Palmerston. L., 1970, с. 377).

¹⁰⁰ State Papers. Vol. 38, с. 1279.

¹⁰¹ См.: АВПР, ф. Отчеты МИД, 1849, л. 29; Восточный вопрос во внешней политике России, с. 130—131.

¹⁰² State Papers. Vol. 38, с. 1280—1281.

¹⁰³ Там же, с. 1282.

¹⁰⁴ Там же, с. 1299.

¹⁰⁵ Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая I, с. 604.

¹⁰⁶ Puryear V. J. England, Russia and the Straits Questions. 1844—1856. Berkeley—Los-Angeles, 1931, с. 159; Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая I, с. 606.

¹⁰⁷ State Papers. Vol. 38, с. 1290—1291. Пальмерстон — Каннингу, 6 октября 1849 г.

¹⁰⁸ Там же, с. 1292.

¹⁰⁹ Puryear V. J. England, Russia, с. 182. Первое изложение проекта англо-турецкого союзного договора 1849 г. см. в политической биографии Стредфорда Каннинга (Lane-Poole S. The Life of Right Honourable Stradford Canning Viscount Stradford de Redcliffe. From Memoirs and Private and Official Papers. Vol. 2. L., 1888, с. 208).

¹¹⁰ Puryear V. J. England, Russia, с. 183.

¹¹¹ В зарубежной историографии XIX—XX вв. проект займа 1849 г. при одновременном обсуждении проекта военного союза не рассматривается (Л. Дювелей, Ф. Родки) либо упоминается лишь проект займа 1851 г. (см.: Rodkey F. S. Ottoman Concern about Western Economic Penetration in the Levant, 1849—1856.—The Journal of Modern History. 1958, vol. 30, № 4, с. 348—349; Anderson O. A. Great Britain and the Beginnings of the Ottoman Public Debt. 1854—1855.—The Historical Journal. 1964, vol. 7, № 1, с. 47—48).

¹¹² ЦГИА СССР, ф. 1018, оп. 5, д. 390, л. 106. Письмо Николая I Паскевичу о пребывании Фуад-паши в Петербурге, октябрь 1849 г.; там же, л. 119. Сенявин — Нессельроде, 3 (15) октября 1849 г.

¹¹³ Объяснение, над которым посмеивался впоследствии сам Фуад-паша в беседах с А. М. Горчаковым, утвердилось вопреки фактам в новейшей английской историографии (А. Тейлор), повторялось в работах таких турецких историков, как А. Курат, Я. Окчу.

¹¹⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1849, д. 204, л. 130—132.

¹¹⁵ State Papers. Vol. 38, с. 1307—1308. А. Токвиль — Ж. Опику, 11 октября 1849 г.

¹¹⁶ Там же, с. 1324, 1366. Распоряжения Высокой Порты в адрес командования береговой обороны и меморандум послам Англии и Франции в связи с проходом английской эскадры через Дарданеллы.

¹¹⁷ Под предлогом удовлетворения имущественного иска дона Пачифико (португальского консула с британским паспортом) к греческому правительству Англия добивалась формального отказа Греции от всяких притязаний на оккупированные Англией Ионические острова и на стратегически важные для действия британского флота греческие острова Серви и Салиенца. Соглашение в Афинах было заключено в интересах Англии при посредничестве Франции и при участии Турции. Посредничество России Г. Пальмерстон категорически отверг.

¹¹⁸ Ridley J. Lord Palmerston, с. 374—375, 378—379.

О позиции России в связи с делом Пачифико см.: Восточный вопрос во внешней политике России, с. 129; Ноту России Англии см.: Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 12. СПб., 1895, с. 262—263.

¹¹⁹ См.: Тарле Е. В. Крымская война. Т. 1. М.—Л., 1950, с. 134—138; Восточный вопрос во внешней политике России, с. 130—132; Виногра-

- дов В. Н. «Святые места» и земные дела.—Новая и новейшая история. 1983, № 5—6.
- ¹²⁰ См.: Маркс К. Русская победа.—Позиция Англии и Франции.—Т. 9, с. 560—561.
- ¹²¹ См.: Генчев Н. Франция, католицизмът в Ориента.—България и европейските страни през XIX—XX вв. София, 1975, с. 58—61.
- ¹²² Маркс К. Объявление войны.—К истории возникновения Восточного вопроса.—Т. 10, с. 171.
- ¹²³ Там же, с. 170.
- ¹²⁴ АВПР, ф. СПб. ГА V-A₂, 1848, л. 4—6. Титов — Нессельроде, 31 января / 12 февраля.
- ¹²⁵ Там же, л. 33—47. Дешети Титова, декабрь 1847 — январь 1848.
- ¹²⁶ Одновременно Порта расширяла контакты с представителями протестантской церкви на Востоке, предоставила ряд прав протестантскому миллету.
- ¹²⁷ АВПР, ф. СПб. ГА V-A₂, 1848, л. 518, л. 55—60; д. 517, л. 104—105 об.
- ¹²⁸ Там же, д. 517, л. 99—101. Прил. к дешете Титова.
- ¹²⁹ Там же, л. 131—132. Титов — Нессельроде, 29 декабря 1848 г. (10 января 1849 г.).
- ¹³⁰ Натан Ж. Болгарское возрождение. М., 1949, с. 101—102.
- ¹³¹ Kabrda J. Le système fiscal de l'église orthodoxe dans l'Empire Ottoman. D'après les documents turcs. Brno, 1969, с. 13—14.
- ¹³² Для разных регионов Османской империи это отметили У. Хаддал и Р. Девисон (Nationalism in a Non-national State. Columbus, 1977); Д. Хорвуд (Horwood D. The Russian Presence in Syria and Palestine 1843—1914. Church and Politics in the Near East. Oxf., 1969).
- ¹³³ La Gorce P. Histoire de la Seconde Empire. Т. 1. P., 1902, с. 135—138.
- ¹³⁴ АВПР, ф. ГА V-A₂, 1851, д. 521. Текст ноты Опики. Изложение ноты см.: Зайончковский А. М. Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1. СПб., 1908, с. 371.
- ¹³⁵ Кухарский П. Ф. Франко-русские отношения накануне Крымской войны. Л., 1941, с. 64; Horwood D. The Russian Presence in Syria and Palestine, с. 46.
- ¹³⁶ Текст фермана см.: Зайончковский А. М. Восточная война. Т. 1, с. 342—343, 344—345 (нота Лавалету от 8 февраля 1852 г.)
- ¹³⁷ АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 522, л. 126. Порта — паше Иерусалима. В более сдержанных выражениях эти мысли прозвучали в большой статье столичной газеты «Courrier de Constantinople» (01.12.1850).
- ¹³⁸ Там же, л. 358—360, 370—372, 436—437. Дешети Базили — Озерову, Озерова — Сенявину, август — октябрь 1852.
- ¹³⁹ Цит по.: Зайончковский А. М. Восточная война. Т. 1, с. 378.
- ¹⁴⁰ Зайончковский А. М. Восточная война. Прил. Т. 1. СПб., 1908, с. 347.
- ¹⁴¹ АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 523, л. 59—60. Абдул Меджид — Николаю I.
- ¹⁴² Хитрова Н. И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах. М., 1979, с. 89—91, 107.
- ¹⁴³ См.: Дебидур А. Дипломатическая история Европы от Венского до Берлинского конгресса 1814—1878. Т. 2. М., 1929, с. 91; Хитрова Н. И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах, с. 101.
- ¹⁴⁴ АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 523, л. 26. А. П. Озеров — Л. Г. Снявину, 16 февраля 1852 г. Аналогичные оценки деятельности австрийского посла появились в столичной прессе (Journal de Constantinople. 14.01, 14.02.1853).
- ¹⁴⁵ Зайончковский А. М. Восточная война. Т. 1, с. 396; Meupdorf P. von. Ein russischer Diplomat an den Hofen von Berlin und Wien. Politischer und privater Briefwechsel 1826—1863. Bd. 3. В.—Lpz., 1923, с. 15.
- ¹⁴⁶ ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 7, д. 32, л. 48. Дневник А. С. Меншикова.
- ¹⁴⁷ Инструкции имели несколько вариантов. А. М. Зайончковский опубликовал один из них (см.: Зайончковский А. М. Восточная война. Прил. Т. 1, № 104—109, с. 365—386). Пространний вариант инструкции с приложением копий нот и ферманов Порты хранится среди докладов МИД Нико-

лаю I (АВПР, ф. Канцелярия, д. 30). Он несколькими пунктами и редакционно отличается от опубликованного в книге А. М. Зайончковского. В основе нашего изложения лежит текст, предложенный А. М. Зайончковским, с необходимыми дополнениями.

¹⁴⁸ Зайончковский А. М. Восточная война. Прил. Т. 1, с. 374—378.

¹⁴⁹ Там же, с. 385—386.

¹⁵⁰ АВПР, ф. ГА V-Аз, д. 523, л. 42—53 (копия).

¹⁵¹ Тарле Е. В. Крымская война. Т. 1, с. 163.

¹⁵² Делешу Дж. Рассела см.: Зайончковский А. М. Восточная война. Прил. Т. 1, с. 359—362.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Зайончковский А. М. Восточная война. Т. 1, с. 387—390. Он наиболее полно отразил содержание бесед царя по Восточному вопросу.

¹⁵⁵ Цит. по: Зайончковский А. М. Восточная война. Т. 1, с. 395.

¹⁵⁶ Acte și documente relative la istoria renașterii României. Vol. 2. Bucu-rești, 1889, с. 35—37.

¹⁵⁷ Буквально в это же время посол Англии в Петербурге Г. Сеймур представлял К. В. Нессельроде копии депеш Д. Кларендона, в которых английскому послу предлагалось уверять государственных деятелей России, что в Англии не испытывают никакого беспокойства по Восточному вопросу и верят в перспективу согласованных с Россией решений.

¹⁵⁸ Acte și documente, с. 93.

¹⁵⁹ Там же, с. 55.

¹⁶⁰ См.: Тарле Е. В. Крымская война. Т. 1, с. 170—172; Зайончковский А. М. Восточная война. Т. 1, с. 414.

¹⁶¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1853, д. 30, л. 335—335об.

¹⁶² Там же, с. 334.

¹⁶³ Зайончковский А. М. Восточная война. Т. 1, с. 420.

¹⁶⁴ Цит. по: там же, с. 421.

¹⁶⁵ Там же, с. 424, 429.

¹⁶⁶ ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 2, д. 51, л. 31—31об.; оп. 3, д. 214, л. 5. Озоров — Меншикову, 27 апреля 1853 г. Согласно запискам очевидца из миссии Меншикова, «Греческий Синод и часть наиболее просвещенных светских людей выказали менее сочувствия, нежели привычки видеть защитников своих в северных единоверцах. Они не только присоединились к оппозиции Англии и Франции, но добавили еще, что старый порядок требует совершенных преобразований и что реформы они скорее могут получить от султана, нежели от русского императора, который будет издали господствовать над 12 миллионами восточных христиан» (там же, оп. 4, д. 125, л. 19—19об.). Высший клир обоих толков занял откровенно проправительственную позицию. Это укрепило позиции Высокой Порты, опиравшейся на фанаротское церковное руководство, в борьбе с освободительным движением в Европейской Турции, послужило определенным оправданием для выступлений воинственных кругов Османской империи, апеллировавших к общеосманскому единству.

¹⁶⁷ Acte și documente. Т. 2, с. 56.

¹⁶⁸ Из депеши Редклифа Кларендону от 9 апреля 1853 г. (Acte și documente. Т. 2, с. 67—69).

¹⁶⁹ Там же, с. 105—106.

¹⁷⁰ Там же, с. 84—85; Зайончковский А. М. Восточная война. Т. 1, с. 409—410.

¹⁷¹ Зайончковский А. М. Восточная война. Прил. Т. 1, с. 417—418.

¹⁷² Там же, с. 433.

¹⁷³ Текст см.: АВПР, ф. Канцелярия, 1853, д. 30, л. 341—342.

¹⁷⁴ Вероятно, первым в Европе, кто изложил, но не полностью этот документ, был А. Убичини (см.: Ubicini A. La question d'Orient. P., 1854, с. 66). Текст ноты см.: Зайончковский А. М. Восточная война. Т. 1, с. 432—433.

¹⁷⁵ Зайончковский А. М. Восточная война. Т. 1, с. 435—436.

¹⁷⁶ Nogadounghian G. Recueil d'actes internationaux de l'Empire Ottoman. Т. 2, с. 418—419.

¹⁷⁷ Оба документа см.: Зайончковский А. М. Восточная война. Т. 1, с. 445—446, 443—444.

¹⁷⁸ Nesselrode K. V. Lettres et papiers du chancelier Comte de Nesselrode. 1780—1862. Т. 10. Р., 1912, с. 243.

Глава V

¹ Karal E. Z. Osmanlı tarihi. С. 5. Nizam-i cedit ve Tanzimat devirleri (1789—1856). 3. baskı. Ankara, 1970, с. 232.

² ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, т. 7, д. 20917, л. 254.

³ Бескровный Л. Г. Русское военное искусство XIX в. М., 1974, с. 224—230. О состоянии русской армии см.: Тарле Е. В. Крымская война. Т. 1. М.—Л., 1950, с. 252—270; Бестужев Н. В. Крымская война. М., 1956, с. 19—34; Ибрагим бейли Х. М. Кавказ в Крымской войне 1853—1856 гг. и международные отношения. М., 1971, с. 75—76.

⁴ Тарле Е. В. Крымская война. Т. 1, с. 219; Вестник Европы. 1886, кн. 3, с. 206 (статья А. Г. Жомини).

⁵ ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 2, д. 51, л. 74. Меншиков—Воронцову, 10 (22) сентября 1853 г.

⁶ Acte și documente relative la istoria nașterii României. Vol. 2. București, 1889, с. 135—138.

⁷ В переписке с Дж. Расселом в июле 1853 г. Г. Пальмерстон высказывал убежденность в том, что «успешная война» вдохнула бы в Турцию новую жизнь, стимулировала преобразования.

⁸ Acte și documente. Т. 2, с. 157—160. Ср.: The Greville Memoires. 1814—1860. Vol. 6. L., 1938, с. 437.

⁹ Le Moniteur. 02.06.1853.

¹⁰ Acte și documente. Т. 2, с. 127—130.

¹¹ Там же, с. 138—142.

¹² Тарле Е. В. Крымская война. Т. 1, с. 238; Guichen E. La guerre de la Crimée (1854—1856) et l'attitude des puissances européennes. Р., 1935, с. 43—45.

¹³ Весьма недолгая деятельность К. Брука в Турции и его неожиданные даже для Вены заявления об истинном смысле британской политики и дальних планов Австрии в отношении Турции не укладываются в картину «рыцарской незаинтересованности Англии в войне на Ближнем Востоке», нарисованную П. Шредером (Schroeder P. Austria, Great Britain and Crimean War. The Destruction of the European Concert. Ithaca—London. 1972, с. 145, 364 и др.). Далека она и от миротворческого усердия Австрии, изображенного У. Баумгартом (Baumgart W. Der Friede von Paris 1856. Studien zum Verhältnis von Kriegführung, Politik und Friedensbewahrung. München—Wien, 1972, с. 64—65).

¹⁴ Journal de Constantinople. 24.07.1853; Voicu L. Austria și Principatele Române în Vremea războiului Crimeii (1853—1856). București, 1973, с. 126.

¹⁵ Voicu L. Austria și Principatele Române, с. 128.

¹⁶ ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 324, л. 129—130. А. Пеццар—А. И. Швенднеру, июль 1853 г.

¹⁷ Маркс К. Военный вопрос.—Парламентские дела.—Индия.—Т. 9, с. 219.

Венская нота опубликована А. М. Зайончковским (см. его работу: Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Прил. Т. 1. СПб., 1908, № 15).

¹⁸ Nesselrode K. V. Lettres et papiers du chancelier Comte de Nesselrode. 1780—1862. Т. 10. Р., 1912, с. 254.

¹⁹ Jomini A. de. Étude diplomatique sur la guerre de Crimée 1852 à 1856. Par un ancien diplomate. Vol. 1. St. Petersburg, 1878, с. 384.

²⁰ Acte și documente. Т. 2, с. 162—169.

²¹ Там же, с. 176—177.

²² Там же, с. 179—182. Редклиф—Кларендону, 20 июля 1853 г.

²³ Там же, с. 183—184.

- ²⁴ Там же, с. 186—187.
- ²⁵ Там же, с. 188.
- ²⁶ Публикацию турецкой редакции Венской ноты см.: Testa I. de. *Recueil des traités de la Porte Ottoman*. Т. 4. Р., 1882, с. 322; *Annuaire historique pour 1853*. Р., 1854, app., с. 76—78.
- ²⁷ Thouvenel L. *Trois années de la Question d'Orient 1856—1859*. D'après les papiers inédits de M. Thouvenel Ed.-A. Р., 1897, с. 213—214.
- ²⁸ Маркс К. Западные державы и Турция.—Надвигающийся экономический кризис.—Железнодорожное строительство в Индии.—Т. 9, с. 323.
- ²⁹ Киняпина Н. С. Внешняя политика России в первой половине XIX в. М., 1963, с. 244; Бестужев И. В. Крымская война 1853—1856 гг., с. 16—17.
- ³⁰ Guedalla P. Palmerston. L., 1926, с. 315.
- ³¹ *Nineteenth Century*. Vol. 1. L., 1877, с. 43. Как писал английский историк Б.-Д. Гуч, французские солдаты в крымской кампании были убеждены, что сражаются во имя британских интересов в Индии (Goosch B. D. *A Century of Historiography of Origin of the Crimean War*.—*American Historical Review*. 1957, vol. 62, с. 48—49).
- ³² Shukla R. L. *Britain, India and the Turkish Empire 1853—1882*. New Delhi, 1973, с. 16—17.
- ³³ См.: Rawlinson H. *England and Russia in the East*. L., 1877, с. 184—187 и др.
- ³⁴ Shukla R. L. *Britain, India and the Turkish Empire*, с. 17.
- ³⁵ Туманович Н. Н. Европейские державы в Персидском заливе в 16—19 вв. М., 1982, с. 146.
- ³⁶ Вероятно, первым из исследователей и публицистов обратил внимание на резкую активизацию британской экспансии на юге Аравии, в Персидском заливе и Иране И. Н. Березин в серии статей, опубликованных в «Санкт-Петербургских ведомостях» и «Московских ведомостях» в 1853—1857 гг.
- ³⁷ *Международные отношения на Дальнем Востоке*. Кн. 1. С конца XVI в. до 1917 г. М., 1973, с. 66—81.
- ³⁸ Бескровный Л. Г., Нарочницкий А. Л. К истории внешней политики России на Дальнем Востоке в XIX веке.—*Вопросы истории*. 1974, № 6, с. 22—24.
- ³⁹ ЦГВИА, ф. 440, д. 162, л. 5—6. По данным генконсульства России в Париже.
- ⁴⁰ Floungnou F. R. *British Policy towards Marocco in the Age of Palmerston (1830—1856)*. L., 1935, с. 155—167.
- ⁴¹ Прошин Н. И. *История Ливии в новое время*. М., 1981, с. 191.
- ⁴² Маркс К. *Капитал*. Т. 1.—Т. 23, с. 760.
- ⁴³ Маркс К. *Военный вопрос.—Парламентские дела.—Индия.—Т. 9, с. 217.*
- ⁴⁴ Подробнее см.: Новичев А. Д. *Борьба между реформаторами и консерваторами в период Танзимата (1839—1853)*.—*Тюркологический сборник 1973*. М., 1975, с. 105—108.
- ⁴⁵ Karal E. Z. *Osmanlı tarihi*. С. 7. *Islahat fermani devri 1861—1876*. Ankara, 1956, с. 15—16.
- ⁴⁶ ЦГВИА, ВУА, ф. 450, д. 27 «Выдержки из сочинения прусского лейтенанта Босна о турецкой армии в 1853 г.»; там же, д. 5414 «Общий обзор состояния турецких военных сил».
- ⁴⁷ По сообщениям из Стамбула, в попытке государственного переворота приняли участие главным образом улемы, софты, «бродяги и бродячие проповедники (видимо, дервиши из провинций.—В. Ш.)». «Население столицы осталось вовсе и безучастным. Казнено 200 улемов, и таким образом водворено спокойствие, и все говорят о мире, которого ожидают в скором времени» (ЦГАВМФ. ф. 19, оп. 4, д. 324, л. 36—37. Письма из Константинополя, октябрь 1853 г.).
- ⁴⁸ Маркс К. *Военный вопрос.—Парламентские дела.—Индия.—Т. 9, с. 218.*
- ⁴⁹ Karal E. Z. *Osmanlı tarihi*. С. 5, с. 187; İnalçık H. *Tanzimatın uygulanması ve sosyal tepkileri*.—*Belleten*. Ankara, 1964, с. 28, № 112, с. 624.

⁵⁰ Информированный наблюдатель, лейтенант Черноморского флота В. П. Попов (будущий видный военно-морской деятель России) в июне — августе 1853 г., находясь по приказу командующего Черноморским флотом вице-адмирала В. А. Корнилова при российском посольстве в Стамбуле, общался о поддержке воинственного курса Высокой Порты верхушкой столичного клира. Объясняя эти настроения, он докладывал лично В. А. Корнилову, что синод более всего боится, что «покровительство православия турецкое нашим государем подчинит все духовенство на Востоке нашему (России.— В. Ш.) Синоду» (ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 93, л. 32).

⁵¹ Там же, л. 32об.; оп. 3, д. 4, л. 20—22об. Серия писем Аргиропуло (драгомана посольства России) Меншикову.

От высказываний в поддержку позиции султана уклонился армянский патриарх, сославшись на отсутствие связи с Эчмиадзином.

⁵² ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 93, л. 30об. Записка В. П. Попова.

⁵³ Оценка русского генерального штаба, которая ненамного расходится с данными Ф. Энгельса — 412 тыс. человек (см.: Энгельс Ф. Армии Европы.— Т. 11, с. 490).

Турецкий авторитетный исследователь называл 440 тыс. человек до 1850 г. (см.: Gürel T. 1853—1855 türk-rus ve müteffiklerin Kırım savaşı. İstanbul, 1935, с. 7).

⁵⁴ ЦГВИА, ВУА, ф. 450, д. 47, л. 11об. Базили — Титову, 4/16 марта 1852.

⁵⁵ ЦГАДА, р. XV, д. 322, л. 45об.—46.

⁵⁶ Перед войной на питание одного рядового отпускалось 2 куруша в день (около 11 коп. серебром), что намного превышало соответствующие расходы в русской армии. «Солдат кормлен отлично,— писал К. М. Базили,— едва ли не лучше, чем во всяком другом государстве, не исключая и Англию. Так как ежедневные порции хлеба и мяса слишком обильные (хлеба — 300 драхм, говядины — 80, риса — 6, масла — 6, соли — 3, луку — 2,5, перца — 2,5 драхм), то нижние чины из своих экономий покупают зелень и овощи. В рамазан всем кофе и значительное количество сахару» (ЦГВИА, ВУА, ф. 450, д. 47, л. 11об. Базили — Титову, 4/16 марта 1852). Эти нормы питания и добротное обмундирование объясняют наплыв голодных и нищих крестьян в армию в канун войны с Россией с большей убедительностью, чем призывы мулл к «священной войне», что, впрочем, тоже следует учитывать.

⁵⁷ ЦГВИА, ВУА, ф. 450, д. 47, л. 27. Базили — Титову, 4/16 марта 1852.

⁵⁸ ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 93, л. 31. Записка В. П. Попова.

⁵⁹ Там же, л. 32.

⁶⁰ См.: Халфин Н. А. Борьба за Курдистан. М., 1963, с. 68—70; Джалил Дж. Курды Османской империи в первой половине XIX в. М., 1973, с. 157.

⁶¹ АВВР, ф. Посольство в Константинополе, д. 1002, л. 2об.

⁶² Шеремет В. И. Малоизвестные страницы из истории турецкой публицистики.— Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Годичная научная сессия Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. М., 1984, с. 11.

⁶³ Цит. по тексту брошюры, обнаруженной нами в донесениях русского военного корреспондента из Стамбула. Подробнее см.: Шеремет В. И. Малоизвестные страницы из истории турецкой публицистики, с. 11.

⁶⁴ Там же, с. 14.

⁶⁵ См.: Шеремет В. И. Некоторые вопросы сербского освободительного движения в турецкой историографии.— Югословенская земля и Русия за време првог српског устанка 1804—1814. Београд, 1983, с. 203—217; Хаджи Мурат Ибрагим бейли, В. И. Шеремет. Современная турецкая историография Восточной (Крымской) войны.— Вопросы истории. 1977, № 4, с. 45 (далее — Турецкая историография).

⁶⁶ См.: Турецкая историография, с. 51.

⁶⁷ Gürsel N. Tarih boyunca türk-rus ilişkileri. Bir siyas tarih incelemesi. İstanbul, 1968, с. 101—102; Ayverdi S. Türk-rus münasabetleri ve muharebeleri. İstanbul, 1970, с. 196—198.

⁶⁸ Ayverdi S. Türk-rus münasabetleri, с. 200.

- ⁶⁹ См.: Турецкая историография, с. 52.
- ⁷⁰ Там же, с. 52—53.
- ⁷¹ Желтяков А. Д. К вопросу о вестернизации Турции в новое время по концепции турецкого историка Т. Туная.— Историография и источниковедение стран Азии и Африки. Вып. 2. Л., 1968, с. 127—129.
- ⁷² Karal E. Z. Osmanlı tarihi. С. 5, с. 231; Gürel T. 1853—1855 türk-rus ve müteffiklerin Kırım savaşı, с. 6—9.
- ⁷³ ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 2, д. 51, л. 121. Меншиков — Воронцову, 8 (20) октября 1853 г. Сообщено из Константинополя.
- ⁷⁴ Karal E. Z. Osmanlı tarihi. С. 5, с. 233.
- ⁷⁵ Маркс К. Турецкий манифест.— Экономическое положение Франции.— Т. 9, с. 438.
- ⁷⁶ Турецкая историография, с. 53.
- ⁷⁷ ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 324, л. 141. Послание А. Пеццара.
- ⁷⁸ Borries K. Preußens im Krimkrieg 1853—1856. Stuttgart 1930, с. 94.
- ⁷⁹ ЦГИА СССР, ф. 1018, оп. 10, д. 24, л. 69—69об., 138.
- ⁸⁰ Gürel T. 1853—1855 türk-rus ve müteffiklerin Kırım savaşı, с. 28—29.
- ⁸¹ ЦГВИА, ф. 29, оп. 6, д. 200, л. 3—8. Бруннов — Нессельроде, 9 (21) октября 1853 г.
- ⁸² ЦГИА СССР, ф. 673, оп. 1, д. 417, л. 5.
- ⁸³ ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 324, л. 150—152.
- ⁸⁴ Там же, оп. 2, д. 109, л. 88. Корнилов — Меншикову, 22 ноября (4 декабря) 1853 г.
- ⁸⁵ Karal E. Z. Osmanlı tarihi. С. 5, с. 236; Kurat A. N. Türkiye ve Rusya. XVIII yüzyıl sonundan kurtuluş savaşına kadar türk-rus ilişkileri 1798—1919. Ankara, 1970, с. 73.
- ⁸⁶ Энгельс Ф. Ход турецкой войны.— Т. 9, т. 572.
- ⁸⁷ Gürel T. 1853—1855 türk-rus ve müteffiklerin Kırım savaşı, с. 45.
- ⁸⁸ Özdalga N. Türk boğazlarının tarih içindeki önemi. İstanbul, 1965, с. 16—17; Karal E. Z. Osmanlı tarihi. С. 5, с. 235—236. Подробнее см.: Турецкая историография, с. 53.
- ⁸⁹ ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 324, л. 144—145.
- ⁹⁰ Nesselrode K. V. Lettres et papiers. Т. 10, с. 305, 309.
- ⁹¹ Guichen E. La guerre de la Crimée, с. 92; Barst E. Les origines de la guerre de Crimée: la France et la Russie de 1848 à 1854. P., 1912, с. 473.
- ⁹² Parker Ch. S. Life and Letters of Sir James Graham 1792—1861. Vol. 2. L., 1907, с. 226—250 и др.
- ⁹³ Зайончковский А. М. Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Прил. Т. 2. СПб., 1912, с. 252—253.
- ⁹⁴ ЦГВИА, ВУА, д. 5468, ч. IV, л. 122.
- ⁹⁵ ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 324, л. 137—138об., 140—143об., 144—145. Сообщения из Константинополя.
- ⁹⁶ Guérin L. Histoire de la dernière guerre de Russie 1853—1856. Т. 2. P., 1858, с. 42—43.
- ⁹⁷ Текст ноты см.: Barst E. Les origines de la guerre de Crimée, с. 502—504. Первую публикацию ноты от 31 декабря 1853 г. см.: Testa I. de. Recueil des traités de la Porte Ottomane. Т. 4, с. 47.
- ⁹⁸ Karal E. Z. Osmanlı tarihi. С. 5, с. 236—238.
- ⁹⁹ Baumgart W. Der Friede von Paris 1856, с. 74—77; он же. Probleme der Krimkriegsforschung.— Jahrbücher für die Geschichte Osteuropas. № 19. München, 1971, с. 49—109, 243—264 и др.; Schroeder P. Austria, Great Britain and the Crimean War, с. 312—314.
- ¹⁰⁰ Borries K. Preußens im Krimkrieg 1853—1856, с. 351; Poschinger H. von. Preußens auswärtige Politic 1850—1858. Bd. 2. B., 1902, с. 35, 79.
- ¹⁰¹ Бисмарк О. фон. Мысли и воспоминания. Т. 1. М., 1940, с. 92—94.

- ¹⁰² Косев К. Бисмарк, Източният въпрос в Българското освобождение 1856—1878. София, 1978, с. 482.
- ¹⁰³ ЦГВИА, т. 1, оп. 1, д. 21936, л. 22. Перевод с греческого был приложен к очередному донесению Е. П. Ковалевского К. В. Нессельроде 12 (24) января 1854 г.
- ¹⁰⁴ ЦГВИА, ВУА, д. 5468, ч. 3, л. 293—294. Материалы Генерального Штаба «Сведения о неприятеле».
- ¹⁰⁵ См.: Guichen E. La guerre de la Crimée, с. 121.
- ¹⁰⁶ ЦГИА СССР, ф. 1018, оп. 10, д. 32, л. 1—4.
- ¹⁰⁷ British and Foreign State Papers. 1854—1855. Vol. 44. L., 1865, с. 11 (далее — State Papers); Noradounghiang G. Recueil d'actes internationaux de L'Empire Ottoman. Vol. 2. Paris—Leipzig—Neuchâtel, 1902, с. 420—422.
- ¹⁰⁸ См.: State Papers. Vol. 45. L., 1865, с. 29—31.
- ¹⁰⁹ Там же, с. 8—11.
- ¹¹⁰ Там же, с. 82—83.
- ¹¹¹ Там же, с. 82.
- ¹¹² Зайончковский А. М. Восточная война 1853—1856 гг. Прил. Т. 2, с. 846—848.
- ¹¹³ Письмо Ж. Сент-Арно см.: там же, с. 861.
- ¹¹⁴ Guérin L. Histoire de la dernière guerre de Russie 1853—1856, с. 72—76.
- ¹¹⁵ La Gorce P. de. Histoire du Second Empire. Т. 1. P., 1902, с. 225.
- ¹¹⁶ См.: Конобеев В. Д. Национально-освободительное движение в Болгарии в 1853—1854 гг.—Ученые записки Института славяноведения. Т. 29. М., 1965; Никитин С. А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970, с. 110—145.
- ¹¹⁷ Энгельс Ф. Перспективы войны в Крыму.— Т. 11, с. 563.
- ¹¹⁸ ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 324, л. 169—170. Прил. к письму А. Пеццара от 15 марта 1853 г.
- ¹¹⁹ Там же, л. 171, 173—174. Сообщение из Константинополя, 12 апреля 1854 г.
- ¹²⁰ Hallberg Ch. W. Franz Joseph and Napoleon III. A Study of Austro-French Relations 1852—1864. N. Y., 1955, с. 45—47.
- ¹²¹ Зайончковский А. М. Восточная война 1853—1856 гг. Прил. Т. 2, № 150.
- ¹²² Noradounghian G. Recueil d'actes internationaux de l'Empire Ottoman. Т. 2, с. 420—422.
- ¹²³ Маркс К. Восстание в Мадриде.— Австро-турецкий договор.— Т. 10, с. 307.
- ¹²⁴ Voicu L. Austria și Principatele Române, с. 161.
- ¹²⁵ Benedetti A. de. Un ambassadeur anglais en Orient.— Essais diplomatiques. Nouvelles série. P., 1897, с. 257.
- ¹²⁶ Тарле Е. В. Крымская война. Т. 2. М., 1950, с. 298.
- ¹²⁷ Arant A. J., Temperley H. Europe in the Nineteenth and Twentieth Century (1789—1939). London—New York—Toronto, 1944, с. 172—173.
- ¹²⁸ Шеремет В. И. Суэц, Мухаммед Али и колониальные державы в 30—40-х гг. XIX в.—Международные отношения XIX—XX вв. Л., 1980, с. 149—157.
- ¹²⁹ ЦГВИА, ВУА, ф. 450, д. 57, л. 32—33.
- ¹³⁰ См.: Виноградов К. Б. Фердинанд Лессепс и строительство Суэцкого канала.— Вопросы истории. 1969, № 11; Ерофеев Н. А. Английский колониализм в середине XIX в. М., 1977, с. 133—141.
- ¹³¹ ЦГВИА, ВУА, ф. 450, д. 57, л. 195об.
- ¹³² ЦГВИА, ВУА, д. 5468, ч. 1, л. 384—385, 520.
- ¹³³ Там же, л. 518. Подробнее см.: Милкова Ф. Поземлената собственост в българските земи през XIX век. София, 1970.
- ¹³⁴ ЦГВИА, ВУА, д. 5468, л. 539—540.
- ¹³⁵ ЦГВИА, ВУА, д. 5468, ч. V, л. 38.

¹³⁶ Семенов Л. С. Россия и Англия. Экономические отношения в середине XIX в. Л., 1975, с. 145—146.

¹³⁷ См.: Corti E. C. Die Rotshcields. Des Hauses Aufstieg Blutezeit und Erbe. Frankfurt/M., 1971.

¹³⁸ АВПР, ф. ГА II-3, 1837, д. 4, л. 11.

¹³⁹ ЦГВИА, ВУА, д. 5468, ч. V, л. 29—30.

¹⁴⁰ Inan A. Aperçu général sur l'histoire économique de l'Empire turk-ottoman. Istanbul, 1941, с. 38—39.

¹⁴¹ Velay A. du. L'histoire financière de la Turquie. P., 1903, с. 138—139.

¹⁴² Подписка в Англии на турецкий заем состоялась раньше, чем он был утвержден Абдул Меджидом I, и английская пресса призывала правительство заставить «этих турок» расплатиться с «доверчивыми кредиторами — простыми англичанами», которые столь близко к сердцу принимали турецкие проблемы, что выложили 2,2 млн. фр. С трибуны парламента также не раз звучали призывы заставить турок «по-настоящему рассчитаться».

¹⁴³ Rodkey F. S. Ottoman Concern about Western Economic Penetration in the Levant, 1849—1856.— The Journal of Modern History. 1958, vol. 30, № 4, с. 350.

¹⁴⁴ АВПР, ф. ГА II-3, 1852—1870, д. 5, л. 1.

¹⁴⁵ Семенов Л. С., Шеремет В. И. Внеэкономические связи Турции эпохи Крымской войны.— Вестник ЛГУ. 1973, № 14.

¹⁴⁶ Velay A. du. L'histoire financière de la Turquie, с. 127—128.

¹⁴⁷ Kunalalp S. Bir osmanlı diplomatı Kostaki Musurus Paşa. 1807—1871.— Belleten. Ankara, 1970, с. 34, № 135, с. 433.

¹⁴⁸ Velay A. du. L'histoire financière de la Turquie, с. 139—141.

¹⁴⁹ Anderson O. Great Britain and the Beginnings of the Ottoman Public Debt. 1854—1855.— The Historical Journal. 1964, vol. 7, № 1, с. 51—52.

Условия займов 1854—1862 гг. затронуты в названных выше работах М. Белена, А. Дювелея. Полемизируя с Д. Блейделлом, О. Андерсон, вопреки ею же приводимым материалам о ходе финансовых переговоров, утверждает, что бескорыстная помощь Турции как союзнику в войне была единственной целью Англии.

¹⁵⁰ The Economist. 19.08, 02.09.1854; The Banker's Magazine. 1854, December.

По мнению О. Андерсон, особое опасение в Лондоне вызвала перспектива установления французского контроля над доходами Египта, которые должны были поступать в счет погашения займа (см.: Anderson O. A. Liberal State at War. English Politics and Economics during the Crimean War. L., 1967, с. 237—238).

¹⁵¹ Moniteur. 08.04.1853; Raccagni M. The French Economic Interests in the Ottoman Empire.— International Journal of Middle East Studies. L.—N. Y., 1980, vol. 11, № 3, с. 343.

¹⁵² Yeniyay H. Osmanlı borçları tarihi. Ankara, 1936, с. 9, 11.

¹⁵³ Hansard's Parliamentary Debats. Vol. 136. L., 1855, с. 493—497.

¹⁵⁴ ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 29704, л. 12. Сообщение из Константинополя от 3 марта 1855 г.; там же, д. 5468, л. 269.

¹⁵⁵ ЦГВИА, ф. 450, д. 57, л. 159—160.

¹⁵⁶ Anderson O. Great Britain and the Beginnings, с. 54.

¹⁵⁷ Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона.— Т. 4, с. 144.

¹⁵⁸ Тарле Е. В. Крымская война. Т. 2, с. 21.

¹⁵⁹ ЦГВИА, ВУА, д. 568, ч. IV, л. 251.

¹⁶⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Англо-французская война против России.— Т. II, с. 522.

¹⁶¹ Pereira M. East of Trebizonde. L., 1971, с. 138—142.

¹⁶² Зайончковский А. М. Восточная война 1853—1856 гг. Прил. Т. 2, с. 1070.

¹⁶³ Там же, с. 1179. См. также: Pereira M. East of Trebizonde, с. 139—140. Даже «спаситель турок» Ф. Уильямс, как его называла британская историография, отмечал разительное противоречие между храбростью рядовых

турок и бездарностью командиров-иностранцев (см.: Atwell L. Rarsand our Captivity in Russia. L., 1856).

¹⁶⁴ Акты, собранные Кавказской Археологической Комиссией. Архив Главного управления наместника кавказского. Т. 10. Тифлис, 1885, с. 340; Ибрагимбейли Х. М. Кавказ в Крымской войне 1853—1856 гг. и международные отношения. М., 1971, с. 268—275.

¹⁶⁵ См.: Зайончковский А. М. Восточная война 1853—1856 гг. Прил. Т. 2, с. 1069. 1074—1075.

¹⁶⁶ ЦГВИА, ВУА, д. 5553, л. 139—140.

¹⁶⁷ Там же, л. 140об.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ ЦГВИА, ВУА, д. 5468, ч. IV, л. 164.

¹⁷⁰ Там же, л. 164об.

¹⁷¹ Там же, л. 136.

¹⁷² Там же, л. 278—279, 362 и сл.

¹⁷³ ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 354, л. 3. Подборка прессы западно-европейских стран о Крымской войне, составляющаяся для военного министра.

¹⁷⁴ Shukla R. L. Britain, India and the Turkish Empire 1853—1856, с. 17—18.

¹⁷⁵ ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 354, л. 4. Подборка прессы.

¹⁷⁶ См. мемуары корреспондента лондонского «Таймс» в Крыму и в Турции в 1854—1855 гг. У. Х. Рассела (Russel W. H. The War from the Landing of Gallipoli to the death of Lord Raglan. L., 1855). Автор, по собственному признанию (с. 298), выучил одно турецкое слово — «хамал» (носильщик) — и применял его в самом широком смысле.

Суждения о моральном превосходстве «англосаксонского элемента» в союзных войсках, основанные на поверхностных, нередко ложных сообщениях таких корреспондентов, как Рассел, проникли в современные работы английских и американских авторов (см., например: Barker A. J. The War against Russia. N. Y., 1971, с. 287—288).

¹⁷⁷ ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 354, л. 81—84, 151—172. Подборка прессы.

¹⁷⁸ Hansard's Parliamentary Debates. Vol. 136, с. 1397—1401.

¹⁷⁹ Там же, с. 1401.

¹⁸⁰ Там же, с. 1401—1402.

¹⁸¹ Noradounghian G. Recueil d'actes internationaux de l'Empire Ottoman. Vol. 2, с. 432—434; State Papers. Vol. 44, с. 9—10.

¹⁸² ЦГВИА, ВУА, ф. 450, д. 57, л. 2—2об.

¹⁸³ Journal des Débates. 14.02, 31.03.1855; The Times. 12.02.1855.

¹⁸⁴ Hansard's Parliamentary Debats. Vol. 136, с. 1401.

¹⁸⁵ The British and Foreign Quarterly Review. 1855, № 11; Allgemeine Zeitung. 08.03.1855; Journal des Débats. 20.03.1855.

¹⁸⁶ Записки М. Чайковского.— Русская старина. СПб., 1898, т. 96, № 10, с. 184; 1900, т. 102, № 5, с. 462—465.

¹⁸⁷ State Papers. Vol. 33. L., 1859, с. 1347; vol. 35, 1861, с. 885. См. также:

Луцкий Б. В. Новая история арабских стран. М., 1965, с. 115.

¹⁸⁸ Warner Ph. The Crimean War. A Reappraisal. L., 1972, с. 5—6.

¹⁸⁹ Ridley J. Lord Palmerston. L., 1970, с. 453. Ср.: В. Т. К истории Крымской войны (из переписки английской королевы Виктории), 1853—1856.— Русская старина. 1908, № 3, с. 585—604.

¹⁹⁰ ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 35, л. 82—84. «Записка полковника Циммермана о слышанном от союзников».

¹⁹¹ Там же, л. 54—56; ЦГВИА, ВУА, д. 5953, л. 208—209. «Записки участников войны против Турции и западных государств: генерал-лейтенанта Ушакова...».

¹⁹² ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 35, л. 86об. «Записка полковника Циммермана...».

¹⁹³ Ridley J. Lord Palmerston, с. 425; Martin K. The Triumph of Lord Palmerston. L., 1963, с. 116; Княпина Н. С., Блиев М. М.. Де-

гоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., 1984, с. 160.

¹⁹⁴ Hansard's Parliamentary Debats. Vol. 141. L., 1856, с. 1627—1628, 1861—1862 и др.

¹⁹⁵ The Papnure Papers. Vol. 2. L., 1908, с. 23, 47—49, 94, 102, 113—114; Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России, с. 181.

Об обширных экспансионистских планах Англии в изложении генерала Уиндома (Виндаша?) см. также: Бескровный Л. Г. Русское военное искусство XIX в. М., 1974, с. 287.

¹⁹⁶ ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 35, л. 87об. «Записка полковника Циммермана...».

¹⁹⁷ ЦГВИА, ВУА, д. 5468, ч. IV, 86—86об.

¹⁹⁸ Gürel T. 1853—1856 türk-rus ve müteffiklerin Kırım savaşı, с. 81.

¹⁹⁹ См.: Маркс К. Падение Карса.— Т. 11, с. 655, 652.

²⁰⁰ Энгельс Ф. Европейские войны.— Т. 11, с. 619.

²⁰¹ Gürel T. 1853—1855 türk-rus ve müteffiklerin Kırım savaşı, с. 107, 121—123. См.: Блокада Карса. Письма очевидцев о походе в Азиатскую Турцию в 1855 г. Тифлис, 1856; Бороздин К. А. Омер-паша в Мингрелии. (Из воспоминаний о Восточной войне 1853—56 годов). СПб., 1873.

²⁰² См.: Энгельс Ф. Война в Азии.— Т. 11, с. 616.

²⁰³ См.: Маркс К. Падение Карса.— Т. 11, с. 635.

²⁰⁴ Velay A. du. L'histoire financière de la Turquie, с. 143.

²⁰⁵ Hansard's Parliamentary Debates. Vol. 139. L., 1855, с. 1276, 1466—1517.

²⁰⁶ Там же, с. 2150. Проблема турецких займов стала «настоящим оружием» во внутрипартийной борьбе в Англии (см.: Conacher J. B. The Aberdeen Coalition 1852—1855. A Study in Mid-Nineteenth Century Party Politics. Cambridge, 1968).

²⁰⁷ Noradaunghian G. Recueil d'actes internationaux de l'Empire Ottoman. Vol. 2, с. 445; State Papers. Vol. 44, с. 18—19.

²⁰⁸ Kunalalp S. Bir osmanlı diplomati Kostaki Musurus Paşa, с. 433.

²⁰⁹ Velay A. du. L'histoire financière de la Turquie, с. 142—143; Blaisdell D. European Financial Control in the Ottoman Empire. N. Y., 1929, с. 27—28.

²¹⁰ La Semaine Financière. 08.11.1856; Raccagni M. French Economic Interests in the Ottoman Empire, с. 342.

²¹¹ Семенов Л. С. Россия и Англия. Экономические отношения в середине XIX в. Л., 1975, с. 145—146.

²¹² Anderson O. A. Liberal State at War, с. 226.

²¹³ См.: Temperley H. W. The Last Phase of Stradforde de Redcliffe. 1855—58.— English Historical Review. 1932, vol. 43, с. 216—231.

²¹⁴ Hornby E. A. An Autobiography. L., 1929, с. 76—77; Hornby, Lady. Constantinople during the Crimean War. L., 1863, с. 90—92.

²¹⁵ Rodkey F. S. Ottoman Concern, с. 351—352.

²¹⁶ Маркс К. Пальмерстон.— Физиология господствующих классов Великобритании.— Т. 11, с. 397—398.

Глава VI

¹ Ленин В. И. Ф. Арманд.— Т. 49, с. 369—370.

² Puryear V. J. England, Russia and the Straits Questions 1844—1856. Berkeley—Los Angeles, 1931, с. 446—449; Curtis J. Sh. Russia's Crimean War. Durham, 1979, с. 11.

³ Aubry O. Le Second Empire. P., 1938, с. 152—153.

⁴ Freidjung B. Der Kriemkrieg und die österreichische Politik. Stuttgart—Berlin, 1911, с. 183—184; Baumgart W. Der Friede von Paris 1856. Studien zum Verhältnis von Kriegführung, Politik und Friedensbewahrung. München—Wien, 1972, с. 64—67, 77—79.

⁵ В работе конференции участвовали представители: Австрии — К. Буоль; Англии — Д. Уэстморленд, Дж. Рассел; Франции — Ф. Буркине, Эд. Друэн де Люис; России — А. М. Горчаков, В. П. Титов; Османской империи — Ариф-эфенди, Али-паша. Полномочия на ведение мирных переговоров имели только А. М. Горчаков и Али-паша, прибывший на конференцию в начале апреля 1855 г. одновременно с Друэн де Люисом.

⁶ См.: Гросул В. Я., Чертан Е. Е. Россия и формирование румынского независимого государства. М., 1969, с. 78—83; Виноградов В. Н. Россия и объединение румынских княжеств. М., 1961, с. 85—86; Конобеев В. Д., Зуева Н. В., Шатохина Е. М. Дипломатия России в борьбе за независимость Болгарии и образования болгарского национального государства. — Новая и новейшая история. 1978, № 1, с. 38—39.

⁷ Петров А. Н. Русские дипломаты на Венских конференциях 1855 г. — Исторический вестник. 1890, № 4—6, с. 29—30; Тарле Е. В. Крымская война. Т. 2. М.—Л., 1950, с. 356—360.

⁸ Петров А. Н. Русские дипломаты, с. 30.

⁹ Тарле Е. В. Крымская война. Т. 2, с. 360.

¹⁰ Петров А. Н. Русские дипломаты, с. 36, 46.

¹¹ Acte și documente relative la istoria înășterii României. Vol. 2. Bucaresti, 1889, с. 730—731; British and Foreign State Papers. Vol. 15. L., 1865, с. 87—92 (далее — State Papers).

¹² Тарле Е. В. Крымская война. Т. 1. М., 1950, с. 429.

¹³ ШГАДА, р. XV, д. 324. л. 56—58 и сл. Прил. к делеше Орлова Несельроде, 26 января (7 февраля) 1854 г.

¹⁴ АВПР, ф. Отчеты, 1854, д. 42, л. 341—343. Позднее, в январе 1855 г., В. П. Титов и К. М. Базили под руководством А. М. Горчакова уточнили эти положения. Следовало предусмотреть возможность развития органов самоуправления христианских миллетов и православной церкви, ограничить вмешательство османских властей в их повседневную жизнь. А. М. Горчаков исходил из перспективы отказаться от протектората над фактически утраченными с точки зрения влияния Дунайскими княжествами в пользу укрепления «влияния в глазах балканских народностей нашей расы». В будущем вырисовывалась перспектива автономии, а затем и независимого возрождения болгар и других балканских подданных Порты (Зайончковский А. М. Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Прил. Т. 2, СПб., 1912, с. 825—826; Зуева Н. В., Шатохина Е. М. Отношение России к турецким реформам в Болгарии 1856—1866 гг. — Центральная Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974, с. 197).

¹⁵ Петров А. Н. Русские дипломаты, с. 45—46, 274—276; State Papers. Vol. 45, с. 70.

¹⁶ Петров А. Н. Русские дипломаты, с. 276; State Papers. Vol. 45, с. 73—76, 78.

¹⁷ State Papers. Vol. 45, с. 78—81.

¹⁸ Гросул В. Я., Чертан Е. Е. Россия и формирование румынского независимого государства, с. 78—79.

¹⁹ Петров А. Н. Русские дипломаты, с. 36.

²⁰ АВПР, ф. Отчеты. Отчет по Азиатскому департаменту, 1855, л. 211.

²¹ Hansard's Parliamentary Debates. Vol. 136. L., 1855, с. 911.

²² Там же, с. 493—494.

²³ См.: State Papers. Vol. 45, с. 78—81; протокол № 6, 26—27 марта 1855 г.; Петров А. Н. Русские дипломаты, с. 277—278.

²⁴ State Papers. Vol. 45, с. 78—81; Петров А. Н. Русские дипломаты, с. 282.

²⁵ Петров А. Н. Русские дипломаты, с. 289.

²⁶ Там же, с. 283—284.

²⁷ Acte și documente. Т. 2, с. 730—731. Рассел — Кларендону, 17 апреля 1855 г.

²⁸ Там же, с. 731—732. Рассел — Кларендону. 19 апреля 1855 г.

²⁹ State Papers. Vol. 45, с. 90; Петров А. Н. Русские дипломаты, с. 515.

О политических взглядах Али-паши см.: Новичев А. Д. История Турции. Т. 4. Новое время. Ч. 3 (1853—1875). Л., 1978, с. 69.

³⁰ Предлагался максимальный размер черноморских военно-морских сил для России и Турции: по 4 линейных корабля, по 4 фрегата и несколько вспомогательных судов (State Papers. Vol. 45, с. 92—97. Протокол № 11).

³¹ Там же, с. 87—195. Протокол № 10—13.

³² Петров А. Н. Русские дипломаты, с. 520.

³³ State Papers. Vol. 45, с. 110.

³⁴ Там же, с. 99—115.

³⁵ Новичев А. Д. История Турции. Т. 4, с. 74.

³⁶ Виноградов В. Н. Россия и объединение румынских княжеств, с. 86; Гросул В. Я., Чертан Е. Е. Россия и формирование румынского независимого государства, с. 83.

³⁷ Cevdet Paşa. Tezakiir 1—12. Ankara, 1953, с. 67, 73.

³⁸ Karal E. Z. Osmanlı tarihi. С. 5. Nizam-i cedid ve Tanzimat devirleri (1789—1856). Ankara, 1961, с. 250; Gürsel H. Tarih boyunca türk-rus ilişkileri. Bir siyas tarih incelemesi. Istanbul, 1968, с. 114.

³⁹ Temperley H. The Last Phase of Stratford de Redcliffe 1855—1858.—English Historical Review. 1932, vol. 43, с. 229—231; Davison R. H. Reform in the Ottoman Empire 1856—1876. New Jersey, 1963, с. 52—56; Baumgart W. Der Friede von Paris 1856, с. 211—213.

⁴⁰ Lane-Poole S. The Life of the Right Honourable Stratford Canning Viscount Stratford de Redcliffe. From Memoirs and Private and Official Papers. Vol. 2. L., 1888, с. 438—445; Prokesch-Osten A. F. Ein Beitrag zur Geschichte der Orientalischen Frage. Aus dem Nachlaß des Grafen A. F. Prokesch-Osten...—Deutsche Revue. 1879, № 4, с. 10—13; Acte și documente. T. 2, с. 917—921.

⁴¹ Тарле Е. В. Крымская война. Т. 2, с. 542—546.

⁴² Там же, с. 542.

⁴³ См.: Розен Д. Г. История Турции от победы реформы в 1826 году до Парижского трактата в 1856 году. Ч. 2. СПб., 1872, с. 257.

⁴⁴ Baumgart W. Der Friede von Paris 1856, с. 214—215.

⁴⁵ Там же, с. 215; Prokesch-Osten A. F. Ein Beitrag zur Geschichte der Orientalischen Frage, с. 10.

⁴⁶ Acte și documente. T. 2, с. 921—922.

⁴⁷ Noradounghian G. Recueil d'actes internationaux de l'Empire Ottoman. Vol. 3. Paris — Leipzig — Neuchatel, 1902, с. 83—88.

⁴⁸ Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Т. 27, с. 417—418.

⁴⁹ Общую оценку отношения представителей держав к Турции в период парижских переговоров см.: Baumgart W. Der Friede von Paris 1856, с. 15—88; Karal E. Z. Osmanlı tarihi. С. 5, с. 249—252.

⁵⁰ Noradounghian G. Recueil d'actes internationaux de l'Empire Ottoman. Vol. 2, с. 423—424.

⁵¹ Подробнее мотивацию позиции правящих кругов Турции см.: Ибрагимбейли Х. М., Шеремет В. И. Современная турецкая историография Восточной (Крымской) войны.— Вопросы истории. 1976, № 4.

⁵² Семенов Л. С., Шеремет В. И. Внешнеэкономические связи Османской империи в эпоху Крымской войны.— Вестник ЛГУ. 1973, вып. 14; см. также гл. III настоящей монографии.

⁵³ См.: Тарле Е. В. Крымская война. Т. 2, с. 604.

⁵⁴ Davison R. H. Ottoman Diplomacy at the Congress of Paris (1856) and the Question of Reform.— VII Türk tarih kongresi. Ankara 25—29 Eylül 1970. С. 2. Ankara, 1973, с. 581. В докладе известного американского османиста были использованы новые турецкие архивные документы.

⁵⁵ Новичев А. Д. История Турции. Т. 4, с. 68; Karal E. Z. Osmanlı tarihi. С. 5, с. 249.

⁵⁶ Маркс К. Восточный вопрос.— Т. 12, с. 266. Подробнее см.: Гросул В. Я., Чертан Е. С. Россия и формирование румынского независимого государства, с. 80.

⁵⁷ Конобеев В. Д., Зуева Н. В., Шатохина Е. М. Дипломатия России в борьбе за независимость Болгарии и образование болгарского национального государства, с. 40—41.

⁵⁸ Джемиль-бей был сыном известного реформатора Мустафы Решид-паши, кандидатура которого на переговорах в Париже была решительно отвергнута Францией в связи с его нескрываемыми англофильскими настроениями.

⁵⁹ Noga doung hian G. Recueil d'actes internationaux de l'Empire Ottoman. Vol. 3 (официальная турецкая публикация протоколов); La Bédollière E. de. Le Congrès de Paris. Histoire de la guerre d'Orient. Neuvième série avec un grand dessin des plénipotentiaires par Gustave Doré. P., 1856. (Первая сводная публикация протоколов, появившихся в июле 1856). Библиографию публикаций см.: Baumgart W. Der Friede von Paris 1856, с. 261—270.

⁶⁰ Нелишне заметить, что в том или ином сочетании вопросы территориальные и о положении христиан звучали на подавляющем большинстве 24 заседаний, что и заставляет нас соответственно строить изложение.

⁶¹ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 276, л. 119—119об. Протоколы и материалы конгрессов; La Bédollière E. de. Le Congrès de Paris, с. 58, 61; Davison R. H. Ottoman Diplomacy at the Congress of Paris (1856), с. 583.

⁶² АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 276, л. 108. Проект соответствующей статьи в приложении к депеше Орлова Нессельроде от 1 апреля 1856 г.

⁶³ Davison R. H. Ottoman Diplomacy at the Congress of Paris (1856), с. 584.

⁶⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1856, д. 147, л. 12—13. Бруннов — Нессельроде, 7 (19) февраля.

⁶⁵ Там же, л. 24—24об. Частичное изложение беседы Ф. И. Бруннова с Кларендоном см.: Тарле Е. В. Крымская война. Т. 2, с. 561.

⁶⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1856, д. 147, л. 25—25об. В работе Е. В. Тарле эта часть беседы отсутствует.

⁶⁷ Там же, л. 25об.—26об.

⁶⁸ После завершения работы Парижского конгресса Д. Кларендон принял уверять А. Ф. Орлова, а Г. Пальмерстон Ф. И. Бруннова, что они не имели ровным счетом никаких «видов» в отношении принадлежавшего России восточного побережья Черного моря [АВПР, ф. Канцелярия, 1856, д. 148, л. 410—411. Бруннов — Горчакову, 11 (23) мая].

⁶⁹ Инструкции А. Ф. Орлову опубликованы [см.: К истории Парижского мира 1856 г.—Красный архив. М., 1936, т. 2 (№ 75), с. 13—18, 25—27].

⁷⁰ Проблема возвращения Карса показала, сколь глубоки были расхождения в стане союзников в отношении турецких территорий. Сдавшийся русским войскам после упорного сопротивления, стоившего многих тысяч жизней русским и турецким солдатам, Карс, судьба которого объективно должна была решаться двумя державами — Россией и Турцией, стал объектом политических комбинаций Англии, Австрии, Франции и даже Сардинии. В конечном счете Карс был возвращен Турции вне компенсационных комбинаций. В свою очередь, Али-паша не проявил настойчивости при разграничении в Бессарабии, когда был принят не австро-турецкий, а французский проект изменения пограничной линии.

⁷¹ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 276, л. 129. Протоколы и материалы конгресса. См. также протокол № 3 общего заседания конгресса (La Bédollière E. de. Le Congrès de Paris, с. 79—80).

⁷² Temperley H. The Treaty of Paris of 1856 and Its Execution.—The Journal of Modern History. Vol. 4. L., 1932, с. 404.

⁷³ Temperley H. Austria, England and the Ultimatum to Russia 16 dec. 1855.—Wirtschaft und Kultur. Festschrift zum Geburtstag von Alfons Dopsch. Baden — Wien, 1938, с. 636—637.

⁷⁴ Тарле Е. В. Крымская война. Т. 2, с. 571.

⁷⁵ Изложение инструкций А. Ф. Орлову см.: Тарле Е. В. Крымская война. Т. 2, с. 554—557. Сам А. Ф. Орлов писал: «Вопрос о религиозных и

политических привилегиях христианского населения представляет для нас не только важнейший интерес, но и, смею добавить, является нашим первейшим долгом» [Красный архив. М., 1936, т. 2 (75), с. 37].

⁷⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1856, л. 147, л. 90об. Орлов — Нессельроде, 19 февраля.

⁷⁷ На разоружение Анладских островов А. Ф. Орлов согласился, не вступая в дискуссию и лишь подчеркнув, что укрепления Бомарзунда неудачны с точки зрения инженерного искусства (см.: Протоколы заседания от 1 марта 1856 г.).

⁷⁸ В турецкой историографии статья о нейтралитете Черного моря нередко считается самой важной статьей Парижского мирного договора 1856 г., а деятельность Али-паши и Джемиль-бея в этом направлении преувеличенно рассматривается как ключевая в работе всего конгресса (Öztuna T. Y. Başlangıcından zamanımıza kadar Türkiye tarihi. С. 12. İstanbul, 1967, с. 20).

⁷⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1856, д. 148, л. 2, 8. Дешеш Орлова от 2 (14) и 7 (19) марта.

⁸⁰ Kurat A. N. Türkiye ve Rusya. XVIII yüzyıl sonundan kurtuluş savaşına kadar türk-rus ilişkileri 1798—1919. Ankara, 1970, с. 74; Öztuna T. Y. Başlangıcından zamanımıza kadar Türkiye tarihi. С. 12, с. 20—21.

⁸¹ Kurşat C. Akdeniz üzerinde çıkar mücadelesi ve Türkiye.— Belgelerle türk tarih dergisi. 1969, № 26, с. 36.

⁸² Там же; Karal E. Z. Osmanlı tarihi. С. 5, с. 244.

⁸³ АВПР, ф. Канцелярия, 1855, д. 57, л. 180—189.

⁸⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1855, л. 92—92об. Инструкция А. М. Горчакову.

⁸⁵ Baumgart W. Die Friede von Paris 1856, с. 149.

⁸⁶ Тарле Е. В. Крымская война. Т. 2, с. 579.

⁸⁷ Öztuna T. Y. Başlangıcından zamanımıza kadar Türkiye tarihi. С. 12, с. 21.

⁸⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1856, д. 148, л. 139—139об. Осторожная, вкрадчивая манера поведения болезненного на вид, невысокого ростом Али-паши, уклончивые высказывания часто пропущавшего заседания из-за приступов мигрени Джемиль-бея, наконец, бесконечные отсрочки в решениях для консультаций с Портой, к которым постоянно прибегали турецкие представители,— все это весьма раздражало вальяжного и решительного графа А. Ф. Орлова, в свои 70 лет сохранившего выправку кавалергарда. Ему сомнения и колебания в образе действий были столь же неведомы, как весенняя слабость и недомогания, одолевавшие турок в Париже. Язывательная реплика А. Ф. Орлова, взбешенного очередной отсрочкой, что «оттоманские уполномоченные обретаются в таком ничтожестве, которое внушает чувство сострадания», повторялась, скрывая реальное положение вещей, на страницах некоторых работ (см.: Тарле Е. В. Крымская война. Т. 2, с. 387; Новичев А. Д. История Турции. Т. 4, с. 76 [со ссылкой на Е. В. Тарле]).

⁸⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1856, д. 47, л. 166—169.

⁹⁰ Там же, л. 168—169.

⁹¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1859, д. 147, л. 198—199. Главный довод Англи заключался в том, что корабль, имеющий в длину по ватерлинии 50 м, равен фрегату водоизмещением 800 т, при длине 65 м — линейному паровому кораблю водоизмещением 1200 т. Следовательно, эскадра России, как заявлял Редклиф, сможет появиться у Босфора в течение 48 часов, а потому надлежало бы оставить в распоряжении России (и Турции) по шесть допотопных парусных корветов. «Не заслуживающей серьезного внимания» назвал западногерманский историк У. Баумгарт эту острую и политически столь ярко целенаправленную дискуссию о составе и боевом качестве эскадр (Baumgart W. Der Friede von Paris 1856, с. 150). Обходили этот вопрос и другие европейские и американские исследователи [см., например: Davison R. H. Ottoman Diplomacy at the Congress of Paris (1856), с. 581—583].

⁹² Noradounghian G. Recueil d'actes internationaux de l'Empire Ottoman. Vol. 3, с. 82—83; La Bédollière E. de. Le Congrès de Paris, с. 65 (протокол № 10, прил.).

⁹³ Kağal E. Z. Osmanlı tarihi. С. 5, с. 244.

⁹⁴ Княгина Н. С. Внешняя политика России второй половины XIX в. М., 1974, с. 89—103.

⁹⁵ Вопрос о Дунайских княжествах на Парижском конгрессе освещен В. Н. Виноградовым (Виноградов В. Н. Россия и объединение румынских княжеств, с. 87—97).

⁹⁶ Baumgart W. Der Friede von Paris 1856, с. 152.

⁹⁷ Там же, с. 153.

⁹⁸ См., например: Виноградов В. Н. Россия и объединение румынских княжеств, с. 87; Marcelli Um. Cavour diplomatico (Dal congresso di Parigi a Villafranca). Bollogna, 1961, с. 184—193.

⁹⁹ Thouvenel L. Trois années de la Question d'Orient 1856—1859. D'après les papiers inédits de M. Thouvenel. Ed.-A. P., 1897, с. 6—7.

¹⁰⁰ Цит. по: Baumgart W. Der Friede von Paris 1856, с. 162.

¹⁰¹ Fitzmorice E. The Life of Granville George Leveson Gower, Second Earl Granville K. G. 1815—1891. Vol. 1. London—New York—Bombey, 1905, с. 172.

¹⁰² АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 276, л. 119об. Краткое резюме выступления Али-паши в опубликованных протоколах сводится к требованию прекратить протекторат России в княжествах (см.: La Bédoulière E. de. Le Congrès de Paris, с. 58—59).

¹⁰³ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 276, л. 153—156.

¹⁰⁴ Выступление Али-паши в своей депеше от 11 марта 1856 г. изложил А. Ф. Орлов (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 147, л. 134об.). Во второй половине марта Али-паша безуспешно пытался включить в статьи о Дунайских княжествах пункты о совместной обороне силами Турции и княжеств, более точно указывая на предварительное согласование действий западных держав с Турцией (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 276, л. 178—178об. Протоколы и материалы конгресса).

¹⁰⁵ Там же, л. 168. Протоколы и материалы конгресса.

¹⁰⁶ К.-Б. Кавур в переписке с послом в Лондоне откровенно призывал «овосточивать», насколько это возможно, политику Австрии через соответствующее давление на Г. Пальмерстона (см.: Cavour e l'Inghilterra. Carteggio con V. E. d'Azeglio. Vol. 1. Il congresso di Parigi. Bologna, [1961], с. 285).

¹⁰⁷ Baumgart W. Der Friede von Paris 1856, с. 166.

¹⁰⁸ Экономические аспекты проблемы изучаются историками СФРЮ Д. Милич, П. Петровичем и М. Ванку (см.: Пловидба на Дунаву и његовим притокама кроз векове. Београд, 1983, с. 36—37, 313—327, 342).

Материалы о работе по подготовке Дунайской комиссии см.: ЦГАВМФ, ф. Канцелярия Морского Министерства, оп. 2, д. 1409. (О предложениях членов Европейской комиссии в Галаце по судоходству), л. 3—3об.

¹⁰⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1856, д. 43, л. 55—56, 68—72. Делеши Бутенева Горчакову.

¹¹⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1856, д. 148, л. 62. Депеша А. Ф. Орлова, 9 (21) марта.

¹¹¹ Не позднее 20 марта 1856 г. состоялась очередная приватная встреча Али-паши с А. Ф. Орловым. Были подвергнуты детальному обсуждению варианты вывода англо-французских войск, сводившиеся к позатпности и крайней замедленности очищения собственно турецких земель от союзных войск, которые вели себя как настоящие оккупанты. Али-паша ознакомил А. Ф. Орлова с телеграммой-депешей султана, настаивавшего на выводе всех союзных войск из Стамбула не позднее 40 дней после подписания мирного договора, и получил его заверения о полном понимании и поддержке (там же, л. 247—248. Изложение беседы в депеше Орлова).

¹¹² Там же, л. 45—52.

¹¹³ Там же, л. 96—96об. Орлов—Нессельроде, 20 марта/1 апреля 1856 г. Копии проектов приложены.

¹¹⁴ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 148, л. 195об. Протоколы и материалы конгресса.

¹¹⁵ Там же, л. 185—195об.; Davison R. H. *Ottoman Diplomacy at the Congress of Paris (1856)*, с. 584—585.

¹¹⁶ К. Буоль, К. Кавур и представитель Пруссии О. Мантейфель в самых резких выражениях обрушились на анархию в толковании принципов торгового законодательства в Османской империи, многочисленность торговых договоров и требовали общего соглашения в рамках мирного трактата о статусе иностранцев, торговавших в Турции, и унификации торговых договоров. А. Ф. Орлов сослался на отсутствие полномочий по этим вопросам.

¹¹⁷ АВГР, ф. Посольство в Константинополе, д. 148, л. 199—200.

¹¹⁸ Там же, л. 200 об.

¹¹⁹ Текст договора см.: Красный архив. 1936, т. 2 (75), с. 55—56; No-radounghian G. *Recueil d'actes internationaux de l'Empire Ottoman*. Vol. 3, с. 88—89.

¹²⁰ Öztuna T. *Y. Başlangıcından zamanımıza kadar Türkiye tarihi*. С. 12, с. 21; Kurat A. N. *Türkiye ve Rusya*, с. 74.

¹²¹ Маркс К. *Русская дипломатия*.—Синяя книга по Восточному вопросу.—Черногория.—Т. 10, с. 63.

Об итогах Крымской войны 1853—1856 гг. для Турции см.: Нови-чев А. Д. *История Турции*. Т. 4, с. 78—81.

SUMMARY

V. I. Sheremet's monograph, *The Ottoman Empire and Western Europe (19th Century)*, examines features and adverse effects of Ottoman empire's involvement in the shaping international division of labour as capitalism's periphery and analyzes the empire's drive for an independent foreign policy and equal participation in world affairs. The book exposes the historical roots of imperialism's policy in the Middle East and shows rivalry among great powers for influence over the empire's socio-economic development.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I	
Социально-экономические сдвиги в Османской империи в 30—50-х годах XIX в. и интересы западноевропейских держав	17
Европейские рынки и развитие сельского хозяйства Османской империи	17
Влияние внешнего рынка на добывающее и обрабатывающее производство	34
Глава II	
Основные тенденции внешней торговли Османской империи	49
Торговля с Францией	51
Особенности торговых отношений с Австрией и Англией	61
Глава III	
Капитуляционный режим и договоры о торговле и судоходстве 1838—1856 гг.	82
Фритредерские соглашения Османской империи с европейскими государствами	82
Кодификация капитуляционного режима	101
Глава IV	
Османская империя и обострение Восточного вопроса в 1849—1852 гг.	119
Османская империя и революция 1848—1849 гг. в Юго-Восточной Европе	119
Османская империя и военная тревога 1849 г.	139
Начало восточного кризиса 50-х годов	152
Глава V	
Османская империя и западные державы в годы Крымской войны (1853—1856)	171
Начало войны и позиция западных держав	171
Заключение союзных договоров с западными державами. Первый заем	200
Османская империя в составе Крымской коалиции. Второй заем	214
Глава VI	
Турецкая дипломатия в период подготовки и заключения Парижского мирного договора 1856 г.	228
Турецкий вопрос на конференции союзных держав в Вене и Стамбуле	228
Деятельность турецкой делегации на Парижском конгрессе	242
Заклучение	260
Примечания	268
Summary	309

Виталий Иванович Шеремет
ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА
вторая треть XIX в.

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор М. И. Штемпель
Младший редактор Л. А. Добродеева
Художник А. Н. Жданов
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор Г. А. Никитина
Корректор Р. Ш. Чемерис

ИБ № 15381

Сдано в набор 27.08.85. Подписано к печати 05.02.86. А-03649. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 19,5. Усл. кр.-отт. 19,88. Уч.-изд. л. 23,1. Тираж 1750 экз. Изд. № 5960. Зак. № 366. Цена 3 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

Набрано в Московской типографии № 13
ПО «Периодика» ВО «Союзполиграф-
пром» Государственного комитета СССР
по делам издательства, полиграфии и
книжной торговли

107005, Москва Б-5, Денисовский пер., 30

Отпечатано в 3-й типографии издательства
«Наука»

107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

**ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ

**Петросян Ю. А. Древний город на берегах
Босфора: (Исторические очерки). 16 л.**

История одного из древнейших городов мира — Византия (позднее Константинополь, а ныне Стамбул). На фоне исторической судьбы города в живой и увлекательной форме рассказывается о его политической и культурной жизни, о народных движениях в разные исторические эпохи; на основе личных впечатлений автор рассказывает о современном Стамбуле. Книга иллюстрирована.

**ЗАКАЗЫ НА КНИГУ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ
КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГА», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ:
117192. МОСКВА В-192. МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГА-
ЗИН № 3 «КНИГА — ПОЧТОЙ» «АКАДЕМКНИГА».**

3 р. 50 к.

154

37932